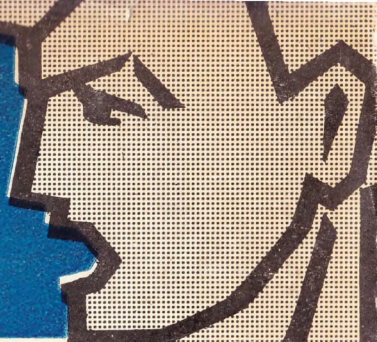
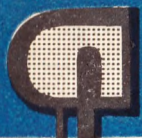

Э. СВАДОСТ

Э. СВАДОСТ

КАК ВОЗНИКНЕТ ВСЕОБЩИЙ ЯЗЫК?

**КАК
ВОЗНИКНЕТ
ВСЕОБЩИЙ
ЯЗЫК?**

Э.СВАДОСТ • КАК ВОЗНИКНЕТ ВСЕОБЩИЙ ЯЗЫК ?

Э.СВАДОСТ

**КАК
ВОЗНИКНЕТ
ВСЕОБЩИЙ
ЯЗЫК ?**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Э. СВАДОСТ

КАК ВОЗНИКНЕТ ВСЕОБЩИЙ ЯЗЫК?

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1968

Идея общего языка всех народов, выдвинутая ходом общественного развития, занимает людей уже много столетий. Изложив четырехвековую историю попыток решить эту научную и социальную проблему без участия самих народов, автор показывает, почему она не может быть правильно решена в условиях капитализма. Когда и как возникнет общий язык человечества? Каким он может и должен быть? На эти и многие другие важные и сложные вопросы, связанные с проблемой языкового общения, автор предлагает развернутые ответы.

Книга рассчитана на широкие круги читателей, на работников науки, искусства, литературы, печати.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

доктор филологических наук профессор Е. А. БОКАРЁВ,
член-корреспондент АН СССР М. Д. КАММАРИ,
доктор философских наук профессор А. Г. СПИРКИН

В данной книге на обширном конкретном материале показано, что всеобщий язык как второй язык всех народов мира стал насущной жизненной потребностью нашего времени. Между тем эта проблема с учетом и близкой и дальней перспективы или совсем не рассматривалась в нашей литературе или затрагивалась вскользь в самых общих выражениях. Нередко еще приходится встречаться и с предубеждениями против идеи сознательно созданного языка нового типа и новых функций как против искусственного и потому якобы нежизнеспособного.

Необоснованное отрицание этой веками развивавшейся идеи ведет скептиков к признанию стихийности в языковом развитии общества единственным исторически закономерным процессом даже и в будущем. Автор данной книги доказывает несостоятельность подобных взглядов. Он утверждает, что общечеловеческий язык может возникнуть не как итог развития существующих языков, а только наряду с ними в результате организованного в широком международном масштабе многоколлективного и массового научного языкотворчества при наличии соответствующей теории.

В книге развивается идея о том, что всеобщий язык начнет свое существование как вспомогательный, побочный, постепенно станет на длительный исторический период основным языком нового человечества, а в конце концов может перерасти и в единый общечеловеческий. Такую возможность автор связывает с качествами самого языка как относительно совершенного синтеза языков всего мира, включая языки-проекты, и возможностью его дальнейшего контролируемого развития, а также с торжеством идей научного коммунизма. Наряду с малоизвестным фактическим материалом читатели найдут в книге немало новых мыслей и обобщений, а также критических суждений. Спорность того или иного содержащегося в ней утверждения, острота и категоричность отдельных авторских формулировок на данном этапе разработки проблемы могут содействовать оживленности обсуждения рассмотренного в трактате комплекса еще не разработанных вопросов.

Надо отметить, что двое из трех ответственных редакторов данной книги расходятся в оценке некоторых положений автора.

У Е. А. Бокарева прежде всего вызывает возражение одно из основных положений автора — тезис о том, что уже теперь следует ставить вопрос о создании такого всеобщего языка, который из вспомогательного перерос бы в основной язык грядущего бесклассового человечества, а затем мог бы перерасти и в его единый язык. Такая возможность не исключается, но процесс образования единого общечеловеческого языка — дело еще очень отдаленного будущего, и мы не в состоянии представить его во всей конкретности. В настоящее время можно поэтому ставить вопрос лишь о вспомогательном языке международного общения, не предвещая вопроса о его дальнейшей и конечной судьбе.

Работа написана в основном в планах историческом, социологическом, философском. Лингвистической стороне проблемы в ней уделяется гораздо меньше внимания. Эпизодические суждения автора о качествах языка будущего не вытекают из анализа типологии существующих языков и проектов международного языка. Некоторые из этих проектов неоднократно подвергались сравнительной оценке, соответствующая литература могла бы найти отражение в данной монографии.

Е. А. Бокарев считает малопонятной антиэсперантскую направленность книги. Говоря об Эсперанто, автор обычно пользуется отрицательными характеристиками. Но ведь Эсперанто — единственный из проектов международного языка, получивший относительно широкое распространение и некоторое практическое применение; к тому же он обладает — по сравнению со многими подобными проектами — несомненными лингвистическими достоинствами. По мнению Е. А. Бокарева, работа Э. П. Сवादоста много выиграла бы, будь в ней объективно изложены основы, на которых построен этот язык, а также история и современное состояние эсперантского движения.

Соглашаясь с критикой Эсперанто, М. Д. Каммари усматривал спорную и вместе с тем слабую сторону концепции автора в другом — в отношении к такому в принципе возможному пути возникновения всемирного, всеобщего языка, как выделение в качестве такового одного из существующих национальных, уже выполняющих более или менее широко функции интернационального, международного средства общения. Почему народы, освобожденные от национального и колониального гнета, не могли бы сделать — пусть хотя бы на ближайший исторический период — один из национальных языков средством своего интернационального общения? Отрицая целесообразность этого, автор, по мнению М. Д. Каммари, впадает в односторонность: считает единственным путем научного решения проблемы всеобщего языка только тот, который выдвигает сам.

Этот путь можно признать в принципе, но лишь как один из двух возможных, полагал М. Д. Каммари. Он задавался вопросами — реально ли то, что предлагается в книге, — можно ли в результате научного языкотворчества, организованного в самом широком международном масштабе, создать язык, неизмеримо превосходящий по своим качествам Эсперанто и ему подобные индивидуальные проекты и вместе с тем обладающий преимуществами перед в основном стихийно сложившимися языками?.. Почему бы нам не дерзнуть? Польза может получиться большая! Только, указывал М. Д. Каммари, это дело надо организовать так, чтобы создание языка общения и связи всех трудящихся, говорящих на разных языках, не противопоставлялось ни дальнейшему развитию национальных языков, а где нужно и формированию новых таких литературных языков, ни ближайшей реальной перспективе — выделению и распространению зональных языков социалистических наций, этому закономерному историческому процессу, вполне прогрессивному, а может быть, и выделению одного из них на роль всемирного — до более радикального решения проблемы.

Считаясь с указанным процессом и с указанной возможностью, мы вовсе не должны, утверждал М. Д. Каммари, отказываться от поисков более прогрессивных форм языкового общения в масштабе всемирном в качестве более отдаленной перспективы: это вполне в духе научного коммунизма.

Расходясь в оценке некоторых положений книги Э. Сवादоста, ответственные редакторы сходятся в положительной оценке его труда, открывающего перед читателями малоисследованную область истории мировой духовной культуры и общественной мысли.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О понятном всем языке люди мечтали испокон веков — вероятно с тех незапамятных времен, когда не понимавшие друг друга роды, племена и народности начали общаться. Нашим далеким предкам разноязычье казалось проклятьем злых сил, тяжким наказанием разгневанных богов, как о том рассказывают древнейшие сказанья и легенды. Одна из них — легенда о Вавилонском столпотворении — получила известность во всем мире и нередко вспоминается в наши дни, когда великое множество языков и наречий, дошедших до нас из далекого прошлого, создают огромные и все возрастающие трудности и неудобства для человечества в его движении вперед.

Возникла эта легенда за много столетий до того мифами окутанного времени, с какого ведется христианское летосчисление. В столице Вавилонского царства, тогда крупнейшем городе мира, особенно на ее многолюдных базарах, звучали языки и наречия всех окрестных областей и стран. В пригороде Вавилона Борсипе высилась громада недостроенной башни — строительное чудо той эпохи. Она-то, по всей вероятности, и послужила поводом для возникновения сказания о том, что некогда говорившие на одном языке люди возгордились и бросили вызов богу — решили построить башню до самого неба. Бог же (вероятно, то был либо чтимый борсипянами Набу, либо вавилонский Мардук), дабы помешать этому и покарать людей за дерзание, раздробил их речь, их язык на множество языков, и они уже не могли делать что-либо сообща, не достроили своего небоскреба. Сказание об этом вошло в Библию, во вторую главу книги Бытия, где признается та огромная сила, какую может дать людям общий язык: «...У них у всех один язык, — рассудил бог, в Библии это Ягве (Ягова), — и все, что они захотят сделать, будет для них возможно».

Отсутствие общего языка ослабляет силы людей — такова родившаяся еще на заре цивилизации народная мудрость. Древние персы верили, что многоязычный род человеческий доживет до земного царства бога Ормузда, «и тогда люди будут счастливы,

вся земля станет одной страной, и будет лишь один язык, одни для всех законы и одно правительство...»^{1а *}

В анналах истории запечатлелись мечты мыслителей античной эпохи и средневековья об общем языке жителей всех стран и попытки создать хотя бы всеобщую письменность, всеобщий алфавит. Но лишь с возникновением капитализма и буржуазных наций, с развитием мореплавания и международной торговли, с началом заката латыни идея общего языка всех народов и прежде всего всех ученых встала в ряд важнейших проблем науки, освобождавшейся от пут религиозной схоластики. История проблемы всеобщего языка начата плеядой замечательных ученых XVII века, среди которых были гениальные умы — Декарт, Коменский, Ньютон, Лейбниц.

Проблематичный универсальный язык это целая полоса в развитии мировой научной мысли на протяжении ряда столетий и обширная область знания и деятельности современного нам мира, которая может заинтересовать не только лингвистов и логиков, социологов и философов, но и работников самых различных наук, сталкивающихся с терминологической проблемой.

Необходимость преодоления многоязычья бурно развивающейся науки, рост числа и массовости международных конгрессов и всякого рода иных мероприятий, где встречаются люди, не имеющие общего языка, заграничные командировки специалистов и работа их на чужеземных стройках, подготовка научно-технических кадров развивающихся стран, рост международного туризма, международный обмен литературой и документацией, распространение радио и телевидения — все это и многое другое делает проблему единого международного средства общения актуальной. Никакие переводы и переводчики, никакие технические приспособления не могут и никогда не смогут заменить живой язык, всем понятный, пусть хотя бы и второй для всех.

Уже в условиях современного капитализма проблема международного языка привлекает к себе все более широкий интерес. Об этом свидетельствуют: эсперантское движение, которое в 1954 г. дало о себе знать петицией в Организацию Объединенных Наций от имени 16,5 млн. человек 78 стран; неоднократные дискуссии по этой проблеме в Организации Объединенных Наций по образованию, науке и культуре — ЮНЕСКО (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation), где еще в 1952 г. был составлен документ 7С-PRG «Доклад по вопросу о международных языках программе ЮНЕСКО»; заинтересованность различных международных организаций в скорейшем решении проблемы международного языка (более 80 международных организаций выразили свое положительное отношение к ней); все новые и новые индиви-

* Буква при индексе отсылает к странице цитированного источника.

дуальные проекты вспомогательного языка, которые публикуются не только в Европе и Америке, но и в Азии; деятельность в США Ассоциации международного вспомогательного языка — IALA (International Auxliary Language Association) — и ее Интерлингва; опросы населения по вопросу о международном языке в Северной Америке и Западной Европе; обсуждения этой проблемы на специальных и общих международных лингвистических конгрессах; посвященные ей статьи и книги, публикуемые на Западе, и т. д. Эти опросы и обсуждения, статьи и книги показывают, что идея искусственного международного языка уже мало кого отпугивает.

В начале 1965 г. в парламенте Швеции депутаты Эйнар Даль и Свен Мелквист высказали пожелание, чтобы Организация Объединенных Наций избрала научный комитет для беспристрастного изучения возможности создания в наше время международного языка наряду с языками народными, национальными. 10 марта 1965 г. обе палаты парламента Швеции единогласно поддержали выдвинутую двумя депутатами идею. Вскоре после этого шведское правительство обратилось в ЮНЕСКО с предложением начать научное изучение вопроса о международном языке².

В июле 1965 г. этот вопрос обсуждался на совещании скандинавских стран по вопросам культурного сотрудничества, где встретил такое же положительное отношение к себе, а затем с тем же успехом и в парламентах и правительствах ряда стран. Норвегия, Дания, Финляндия, Уругвай, Югославия поддержали инициативу Швеции. Три последние из названных стран к началу 1966 г. уже направили в ЮНЕСКО свои обращения. Инициаторы этого дела выразили надежду, что им удастся привлечь к нему парламенты и правительства также других стран.

В 1964 г. в Венгерской академии наук с докладом «Сходства и различия научно-технических языков» выступил проф. И. Кохара, в результате чего было принято решение о создании комиссии для проведения теоретических изысканий; эта комиссия должна установить целесообразность и возможность введения в повсеместное изучение и использование одного международного языка с развитой терминологической лексикой, способной обслуживать науку, технику и экономику в их бурном развитии.

Нигилистический скептицизм в отношении создания международного языка становится все более редким. В прошлом эту идею поддерживали отдельные прогрессивно мыслящие ученые, в частности французские просветители, энциклопедисты, социалисты-утописты. В XX в. признание ее реалистичности стало заметно распространяться среди работников науки и культуры всего мира. Авторами первых языков-проектов, созданных из материала живых языков (апостериорных), в XIX в. были священники, врачи, инженеры. В нашем столетии международный язык проектируют (правда, по-прежнему все больше в одиночку) профессиональные лингвисты и филологи, философы-логики и математики.

В начале века в числе наиболее активных деятелей общественного движения за международный язык были такие известные ученые, как логик Луи Кутюра, математики Леопольд Ло и Джузеппе Пеано, химик Вильгельм Оствальд, в большинстве идисты — сторонники Идо, языка-проекта, созданного филологом Луи де Бофроном на основе проекта д-ра Л. Л. Заменгофа, при участии других ученых. Тогда же была сделана попытка привлечь к этому делу международную общественность. Среди ученых и общественных деятелей наших дней, высказывающихся за необходимость создания языка международного общения, — Джон Бернал. Не остались равнодушными к этой проблеме и некоторые крупные советские ученые, начиная с К. Э. Циолковского и А. Е. Ферсмана.

В числе сторонников идеи искусственного, т. е. сознательно созданного, международного, языка — крупнейшие лингвисты: Г. Шухардт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. Мейе, М. Коэн, Э. Сепир, О. Есперсен и многие другие. Один только проф. Отто Есперсен опубликовал по вопросам международного языка свыше 60 работ и разработал свой интерлингвистический проект. Из советских лингвистов видным интерлингвистом-идистом был Н. В. Юшманов, тоже автор подобного проекта. Не чужды интерлингвистике (лингвистике, занимающейся проблематикой всемирного интернационального, международного языка) основоположники различных направлений структурализма, в их числе Н. С. Трубецкой, а также многие лингвисты, работающие над проблемой языка-посредника для машинного перевода.

Идею сознательно созданного международного языка поддерживали и многие всемирно известные художники слова, писатели: в России — Лев Толстой, Максим Горький, Илья Эренбург, на Западе — Анри Барбюс, Герберт Уэллс, Бернард Шоу; сторонниками ее были и Ромен Роллан, Эптон Синклер, на Востоке — Лу Синь. Толстой еще в 1894 г. писал, что для того, чтобы международный язык стал по-настоящему всемирным, чтобы он мог соединять и народы Азии, Африки, нужно создать язык иной, чем прозападный Эсперанто. К созданию такого языка в 20-х годах призывал Горький.

* * *

В последнее время в среде советских философов, социологов, лингвистов, а также ученых других специальностей заметно возрождение интереса к проблеме всеобщего языка. В октябре 1963 г. на заседании Президиума Академии наук СССР член-корреспондент М. Д. Каммари назвал проблему всеобщего языка весьма актуальной и жизненной и признал, что наши ученые в разработке ее «запоздали по крайней мере лет на двадцать, если не больше»³. В сборнике статей Института философии АН СССР «От социа-

лизма к коммунизму» (1962) он писал о вполне реальной перспективе создания всеобщего языка: вопрос о создании общего языка всех народов выдвигается «всем ходом развития мировой системы социализма, и он несомненно будет решен на основе последовательного применения принципов пролетарского интернационализма» ⁴.

В материалах к лекциям «Научный коммунизм», составленных коллективом авторов и недавно (1965) выпущенных Издательством политической литературы, высказывается двойственная концепция «либо — либо» (ее разделял и М. Д. Каммари): либо один из национальных языков постепенно станет общим для всех наций, все более расширяя интернациональный фонд своей лексики, либо всеобщим станет совершенно новый язык, созданный на научной основе. Весьма знаменательно признание, высказанное в одной из этих лекций: «Научный синтез всего ценного, что имеется в существующих языках, нельзя считать утопией...» ⁵

В коллективном труде «О коммунизме», выпущенном Политиздатом, член-корреспондент АН СССР историк М. П. Ким пишет: «Проблема единой формы будущей коммунистической культуры это в конечном итоге проблема единого для всех языка. Не станет ли им какой-нибудь из современных национальных языков? Дать определенный ответ на этот вопрос сейчас невозможно. Вернее всего... человечество... выработает новый язык, который вберет в себя самые совершенные качества современных национальных языков» ⁶.

На страницах журнала «Коммунист» член-корреспондент АН СССР Б. Г. Гафуров отмечал пробуждающийся в Советском Союзе интерес к проблеме языка коммунизма: «В связи с переходом от социализма к коммунизму нас не может не интересовать вопрос о дальнейшем сближении социалистических наций в СССР, а также проблема будущего слияния наций и образования единого языка» ⁷.

В одном из номеров журнала «Коммунист» за 1965 г. помещена статья Ю. Д. Дешериева, М. Д. Каммари и М. А. Меликяна, в которой говорится, что «проблема создания международного вспомогательного языка должна быть решена, исходя из современного состояния и перспектив дальнейшего развития общества, науки и техники. Успешное решение этой проблемы — одна из важнейших задач языкознания» ⁸.

Сотрудничество лингвистов, социологов, философов-логиков и терминоведов, представляющих все области науки и техники, здесь совершенно необходимо. Однако само понятие вспомогательности международного языка требует своего уточнения. Каков объем функций вспомогательного языка? Не будет ли он расширяться в дальнейшем? И если да, то что из этого следует?..

Лингвистов больше интересует проблема вспомогательного языка, чем единого: они не заглядывают слишком далеко впе-

ред. Об этой проблеме в последнее десятилетие писали в своих статьях Е. А. Бокарев и О. С. Ахманова, В. П. Григорьев, упоминали В. В. Иванов и Ю. К. Лекомцев, А. В. Суперанская и другие наши языковеды. Она воспринимается все чаще как актуальная проблема настоящего, тогда как единый общечеловеческий язык — проблема отдаленного будущего, к которой неизвестно когда и как можно будет приступить. Характерно в этом отношении рассуждение члена-корреспондента АН СССР В. А. Аврорина: он уверяет, что «у нас нет никаких объективных данных судить о том, в каких формах будет протекать процесс образования единого языка: будет ли это чем-то вроде спортивных соревнований по олимпийской системе с конечной победой одного из языков, будет ли это постепенное смешение всех или хотя бы нескольких из существующих языков на основе полного равноправия или, наконец, это будет искусственно созданный язык с логически безукоризненной структурой. Решение этих вопросов и даже составление прогнозов в этом отношении — дело отдаленного будущего»⁹.

Авторы некоторых статей и брошюр, в которых затрагивается проблема всеобщего языка, либо упоминают о едином общечеловеческом языке нивесть какого отдаленного будущего, не видя, что в перспективе ближайшего будущего стоит проблема вспомогательного международного языка, либо упоминают о вспомогательном, побочном языке, не видя, что за ним встает проблема основного языка нового человечества, в дальнейшем единого. При этом они полагают, что в наше время начать научно разрабатывать, теоретически решать вопросы всеобщего языка еще рано: будто бы для этого еще нет нужных фактов, достаточных данных. Едва коснувшись проблемы языка нового человечества, они тотчас же отходят от нее со словами, полными неопределенности: «На какой стадии развития коммунизма произойдет этот процесс, покажет будущее»¹⁰. Или: «Каким будет этот язык грядущего коммунистического общества, на какой стадии он сложится, покажет время»¹¹.

Те, кто рассуждают подобным образом, видят только настоящее — многоязычье при отсутствии общечеловеческого языка — и отдаленное будущее — общечеловеческий язык при отсутствии многоязычья. Но ведь между этими двумя противоположными состояниями всемирного общества должен неизбежно лежать весьма длительный исторический период всеобщего двуязычья (на первом этапе — и триязычья там, где уже существует двуязычье).

Всеобщим языком наряду с существующими может стать либо один из национальных по происхождению, либо один из существующих проектов вспомогательного языка, либо научный синтез языков человечества, который требует обстоятельнейших исследований очень большого объема, широкого международного сотрудничества.

Какой из этих трех возможных вариантов следует признать наилучшим, оптимальным? Об этом надо думать, писать, говорить, спорить уже сегодня. Язык будущего есть проблема настоящего: в будущем (быть может, не столь далеко, как это кажется) всеобщий язык перестанет быть проблемой — станет живой реальностью как второй язык всех народов мира. Именно в наши дни проблема всемирного языка может и должна стать объектом плановой научной разработки.

* * *

Настоящая работа представляет собой развитие и конкретизацию тезисов доклада «Проблема всеобщего языка с позиций марксизма-ленинизма», с которыми автору довелось выступить перед лингвистической комиссией Наркомпроса РСФСР весной 1936 г. Понадобились усилия почти всей сознательной жизни для того, чтобы начатый в юности труд довести до конца.

Автор выражает глубокую благодарность доктору филологических наук профессору Е. А. Бокареву за большую помощь в изучении истории проблемы всеобщего языка и за научное редактирование рукописи; благодарен также научным редакторам — члену-корреспонденту АН СССР покойному М. Д. Каммари и доктору философских наук профессору А. Г. Спиркину; признателен рецензентам — докторам философских наук Д. П. Горскому, М. С. Джунусову, П. С. Трофимову, докторам филологических наук Ю. Д. Дешериеву и О. С. Ахмановой, кандидату филологических наук В. П. Григорьеву, доктору географических наук Д. Л. Арманду.

Автор выражает также признательность за помощь и поддержку секторам исторического материализма и научного коммунизма Института философии АН СССР и лично члену-корреспонденту АН СССР Ц. А. Степаняну, Ученому Совету по проблемам исторического материализма и лично доктору философских наук Г. В. Осипову, дирекции Института философии и лично академику Ф. В. Константинову.

Если книга привлечет к проблеме всеобщего языка внимание научной общественности, автор будет считать, что свою основную задачу она выполнила.

Наука и техника в нашем столетии развиваются стремительно. Человеческий гений проник в сокровеннейшие глубины материи и открыл там неисчерпаемый источник энергии фантастической мощности, изобрел сложнейшие машины, заменяющие механическую умственную работу и проделывающие ее в миллионы раз быстрее мозга самого человека, их изобретателя, создал новые материалы, более совершенные, чем за сотни миллионов лет эволюции создала мертвая и живая природа, научился слышать и видеть на любом расстоянии, прорвался в космос, достиг ракетами ближайших космических тел. Земляне уже готовятся послать туда разведчиков и вступить в радиосвязь с предполагаемыми разумными существами неведомых миров на других концах необозримой галактики, разрабатывают сложнейшие системы космического языка.

Не менее изумительны достижения и в общественной жизни мира. Социалистическая революция и социалистическое строительство превратили отсталую Россию в передовой Советский Союз. Многие народы Европы и Азии, а затем и Америки и Африки покончили с эксплуататорским строем и встали на путь свободного развития. Всемирный революционный процесс продолжается, несмотря на все усилия мировой реакции остановить его и повернуть ход истории вспять.

Только языковая действительность мира остается еще нетронутой коренными преобразованиями. Конечно, она не остается совершенно неизменной: многие десятки языков получают письменность, на основе того или иного диалекта разрабатываются нормализованные литературные языки, общеупотребительная лексика повсюду пополняется новыми производными словами, отражающими новые понятия, бурно растет лексика терминологическая, наиболее распространенные национальные языки все больше употребляются как интернациональные средства общения. Но человечество по-прежнему говорит на тех языках, основы которых были заложены в доисторический период, и продолжает

оставаться так же раздробленным в языковом отношении, как столетия и тысячелетия назад.

Можно не сомневаться, что люди, осознавшие свою всепобеждающую творческую силу, с пережиточным многоязычьем, с отсутствием всеобщего языка долго мириться уже не будут, не смогут.

1. ЯЗЫКОВАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ И ВОПРОС О РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ ВСЕМИРНОГО ЯЗЫКА

Буржуазные интерлингвисты Запада предназначают язык, который они называют то вспомогательным международным (интернациональным), то мировым, всемирным, то общим, всеобщим (универсальным), прежде всего и главным образом для буржуазных дельцов и туристов.

Леон Боллак (Bollack) в книге «К интернациональному языку» («Vers la Langue Internationale», 1902) писал: «Практическая цель интернационального языка заключается в следующем: 1) корреспондировать со всем миром и таким образом получать новости без посредства переводчика [traducteur]; 2) циркулировать по всему миру и понимать всех без необходимости в переводчике [interprète]» *¹². Это — на уровне потребностей бизнесменов, время от времени превращающихся в заграничных туристов: вести деловую переписку и развлекаться в путешествиях, не будучи стесненными границами своей страны.

Один из крупнейших интерлингвистов Запада — французский логик Луи Кутюра (Couturat, 1868—1914) придерживался подобного мнения, считая, что вспомогательный международный язык нужен для того, чтобы облегчать общение говорящих на разных языках ученых, промышленников, коммерсантов, туристов...

Вести переписку со всем миром без необходимости в переводчиках и обходиться без них в заграничных поездках — это, конечно, немало. И делают это не только бизнесмены: переписываются — и еще больше будут делать это в будущем — трудящиеся и учащиеся разных стран; им тоже нужен общий язык как для переписки, так и при встречах. Нужен он и для деловых связей всех стран, и связи эти — не только торговые. Но можно ли сводить к этому значение языка, который был бы понятен всем грамотным людям в мире, в будущем — языка в полном смысле всеобщего?

* Цитаты из непереуведенных источников — с английского, французского, немецкого и с Эсперанто — переведены автором. В необходимых случаях в тексте даны минимальные выходные данные (город, год) упоминаемых литературных произведений, чтобы читатель не имел необходимости искать их в перечне литературы.

Проходит десятилетие за десятилетием, а буржуазные интерлингвисты остаются в общем при тех же воззрениях на задачи всемирного интернационально-международного языка. Это — задачи минимальные, суженные, и соответственно минимальные, суженные требования предъявляются и к самому языку международного общения.

Известный американский психолог, занимающийся вопросами интерлингвистики, Э. Л. Торндайк (Thorndike) утверждал, что вспомогательный язык наций нужен в первую очередь ученым, бизнесменам, фабрикантам, дипломатам, миссионерам, иностранным туристам и обслуживающим их гидам, работникам международной связи — телефона и телеграфа, работникам радио, а затем уже всем прочим¹³. Иначе говоря: вспомогательный международный язык нужен, согласно этим воззрениям, не народам, а главным образом буржуазии и ее международному бизнесу.

Название одного из наиболее известных проектов вспомогательного языка, имевшего и еще имеющего некоторое практическое применение, созданного эстонским интерлингвистом Эдгаром де Вале, — Окциденталь (Западный) — говорит само за себя. Крупнейший интерлингвист Отто Есперсен (Jespersen), (1860—1943) писал о де Вале: «Он хотел создать язык для использования в западном мире — без того, чтобы этот язык обслуживал и народы Востока...»^{14а} О народах Азии, Африки, Океании, о коренных жителях Америки и Австралии создатели и сторонники языков-проектов западного типа даже не упоминали. Окциденталью по своему лексическому составу и основному назначению являются и Эсперанто, и различные «эсперантоиды», в частности Идо, и еспереновский Новиаль (ориентирующийся на английский язык), и американский Интерлингва, и почти 99% прочих подобных проектов.

Редко-редко кто из буржуазных интерлингвистов напомнит, как это делал, например, прогрессивный лингвист США Эдуард Сепир, что всеобщий, всемирный язык нужен не только народам Запада, но и не в меньшей, если не в большей, степени народам Востока. Мы сказали бы: всем народам мира.

Андрэ Мартинэ (Martinet), видный французский лингвист, автор «Основ общей лингвистики» («*Éléments de linguistique générale*», Париж, 1960), одно время работавший в США и принимавший участие в разработке Интерлингвы, высказал в статье, напечатанной в американском лингвистическом журнале, такое признание: «Сказать, что только западные [народы] имеют потребность говорить на вспомогательном языке взаимопонимания, было бы неточно. Но не следует забывать, что не эта потребность „туземного“ населения создает желательность какого-нибудь международного языка». Далее Мартинэ рассуждал так: «Общий язык предполагает широкую основу общей цивилизации... Это — та цивилизация, которая успешно оформлена Христианством, Ренессан-

сом и попутными религиозными движениями, Романтизмом, индустриальной Революцией, паровой машиной, газовым двигателем и расщеплением атома. Именно для этой формы цивилизации ныне ведутся изыскания общего языка. И если этот язык должен стать всемирным, то это потому, что эта форма цивилизации имеет тенденцию стать всемирной»¹⁵.

У буржуазных ученых Запада понятие западной цивилизации обычно совпадает с понятием капитализма (как, например, у английского историка-антимарксиста А. Тойнби, автора десяти томного «Исследования истории»¹⁶).

* * *

По данным французской Академии наук, современное человечество говорит почти на трех тысячах языков: в обзоре языков мира под редакцией А. Мейе и М. Коэна описаны 2796 языков¹⁷. Академик Н. Я. Марр считал, что этот обзор охватил лишь примерно половину живых языков, что всего их около пяти тысяч. Большинство их дробится на диалекты, а большинство диалектов — на говоры. Диалектов — десятки тысяч. Наиболее крупные из них называются наречиями. Впрочем, как заметил еще Август Шлейхер, «ни один лингвист не был в состоянии дать удовлетворительное определение языка в противоположность диалекту»¹⁸. Есть такие диалекты одного языка, что люди, говорящие на них, так же мало понимают друг друга, как и говорящие на разных языках.

В Союзе Советских Социалистических Республик, по данным справочника конца 50-х годов «Народы СССР»¹⁹, — 111 наций и народностей, по утверждению некоторых советских лингвистов, — более 130 *²⁰. Согласно переписи населения 1959 г., русский язык считают родным 60% советских граждан. Преподавание в школах Советского Союза осуществляется, помимо русского, еще на 84 языках.

В особенности многоязычен и многодиалектен Кавказ. Н. Я. Марр, процитировав в сочинении «Яфетическая теория» газету «Бакинский рабочий»: «...Дагестан говорит на 6 языках и 33 наречиях, что особенно затрудняет развитие культуры...», — заметил: «Не знаю, что понимает автор под наречием или как он отличает дагестанские наречия от языков. Мне известно, что в Дагестане не менее 39 языков, говорящие на которых не могут общаться...»²¹

Народы Европы, насчитывающие без СССР 425 млн. человек, говорят на 120 языках

В XVI—XVII и последующих веках европейские колонизаторы акклиматизировали в Америке свои языки, в Северной — пре-

* В последнее число включаются и языки издавна обосновавшихся на территории СССР «колоний» зарубежных народов.

имущественно английский и французский, в Центральной и Южной — испанский и португальский. Но преимущественное положение этих языков не устраняет многоязычья населения Западного полушария. Восьмимиллионное население одного только Нью-Йорка говорит на 75 языках. Коренные же племена и народности Америки, долго и беспощадно истреблявшиеся нахлынувшими туда европейцами, говорят на своих языках и наречиях; их более 700, почти все они бесписьменны. Один из исследователей (Ч. Лоукотка) насчитал в Южной Америке 558 языков. Американские туземцы (а их 32 млн. человек), наследники множества самобытных древних культур, представляют собой, по словам Второй гаванской декларации, «печальные первобытные племена, огрубевшие и пришедшие в упадок», живущие «в условиях невероятной отсталости»²².

Этнически пестро большинство стран Азии и Африки, Австралии и Океании.

Язык китайского народа раздроблен на десятки диалектов, диалекты — на говоры. Семь главных диалектов, или наречий, столь друг от друга разнятся, что некоторые лингвисты рассматривают их как родственные языки²³⁻²⁴. Китайцы из разных провинций и крупных городов плохо понимают, а то и вовсе не понимают речь друг друга. Общая для китайцев иероглифическая письменность архаична, чрезвычайно трудна для запоминания и пользования. Учащиеся средних школ за 12 лет обучения в состоянии усвоить — да и то непрочно — 4—5 тыс. иероглифов из 47 тыс., а для чтения периодики и популярной литературы надо знать хотя бы 6—7 тыс. знаков, весьма замысловатых²⁵.

В Лаосе свыше 40%, в Бирме и Таиланде почти 30% населения имеют свои местные языки, отличные от языков, на которых говорит большинство жителей этих стран. Во Вьетнаме — около 70 народностей, говорящих на своих языках и наречиях. Переднюю Азию населяют около 60 разноязычных этнических общностей.

Но особенно многоязычно 500-миллионное население Индии. По данным переписи 1931 г., в этой стране 203 языка. Перепись 1951 г. учитывала и диалекты; число «языковых видов» при этом превысило 700. Официальных языков штатов — 14. На каждом из них говорит не менее 10 млн. человек, на бенгальском, например, — 50 млн. Большинство же индийских языков принадлежит к таким, на которых говорят лишь сотни и десятки тысяч человек. Есть языки и наречия, которыми пользуются лишь немногие тысячи, а то и сотни людей. Зачастую в двух соседних деревнях разговаривают на разных языках. Письменность существует более чем на 30 языках, причем в каждой письменности употребляется свой алфавит.

Многие авторы отмечают исключительную трудность решения проблемы языковой общности индийцев. Некоторые индийские

авторы, как, например Раджагопалахари в книге «Языковая проблема Индии», вышедшей в Калькутте на английском языке ²⁶, ратуют за язык бывшей метрополии, но им владеют лишь несколько процентов населения (по разным источникам — 1 — 3%). Попытка правительства Индии решить проблему общендийского языка путем распространения (прежде всего через школы) хинди (хиндустани) как одного из крупных по числу говорящих индийских языков встретила такое ожесточенное сопротивление в южных частях страны, языки которых не менее значительны, что решение этого вопроса пришлось значительно замедлить.

Индонезия, которую населяет примерно сотня народов, также представляет собой многоязычный конгломерат. Обширная семья австронезийских островов разбросана на островах от Тайваня и Новой Зеландии до Мадагаскара и острова Пасхи. Только в одном ее западном ответвлении их насчитывается до 200. Как и всюду, в стране *девяти тысяч островов* есть языки, какими пользуются многие миллионы людей (например, индонезийский, яванский и др.), и есть наречия небольших селений.

На Филиппинах — около 40 разноязычных этнических общностей и 17 только «главных» языков; официальный тагалог является родным лишь для части населения *.

В Новой Гвинее с двумя миллионами местных жителей — около 400 языков, наречий, диалектов, говоров **, как и в то время, когда ее посетил Миклухо-Маклай. Папуасские языки не имеют письменности. В 1948 г. официальным языком Папуа был объявлен портовой жаргон «пиджин-инглиш».

Известный африканист проф. Жан Жюль Виктор Сюрэ-Каналь (Suret-Canale, Гвинея) в своей книге об Африке пишет: «На Африканском континенте — бесконечное количество этнических групп и языков»; в одной только французской Западной Африке он насчитал 126 «основных языков», не считая диалектов и говоров ²⁸.

В южноафриканском справочнике африканских народов и племен (Иоганнесбург, 1956) перечислены в алфавитном порядке тысячи этнических общностей; на лингвистических картах Африки — тысячи языков и наречий. В справочнике АН СССР «Численность

* Спецкор «Известий» К. Вишневецкий писал недавно в корреспонденции с Филиппин (19 ноября 1966 г.): «Тагалог настолько неразвит и заброшен, что два филиппинца, живущие поблизости, не могут понять друг друга. Огромное количество наречий, которые в идеале могли бы быть объединены на базе общего языка — тагалога, разделяют филиппинское общество как непреодолимые средневековые рвы».

** Есть сведения, что их значительно больше. Эти сведения привел еженедельник «За рубежом» (1964, № 34, стр. 19) из корреспонденции Кейси Уилли («Daily mirror», Сидней): «Коренное население говорит более чем на 750 различных языках и бесчисленных диалектах... Это неизбежно разобщает людей... Одно племя воюет с другим...»

и расселение народов мира», в таблице «Народы Африки», — всего 565 наименований, которые заканчиваются словами: «Другие и неизвестные народы»²⁹.

Ни в одной стране Тропической Африки у населения нет общего языка. Самым распространенным в Восточной Африке, в известной мере здесь международно-междуплеменным, является суахили, который по числу говорящих и более или менее владеющих им как вторым языком (по одним данным — ориентировочно 20—30, по другим — даже 30—40 млн.) входит в первую десятку языков мира.

Трудно создать письменность на одном языке, разработать его литературные нормы — лексические, грамматические, фонетические, орфографические, создать на нем литературу — учебную, включая словари, научную, художественную. Все это требует не только большого творческого труда, но и больших денежных и материальных средств. Для Африки эти трудности возрастают соответственно огромному множеству ее языков и наречий и отсутствию научных кадров и средств.

Конгресс африканских писателей и деятелей искусств, состоявшийся в Париже в марте 1959 г., в своей резолюции по языковому вопросу решительно заявил, что Африка завтрашнего дня, добьющаяся полной независимости и единства, не признает в качестве своего общего ни один из чужеземных национальных языков, принесенных колонизаторами.

Колониализм, изгоняемый из Африки и жадно цепляющийся за нее, оставляет ей свои языки. Зарождающаяся африканская интеллигенция ими пользуется — это языки не только колонизаторов, но и выдающихся наций, их рабочего класса. Но это — не решение языковой проблемы для всего африканского населения. Авторы многочисленных проектов вспомогательного международного языка, сторонники того или иного из этих проектов, в большинстве принадлежавшие к мелкобуржуазной интеллигенции и находившиеся под идейным влиянием либеральной буржуазии, никогда не ставили перед международным языком («универсальным», всеобщим!) цели служить общим языком просвещения тысяч племен и народностей Земли. Характерно это не только для прошлого, но и для настоящего буржуазной интерлингвистики. Это и не удивительно. Ведь «смысл развития культуры, — как говорил М. Горький на I Всесоюзном съезде советских писателей, — никогда не понимался буржуазией как необходимость роста всей массы человечества...»³¹.

Всеобщий язык не должен состоять только из слов, имеющих всеобщее значение, выражающих понятия, бытующие во всех странах. Мир так многообразен по своим историческим традициям, по природным условиям, местным особенностям населения — быту, обычаям, представлениям людей! У разных народов есть слова, которые выражают понятия, выросшие на местной исторической

почве и в местных общественных и природных условиях, и которые в большинстве случаев даже непереводимы. Можно с полным основанием предположить, что эти слова в качестве элементов региональной лексики войдут в общечеловеческий язык, что помимо лексики общеупотребительной он будет располагать лексикой, употребительной лишь по отдельным районам мира — отдельным материкам и островам, отдельным странам и краям. Европейские словари всемирного языка будут по составу частично отличаться от африканских, индийских и проч. Только при этом условии всемирный, всеобщий язык будет всем нациям, народностям и племенам равно близок и дорог, сможет войти не только в международный обиход, но и в жизнь, в быт каждого народа, каждой этнической общности.

2. МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕНИЕ В МНОГОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

Число международных конгрессов и конференций, которые в наше время в некоторых случаях начали называться симпозиумами, форумами или семинарами, в ходе исторического развития человечества быстро увеличивается, и возрастает их представительность, массовость. Если в середине прошлого века в среднем происходило лишь по одному интернациональному конгрессу в год, то в наше время ежегодное число их на всех континентах превышает тысячу.

В прежние времена на таких съездах обходились одним языком; например, на Вестфальской конференции после Тридцатилетней войны (1648) — латинским, на Венском конгрессе (1814—1815), которым закончились наполеоновские войны, — французским. На конгрессах Международного Товарищества Рабочих — Первого Интернационала — пользовались тремя западноевропейскими языками — французским, английским, немецким.

В XX в. языковая проблема международных конгрессов стала во много раз сложнее и острее. Необходимость международного, интернационального языка очень ощутима была, в частности, на конгрессах Коминтерна, например на Втором, как то отмечено в стенограммах его заседаний³³. Основатель японской компартии Сен Катаяма (1859—1933) писал, что он «чувствовал всегда, присутствуя на международных конгрессах, трудности вследствие необходимости перевода речей» и поддерживал идею сознательно созданного интернационального языка³⁴.

На состоявшемся в 1925 г. в Ленинграде банкете по случаю 200-летия Академии наук, на котором присутствовало много иностранных гостей, Михаил Иванович Калинин начал свою речь с оговорки, что он вот «вынужден говорить на языке, который непонятен для многих, здесь присутствующих. К сожалению, еще нет общепринятого языка, понятного всем народам...»³⁵

В том же году М. И. Калинин писал в «Известиях», что часто «главная трудность разговора, конечно, разность языков. Как бы ни были хороши переводчики, все-таки перевод есть перевод, ты не можешь уловить интонации голоса, невольных восклицаний, выражения лица оратора и т. д. Переводчик по-своему делает ударения и, вероятно, очень часто вопреки тебе, в другом месте. С переводчиками очень трудно»³⁶.

Но при отсутствии общего языка без переводчиков общаться и вовсе невозможно. Федор Гладков в рассказе «Осада реки» (1926) описал, как немецкая рабочая делегация посетила в СССР строительство гидростанции. Иностранцы расселись перед председателем профкома Брагиным и парторгом Мироновым:

«Брагин растерянно и мучительно взглянул на Миронова и никак не мог сдержать своего волнения.

— Что мы с ними будем делать без языка? Хоть собакой гавкай. Бормочут, а черт их знает, что бормочут...— И вдруг, приветливо улыбнувшись немцам, он почему-то неестественно громко крикнул, вытянув шею: — Без языка, товарищи, швах! Вот мы и вы — пролетарии, а своего общего языка у нас еще нет — дичь одна. Сидим дураками, уставившись в морды друг друга, и ни взад, ни вперед...»³⁷

Член английского парламента от компартии С. Саклатвала, пионер английского рабочего движения Том Манн и 17 других политических и профсоюзных деятелей Англии опубликовали в 1925 г. в советской печати декларацию о языке Эсперанто, в которой обращали внимание трудящихся первой страны строящегося социализма на то, что «язык это главное орудие, при помощи которого осуществляется сотрудничество людей, и отсутствие общего языка создает для рабочих всего мира прочную преграду на пути к широкому международному сотрудничеству...»³⁸

Видный деятель Советского государства и Коммунистической партии Л. Б. Красин (1870—1926) считал международный язык «одним из условий осуществления братства народов»³⁹.

Крупнейший советский минералог и геохимик академик А. Е. Ферсман (1883—1945) называл разноязычье «одной из главных помех, стоящих на пути к единению трудящихся всех стран. Создать единый язык международного масштаба — значит устранить эту помеху... Создание единого международного языка устранит одно из препятствий к широкому объединению ученых и распространению знаний среди трудовых масс...»⁴¹

Сравнительно недавно переводчикам и участникам международных встреч пришла на помощь техника: в 1926 г. английский ученый проф. Кордон Файнлей (Finelay) изобрел систему для передачи одновременного — синхронного — устного перевода в наушники. Но это техническое новшество отнюдь не решает вопроса о средстве общения разноязычных людей на их съездах. Для каждо-

го такого дорогостоящего мероприятия требуется многочисленный штат секретарей со знанием языков и переводчиков. А число языков, которые надо знать, все растет. На конференции по окончании первой мировой войны в Сан-Франциско, когда была создана Организация Объединенных Наций, пользовались пятью официальными языками, через десять лет после этого на VI сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Монтовидео — восемью, а выступления делегатов Всемирного конгресса за разоружение и мир в Москве (1962) транслировались в зал Кремлевского дворца съездов одновременно на 14 языках; главный же зал Дворца предусмотрительно оборудован для синхронного перевода на 28 языков.

Уже подготовка к участию в международных конгрессах и конференциях осложнена разноязычием. Об этом в своем отраслевом журнале писали географы Д. Л. Арманд, Н. Н. Баранский и С. В. Обручев, отмечавшие, что очень трудно осуществлять переводы подготовленных докладов на английский или французский язык, что эти переводы обходятся авторам докладов очень дорого, а получаются они терминологически и стилистически несовершенными ⁴².

Еще сложнее подготовка самих конгрессов и тем более их проведение. Синхронный устный перевод, транслируемый в зал заседаний, может оказаться сносным, если он сделан заранее и хорошо отредактирован и если докладчик или оратор от этого текста не отстывает. Часто же бывают выступления экспромтом или выступавшие отступают от заготовленного текста. Тогда переводчики попадают в затруднительное положение и их иноязычные пересказы получают зачастую нескладными, сбивчивыми и даже малопонятными.

Замечено, что говорящие на разных языках участники международных съездов мало общаются между собой; они завтракают, обедают, ужинают и проводят досуг обычно группами, говорящими на одном языке. А ведь такого рода неофициальное общение часто имеет, как справедливо отмечают некоторые лингвисты ⁴³, еще большее значение для взаимодействия и успеха дела, чем участие в заседаниях.

А сколько неточностей, искажений, недоразумений бывает при переводе речей! И даже курьезов. Например, на Международной конференции по счетно-вычислительным машинам в Париже переводчики очутились в затруднении, услышав, что русские инженеры в своей работе над счетно-вычислительными машинами наткнулись на «подводные камни». Удивление рассеялось лишь после того, как выяснилось, что русские имели в виду неожиданные трудности. Когда «подводные камни» были переведены на английский язык как «озорные эльфы», американские кибернетики опротестовали этот перевод, предложив свой вариант — *bags* — «мешки».

Некоторые ученые возлагают надежды не на международный язык, а на новую технику перевода. Так, советский профессор А. М. Летов, выступая в Базеле на II конгрессе Международной федерации по автоматическому управлению (1963), высказал свою мечту: дожить до того времени, когда на конгресс ИФАКа соберутся двадцать тысяч участников со всех континентов и языковые трудности общения будут преодолены миниатюрными *радиокomпьютерами*, переводящими каждому на его родной язык все разноязычные речи ⁴⁴.

Очень верно написал по поводу многоязычья международных конгрессов Джон Бернал в своей книге «Мир без войны»: «Электронные устройства для перевода являются лишь временной полумерой. Действительно же нужно выбрать радикально лучшее средство общения, особенно же ныне, когда мир становится действующим научным и экономическим комплексом, в котором вавилонская мешанина языков является ужасающими путами. Поистине дикое зрелище представляет собой множество людей, собравшихся на научную конференцию, которые совершенно одинаково одеты, одинаково выглядят, охватывают... своими мыслями и познаниями... тождественные области знания и все-таки абсолютно не способны общаться между собой и нуждаются в услугах переводчика». Дж. Бернал указывает, что изобретение и совершенствование способов записи и воспроизведения человеческого голоса делают проблему всеобщего языка еще более настоятельной: «Нам не обойтись без планов, направленных на создание всеобщего языка» ⁴⁵.

Ныне все земные расстояния сократились. Маршруты, требовавшие в прошлом годы, затем месяцы, недели, дни, укладываются теперь в часы, а будут укладываться в минуты. Современные средства связи связывают все части планеты, перенося в секунды и доли секунды информацию.

Вся современная техническая цивилизация пришла в резкое противоречие с многоязычьем земного населения, с отсутствием общего языка всей планеты.

Советский Союз — первая страна, создавшая гражданскую ракетную авиацию. Авиалинии перекинули связи из Страны Советов в более чем 30 стран мира. И вместе с тем участились личные контакты разноязычных людей, а с ними — и языковые затруднения. В 1963 г. в первом же выступлении перед москвичами на Красной площади Фидель Кастро не без сожаления заметил, что выступает перед аудиторией, языка которой не знает и которая не знает его языка. Вернувшись домой, рассказывая по кубинскому радио и телевидению о своей поездке в СССР, Кастро упомянул о «трудностях с языком», о вынужденности разговаривать через переводчика, а ведь испанский и русский — языки такие разные: «Некоторые фразы на одном языке получаются более длинными, чем на другом. Да и конструкция фраз совершенно разная» ⁴⁶.

А ведь так происходят и все встречи говорящих на разных языках. Прямой, непосредственный диалог между ними невозможен! Это не может не вызывать чувства большой досады.

Конечно, все получающие среднее и высшее образование изучают тот или иной иностранный язык. Но в этом ли выход из тупика многоязычья?.. Когда в Германскую Демократическую Республику на празднование 10-летия журнала «Ойленшпигель» съехались гости из всех соседних стран, на каждого из участников торжеств по среднеарифметическому расчету приходилось по полтора языка, как о том рассказал член советской делегации Семен Нариньяни. А для того, чтобы завести среди них знакомства, чтобы поговорить с ними, нужно было свободно изъясняться по крайней мере на дюжине языков. Как же беседовали товарищи по профессии? «Мы жестикулировали больше, чем говорили, — вспоминал С. Д. Нариньяни. — Беседа, несмотря на энергичную жестикуляцию, часто заходила в тупик...»⁴⁷

А вот как происходила встреча писателей пяти стран, описанная в «Литературной газете» индийским писателем Балвантом Гарги. Ее участники за общим столом с воодушевлением произносили речи и тосты, переводчики громким шепотом пересказывали их (вероятно, мешая всем, к кому тот или иной шепот не относился), писатели улыбались и пожимали друг другу руки, обнимались, поднимали бокалы за дружбу и сотрудничество между народами, но... без переводчиков не могли сказать друг другу почти ни слова.

Во время пребывания Гарги в Москве переводчица сопровождала его повсюду: в театры, где она очень мало могла ему помочь понять речь актеров, на митинги и конференции, где ее помощь была тоже весьма недостаточна и не могла быть иной, в магазины и рестораны, где она только и имела возможность сполна выполнить свое назначение. Как-то Гарги ужинал без нее. Ему захотелось пить. («Как индус я пью ужасно много воды», — признавался он потом советским читателям.) Подозвав жестом официанта, он поднес сложенную стаканчиком руку к губам. Официант, понимающе кивнув, принес вина. Гарги отстранил вино. «Уоте(р)!» — умолял он. Официант принес водки. Не то! Принес кофе. Опять не то! Принес минеральной воды. Все не то! Принес фруктового соку. Посетитель-иностранец безнадежно махнул рукой, официант унес и сок, а индийский писатель остался при своей неутоленной жажде: он хотел только простой воды!⁴⁸

Изучение иностранных языков повсюду оказывается во многих, к сожалению, случаях малоэффективным. Так, писатель В. Дружинин, участвовавший в туристической поездке на теплоходе вокруг Азии, в корреспонденции, знаменательно названной «Без языка», рассказал о безрадостных результатах изучения соотечественниками иностранных языков, а первую очередь английского. Один из его попутчиков — врач — целых 15 лет изучал английский, читал

на английском журналы, правда, со словарем, а беседа с коллегой — индийским врачом — не состоялась, беседовать по-английски не мог! «И сколько их было на нашем пути, таких неловких встреч, несбывшихся разговоров! — восклицал В. Дружинин. — В поездке на теплоходе участвовали всё люди с дипломами, а в дипломах этих знание иностранных языков заверено подписями и печатями. Большинство изучало английский, и к стати он-то и требовался повсюду... И что же? Провал на этом практическом экзамене получился массовый. Говорили — и то не всегда свободно — только филологи. Остальные томилась немотой. Впрочем, она нередко мучила и меня, владеющего несколькими языками...» Побывав в странах Азии, В. Дружинин убедился, какое существует «горячее, насыщенное стремление отдельных людей и целых народов — говорить, как можно лучше понять друг друга» и что стремление это «никогда не было таким сильным, как в наше время»⁴⁹.

Ректор I Московского госпединститута иностранных языков им. М. Тореза М. Бородулина писала в «Правде»: «По роду своей работы я часто присутствую при встречах различных наших специалистов с иностранцами. И, честное слово, сердце болит иной раз, когда видишь, как кто-то из них пытается побеседовать со своим коллегой из другой страны. Чаще всего собеседники расходятся, так и не поняв почти друг друга. А ведь было что спросить, было что сказать!»⁵⁰

Деловые поездки из страны в страну и международный туризм приобретают массовый характер. Годовое число иностранных туристов во всем мире составляет 63—65 млн. человек, туристы пересекают 270—300 млн. раз государственные границы. Число всех интуристов в мире возрастает ежегодно на 7%. Если учитывать всех выезжавших за пределы своих стран в 1964 г., то число это составит 105 млн. человек.

Если в 1956 г. Советский Союз посетило всего 486 тыс. иностранцев, то в 1962 г. число это удвоилось, в 1964 г. достигло миллиона, а в 1966 г. — полутора миллионов. XXIII съезд КПСС признал необходимым дальнейшее развитие иностранного туризма.

Иностранные туристы, приезжающие в СССР, как правило, не знают русского языка. Среди 3600 гостей из-за границы, которых в первых числах ноября 1963 г. встречал «Интурист», был известный английский писатель Джон Бойтин Пристли. Он тоже испытывал «стремление говорить», как можно лучше понять советских людей, в особенности писателей, их творчество. Вернувшись в Москву после поездки, Пристли на пресс-конференции сказал между прочим: «Мне хотелось бы высказать какое-то мнение о творчестве молодых советских писателей, но между нами все еще стоят языковые барьеры...»⁵¹

Несколько раз приезжал в СССР известный французский музыкант Морис Марешаль, не раз бывал он в Москве членом жюри

международных музыкальных конкурсов. На языковые барьеры особенно часто он наталкивался во время VI Всемирного фестиваля молодежи (Москва, 1957). В опубликованной тогда в советской газете заметке он воскликнул: «Как жаль, что нет всеобщего языка! Как досадно, что, стремясь к свободному обмену мнений, мы наталкиваемся на барьер, разделяющий нас, на эти слова „Не понимаю!“, которые приходится слышать, увы, слишком часто!»⁵²

О том, как слабы познания в иностранных языках и среди французских ученых, показывает опрос, проведенный недавно в Париже и других городах Северной Франции, где по этому вопросу высказалось 744 ученых. Оказалось, что читают по-английски или по-итальянски примерно лишь половина из них, по-немецки — одна четвертая часть, по-испански — 13%, по-русски — 2%. Полное владение иностранным языком, т. е. умение и говорить, встречается среди французских ученых еще реже⁵³.

Как бы ни была организована служба перевода на любом многоязычном международном сборище, она не спасает положения. На обслуживание XVIII Всемирной олимпиады в Токио (1964) было мобилизовано 1200 штатных переводчиков, отобранных по конкурсу, и 25 тыс. внештатных переводчиков-любителей. И эта армия переводчиков была не в состоянии обеспечить сполна общение участников и гостей олимпиады! Члены советской команды по возвращении из Токио рассказывали о многочисленных случаях взаимонепонимания, свидетелями и участниками которых они были...

А международные письменные связи? Подсчитано, что через почтамты всего мира ежеминутно проходят до 5 млн. писем на сотнях языках. Очень часто написание адреса на иностранном языке вызывает затруднение, а тем более это затрудняет доставку писем. Отсутствие всеобщего языка сдерживает развитие дружеской переписки между трудящимися и учащимися всех стран, мешает и международной телефонной связи. Уже в наше время создается единая всемирная система телефонной связи, в которой весь мир разделен на десять зон.

Но особенно стала ощущаться необходимость в общепонятном языке с преодолением человеческим голосом пространства и времени, с изобретением способа его записи и передачи через эфир по всему земному шару. По недавним подсчетам, в распоряжении населения нашей планеты свыше 400 млн. радиоприемников и свыше 130 млн. телевизоров, число тех и других возрастает ежедневно. Человечество идет к такому развитию техники связи, что люди смогут переговариваться друг с другом, где бы кто ни находился, — смогут, если только будут друг друга понимать.

Телевидение вслед за радио расширяет пределы своего действия до масштабов международных, всемирных; наиболее интересные телепередачи транслируются в пределах целого континента, осуществляются телепередачи и межконтинентальные. А ведь это *дальновидение* является также и *дальнотелеслушанием*:

Вместе со зрительным образом и музыкой человеческий голос должен быть повсеместно понятным в произносимых им словах.

Генеральная Ассамблея ООН в 1961 и 1962 гг. приняла резолюции о желательности организации через космическое пространство всемирной связи путем передачи звука (голоса) и изображения. Советский трансляционный спутник Земли типа «Молния» обеспечивает передачу телеграфных сообщений, телефонных разговоров и программ телевидения (экспериментально и цветного) между СССР и другими странами Северного полушария, а также странами Юго-Восточной Азии. Несколько таких спутников, одновременно работающих в космосе, позволит наладить круглосуточную связь со всеми районами земного шара. Для организации всемирной связи необходимо решить не только ряд научно-технических и международно-правовых проблем, но и проблему всемирного международного языка, о которой не следует забывать авторам, пишущим на эту тему ⁵⁴.

Международное общение и международное сотрудничество — две стороны одной медали, нечто неразрывное. Экономическое сотрудничество между всеми странами со своей стороны ставит все настоятельнее проблему единого международного средства общения. Советский Союз осуществляет разнообразное сотрудничество со 100 странами, особенно деятельное — со странами социализма. По сообщениям советской печати, за неполные 15 лет в них побывало 5/94 делегации и группы советских ученых и специалистов промышленности, сельского хозяйства, строительства и транспорта, а в СССР было принято за это время 8196 таких делегаций и групп ⁵⁵. Число их ежегодно возрастает. И каждая делегация, каждая группа, почти каждый иностранец наталкиваются на языковые препоны.

С помощью советских проектных организаций и при участии советских специалистов-строителей в странах Азии и Африки строится около 600 промышленных, сельскохозяйственных и других объектов ⁵⁶. Но с какими языковыми трудностями это делается! Советский Союз помогает, например, египтянам в возведении высотной Асуанской плотины, на строительстве первой очереди которой трудилось две тысячи советских специалистов. Один из них рассказывал приехавшему в Асуан писателю Вадиму Кожевникову, как трудно строителям, говорящим на разных языках, общаться, работая на одной стройке ⁵⁷. Журналист Георгий Кублицкий встретился с другим советским специалистом, работающим в ОАР при Асьютском университете. И тот посетовал на языковые трудности. Показать что-нибудь иногда можно и с помощью жестов. Но «ведь хочется с арабом, с рабочим человеком, и душевным словом перекинуться...» ⁵⁸

Советский академик И. Ю. Крачковский (1883—1961), крупнейший советский арабист, основательно изучивший литературный арабский язык, приехав однажды в Бейрут, едва понимал

быструю арабскую речь, и его почти не понимали ⁵⁹. Дело в том, что в течение столетий произошел большой разрыв между формами арабского языка — письменной, литературной, и устной, разговорной, да и устный арабский язык в разных арабских странах разветвился на наречия, так что сами арабы не всегда понимают друг друга.

Курс обучения за границей проходит около 2% учащихся высших учебных заведений мира, что превышает 200 тыс. человек. Социалистические страны помогают в подготовке местных кадров специалистов в развивающихся странах. Только один Советский Союз подготовил в них около 100 тыс. специалистов ⁶¹. Отсутствие международного языка затрудняет обучение студентов-иностранцев. Международное сотрудничество в системе средне-технического и высшего образования осложнено, в частности, отсутствием единой международной терминологии, которая может быть только составной частью международного языка.

* * *

Большие затруднения в своей деятельности испытывают из-за отсутствия международного языка и международные организации. Сотню лет назад, в 1860 г., в мире насчитывалось лишь восемь международных организаций, из которых одна была междуправительственная. В 1960 г. было уже 154 междуправительственных и 1255 неправительственных международных организаций, всего 1409. Из них более 500 организаций ежегодно проводят конгрессы, около 300 — каждые два года, более 200 — каждые три года, остальные — реже.

Ежегодник ООН «Международные организации» за 1960/61 год содержит сведения о 1206 организациях, ассоциациях, федерациях, лигах, союзах. Лишь 381 организация имеет один официальный язык, 346 — два, 248 — три, 147 — четыре, 58 — пять, 15 — шесть, остальные — семь и более официальных языков ^{62а}.

Деятельность всех международных организаций затруднена и множеством неофициальных языков, и чем менее распространен в международном общении тот или иной язык, тем труднее найти владеющего им квалифицированного переводчика. Оплата работы переводчиков — *интерпретаторов* (interpreters) и *транслейторов* (translators) — и издание переводов требуют больших расходов, не только затрудняя и усложняя, но и удорожая деятельность организаций, снижают ее эффективность.

Особенно большие языковые затруднения испытывают массовые международные организации. Всемирная федерация профсоюзов и Всемирная федерация демократической молодежи охватывают каждая свыше 100 млн. человек значительного большинства стран, а в Международную демократическую федерацию женщин входят национальные организации и группы, объединяющие око-

ло 200 млн. женщин 80 стран. Нужно ли доказывать, как облегчил бы международный язык деятельность таких организаций?

В Организации Объединенных Наций над переводами трудятся 500 штатных сотрудников, имеющих дело с пятью официальными и десятками неофициальных языков. Переводить ежегодно 270 тыс. страниц оказывается недостаточным: документы более чем десятилетней давности еще ждут своей очереди, о чем сообщает Пьер Бюрней (Burney) в своей книге «Интернациональные языки» («Les langues internationales») ^{63а}.

Как и во всякой большой международной организации, в ООН много всевозможных секций и комиссий, работающих не только в штаб-квартире ООН, но и на других континентах. Насколько мешает их работе «вавилонизм», можно составить себе представление по корреспонденции из Конго, напечатанной в голландской газете «Het Rotterdams Parool» (31 января 1961 г.): «Отель „Стенли“ превратился в канцелярию. Там работают представители всевозможных секций ООН: военные, врачи, корреспонденты, специалисты по финансам, сельскому хозяйству, транспорту... В каждой секции — куча переводчиков, и все же французы не могут объясниться с индонезийцами, англичане — с марроканцами, нигерийцы — со шведами, американцы — с суданцами. Языковая путаница невообразима...» ⁶⁴.

Герберт Джордж Уэллс (Wells, 1866—1946) мечтал о том времени, когда международное сотрудничество ученых даст возможность издать Международную энциклопедию с привлечением сотен тысяч авторов, представляющих все страны мира. Эта мечта английского писателя начинает сбываться: при ЮНЕСКО создан Международный совет по энциклопедическим изданиям, вынесший решение об издании энциклопедии в составе 82 или более томов — по числу членов-государств ЮНЕСКО. Отсутствие всемирного языка и здесь будет очень ощутимо.

Жизнь все с большей настоятельностью выдвигает перед учеными мира такие проблемы, для решения которых необходимы их совместные усилия: создание общих — интернациональных, международных — научных институтов и лабораторий, конструкторских бюро и экспериментальных производств. Есть научные и технические проблемы всемирные, требующие сотрудничества ученых всех континентов. К таким принадлежит, например, проблема использования новых источников энергии, для решения которой, по словам академика Н. Н. Семенова, «необходимы могучие и организованные усилия ученых и инженеров, да и народов мира» ⁶⁵.

* * *

Научные работники «очень часто и неприятно ощущают недостаток в общем научном языке и сожалеют о тех громадных затратах времени и усилий, которые вызываются многоязычием этой литературы», — писал в начале XX в. в статье «О потребности в международном научном языке» один из видных участников общественного движения за международный язык, идист проф. Л. Пфаундлер (Германия) ^{66а}.

В 20-х годах американский лингвист Роланд Кент в статье «Ученые и международный язык» («The Scientists and International Language») так писал о многоязычье современной, в частности и в особенности научной, литературы: «Бремя становится слишком большим даже для профессиональных филологов и лингвистов» ⁶⁷.

Французский лингвист А. Мейе в книге о языках современной Европы так охарактеризовал бремя многоязычия: «Знания двадцати языков недостаточно, чтобы следить за цивилизацией одной только Европы... Цивилизация мира развивается в направлении к единству, а число языков этой цивилизации все возрастает». Для ученых, которые должны всегда быть в курсе всех достижений в своей области, «множество языков невероятно усложняет задачу» ^{68а}.

Датчанин О. Есперсен, приведя в своей книге «Интернациональный язык» слова немецкого филолога Г. Дильса о том, что «непчислимы интеллектуальные потери» из-за того, что ученые всех стран публикуют свои работы на национальных языках, заметил: «Что касается меня, то, хотя значительную часть своей жизни я посвятил изучению различных языков, и я порой вынужден отложить в сторону книгу или иного рода издание, с которым охотно познакомился бы, но которое написано на языке, каким недостаточно владею» ^{14б}.

Если такие затруднения испытывают лингвисты-полиглоты, то что же говорить ученым других специальностей? В цитированной статье советских географов (Арманда, Баранского, Обручева) это называется всемирным бедствием для науки и ее работников: «В области научного общения приближается эпоха настоящего Вавилонского столпотворения. Задача овладения всеми нужными языками становится для научного работника непосильной».

С ростом числа литературных языков растет почти в геометрической прогрессии число научных публикаций, каждая из которых непонятна и недоступна для большинства читателей мира, заинтересованных в той или иной литературе. Если в 1800 г. во всем мире выходила лишь сотня журналов, то теперь их издается около 100 тыс., примерно половина их — научные, технические, экономические.

За все прошлое столетие было учтено 6 100 526 названий книг, а в наше время их выпускается не менее 200 тыс. ежегодно. По вопросам науки, техники, экономики ежегодно публикуется свыше 60 тыс. книжных новинок, 2,5—3 млн. статей, 200—300 тыс. патентов. По меньшей мере 50% научно-технической литературы издается на языках, которые не знакомы большей половине ученых мира.

Многоязычие порождает недостаток осведомленности у работников науки и техники и ведет к тому, что около 70% заявок на изобретения во всем мире отклоняются из-за того, что эксперти-

за не находит в них новизны: десятки, если не сотни тысяч изобретателей работают впустую, не имея достаточной информации!⁶⁹

Например, статьи по химии печатаются по меньшей мере в 6 тыс. периодических изданиях на 36 языках. Американские (да и не только американские) ученые-химики (да и не только химики) треть своего рабочего времени, как показал соответствующий опрос, тратят на поиски нужной им информации, хотя служба информации поставлена в промышленно развитых странах относительно высоко, особенно в США. И все же в США на дублирование уже выполненных научных работ расходуется не менее 10% всех средств, ассигнуемых на научные исследования. Владелец одной крупной американской фирмы заявил, что если научное исследование обходится менее чем в 100 тыс. долларов, то дешевле произвести его, чем выяснять из информационных данных, не было ли оно выполнено где-нибудь в другом месте мира, не были ли опубликованы его результаты. Пусть это и преувеличение!

Возникла новая наука — информатика, теория научной информации, изучающая закономерности и способы сбора, переработки, хранения, поиска, выдачи и распространения запечатленной в документах, в основном печатных изданиях, информации о научных данных, технических средствах и экономических показателях. В наиболее развитых странах ведутся в этом направлении научно-исследовательские работы, разрабатываются так называемые информационно-поисковые языки и делаются попытки наилучшим образом приспособить к службе информации УДК — Универсальную десятичную классификацию, начало которой положил в 1872 г. американец Мельвиль Дьюи (Dewey, 1851—1931).

Но все это наталкивается на структурное несовершенство и многозначимость слов национальных языков. Предшествовавшие поколения рода человеческого, от которых нам достались наши языки, и представить себе не могли новые потребности технической цивилизации XX в. — потребности, которые в дальнейшем будут неуклонно возрастать. Этнические языки все менее удовлетворяют их в силу своей множественности и по своим качествам.

Директор Всесоюзного института научной и технической информации АН СССР (ВИНИТИ) проф. А. И. Михайлов с группой сотрудников пришли к выводу, что «почти невозможно создание алгоритмов * перевода информационных запросов с естественных языков на формализованный язык УДК и обратно»⁷⁰.

Отсутствие международного языка вызывает недостаток взаимной осведомленности у работников науки и техники, а неос-

* *Алгоритм* (по латинской форме имени среднеазиатского математика аль-Хорезми — Algorithmi) — система вычислений, применяемых по строго определенным правилам, которые после последовательного их выполнения приводят к решению поставленной задачи (БСЭ); предписание, определяющее содержание и последовательность операций, переводящих исходные данные в искомый результат (ВИНИТИ).

ведомленность — материальный ущерб. Для решения одной проблемы в области электротехники несколько лабораторий США затратили в течение пяти лет не менее 200 тыс. долларов, а потом выяснилось: задолго до американцев эта проблема с успехом решена в СССР и о решении ее своевременно подробно сообщалось в «Докладах Академии наук СССР».

В такое же положение нередко попадают ученые и техники других стран, в том числе и СССР. Например, в американской печати еще в 1953 г. сообщалось о создании простых и экономичных шин со съёмными протекторами, в СССР эту статью перевели на русский язык лишь в 1959 г., и эта неосведомленность обошлась нашему хозяйству в миллионы рабочих часов, в сотни тысяч рублей⁷¹.

И подобные факты постоянно имеют место в разных странах. ВИНТИ издает по основным отраслям знаний 23 серии «Реферативного журнала», в котором публикуются краткие рефераты из 14 тыс. периодических изданий, выходящих в ста странах на 65 языках (малораспространенные и малоизвестные языки сюда не включаются). Число такого рода публикаций ВИНТИ возросло за десять лет с 106 500 до 716 тыс.

Но разве по краткому реферату можно составить полное представление о научной работе, остающейся недоступной из-за языка? Если какой-нибудь советский ученый захочет ознакомиться с полным текстом опубликованной работы, например, японского ученого, то придется заказать дорогостоящий перевод ее; но это сделать не так легко и даже не всегда возможно.

Подсчитано, что типографские машины всех стран ежеминутно выбрасывают в мир около 2 тыс. печатных страниц всякого формата на сотнях языках: газеты, журналы, книги. Одно только советское издательство «Мир» издает за год около 500 книг в переводах с 50 языков. По данным ЮНЕСКО (1961), в Советском Союзе число ежегодно выпускаемых книг достигло 70 тыс. названий, в Японии — 24 тыс., в Англии — 20 тыс., в Соединенных Штатах Америки — 15 тыс., во Франции 12 тыс. и т. д. В последние годы эти цифры уже превышены. Но переводы составляют всего около 10% всех изданий!

Интенсивно происходит обмен книжными новинками между странами. В Советском Союзе таким обменом в широких масштабах занимается около 100 крупных библиотек, из них в Москве — 15. Одна только Библиотека имени Ленина в 1965 г. отправила 276 080 печатных изданий в 92 страны и получила в обмен 211 540 иностранных изданий. Сотни тысяч книжных новинок отправляют ежегодно за границу и получают оттуда Академия наук СССР и академии наук союзных республик.

Но эффективность международного книгообмена значительно снижается многоязычием всемирной литературы: книги иностранных издательств, особенно на языках малораспространенных, прочитывают сравнительно немногие — иногда единицы — читатели, и множество книг остаются в книгохранилищах СССР и всего мира нечитанными. Библиотека конгресса США получает ежегодно только из СССР около 20 тыс. документов, научных и технических журналов, но, как писал министру торговли конгрессмен Джон Мосс, «большая часть их пылится на полках, их не переводят, и средний ученый и бизнесмен не знают об их существовании»⁷².

Кривая выпуска новых книг в СССР и других странах социализма особенно круто идет вверх. Но «кто может изобразить кривую, показывающую, как идея теряет силу своего воздействия в результате задержки перевода?» — вопрошает английский профессор Роберт Коллисон на страницах издающегося на девяти языках «Курьера ЮНЕСКО». А сколько переводов делается недоброкачественно! Р. Коллисон рассказывает, что в странах Запада обычны «крайняя спешка при переводе важнейших произведений и недостаточная оплата труда переводчика»⁷³. Спешка, тем более крайняя, — враг качества всякой продукции, литпродукции особенно.

С тех пор, как существуют переводы, существуют в них и неточности и искажения, более простительные переводчикам художественных произведений, чем научных работ, где требуется особая точность^{74-77а}.

Научная и техническая литература требует от переводчиков, помимо безупречного владения двумя соответствующими языками, той или иной частью их терминологии, и знания самих предметов, компетенции в той или иной области или отрасли. В большинстве случаев у переводчиков нужных специальных познаний нет, а научное редактирование переводов далеко не всегда выявляет неточности и ошибки, и в результате — плохое качество переводной научно-технической литературы.

* * *

В наше время получила довольно широкое признание идея машинного, или автоматического, перевода.

Впервые зародилась она в Советском Союзе. В 1939 г. в Институт языкознания Академии наук СССР явился изобретатель-техник П. П. Смирнов-Троянский (1894—1950) и сообщил, что он разработал способ машинного перевода с языка на язык...⁷⁹

Идея автоматического, или машинного, перевода получила распространение в мире из Соединенных Штатов Америки. В марте 1947 г. американский ученый Уоррен Уивер (Warren Weaver) обратился к основоположнику кибернетики Норберту Винеру с вопросом: «Нельзя ли сконструировать вычислительную машину, которая могла бы переводить?» В ответном письме Винер писал: «Боюсь, что границы слов в разных языках слишком расплывчаты...» Тем не менее в середине 1949 г. Уивер разослал 200 знакомым ученым меморандум под названием «Translation» («Перевод»), в котором отстаивал мысль о возможности перевода с языка на язык при помощи счетно-решающих устройств, вполне отдавая себе отчет в том, что более или менее совершенного перевода машина дать не может (при несовершенстве самих языков).

В начале 50-х годов группы ученых США и Англии приступили к работе над созданием машины-переводчика. Значительное отличие языков друг от друга при их разнообразной нелогичности

привело к задаче создания логического языка (подобия проектов международного), на который осуществлялся бы перевод внутри машины и с которого давался бы вторичный перевод на «выходной» язык.

На Международном конгрессе лингвистов в Лондоне (1952) 40 ученых участвовали в дискуссии по вопросам автоматического перевода. К тому времени было опубликовано немало работ по этим вопросам, в частности, работы Дж. У. Перри (Perry), Э. Рейфлера (Reifler), В. А. Освальда (Oswald), Л. Н. Вундхейлера (Wundheiler), В. Г. Ингве (Yngve). Перри доказывал необходимость создания рационального языка для посредничества в автоматических переводах между национальными языками; об этом же писал и Рейфлер; с той же целью Освальд занимался вопросами логики синтаксиса; Вундхейлер разрабатывал проект языка, в котором каждое слово имеет только одно значение, а синтаксис подчинен логике, и т. д.

В 1955 г. в Нью-Йорке вышел сборник статей «Автоматический перевод»⁷⁹. Один из его авторов — Стюард С. Дотт — рассматривал вопрос о модельных формах языков, в частности, английского, подразумевая любой язык, в котором «правила регулярных отношений доведены до максимума»; некоторые из этих правил и все три правила эффективности модельной формы языка представляют собой сомнительную ценность. На основании их все же был сконструирован логический язык Типл (Tipl) — типа Эсперанто.

В своих теоретических выкладках Дотт и прочие кибернетико-лингвисты во многом повторяют положения, сформулированные в свое время Декартом, Уилкинсом, Коменским, Ньютоном, Лейбницем.

Проблемой машинного перевода занимаются и советские ученые.

В результате разрозненной, нескоординированной работы не только в разных странах, но и в пределах отдельных стран было создано немало всевозможных «машинных языков» и множество языковых моделей-кодов для осуществления переводов с национального языка на национальный. Возникло «машинное многоязычье», требующее выработки единого международного машинного языка-посредника для переводов и даже для передачи информации не только внутри кибернетических устройств и между ними, но и от машины к человеку и обратно.

Результаты уже широким фронтом проводимых работ по практическому решению проблемы машинного перевода оказываются пока разочаровывающими по сравнению с теми большими надеждами, которые еще недавно возлагались на машину-переводчика кибернетико-лингвистами. Не зря в первые же годы поисков решения выдвинутого Уивером вопроса, помимо Винера, и другие ученые высказывали серьезные сомнения, вызванные качеством эволюционно сложившихся языков. Так, Дотт писал: «В процессе перевода, кроме трудностей передачи стиля и идиом, возникают и другие проблемы, далеко не легкие для переводчика-человека, а для переводческой машины, возможно, и неразрешимые»^{79а}. Полисемия слов, как указывал В. Г. Ингве, представляет собой одну из самых серьезных трудностей пословного перевода, в машинном переводе она выступает на первый план, но с этой особенностью наших языков мы имеем дело «почти в каждом произнесенном или написанном слове на любом языке»^{79б}.

Профессор Колумбийского университета Мортимер Таубе в книге «Вычислительные машины и здравый смысл» (1964) подвел итоги двенадцатилетним попыткам создать машину-переводчика. Он отметил, что все, что делалось и делается в этой новой области, представляет собой множество попыток преодолеть смысловую неоднозначность слов в национальных языках путем их формального или иного анализа и попутно решить проблему языка-посредника. Каковы же результаты? «Никто всерьез не допускает существования взаимно-однозначимых соответствий ни для одной пары естественных языков или даже для любого естественного и формализованного», — пишет М. Таубе и, ссылаясь на факты и на мнения авторитетных в этих вопросах ученых, приходит к выводу о невозможности машинного перевода⁸⁰.

В начале 60-х годов в Комитете по науке и астронавтике палаты представителей США на заседании, посвященном вопросам машинного перевода, говорилось, что работы, направленные на решение этой проблемы, на худой конец могут быть использованы в решении проблемы запоминания, хранения и выдачи информации. Однако теория и практика научной информации также наталкиваются на несовершенство так называемых естественных языков, что и кибернетика. Уместно в этом случае сослаться на статью У. А. Уалдхека и Д. Стерна о системе поиска информации. Говоря о проблеме индексирования, они отметили: «Здесь основную опасность представляет неоднозначность слов, и средство для преодоления ее так и не найдено»⁸¹.

Неутешительные для энтузиастов машинного перевода выводы содержатся и в работе А. Г. Эттингера «Автоматический языковой перевод» («Automatic Language Translation», 1960). Он также придерживается мнения, что работы в этом направлении — вклад больше в изучение всех уровней структуры языков, чем в создание машины-переводчика. Впрочем, как заметил в своей книге об автоматическом переводе Д. Ю. Панов, «анализ лингвистических структур не может решить проблему автоматического перевода, хотя в США, да и в СССР некоторые ученые пытаются использовать этот метод»⁸².

Бесспорных положительных экспериментальных результатов все еще не опубликовано, а сенсационные газетные сообщения подтверждений не получили, утверждает М. Таубе. Очень сдержанно оценивает перспективы машинного перевода и один из первых энтузиастов и инициаторов работ в этой области, Иогошуа Бар-Хиллел, который составил обстоятельный отчет о состоянии работ по машинному переводу в США и Великобритании и на которого ссылается Таубе.

Академик А. И. Берг на расширенном заседании Президиума Академии наук СССР 18 октября 1963 г. сказал по поводу машинного перевода: «На основании работы на протяжении последних пяти лет в области кибернетики я пришел к выводу, что следует проявлять больше скромности в от-

ношении обещаний... Что стоят обещания и высказывания по машинному переводу, которого, конечно, не существует!»⁸³.

В предисловии к книге М. Таубе А. И. Берг все же не снимает с повестки дня советских кибернетиков проблемы машинного перевода, ссылаясь, между прочим, на статьи О. Кулагиной, Т. М. Молошной, И. Мельчука (в сборниках «Проблемы кибернетики», № 1—10), в которых содержатся обнадеживающие факты. С. Абрахам в журнале «Вопросы языкознания» пишет о принципиальной возможности машинного перевода⁸⁴.

Уже два десятилетия во многих странах не жалеют средств на поиски решения этой проблемы. По подсчетам И. Бар-Хиллела, на исследования в этой области только в США ежегодно расходуется около трех миллионов долларов. В «Лингвистических и технических исследованиях в области автоматического перевода с научного русского на английский» («Linguistic and Engineering Studies in the Automatic Translation of Scientific Russian into English», 1959) группы профессоров Вашингтонского университета указывается, что машинный перевод, даже будучи осуществлен на практике, не может быть оправдан с точки зрения экономической целесообразности: он будет обходиться вдвое дороже «естественного», человеческого, перевода. Исходя из этих всех соображений, М. Таубе напоминает, что не следует забывать, что машины-переводчики, если даже они и будут созданы, обойдутся слишком дорого и вовсе не будут производить свою работу бесплатно; да кроме того, и кодирование текста тоже дорогая операция. К этому надо добавить расходы на редактирование машинных переводов.

В принципе все же нельзя отрицать возможности большого практического значения машинного, или, как говорят и пишут за рубежом, автоматического, перевода, если бы его удалось осуществлять в широких масштабах, а не только экспериментально. Успешное практическое решение этой проблемы несколько не устранило бы потребности во всемирном международном языке, разговорном и письменном. Машины-переводчики, если все же они будут изобретены и найдут применение в жизни, могли бы помочь и осуществлению переводов с национальных языков на будущий интернациональный, всеобщий. И сама разработка вопросов машинного перевода, в частности логического языка-посредника между нелогическими языками, соприкасается с разработкой вопросов единого средства общения разноязычных людей.

3. ЗАВТРАШНЕМУ МИРУ —

ЕДИНЫЙ ЯЗЫК НАУКИ, ТЕХНИКИ, ЭКОНОМИКИ.

Анализируя задачи международного рабочего движения, В. И. Ленин подчеркивал необходимость иметь в виду «тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого». Тенденция эта, писал он, «вполне явственно обнаружена уже при капитализме и

безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»⁸⁶.

Эта тенденция выдвигает все настоятельнее проблему единого международного языка научной, технической и экономической информации, который обеспечивал бы сопоставимость последней на всех участках и уровнях учета, планирования и управления народными хозяйствами социалистических стран, а в более отдаленном будущем — и единым всемирным социалистическим хозяйством, позволил бы максимально механизировать и автоматизировать эту информацию средствами кибернетики.

Велика роль терминов в современном научном, техническом и экономическом прогрессе: они могут тормозить его, если в них царит беспорядок, и могут ему способствовать, если упорядочены.

Прогнозы на будущее здесь позволяют делать изучение роли терминов в современных народных хозяйствах, в частности и в особенности в хозяйстве Советского Союза. Ведь термины, обслуживающие народное хозяйство, — основа производственных номенклатур, наименований, которые удобно называть *номенами*. Если тема «Язык и общество» давно привлекает внимание лингвистов и социологов, то должна будет привлечь их (а также экономистов) внимание и тема «Язык и экономика» (практическая, прикладная экономика).

Язык своей терминологией оказывает на экономику, на производство незаметное, неучитываемое, но определенное влияние: либо положительное, либо отрицательное. Вопросы терминологии*

* Слово *терминология* неоднозначно. Если считаться не с распространенностью неточного (а иногда и неверного) терминопотребления, а с необходимостью уточнить и соответственно определить термины и понятия, которыми оперируют терминологи, то терминологией следовало бы называть только терминоведение — терминологическую теорию, науку о терминах, которая развивается на стыке лингвистики, логики и теории стандартизации. Термин — это имя существительное или основанное на существительном (субстантивное) словосочетание, выражающее понятие какой-либо специальной области или областей знания и деятельности и, как правило, являющееся языковым выражением элемента системы понятий. Терминосистема есть совокупность терминов, выражающая систему понятий, раскрытых в определениях. Упорядочение терминосистем и стандартизация терминов представляют собой нормализующую терминологическую работу (не нормализует обычно работа лексикографическая). В терминологическую лексику (терминолексику), помимо терминов, входят и терминоиды — глаголы и глагольные (вербальные) словосочетания, выражающие понятия специальных областей знания и деятельности. Терминоиды, не будучи элементами терминосистем, на настоящем этапе решения терминологической проблемы не являются объектами их упорядочения. Критический анализ терминов, терминосистем, терминологии — задача описательной терминологии. Методику терминологической работы и требования к терминам и терминосистемам устанавливает нормативная терминология. Историческая терминология исследует историю терминологической лексики и терминологической теории... Следует отметить, что терминологию как совокупность терминов называет *терминоллексикой* в своих статьях терминолог Э. А. Натансон (Комитет научно-технической терминологии АН СССР). Здесь этот термин определяется несколько иначе.

и терминологическая проблема в целом в наше время приобретают первостепенное значение, международное.

В народном хозяйстве Советского Союза на сегодня еще действует большое количество классификаторов и номенклатур. Всесоюзные классификаторы и номенклатуры продукции Госплана СССР отличаются от таковых Центрального статистического управления (ЦСУ), а те и другие не совпадают с классификаторами и номенклатурами главных управлений по межреспубликанским поставкам и т. д. и т. д. По одним классификаторам и номенклатурам у нас планируют, по другим строят, по третьим вводят в строй, по четвертым учитывают, по пятым—десятым производят, показывая там еще распределяют и торгуют. И терминологический разнобой в них невероятный!

Сложнейшая область производства — машиностроение. Одна и та же машинная деталь, имеющая одно и то же назначение, одинаковые свойства и качества, для сельскохозяйственных машин имеет одно название и одну цену, для транспортных машин — другое название и другую цену, для авиаконструкций — третье название и третью цену. Это типично для параллельного «многаноменклатурья»! *

Выражаемый одной формулой химикат называется в разных официальных документах и печатных изданиях — научных, учебных — то, например, азотно-кислый кальций, или кальций азотно-кислый, то кальциевая селитра, или селитра кальциевая, то известковая селитра, или селитра известковая, то норвежская селитра, или селитра норвежская, то кальций нитрат, или нитрат кальция⁸⁹.

Проведенное в 1962 г. в Академии наук СССР совещание по номенклатуре неорганических химических соединений констатировало: «До сих пор в химической литературе нет единства терми-

* Это не только у нас: в других странах наблюдается подобное явление. Во время второй мировой войны на военно-воздушной базе США в зоне Панамского канала обнаружилась нехватка запасных частей, нужных бомбардировщикам для боевых вылетов — отражения атак германских подводных лодок. Запросили склад базы, откуда ответили, что таких частей нет, а когда нужные запчасти прибыли из США, выяснилось, что на складе они все же имеются, но по-другому названы⁸⁶.

Классификация единиц материального снабжения Военно-морского министерства США, проведенная после этого случая фирмой «Ремингтон-Ренд», и упорядочение номенов выявили хаотичную картину: разные поставщики снабжали это министерство одинаковыми изделиями под разными словесными ярлыками. Такая простая деталь, как шайба, называлась 57 различными способами! После упорядочения номенклатурных наименований число наименований запасных деталей на подводных лодках США снизилось с 9000 до 2300, их вес — с 700 до 100 килограммов, а объем — с 4,6 до 0,85 кубометров⁸⁷.

В 50-х годах в США был разработан и в начале 60-х усовершенствован единый общегосударственный кодированный классификатор продукции, который в 1965 г. давал возможность 18 тыс. *комбайтеров* (электронно-вычислительных машин) быть на 80% загруженными экономическими расчетами и обработкой экономической информации⁸⁸.

нологии. Более того, непрерывно появляются новые и новые виды и классы соединений, наряду со старыми названиями известных соединений появляются и бытуют новые; номенклатура дробится, и хаос в ней возрастает. Все резче вырисовывается несоответствие отдельных разделов номенклатуры теоретическим представлениям»^{90а}.

Проницательно писал в 1788 г. великий химик Антуан Лоран Лавуазье (Lavoisier, 1743—1794), создавший со своими сотрудниками первую терминосистему химии: «Нельзя ни усовершенствовать язык без усовершенствования науки, ни усовершенствовать науку без усовершенствования языка, и как бы ни были достоверны факты, они будут вызывать ошибочные представления, если у нас не будет точных выражений для их передачи»⁹¹.

Почти два столетия прошло с тех пор. Ученые до сих пор не могут взять всецело под свой контроль развитие терминологической лексики в стихийно развивающихся языках.

Эта пресловутая «естественность», столь дорогая сердцу противников искусственного всеобщего языка, имеет самое отрицательное влияние на науку, технику, экономику. Научные работники, разрабатывающие одни и те же проблемы в различных научных дисциплинах и пользующиеся для выражения одних и тех же понятий различными терминами и буквенными обозначениями, не всегда могут понять друг друга, хотя говорят, читают и пишут на одном языке. В результате «естественного» беспорядка в терминосистемах научно-исследовательские работы дублируются, достигнутое в одной области не применяется в других, напрасно расходуются силы и средства, как писал в отраслевом журнале, имея в виду теорию переноса излучений, проф. Р. А. Сапожников (Ленинград)⁹².

В конце 50-х и в первой половине 60-х годов в издающихся на русском языке отраслевых журналах было помещено свыше сотни статей, заметок и писем в редакцию⁹³, в которых содержатся подкрепленные конкретными примерами жалобы на то, что анархия в языке науки, техники и экономики пагубно отражается на научном, техническом и экономическом прогрессе страны.

Несовершенство, неупорядоченность терминологической лексики вносит путаницу в документацию, разработку инструкций и методик, определение квалификаций тарифно-квалификационных справочников; затрудняет подготовку специалистов и обмен опытом; порождает недоразумения в дискуссиях, а иногда и ведет к ненужным дискуссиям; осложняет понимание новых производственных методов и освоение новых производств; оказывается серьезной помехой при кодировании научной информации, при механизации информационного поиска, даже минимальной, и при разработке усовершенствованных методов индексирования, требующих максимальной определенности и однозначности записи информации; отрицательно сказывается на качестве реферативных

обзоров; мешает установлению приоритета на изобретения, открытия и рационализаторские предложения; осложняет координацию научно-исследовательских работ; ведет к просчетам и практическим ошибкам, к нерациональным встречным перевозкам одних и тех же видов продукции; путает разделение однородной продукции по основным отличительным признакам и типам изделий; затрудняет проведение правильной политики цен; вызывает затруднения и недоразумения в международной торговле, во всяком международном сотрудничестве, в частности в работе международных организаций, занимающихся изданием многоязычных терминологических словарей.

Но, пожалуй, самый большой вред народному хозяйству наносит нерациональная, неплановая терминологика тем, что затрудняет широкое внедрение кибернетики в область учета и планирования, в управление экономикой. Дело в том, что с усложнением производства во много раз усложняются учет и все расчеты — делопроизводство угрожает стать более трудоемким, чем само производство. Производство быстро механизмуется, автоматизируется (качественно и количественно), в нем находит все более широкое применение новейшая электронно-вычислительная техника, и если делопроизводство с его сложной информацией, непрерывно циркулирующей по стране по разным каналам связи, не будет так же модернизироваться, то развитие экономики неизбежно затормозится.

В управленческом аппарате Советского Союза занято уже около 10 млн. служащих. При той технической оснащенности сферы учета, планирования и управления, какая имелась у нас к середине 60-х годов, к 80-м годам непроизводительный труд, регулирующий материальное производство, потребовал бы, по расчетам украинских кибернетиков, чуть ли не 100 млн. человек ⁸⁸.

Дальнейшее развитие планового хозяйства немислимо без широчайшего внедрения в управление им кибернетики, без математических методов организации и планирования производства. Эти методы впервые были предложены не в США, а в СССР, но посвященная им книга Л. В. Канторовича, не была своевременно оценена.

Первое же применение математических методов и кибернетических счетно-решающих устройств при разработке народнохозяйственных планов на Украине (1963) показало их многообещающую эффективность: задачу, выполняемую обычным способом отраслевым отделом Госплана УССР за два с половиной года, машина М-20 решила в 35 минут ⁸⁴.

В настоящее время в Советском Союзе в широком масштабе ведется разработка единого классификатора продукции и приступлено к упорядочению всех ее наименований. Это колоссальная работа. Народное хозяйство СССР выпускает всякого рода изделий во всех их разновидностях 10—15 млн. наименований, если не больше. Наименования высших и средних классификационных группировок (классов, подклассов, групп, подгрупп, видов) предполагается стандартизовать. Решение этих задач даст возможность широко внедрить кибернетику в управление народ-

ным хозяйством СССР. Страна будет охвачена единой системой информационных центров с новейшей вычислительной техникой и новейшей диспетчерской связью.

Единое всемирное социалистическое хозяйство будущего должно иметь единый классификатор всех в мире материальных ценностей. Весь земной шар после торжества социализма на всех его материках и островах покроется сетью кибернетических центров научной, технической и экономической информации, которая с быстротой радиоволн будет облетать планету, объединяя ее хозяйственную жизнь в единое целое, направляя ее развитие.

Многие ученые интересуются: а не мог бы выполнять функции языка международного социалистического хозяйства один из существующих национальных, уже выполняющий широко интернациональные функции? Не мог бы в будущем один из таких языков стать языком единого, по общим планам регулируемого, всемирного социалистического хозяйства?

Основная и наиболее разработанная часть нормативной терминологии это требования, предъявляемые к терминам (хотя и здесь еще много недостаточно исследованных вопросов). Термины должны обладать следующими основными качествами: 1) точностью, которая складывается в основном из двух принципов — однозначности * и одновыраженности: каждый термин должен выражать только одно научно-определенное понятие, и каждое научно-определенное понятие должно выражаться только одним термином; 2) краткостью: каждый термин должен состоять из одного более или менее краткого слова или минимального словосочетания (сочетания двух более или менее кратких знаменательных слов); 3) системностью: каждый термин должен иметь формальные признаки своей принадлежности к определенной терминосистеме, основанной на научной классификации понятий.

Упорядочение терминологии состоит в приведении той или иной совокупности терминов в большее или меньшее соответствие (максимально возможное) с требованиями терминологии.

Как отвечают на эти требования национальные языки?

* Однозначность или однозначность? Э. К. Дрезен и Д. С. Лотте предпочитали первый из этих морфовариантов. Мы говорим о значности слова, а не о его значности, о значимых, а не о значных частях слова. Соответствующие формы — однозначность, многозначный... Многозначный же — состоящий из многих знаков. Например: «И многозначное число всегда однозначно», «Это однозначное (выражаемое одним иероглифом) слово многозначимо». Вот почему, несмотря на то, что в последнее время морфовариант *многозначность* и подобные формы того же терминологического ряда получили у нас преимущественное распространение, в настоящей работе употребляются формы с термином элементом *-значимость*, *-значимый*, а не *-значность*, *-значный*. Значимость слова есть наличие в нем одного, двух и более значений. Значение термина (лексическое) есть выражаемое им понятие.

От принципа абсолютной однозначности терминологам пришлось отказаться. Они вынуждены довольствоваться принципом однозначности относительной: каждый термин должен иметь одно значение лишь в той области знания и деятельности, в которой он применяется, и в смежных областях, если он применяется и в них. В областях не соприкасающихся термин может иметь разные значения.

Для иллюстрации этого положения возьмем хотя бы слово-термин *жабры*. В лексике общеупотребительной и в терминосистеме биологии жабры это органы дыхания водных животных — рыб, раков и других. Но заглянем в терминологический словарь заготовительно-штамповочных работ и там прочтем: «Жабры — длинные, узкие отбортовки по одной стороне отверстия». Слово *жабры* встречается и среди терминов самолетостроения и самолетовождения и означает поплавки у гидропланов.

Недзя сказать, чтобы это было вполне хорошо — такие переносные употребления слова *жабры*, но это нормативная терминология допускает.

Национальные языки содержат огромное количество терминов, не обладающих даже относительной однозначностью. И бесчисленные жалобы на несовершенство терминов, не прекращающиеся во всех странах и на всех языках, имеющих терминологическую, вызваны прежде всего именно этой ее особенностью.

Термина *одновыраженность* как общепринятого нет, но есть такое понятие: отсутствие у термина абсолютных синонимов, дублетов. Этот принцип нарушается еще чаще, чем принцип однозначности, даже относительной.

При упорядочении терминосистем неточность терминов все же может быть устранена. Труднее выполнимо и часто практически невыполнимо требование краткости терминов.

Особенно длинны, громоздки термины некоторых отраслей химии, как, например, соединений платиновой группы, где немало таких терминологических головоломок: тиамнацетаминдинплатотетрахлороплатеат, диаминди-валерамидинплатотетрахлороплатеат, этилендиаминэтиламициннатродихлороплатохлорид... Или: есть кислота метаноксидэтилдиамидофенилдитолил-карбинолдисульфоновическая.

В машиностроении, да и в большинстве отраслей науки и техники, входящих в отрасли народного хозяйства, масса выдаваемых за термины описаний понятий, этих терминов-характеристик. К терминам причисляют такие описательные выражения, как *относительный эффе́ктивный коэффициент полезного действия турбины по параметрам торможения*.

Новые, развивающиеся области науки и техники особенно нуждаются в новых терминах, и в них особенно много новых понятий терминологически описательно. Например, в радиотехнике и смежных областях за термины выдаются такие словосочетания, как *индикатор кругового обзора, на котором нулевые расстояния отнесены по окружности*.

Номены бывают еще более громоздкими. И термины, и номены часто сокращаются в неудобнопроизносимые скопления букв. Например, в номенклатуре промышленной продукции ЦСУ СССР немало таких буквенных загадок, как АКРГБ. Среди марок сталей встречаются такие бессмысленные наименования, как Х17Н10М5А3Т2ЮБР, — тут не всегда даже можно отличить букву

от цифр * . В «Словаре сокращений русского языка», недавно вышедшем в свет, — 125 тыс. только наиболее употребительных аббревиатур) ¹⁰¹. Рецензенты объявили их порчей великого русского языка ¹⁰² не задумавшись, какие возможности дает великий язык для замены многословных наименований и названий или их буквенных сокращений — вроде ЛВКСХШ — названиями краткими и благозвучными.

Только заново создаваемый язык мог бы вместо описательных выражений, громоздких и неудобных в пользовании, и не менее неудобных буквенных сокращений иметь точные, краткие и системные термины и номены, любые наименования и названия. И столько, сколько нужно. И пополняться в дальнейшем все новыми и новыми такими терминами и номенами на основе тонко разработанной системы словообразования.

Не считаясь с ограниченными словообразовательными возможностями национальных языков, теоретики-терминологи очень требовательны: термины должны быть такими-то и такими-то... должны... должны... «Термины, входящие в состав системы, должны в известной мере отражать те объективные связи, которые существуют между соответствующими понятиями», — писал, например, крупнейший советский терминолог Д. С. Лотте (1898—1950). Для этого «не надо применять в одном и том же значении различные суффиксы и префиксы» ¹⁰³. И, разумеется, не надо одни и те же аффиксы употреблять в различных значениях. Но ни один национальный язык не в состоянии удовлетворить предъявляемые к его терминам требования.

Да, идеал терминосистемы определился. Н. В. Юшманов, известный арабист и интерлингвист (1896—1949), выразил его так: зная термин, знаешь место в системе, зная место в системе, знаешь термин ¹⁰⁴.

Терминолог Т. Л. Канделаки в одной из статей рассмотрела ряд морфологических моделей для образования терминов-имен действия, выражающих виды процесса покрытия объекта веществом: *гуммирование, лакировка, вошение, фанерование, сланцевание, металлизация, цементация*. Значение, выражаемое суффиксом, одно, а суффиксов (да и флексий) много, они нерационально дублируют друг друга ¹⁰⁵. Это — пример морфологической дублетности (абсолютной синонимии).

А суффикс *изм* — пример морфологической полисемии. Слова, образованные посредством него, означают: внутреннее устройство машин (*механизм*), систему взглядов, теорию (*коммунизм*), общественный строй (тоже *коммунизм*), общественное движение (иногда — тоже *коммунизм*), свойство идеологического явления (*интернационализм*), слово определенной категории (тоже *интернационализм*), литературное направление (*символизм*), качество произведения (*академизм*), черту характера (*эгоизм*), болезнь (*ревматизм*) и т. д.

То же — и с префиксами и с флексиями. Даже корни — и те, во-первых, неоднозначны, а во-вторых, при однозначности нелогично изменчивы. На их изменчивость, как на недостаток существующих языков указывал еще И. А. Бодуэн де Куртене: *лед*(-льот), *ледник*, *льдина* — «совершенно нерациональная трудность!» ^{106а}.

* Примеры взяты из источников, отмеченных в перечне индексами 95—100.

Мало логики и в самом словообразовании, и следовательно, в терминологическом словообразовании. Возьмем к примеру корень *ход*, служащий для образования ряда слов с функцией терминов. *Пароход* ходит паром. А разве *паровоз* тоже не ходит паром? Вспомним песню: «В чистом поле мчится пароход...» Но пусть *паровоз* — машина, которая возит паром. Тогда *водовоз* — машина, которая возит водой? Оказывается, нет: не машина, а человек, не водой возит, а воду. *Тепловоз* не возит тепло, а возит теплом, *теплоход* ходит теплом, *дымоход*... ходит дымом? Нет, это ход для дыма. Тогда, по логике, по аналогии, надо, чтобы слово *пароход* означало, ход для пара¹. *Скороход* — тот, кто скоро ходит, а конькобежцы-скороходы не ходят, а бегают. *Переход* — и действие от глагола *переходить*, и место этого действия. *Ходить* — *ход*, *выходить* — *выход*, *доходить* — *доход*? *Приход* — от *приходить*. Но приход человека, приход весны, приход в бухгалтерии, приход церковный — совсем разные явления. Если от глагола *поездить* — существительное *поездка*, то от *походить* — *походка*? Он уходит — его *уход*. Он уезжает — его *уезд*? Нет, его *отъезд*. Но почему тогда не его *отход*, множественно — его *отходы*? *Выходец*. А если женщина — *выходка*??

Нет, все не то! И если так пройтись по всей словообразовательной системе русского языка — да и любого национального, любого этнического языка — всюду встретятся сплошные нарушения принципа системности. Исключения заглушают правила.

К неточности, громоздкости и несистемности большинства терминов следует добавить неправильность многих из них — несоответствие выражаемому понятию.

Например, в терминологической литературе уже давно указывается на то, что термин *лошадиная сила*, бытующий во многих языках, научно несостоятелен. В СССР его причисляют к самым неудачным терминам по меньшей мере с 30-х годов, но и у нас и за рубежом он по-прежнему в ходу, как и другие неправильные термины. Терминологи давно отмечают, что единица веса (т. е. силы тяжести, измеряемой пружинными весами) и единица массы (количества вещества, измеряемого рычажными весами) имеют в наших языках одно наименование — *килограмм* — с того времени, когда в науке не было четкого разграничения понятий веса и массы. Понятия развились, уточнились, а язык в обозначении их остался тем же. Мы гонорим и пишем, как и встарь, *взвесить*, *отвесить*, хотя измеряется не вес, а масса. Неточные слова затемняют сами понятия. Мы употребляем термин *атомный вес*, хотя и это неверно¹⁰⁷.

Несовершенство наших языков искажают и затемняют многие научные понятия.

Терминологическая лексика на английском, французском, немецком и других языках страдает теми же пороками.

Профессор Эдинбургского университета писатель-популяризатор Ричи Кальдер писал: «Одной из главных трудностей в популяризации научных знаний является терминология, профессиональный язык... Научные термины ... превратились в загадочные. Иногда кажется, что их нарочно изобрели, чтобы вводить в заблуждение...»¹⁰⁸

Интерлингвисты и ученые, интересующиеся интерлингвистикой, приходят к выводу, что «науке и технике совершенно нецелесообразно пользоваться каким-нибудь национальным языком, так как все они нелогичны, непоследовательны и очень сложны», как то утверждал еще в 1910 г. проф. Р. Лоренц (Цюрих) в сбор-

нике группы ученых, сторонников проекта международного языка Идо, — «Международный язык и наука»^{66б}.

Известный австрийский терминолог Е. Вюстер в своей книге «Международная стандартизация языка в технике» («Die internationale Sprachnormung in der Technik», 1931) на основании конкретного лингвистического анализа пришел к такому же выводу. Он показал, что в главных языках мира — в английском, немецком, французском, итальянском, испанском и русском — системы словопроизводства, безусловно, недостаточны для удовлетворения значительно возросших потребностей общества: «Словопроизводство в них отстает от движения человеческой мысли, ищущей адекватных форм для своего выражения. Эта недостаточность словопроизводства в существующих языках зависит главным образом от того, что словообразовательные элементы не могут свободно комбинироваться...»

Е. Вюстер, опубликовавший в последующие десятилетия много работ по вопросам терминологии, сделал заслуживающий изучения вывод: «Самой совершенной явится такая система языка, которая будет допускать легкий и свободный выбор степени точности для каждого отдельного случая»¹⁰⁹.

В 30-х годах в редакционном предисловии к монографии Э. Дрезена «Интернационализация научно-технической терминологии» было сделано такое знаменательное признание: «Первые же исследования применимости того или другого языка (в качестве интернационального (латинского, английского, Эсперанто и др.) показали их неполноценность с точки зрения современной науки. Тут обнаружались и словарные, и морфологические, и звуковые, и письменные недостатки языка, осложняющие взаимное понимание, точность формулировок, затрудняющие образование многих терминов ...»^{110а}

Один из современных ученых, пишущих на английском языке, автор книги «Мозг как кибернетическая машина», Ф. Джорж выразил свою мысль об этом в таких выражениях: «На естественном языке, скажем на английском, не всегда можно высказать строгое утверждение в силу неопределенности и двусмысленности используемых слов»¹¹¹.

На одном из совещаний по вопросам кибернетики (1957) В. А. Успенский в своем докладе говорил о несовершенстве национальных языков для обслуживания науки, техники и экономики современного мира, науки особенно: «Недостатки реальных языков, заключающиеся в неадекватности их структуры структуре человеческих знаний, совершенно естественны. Ведь нельзя забывать, что языки возникли для совершенно других, можно сказать бытовых, целей и лишь впоследствии стали использоваться для запаса сложных научных фактов. Словарный запас языка не приспособлен для обозначения научных понятий...»¹¹²

Об этом же писали многие выдающиеся мыслители прошлого.

Терминологическая проблема складывается из двух основных тезисов: во-первых, человечеству нужен единый язык науки, техники и экономики, а во-вторых — язык этот должен быть более совершенным, чем языки стихийно-эволюционного происхождения.

Упорядочение терминологических систем в национальных языках, а в некоторых случаях создание их сообразно требованиям нормативной терминологии есть целенаправленное вмешательство человека в языковую эволюцию. Хотя упорядочение неорганизованно и бесконтрольно возникших терминосистем, проводимое в промышленно развитых странах, весьма относительно, знаменательным является тот факт, что оно все в больших масштабах завершается выпуском стандартов на термины и буквенные обозначения. Государственные стандарты — госты — на слова и словосочетания, выражающие научные понятия или обозначающие виды продукции, изделия, — такое же закономерное явление в современном обществе, как и стандарты на материалы, технические процессы, качества изделий. Без терминологических стандартов не может быть стандартов производственных: прямая зависимость экономики от языка.

Но все это только половина терминологической работы и терминологической проблемы применительно к национальным языкам. Другая половина этой проблемы и направленной на ее решение работы заключается в интернационализации терминов.

Интернационализация, или унификация, терминов в национальных языках имеет две основные степени — унификация их по содержанию и унификация и по содержанию и по форме. Унификация разноязычных терминов по форме никогда не сможет стать абсолютной, т. е. дать полное совпадение терминов национальных языков по произношению и написанию, равно как и не может стать всемирной — охватить все национальные языки, поскольку многие из них, например китайский, не заимствуют терминов из европейских языков, строят их целиком на собственном материале.

В истории терминологии известна попытка создания единой интернациональной, международной терминологической лексики в национальных языках. В 30-х годах Э. К. Дрезен, представлявший Советский Союз в Комитете терминологии Международной ассоциации по стандартизации (ISA), предложил заново разработать на греко-латинской основе единую научно-техническую терминологию, назвав ее международным терминологическим кодом (Дрезен употреблял слово *код* очень неточно: называл кодами и Эсперанто, и даже иностранные языки). Речь шла на самом деле о терминах — словах и словосочетаниях. Предложение советского герминолога, поначалу встреченное одобрительно, оказалось неосуществимым. Оно не было предварительно теоретически разработано.

Почему нельзя отсечь терминологии от общеупотребительных лексик национальных языков и заменить их все одной терминологической лексикой, интернационально-международной? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выявить место терминов в общем лексическом составе языка.

В литературе по вопросам терминологии нередко можно встретить противопоставление лексики общеупотребительной, общенародной и лексики специальной, профессиональной — терминологической. Терминологическая лексика в этих случаях представляется особой зоной лексического состава языка. Эту мысль проводят, в частности, К. А. Левковская («Терминология представляет собой особую сферу лексики, характеризующую определенную специфичность, отличающей ее от бытовых слов...»¹¹³) и С. М. Бурдип («Терминологическая лексика занимает особое место в словарном составе того или иного национального языка, имеет свою специфику, которая отличает ее от остальных слов...»¹¹⁴). Характерно это и для многих зарубежных авторов. Испанский лингвист Х. Касарес один из параграфов своего «Введения в современную лексикографию» озаглавил «Обособленность научной терминологии от общенародного языка»¹¹⁵.

Если бы терминологическая (терминология) в самом деле была обособлена от лексики общенародного употребления, предложение Э. К. Дрезна о создании общей для всех национальных языков терминологической лексики было бы реалистично. Но деление их лексического состава на две части — зоны — по существу неверно. Таких зон не две, а три. Графически лексический состав языка можно было бы изобразить в виде обширного круга, в центре которого — лексика общеупотребительная, слова и словосочетания которой терминологически не употребляются (междометия, местоимения, большинство наречий и глаголов, имена существительные и прилагательные эмоциональной и поэтической лексики, просторечные выражения). Наружная зона — самая обширная и все расширяющаяся — лексика терминологическая, слова и словосочетания которой не имеют общенародного употребления. Между ними лежит зона общеупотребительной лексики, слова и словосочетания которой употребляются в функции терминов, терминов и терминологических элементов (в основном это имена существительные, многие прилагательные и числительные, некоторые глаголы и наречия)*.

Все нас окружающее входит в ту или иную область профессиональной деятельности — область познания или производства. Одни и те же слова, означающие предметы и явления действительности, выступают то в функции слов широкого, общенародного употребления, то в функции слов узкого специального, профессионального употребления, уточняясь в своем прямом значении и входя в ту или иную систему понятий. В последнем употреблении слова общенародной лексики можно было бы называть функциональными терминами в отличие от терминов специальных.

В немецком стандарте (DIN) 2330-61 бытовое слово и понятие *стол* (der Tisch) определяется как терминологическое. Для тех, кто делает столы, это действительно термин; для тех, кто производство столов планирует и учитывает, кто столами торгует, это номенклатурное наименование, помен. Но в обиходной жизни, в быту, слово *стол* употребляется как не-термин, в который не вкладывается специфика его производства и который не связан ни с каким кодовым знаком. И таких слов — тысячи; с другой стороны, десятки, сотни слов, как *телевизор*, *антенна* и т. п., пришли в быт из науки и техники.

Итак, лексика общеупотребительная и лексика терминологическая имеют каждая по две зоны, одна из которых перекрывает другую, а две другие про-

* Элементы диалектов и жаргонов в данном случае могут не приниматься во внимание. Они представляют собой как бы нижний ярус лексического состава языка — его четвертую зону, игнорируемую его литературными нормами.

тивостоят друг другу. Здесь нет резких границ, одна зона незаметно переходит в другую.

Одни и те же общенародные слова употребляются в функции терминов то в прямом, собственном своем значении, то в значении несобственном, которое неточно называют переносным: переносится не значение, а форма слова для выражения другого значения. *Кошка, червяк, гусеница, паук* — эти и многие другие слова общеупотребительной лексики могут выступать терминологически и в прямом значении, как термины функциональные, и в значении, так сказать, переносном, как термины специальные, понятные только специалистам, в данном случае — как термины механики.

Ограниченные возможности словообразования в национальных языках для терминования специальных понятий вынуждают специалистов использовать слова общеупотребительной лексики в их несобственном, непрямом значении, что вносит в специальную терминологию семантически искаженные элементы общенародного языка и лишает эти термины научной строгости и точности.

Вот как тесно и неразрывно переплетены между собой лексика общеупотребительная, общенародная и лексика специальная, профессиональная — терминологическая. Поэтому-то и нельзя отделить терминологию национальных языков от их лексических составов и решить проблему единой всемирной терминологической лексики вне проблемы всемирного языка. При наличии большого числа терминов, которых называют *интернационалистами*, но которых следует назвать *интеронимами* *, терминологи сужают проблему унификации разноязычных терминов до проблемы согласования их по содержанию, по значению — согласования определений тех понятий, которые выражаются разноязычными терминами-эквивалентами.

К этому и сводится в настоящее время международная терминологическая работа, которая имеет своей практической задачей составление многоязычных терминологических словарей. Эти словари, как известно, включают термины обычно лишь нескольких языков. По сравнению с числом национальных языков это так мало!

Однако и в таких ограниченных масштабах согласование разноязычных терминов по значению и выработка единых определений понятий оказывается делом очень непростым, нелегким. Это показал прежде всего опыт составления словаря электротехнических терминов и определений к ним Международной электротехнической комиссии (МЭК) — пионера международной терминологической работы. Между составителями словаря возникали такие разногласия, что иногда приходилось даже отказываться от помещения того или иного термина в словарь из-за невозможности сформулировать определение к нему, с которым согласились бы даже не все, а хотя бы простое большинство членов комитета.

* Термин *интернационализм* имеет настолько широкое применение как термин социально-политический, что использовать его и как термин лингвистический для обозначения интернационального слова представляется нецелесообразным. Лучше ввести для этого новый термин — *интероним*.

Начатая в начале нашего века и прерванная первой мировой войной работа над словарем завершилась лишь в 1935 г. Из-за трудностей дать индентичные определения на разных языках, они были даны лишь на французском, а сами термины также на английском, немецком, итальянском и испанском языках; в виде опыта был присоединен и Эсперанто, а впоследствии сделан также русский перевод. Академик А. В. Винтер засвидетельствовал, что «чрезвычайно трудным оказался и точный перевод французских определений». Это и заставило МЭК отказаться от определений на ее двух официальных языках (т. е. также и на английском). К составлению и редактированию русского текста словаря были привлечены видные ученые, но, несмотря на это, содержание определений «вызывает часто некоторые сомнения среди наших специалистов»¹¹⁶.

Э. К. Дрезен, принимавший участие в терминологической работе Международной ассоциации по стандартизации, пришел к убеждению, что результаты этой работы настолько неудовлетворительны, что она зашла в тупик и нужно искать каких-то новых путей^{110б}.

С тех пор прошла треть столетия — и какого столетия! — а новые пути решения международной терминологической проблемы так и не найдены. (Вне интерлингвистики и не могут быть найдены!)

Вместо прекратившей свое существование во время второй мировой войны ISA представители 25 стран, в их числе СССР, в 1946 г. положили начало новой Международной организации по стандартизации — International Standards Organization (ISO), при которой возродился и технический комитет — ТК-37 — «Терминология (Принципы и координация)». В 1961 г. при ЮНЕСКО начал работу Международный консультативный комитет по библиографии, документации и терминологии. Терминологической работой — изданием многоязычных словарей — занимается еще около 30 отраслевых международных организаций. И все они встречаются с теми же трудностями, с какими столкнулась Международная электротехническая комиссия.

Как протекает международная терминологическая работа в отдельных отраслях науки и техники? Используем в качестве примера терминологическую систему сварочной техники. В СССР ее разрабатывала и упорядочивала 6-я комиссия «Терминология» Национального комитета по сварке совместно с несколькими отраслевыми институтами. Общий терминологический фонд по сварочной технике на русском языке, соответствующий такому же фонду на ряде других терминологических развитых языков, насчитывает свыше 1600 единиц. Международный институт сварки, членом которого состоит СССР в лице своего комитета и институтов по этой технике, выпускает терминологические словари на 12—18 языках. В связи с этим проф. В. Д. Мацкевич писал, что «при

согласовании различных развернутых понятий не удается получить идентичный текст на разных языках. Добиться полного смыслового совпадения, вероятно, невозможно»¹¹⁷.

Есть несколько видов терминологических словарей. Одни и те же виды их в европейских языках называются по-разному, а сходные названия их по-разному понимаются. По этому вопросу на II Международной терминологической конференции в Вене (1954) разгорелась целая дискуссия, и ни к какому соглашению участники ее прийти не смогли.

Известно, что английский язык заимствовал множество слов из французского, а французский язык заимствует немало их из английского. Но далеко не всегда общие слова имеют одинаковое значение во Франции, Англии и Соединенных Штатах Америки, даже такие, которые имеют большое экономическое значение. Например, французский коммерсант, ожидающий из-за границы груз *blé*, известный в Англии под названием *corn*, а в США — под названием *wheat* (пшеница), может получить вместо него груз маиса (*maïs*), известного в США под названием *corn*, а в Англии — как *Indian corn*¹¹⁸. С терминами продуктов нефти в международной торговле путаница еще большая. Бензин в США называют *gasoline*, в Англии — *petrol*, во Франции — *essence*, в некоторых других странах — производными от корня *benz*. Керосин в США называется *kerosene*, в Англии — *paraffin*, во Франции — *paraffine* (продукт, применяемый только в медицине), а английский *paraffin* известен как *petrol*, поэтому английский турист во Франции, желая купить *petrol* — бензин, может получить вместо него керосин — *petrol*.

В американской терминологической литературе встретился живой пример, к чему в действительности доводят расхождения в понимании того или иного термина. Термин *воспламеняющийся* был заимствован из французского языка в США как *flammable* от слова *la flamme* (пламя), а в Англии — как *inflammable* (неправильно). Из-за этого различия в одном из нью-йоркских портов произошел большой пожар: надпись на английских грузах «*Inflammable*» («Воспламеняющийся») была понята в противоположном значении, и не было принято мер предосторожности с огнем¹¹⁹.

В разных странах мира ежедневно делаются новые открытия и изобретения, усовершенствования, выпускаются новые материалы и изделия, и все это требует своих названий, они возникают по-прежнему в царстве анархии словопроизводства, что при многоязычье современной научной, технической и экономической литературы и документации увеличивает терминологическую неразбериху. Терминологи со своими словарями и стандартами не могут с этим столпотворением справиться. Появилось, например, новое искусственное волокно — и в США его назвали орлоном, в Англии — куртелью, в Голландии — акрилом, в СССР — нитроном, в Японии — кашмилоном¹²⁰. Не только потребителям — самим производителям нелегко в таких случаях разобраться, обозначают ли различные названия нечто различное, либо сходное, либо одно и то же.

Исследователи терминологической лексики японского языка и терминологической работы в Японии пришли к выводу, что состояние этой лексики — хаотическое.

Еще более сложна и трудна терминологическая проблема для стран многонациональных, многоязычных: она интернациональ-

на в масштабах всемирных, интернациональна и в масштабах страны. Для Советского Союза терминологическая проблема не ограничивается терминологической лексикой русского языка. В Советском Союзе 68 языков — письменные и литературные, и за десятилетия Советской власти на большинстве из них (особенно на языках союзных республик) создана или получила дальнейшее развитие терминологическая лексика. Терминологическая работа в союзных республиках продолжается, выходят в свет специальные словари. Этого требует и преподавание на родном языке в школах, техникумах, институтах, университетах, академиях; и издание учебной и научной литературы, оригинальной и переводной; и сама практическая деятельность национальных кадров специалистов.

Еще сложнее и труднее терминологическая проблема для Индии, у населения которой нет той языковой общности, какую представляет собой русский язык для советских наций. На департамент (Board) языков при министерстве просвещения Индии возложено руководство формированием научной и технической терминологии на главных языках страны. Разработанные в середине 50-х годов рекомендации по терминологической работе этого департамента сводятся к следующим принципам: сохранить уже прижившиеся термины современных индийских языков и создавать новые термины на собственной многонациональной основе; создавать новые термины на основе санскрита; заимствовать термины из европейских языков, имеющих интернациональное распространение, давая им двойное написание — на алфавите Деванагари и латинском¹²².

Как рассказывал ректор университета Расаяна Мандира д-р Шридхар Даттатрая Лимаи (Shridhar Dattatraya Limaye) на страницах журнала Международной федерации переводчиков (FIT) «Babel» («Вавилон»), в Индии нет единого мнения, нужно ли все технические термины заимствовать из английского языка или из других иностранных языков и нужно ли вообще обращаться за этим к Европе. Самый большой камень преткновения для индийских терминологов это греко-латинские номенклатуры естественных наук, принятые в европейских языках. Насколько они осмыслены для тех или иных европейских специалистов, настолько непонятны индийским студентам, а порой и самим преподавателям. Если все эти номенклатурные термины, утверждает далее индийский ученый, будут введены в индийские языки (вспомним, что 14 из них считаются главными), то они — экзотические для индийцев — подвергнутся искажению или будут все же вытеснены.

* * *

До сих пор у нас речь шла о терминологии, обслуживающей технику и экономику (производство) и науки, к ним относящиеся.

Но есть еще науки общественные, гуманитарные, которые также имеют свои терминосистемы или недостаточно систематизированные совокупности терминов. И проблема упорядочения этих совокупностей в пределах национальных языков и их интернационального согласования также встает перед учеными-гуманитаристами всех развитых стран и в дальнейшем встанет также перед учеными стран, вступающих на путь всестороннего развития.

В этих областях знания с терминами обстоит еще хуже, чем в областях материального производства. Заглянем хотя бы в лингвистику, поскольку именно лингвистам надлежало бы показать хороший пример работникам всех прочих наук в упорядочении своей системы терминов, в уточнении их значений и создании новых однозначимых терминов. Что же мы видим здесь в действительности?

Возьмем само слово-термин *значение*. Что оно, собственно, значит? На эту тему английские лингвисты Ч. К. Огден и И. А. Ричард написали целую монографию «Значение значения» («The Meaning of meaning», 1936), где на фактическом материале показали, что *meaning* имеет 23 различных *мининга*-значения, иные из которых далеки друг от друга, и что вокруг термина *значение* у лингвистов и философов возникла полная неразбериха¹²⁴. Это справедливо в пределах не только английского, но и русского и других языков. И подобные исследования могли бы быть проведены в отношении всех остальных терминов лингвистики, философии и прочих гуманитарных наук. Результаты их были бы примерно такими же — весьма неутешительными, тревожными.

На Всесоюзном терминологическом совещании, проведенном Институтом языкознания АН СССР в 1959 г., академик В. В. Виноградов признал, что «в сфере филологических наук на всех наших съездах, конференциях, совещаниях с необыкновенной остротой выступают вопросы неустроенности и неопределенности терминологии»¹²⁵. В это признание крупнейшего советского филолога стоит вдуматься. Следует ли понимать его как признание бессилия филологов-лингвистов справиться с неустроенностью и неопределенностью терминов прежде всего в их области знания? Или как признание неприспособленности самих так называемых естественных языков к образованию логически четких терминосистем? Это — тоже тема для исследования.

Проиллюстрируем ее несколькими примерами-высказываниями.

В одной из современных книг по лингвистике можно встретить такое суждение: «Термин *язык* оказался особенно подверженным разбуханию понятий, столь вредному для науки: обозначение термином *язык* самых разнообразных видов коммуникации сделали его фактически непригодным для обозначения естественного языка, собственно языка...»¹²⁶. В лингвистике ходовым стал термин *структура языка*, но, как сказано в одной из статей «Вопросов языкознания», «едва ли найдутся два автора, понимающих под этим термином одно и то же»¹²⁷. В книге польского автора А. Шаффа «Введение в семантику» есть такие строки: «...Поражает огромная многозначность

слова *знак*. Поражают одновременно необычайная неустойчивость и даже просто произвольность в терминологических различиях между *анакон*, *признаком*, *символом*, *сигналом* и т. д.» О семантике как научной дисциплине Шафф пишет, что она стала настолько сложной, а термин настолько многозначимым, что к самому слову *семантика* следовало бы применять семантический анализ. В. Звегинцев заметил по этому поводу: эта «комонимия наук» нередко порождает «тяжелые теоретические недоразумения»¹²⁸.

Французский лингвист Ж. Марузо (Marouzeau) составил словарь лингвистических терминов, в предисловии к которому писал: «Эта терминология складывалась стихийно. Результатом явились сильная пестрота и значительная неустойчивость словоупотребления, затрудняющие понимание, а иногда и взаимопонимание между учеными. Трудности усугубляются тем, что часто один и тот же термин — не считая мелких различий в форме — в разных языках имеет неодинаковые, иногда прямо противоположные значения. Таким образом, даже единообразие, когда оно существует, может ввести в заблуждение». В предисловии к русскому изданию указывается, что различные языки обычно используют неодинаковые терминологические системы разной степени разработанности, это ведет к излишним разногласиям и недоразумениям, а перевод всякого — не только терминологического словаря сопряжен с огромными трудностями¹²⁹.

В предисловии к русскому изданию «Словаря американской лингвистической терминологии» — признание еще более разительное: «Трудно найти хотя бы несколько терминов, относительно понимания которых существовало бы [у американских лингвистов] общее согласие»¹³⁰.

Не лучше положение с терминами философии. Еще Декарт утверждал: «Если бы философы пришли к согласию относительно смысла слов, почти все их ученые споры прекратились бы»¹³¹. Одним из первых мыслителей эпохи буржуазного развития общества, писавших о недосвершенстве национальных языков, был английский философ Джон Локк (Locke, 1632—1704). В его главном научном труде «Опыт о человеческом разуме» («An essay concerning human understanding», 1690) есть глава «О несовершенстве слов», он эту тему рассматривал и в предыдущих и последующих главах третьей книги трактата. Главное несовершенство языка он усматривал в двусмысленности и многосмысленности слов. Вслед за Декартом Локк утверждал: «Если бы несовершенства языка, как орудия познания, были взвешены более основательно, то большая часть споров, создающих столько шума, прекратилась бы сама собой, и путь к знанию, а может быть также и к миру, стал бы более свободным, чем в настоящее время»¹³². Несколько позже это повторил в своих «Новых опытах о человеческом разуме» Лейбниц.

Проходят столетия, но философы разных стран и языков, разных направлений и течений никак не могут прийти к соглашению о значении своих терминов. Да они, собственно, и не пытаются это сделать, продолжая лишь время от времени жаловаться на несовершенство слов. Таково положение с понятиями и словами-терминами и у социологов, и других обществоведов. В развитых странах терминологическая работа ведется преимущественно в тех областях науки, которые имеют отношение к технике и экономике. Все, что делают ныне терминологи по уточнению понятий и терминов и по согласованию их в разных языках, есть прибли-

жение к той работе, которая предстоит как первоочередная создателям всеобщего языка; более того, терминологическая работа есть уже часть этой работы, и можно сказать, что основа для терминологии языка будущего уже закладывается.

Наличие всеобщего языка с терминологической лексикой, состав которой полностью соответствовал бы в каждый данный исторический момент количеству понятий, имеющих точные и обязательные для всех определения, был бы величайшим завоеванием всего прогрессивного человечества.

* * *

Следует ли бояться искусственности общечеловеческой терминологической лексики? Искусственностью здесь было бы лишь ее полное соответствие требованиям нормативной терминологии: точности, краткости, системности.

Системность есть закономерность словообразования. В любом живом языке — сколько угодно примеров такой закономерной системности и вместе с тем ее нарушений. Например, в русском языке: *клубника, земляника, ежевика, голубика... мастика* — нарушение закономерности! *Салатница, сахарница, перечница, мыльница, пепельница... колхозница* — опять нарушение! В стихийной эволюции языков закономерности не могли проявляться в полной мере. *Яблоко — яблоня* — плод и дерево; различные понятия морфологически выражены по-разному. «Расцветали яблони и груши...» Почему не *грушни*? *Груша* ведь это плод. *Яблоня — вишня*, и снова *вишня* — дерево и плод...

В советской интерлингвистической литературе уже давно приводилась такая терминологическая микросистема в качестве примера того, как термины должны быть организованы при соблюдении принципа их семантико-формальной — а не только семантической — системности (номенклатура ациклических углеводов):

метан	этан	пропан	бутан	пентан	гексан
метен	этен	пропен	бутен	пентен	гексен
—	этин	пропин	бутин	пентин	гексин
—	этадиен	пропадиен	бутадиен	нентадиен	гексадиен

Конечно, в «естественных» языках такого стихийно не возникает, хотя тенденция к системности в них и пробивается.

Такие строго логические терминосистемы имеют и еще одно преимущество: они интернациональны, всеобщи. На упоминавшемся совещании в Академии наук СССР по номенклатуре неорганических соединений химик В. А. Богомаз напомнил, что химическая номенклатура должна быть интернациональной, международной, ибо прогресс человечества неуклонно ведет ученых к созданию единого международного языка^{90б}.

* * *

Уместно высказать некоторые соображения по этой актуальной проблеме. Представляется целесообразным из всей терминологической лексики выделить прежде всего ту, которая будет обслуживать грядущее международное социалистическое хозяйство. Назовем эту лексику международно-хозяйственной. Это — лексика научной, технической и экономической информации, связующей народные хозяйства отдельных стран в одно целое.

Поиски путей наиболее рационального решения этой части терминологической проблемы приводит к идее международной кодовой терминологической лексики, кодовой потому, что код вводит технико-экономическую информацию в электронно-вычислительные машины, которым предстоит совершить революцию в управлении экономикой. Эти кибернетические машины приспособлены к цифровому коду, но при сравнительно небольшом переоборудовании они могут работать и на коде буквенном.

К идее международной кодотерминологической лексики приводит изучение научных поисков интерлингвистов, создававших априорные проекты всеобщего языка. Они строили весь лексический состав по принципу сплошной буквенной символики, не только грамматической, но и лексической, корневой. В этих системах, отличающихся значительной искусственностью, первая буква всякого слова символизирует одно из самых общих понятий, вторая — менее общее, третья и остальные, если они имеются, — все более частные. В этнических языках самые основные элементы, связанные с выражением лексических понятий, — корни слов — лишены такой буквенной символики. Нашим языкам свойственна лишь символика лексико-грамматическая и грамматическая, т. е. словообразовательная и словоизменительная — символика аффиксов и флексий. Но и такая символика лишена строгой последовательности, нарушена не оправданной смыслом множественностью типов словоформ и многочисленными исключениями из правил, пережитками. Тенденция к буквенной, точнее к фонемной, символике, проявившаяся во всемирном глоттогоническом (языкотворческом) процессе, доведена до логического конца — до символики лексической корневой — в проектах универсального, всеобщего языка априорного типа.

В интерлингвистике XX в. получил широкое признание другой принцип — апостериорный: строить слова по образцу слов живых языков и из их материала — без символики элементов корня, доводя лишь символику аффиксов и флексий или заменяющих их предлогов до полной последовательности. В истории идеи всеобщего языка известны также смешанные — априорно-апостериорные — проекты.

Во всех многочисленных проектах языка будущего вся его лексика строилась по одному принципу: либо априорному, либо априорно-апостериорному, либо апостериорному. Здесь предлагается другое: сохраняя за общеупотребительной лексикой принцип

апостериорный, всем народам мира привычный, строить по априорному принципу ту терминологику всеобщего языка, которая войдет в будущий Единый всемирный классификатор материальных ценностей и будет использоваться в учете их, в учете и планировании продукции, в управлении мировым, а затем и всемирным социалистическим хозяйством.

Единый классификатор продукции СССР (на сегодня существующий лишь в предварительном варианте, в проекте) содержит цифровой десятичный код. Этот код имеет, помимо достоинств, и серьезные недостатки: все включаемое в один класс должно уместиться либо в десяток кодовых единиц (0—9), либо в сотню (00—99). Но десяток для классификационного ряда может быть мал, а сотня слишком велика.

Буквенный код более гибок. А главное, он лингвистичен, если будет строиться по принципу удобопроизносимости — чередования гласных и согласных. В этом случае кодовые единицы могут служить вместе с тем и терминами. В каждом таком кодотермине первая буква, предположим согласная (обозначим условно как с1), символизирует одно из наиболее общих понятий (таких, как сельское хозяйство, машиностроение, металлургия и т. д.), вторая буква — гласная (обозначим как г1) — менее общее (животноводство, овощеводство, зерноводство; сельскохозяйственное машиностроение, транспортное машиностроение... и т. д.), третья буква — снова согласная (с2) — частное понятие (молочное животноводство и т. д.; самоходные сельхозмашины и т. д.), четвертая буква, если она нужна, — снова гласная (г2) и т. д., пока терминируемое понятие исчерпано в своих классификационных признаках. Если понятие относится к какому-нибудь промышленному изделию, которое находится в седьмом, восьмом, девятом, десятом рядах классификатора и ряд этот широк, последние конкретизирующие признаки изделия могут символизироваться не буквами, а цифрами; подобный принцип, только в неотработанном виде, встречается в современных производственных номенклатурах. Кодотермины (исключая цифровые конкретизаторы) будут конструироваться в такой системе по модели с1-г1-с2-г2-с3-г3...

По этому принципу чередования согласных и гласных построено превеликое множество слов в существующих языках, особенно в благозвучном итальянском. Характерна такая конструкция слов и для японского языка. И в русском языке много таких слов: *корова*, *молоко*, *кукуруза* и т. д. В таких словах, как и во всех остальных, буквы корня ничего не означают. В кодотерминологии в термине *корова* *к*, предположим, могло бы означать 'сельское хозяйство',³ первое *о* — 'животноводство', *р* — 'молочное животноводство', второе *о* (значение букв меняется от места в кодотермине) — 'самка крупного рогатого скота', *в* и *а* — возраст (взрослая, дающая молоко, в отличие от телки) и определен-

ную породу. Это лишь весьма условная иллюстрация предлагаемой международно-хозяйственной кодотерминологии в языке будущего.

Идея ее требует теоретической разработки, в которой надо будет решить ряд вопросов. Прежде всего: сколько фонем (и соответственно графем) будет во всеобщем языке и какие? Сколько удобопроизносимых комбинаций их могут быть использованы в кодотерминологии?

Пионеры всеобщего языка проблемой буквенной комбинаторики занимаются уже давно — с XVII в. Здесь открылось много интересного. Например, по подсчетам интерлингвиста Г. Бауера, автора Спелина (1888), из комбинаций в четыре фонемы-буквы (не считая корней из меньшего числа букв) можно образовать 20 980 корней. Из 20 корней, 20 префиксов и 20 суффиксов Бауер выводил, путем их различных комбинаций, 8380 слов, а из 100 корней, 50 префиксов и 50 суффиксов — в 10 раз больше слов, чем их содержится в любом национальном языке. А сколько слов-терминов можно сконструировать из 20 тысяч корней? Сколько миллионов?

Как рассказывает Т. А. Дегтярева, один из немецких популяризаторов фонологического структурализма — Г. Лауберг — сделал расчеты словообразовательных возможностей гипотетического, искусственного языка, располагающего всего 20 фонемами: получилось 3 368 420 слов, состоящих из одной, двух, трех, четырех и пяти фонем, — «такой язык имеет уже все условия для выбора более приемлемых комбинаций по принципу удобной произносимости, красоты звучания, ясности синхронной этимологической связи и т. д. Вся система языка получает четкость, ясность, совершенство своего оформления»¹³³.

Каковы же возможности фонемных комбинаций 30-фонемного и тем более 40-фонемного языка? Они колоссальны. По подсчетам структуралистов, французский язык, имея 33 фонемы, располагает теоретической возможностью создать 40 358 373 слов, не превышающих в своем составе пяти фонем, немецкий язык с его 43 фонемами — 144 974 543 таких слов, а русский, располагающий 39 фонемами (по подсчетам Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова¹³⁴), — 92 598 519 таких же коротких слов. Эти числа значительно возрастут, если мы допустим возможность шестифонемных слов, не говоря уже о более длинных. Нужно иметь в виду, что значительное большинство комбинаций фонем не создает слов, т. е. не дает удобопроизносимых звукосочетаний.

Языки эволюционного происхождения используют лишь незначительную часть своих возможностей. В научно-сконструированном языке десятки миллионов видов и подвидов продукции всемирного социалистического хозяйства получают свои номенклатурные термины, которые будут вместе с тем и кодовыми знаками во всемирной системе экономической информации, обеспечивая с помощью

средств кибернетики быстроту и точность учета, планирования и управления во всемирном производстве материальных ценностей и их распределении. Потребность в единой системе кодотерминов социализм ощутит еще задолго до того, как станет единой всемирной экономической системой.

При разработке системы экономической кодотерминологии среди других вопросов надо будет решить и такой: возможно ли в кодотермине сочетание двух согласных и сочетание двух гласных и какие именно? Далее: целесообразно ли в терминологии аффиксальное словообразование и в каких случаях? Должны ли кодотермины грамматически оформляться окончаниями?

Учитывая, что терминология состоит из терминов специальных и терминов функциональных (если соглашаться с таким выше предложенным разделением видов терминов), следует признать, что многие понятия, выраженные функциональной терминологией, должны иметь двойное выражение: общее (широкого употребления) и специальное (узкого употребления), т. е. помимо кодотермина, такое понятие должно будет иметь еще слово апостериорного типа, как все общеупотребительные слова. Кодотермины как абсолютные синонимы слов всеобщей лексики нужны только для понятий, которые будут использоваться экономической информацией в системе кибернетического управления всемирным хозяйством.

Кодотермины не надо будет кодировать для ввода их в кибернетические машины, не надо будет их по выходе из машин декодировать. Кодовый знак, термин и номен в Едином всемирном классификаторе обозначат одно понятие, один вид продукции, сольются в звуковой и графический комплексы.

В такой технико-экономической терминологии каждое понятие получит свой одинаково во всем мире понимаемый термин, что особенно важно. В системе кодотерминологии будут заложены и резервы для обозначения новых понятий, которые не могут не появляться в дальнейшем, для новых видов продукции всемирного хозяйства. Значение всякого, даже незнакомого, термина будет раскрываться значением каждой его буквы.

Нужно ли будет строить по принципу сплошной буквенной символики всю специальную терминологию всеобщего языка, т. е. и такую, которая не используется в системе технико-экономической информации и управления социалистическим хозяйством, — вопрос, который требует дополнительной разработки.

Но самое главное, надо решить в принципе вопрос о возможности сочетания в лексическом составе общечеловеческого языка слов апостериорного и априорного типов, слов-нетерминов обычных и терминов обычных с кодотерминами.

Этот вопрос, как и все остальные вопросы языка нового человечества, можно и нужно разрабатывать и решать, не дожидаясь всемирной победы социализма.

4. РАЦИОНАЛЬНОМУ ЯЗЫКУ — ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ ЛЕКСИКУ И ПРОСТОРЕЧИЕ

«Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»¹³⁵, — писали в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс.

Литература в более широком значении этого слова включает в себя произведения не только художественные, но и научные. Если в научной литературе первостепенное значение имеет терминологика, то в художественной — лексика общеупотребительная, общенародная.

И здесь мы должны согласиться с Константином Фединым в том, что язык — основной материал художественного произведения: «Художественная литература это искусство слова. Даже столь важное начало литературной формы, как композиция, отступает перед решающим значением языка писателя»¹³⁶.

Что единый язык нужен всемирной науке — научной литературе всего мира, ее авторам и читателям — это давно не вызывает сомнений. Но вот вопрос спорный: нужен ли он и всемирной художественной литературе, поэзии? Если не нужен, к нему, ко всемирному, общечеловеческому языку, будут предъявляться одни требования, если же нужен — другие, повышенные.

В последнем случае проблема всемирного языка будет проблемой не только рационального языка (каковой она была и продолжает быть в домарксистской интерлингвистике), но и языка эмоционального, поэтического, обладающего всеми средствами выразительности, экспрессивности, способного наилучшим образом выражать тончайшие эмоции, глубочайшие переживания, все многообразные отношения людей друг к другу и ко всему их окружающему, всю красочность, всю красоту земного бытия. Для того, чтобы быть совершенным средством общения во всех областях деятельности, язык прежде всего должен быть совершенным средством выражения.

Если национальные языки не располагают достаточными словообразовательными возможностями для точных, кратких и системных терминов, выражающих миллионы понятий науки, техники и экономики современного мира, то для повседневного общения, для выражения обычных мыслей, чувств, ощущений, для описания явлений природы существующие языки располагают более или менее богатой лексикой. Вполне ли достаточной — это еще вопрос.

Известно, что поэтическое творчество уходит своими корнями в глубокую древность, что многие языки, даже долго не имевшие

или все еще не имеющие письменности, послужили неплохим материалом для устного народного творчества, что на языках и малых народностей сложено немало стихов-песен, сказаний, сказок, притч, пословиц. При формировании национальных языков с их печатной литературой поэты и писатели-прозаики совершенствовались и пополняли средства их художественной выразительности.

Ученые всех стран давно сетуют на несовершенство терминов, которыми пользуются. А поэты? А писатели? Достаточно ли им слов для выражения всего того, что хочется выразить? Удовлетворены ли они теми языками, на которых создают свои произведения? Оказывается, и здесь мы можем встретить много неудовлетворенности.

Впрочем, как хорошо известно, всякому языку, на котором созданы шедевры поэзии и прозы, воздавалось должное; русскому — в частности и в особенности. Ломоносов находил в нем все достоинства прославленных языков Запада и античного мира, восторгался им и Державин. Фонвизин писал о его «богатствах и красотах», Карамзин — о его «блистательных качествах». Гоголь называл его «полнейшим и богатейшим из всех европейских языков», в сходных выражениях отзывался о нем Чернышевский. Тургенев возвеличил его как «великий, могучий, правдивый и свободный», Аксаков отмечал свободу и точность выражений в нем, Достоевский — его способность к переводам. Лев Толстой считал его «удивительным по верности, красоте, разнообразию и силе», Горький — «неисчерпаемо богатым», отличающимся «сжатостью, крепостью»...

Тем знаменательнее у поэтов и писателей чувство неудовлетворенности языком. Надсон сетовал:

Нет на свете мук сильнее муки слова...
Холоден и жалок пищий наш язык!

Иные толкуют это как муки творчества: мучительно трудно подобрать нужное слово из ряда возможных. В этом есть доля правды. И все-таки вряд ли качества языка здесь совершенно непричем!

Достоевский говорил (в «Братьях Карамазовых») о «страдании, что мысль не пошла в слова». Писемский жаловался на грубость слова для выражения мысли. «Муки слова» от невозможности выразить все, что хочется выразить, и так, как это хочется, знал и Пушкин: он говорил об этом Смирновой...

К началу нашего столетия А. Г. Горнфельд собрал подобные высказывания и издал их отдельной книгой, так и названной «Муки слова». В ней он, между прочим, упомянул о «Русских ночах» Одоевского, где вопрос о несовпадении слова и мысли — основной мотив рассуждений. Афористично выразил это Тютчев в стихотворении «Silentium»: «Мысль изреченная есть ложь»,

То же можно сказать и об «изречении» чувств: очень часто слова неспособны должным образом выразить переживания в их индивидуальной конкретности, выражают их очень приблизительно, неопределенно, неточно, искаженно, стереотипно. А разве приблизительно, расплывчатые по смыслу слова передают с желанной точностью ощущения — восприятия внешнего мира, все его краски, запахи, звуки? Сколько, например, в порождениях природы и в изделиях промышленности цветов (*цветов* от слова *цвет*), сколько оттенков! И как мало для передачи всех их слов! Некоторые из слов этого рода к тому же образованы от названий цветов (*цветов* от слова *цветок*) или плодов, хотя каждый цветок и каждый плод (имеются в виду их виды, а не особи) — роза, сирень, фиалка... апельсин, лимон, черешня... — обладают различными окрасками. Бедны словесные палитры! А со словесным воспроизведением запахов и звуков дело обстоит еще хуже. Горнфельд сделал такой вывод: «Мир ярок, колоритен, многообразен, а язык недостаточно гибок, покорен, податлив...»¹³⁷

Признаваясь, что «крайне трудно найти точные слова», Горький писал по этому поводу: «Редкий из поэтов не жаловался на „нищету“ языка. Я думаю, что это — жалобы на „нищету“ не русского, а вообще человеческого языка, и вызывает их то, что есть чувства и мысли неуловимые, не выразимые словом. Именно об этом прекрасно говорит книжка Горнфельда»^{137а}.

О тех же «муках слова», испытываемых художниками слова, шла, между прочим, речь на недавнем симпозиуме писателей и ученых по комплексному изучению художественного творчества (Ленинград, 1963): «... слов не хватает для отражения многочисленных оттенков эстетических эмоций...»¹³⁸

Маяковский восклицал в поэме о Ленине: «Как бедна у мира слова мастерская! Подходящее откуда взять?»

А вот свидетельство Льва Толстого: «Слово далеко не может передавать воображаемого, но выразить действительность еще труднее»¹³⁹.

Сходным образом высказывались известные писатели и философы, писавшие на других языках.

Один и тот же язык кажется тем, кому он служит материалом для произведений, то неисчерпаемо богатым, то удручающе бедным. Чем объяснить такое противоречие? Вероятно, тем, что всякий язык, стихийно и мало-помалу создававшийся в течение столетий и тысячелетий, обладает неравноценными качествами. Наличие в современных языках всевозможных недостатков и пережитков позволяет утверждать, что они — при всех своих достоинствах — не достигли той степени совершенства, в которой испытывают потребность взыскательные к слову поэты, писатели и их читатели.

Необходимость более совершенного языка, обладающего более богатой лексикой и более гибкой грамматикой, чем существую-

щие языки, — вот первый довод в пользу создания языка не только всемирной науки, но и всемирной художественной литературы.

Это, разумеется, не означает, что мысли, ощущения, представления, чувства во всеобщем языке будут выражаться со всей полнотой и точностью, что в нем не будет никакого разрыва между «планом содержания» и «планом выражения» (по терминологии Ф. де Соссюра). Внешний мир и внутренний мир человека — то, что составляет содержание языка и подлечит выражению, это одно, а язык, как бы ни был он совершенен, нечто совсем другое, хотя то и другое в человеческой практике неразрывно связано. Но сделать язык нового общества и новой культуры по возможности более совершенным средством выражения, чем те средства, которые достались современному человечеству от предшествовавших поколений, это право и обязанность творцов новой жизни на Земле, новой всемирной истории.

Второй довод за то, чтобы всеобщий язык стал и языком всемирной художественной литературы эры коммунизма — литературы, не нуждающейся в переводчиках, всем доступной в подлинниках, — заключается в констатации того факта, что национальные литературы ограничены в распространении своими языками, что подлинники произведений национальных литератур недоступны иноязычным читателям и все произведения, достойные всеобщего внимания, не могут быть обеспечены переводами на все литературные языки мира и, следовательно, находить повсеместное распространение.

Всемирная литература на национальных языках это десятки и сотни литератур, разобщенных языковыми границами, каждая из этих литератур открыта более или менее ограниченному количеству читателей. Эти, как говорят, «круги» читателей очень неодинаковы, что создает для них и для самих авторов неодинаковые возможности.

К литературам большого круга читателей принадлежит, например, русская литература, но и она непосредственно доступна лишь меньшинству читателей мира.

Советский Союз часто устраивает выставки своих книг в зарубежных странах. На выставке советской детской книги в Лондоне (1962) посетителей было много, но их уму и сердцу выставленные издания говорили не более, чем тому мальчику, о котором рассказала в своей корреспонденции Агния Барто:

«Вот к стенду с научно-художественной литературой подходит мальчик лет тринадцати. Не задумываясь, он выбирает книгу, на обложке которой — звездное небо, летящая ввысь ракета.

— Книжка переведена на английский язык? — деловито спрашивает он.

— Нет, не переведена.

— Вот это жалко! — восклицает школьник и, вздохнув, ставит книгу на место»¹⁴⁰.

Читателям повсюду остается лишь тяжело вздыхать при каждой встрече с вызывающей интерес книгой на непонятном языке.

Когда Расул Гамзатов был на Кубе, ему подарили несколько книжек кубинских поэтов. Он писал по этому поводу: «Стихи на непонятном языке. Но это драгоценный сундук: поднять и взять этот сундук тяжело, открыть его — у вас ключей нет»¹⁴¹.

Перед переводчиками художественных произведений встают немалые трудности. Но они неодинаковы для писателей, пишущих на распространенных и нераспространенных языках. Писателям, пишущим на языках мирового значения, несравненно легче находить путь к иноязычным, иностранным читателям.

На страницах «Курьера ЮНЕСКО» М. Аррэ рассказывал о больших трудностях, встающих перед авторами новой французской книги или рукописи на пути к переводу на английский язык. Насколько же труднее в этом отношении приходится авторам книг, написанных на языках, гораздо менее известных, нежели французский! Согласно ежегоднику ЮНЕСКО «Index translationum» («Указатель переводов»), из 21 667 книг, переведенных в 65 странах в 1954 г., 7498 переведено с английского, 3874 — с русского, 2870 — с французского, но ни одна книга не переведена, скажем, с пенджабского. (По юнесковским данным за предыдущие и последующие годы, картина литературных переводов в мире примерно та же.) А ведь и в пенджабском, да и на многих других языках Индии, на множестве других малораспространенных языках мира, писал в связи с этим М. Аррэ, существует литература, способная обогатить общий фонд мировой литературы и заслуживающая поэтому перевода на более распространенные языки¹⁴².

В равной мере это относится к малораспространенным литературным языкам Европы. Известный датский писатель Ганс Шерфиг сетовал перед русскими читателями: «К сожалению, языковые границы сужают круг читателей нашей маленькой страны... Творчество выдающихся поэтов часто остается достоянием только тех, кто говорит на их родном языке»¹⁴³.

* * *

В отношении литературы художественной никакие машинные переводы, по всей вероятности, никогда не смогут выручать разобщенные своими языками народы; никакая, даже самая совершенная, переводческая машина никогда не сможет — в принципе не сможет — переводить должным образом беллетристические и драматургические произведения и особенно стихи.

Многие деятели литературы вообще оспаривали и оспаривают переводимость поэзии.

Теоретики перевода приводят следующие строки из «Пира» Данте: «Ничто, заключенное в целях музыкальной гармонии в основы стихов, не может быть переведено с одного языка на другой без нарушения всей их гармонии

и прелести». Один из видных деятелей Союза спасения (объединения дворянских революционеров России, будущих декабристов), П. А. Катснин, поэт, драматург и критик, так написал по поводу переводов дантовской «Божественной комедии»: «Трудно не знающему итальянского языказнакомиться с сими изящными красотоми [с красотоми этой поэмы]: так они обезображены в переводах...»¹⁵¹

Жуковский, будучи сам хорошим переводчиком стихов, находил, что большую часть переводов можно сравнить с ложными слухами, которые и саму истину превращают для нас в небылицу. По мнению Пушкина, «каждый язык имеет свои обороты... выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами»¹⁵². «Переводы вообще довольно много удаляются от подлинника»¹⁵³, — признавал Добролюбов. По мнению Некрасова, «всякий поэт изящной формы и у кого внешнее изящество выше внутреннего содержания (как у Шенье), не переводим близко. Попробуйте перевести близко Петrarку — ничего не выйдет»¹⁵⁴.

У итальянцев есть поговорка «traduttori — traditori» («переводчики — предатели»). Мигуэль Сервантес вложил в уста своего Дон-Кихота отнюдь не шутивное сравнение перевода с языка на язык (в интерпретации одного русского переводчика) с фландрскими обоями «вгeрх ногами» («очевидно, речь идет о вывернутых наизнанку фландрских обоях»¹⁵⁵, — заметил Короленко), в интерпретации другого русского переводчика — с изнанкой фламандского ковра. Шелли сделал такое сравнение: «Стремиться передать творения поэта с одного языка на другой это то же самое, как если бы мы бросили в тигель фиалку с целью открыть основной принцип ее красок и запаха»¹⁵⁶. Виктор Гюго воскликнул однажды, обращаясь к переводчиком: «Перевод Гомера французскими стихами?! Это чудовищно и невыносимо, господа!»¹⁵⁷

А. В. Федоров в своей книге о теории художественного перевода¹⁵⁸ приводит такие высказывания: «Всякий перевод представляется мне попыткой разрешить неразрешимую задачу» (Вильгельм Гумбольдт); «Перевод это смерть понимания» (Морис Гаупт).

В книге английского автора Л. Танкокна «Стиль переводов с французского» (1958) говорится: «Я не думаю, что можно переводить поэзию»¹⁵⁹. Французский писатель Андрé Вюрмсер тоже так думает: «Даже перевод, сделанный великим поэтом, не может передать все тонкости языка оригинала, все его акценты и нюансы»¹⁶⁰.

Уоррен Уивер начал статью «Новая башня» (о машинном переводе) таким строками: «Люди, чувствующие все красоты русского языка, говорят, что совершенно бесполезно пытаться перевести стихи Пушкина на какой-нибудь другой язык, — этого не может сделать не только вычислительная машина, но и самый способный поэт, владеющий обоими языками»^{79в}. А как выходят стихи Гёте по-русски? Для тех, кто не знает немецкого языка, может быть, более или менее приемлемо, но, как утверждает изучившая творчество Гёте Мариетта Шагинян, «свойство гётевского гения исчезло при переводе на русский язык»¹⁶¹.

Поэзии в гораздо большей степени, чем художественной прозе, присущи формальные особенности, не совпадающие в разных языках. В стихах форма — размер, ритм, рифма, иногда аллитерация — имеет и самодовлеющую ценность, и поэтому стихи особенно много теряют в переводе, теряют авторскую индивидуальность, языковое своеобразие, не передаваемое средствами другого языка, а вместе с этим зачастую и подлинность образов, непосредственность мысли и чувства. К тому же всегда можно сознательно то или иное в переводимых стихах опустить или ослабить, а другое, наоборот, усилить или даже приписать поэту то, что хочется.

Во всех странах, не исключая Советского Союза, практикуются повторные и даже неоднократно повторные переводы, особенно стихов прославленных поэтов. Если сравнить эти переводы, сделанные разными переводчиками, иной раз можно поразиться, насколько они отличаются друг от друга, а если сравнить с подлинником — и от подлинника.

В разных изданиях даны в разных переводах многие стихи, например, Яна Райниса (18 5—1929). К ним принадлежит небольшое стихотворение «Atkal sīra» («Снова борьба»), написанное вскоре после возвращения поэта из эмиграции на родину, в Латвию, отделившуюся от революционной России. В нем Райнис выразил чувство глубочайшего разочарования в буржуазной действительности. В его «Избранной лирике» (Рига, 1948) оно приведено в переводе А. Штейнберга; в «Избранных произведениях Я. Райниса» (Ленинград, 1953) — в переводе М. Замаховской; в рижском трехтомнике Я. Райниса (1954) — в переводе В. Бугаевского; в московском двухтомнике (1955) — в переводе А. Корчагина. Все четыре перевода представляют собой разные стихотворения на одну тему, но от великого латышского поэта-революционера в них мало что осталось.

В переложении А. Штейнберга Райнис звучит так:

Вином искусства и воспоминаний
Не опьяняйся! Ведь оно не скроет
Нагого тела жизни(!). Сердце ноет
Сильнее под упорами (?) сознания.
Свобода гибнет — новой жизни скрепа;
Вновь льется кровь — позором мир покрыла.
Порядок старый вновь встает из склепа (!).
Вновь на борьбу ступай (!) со злом постылым!
Искусство же даст свежесть гордым силам.

У Райниса в этом стихотворении нет ни «вина», ни «нагого тела жизни», ни «упоров сознания». (Что сие значит? Может быть, опечатка?) Свобода в подлиннике не названа скрепой, не сказано, что кровь (подражается: революционеров) «позором мир покрыла»; позором мир покрывает не кровь революционеров, а преступления реакционеров, проливающих кровь народа. У Райниса не сказано, что старый порядок «вновь встает из склепа», зло не названо постылым, силы не названы гордыми. Нет у него и слова «искусство» (daile это не то же самое, что māksla!).

У В. Бугаевского «склеп» Штейнберга заменен «могилой», из которой зло «восстало», «вновь в эшафотах (!) обретя опору».

М. Замаховская, назвав стихотворение «Тебе опять в бой!», от имени Райниса призывает:

Не опьяняйся красотой искусства.
Не прикрывай глаза туманным флёром (!)...

Здесь опять-таки Райнису приписывается отрицательное отношение не к мишурной красе буржуазной действительности, а к красоте искусства. И опять здесь позорит человечество кровь революционеров...

У А. Корчагина появляется уже новый образ:

Не убежишь от жизни в храм искусства (!)...

И так далее и так далее.

Замученное переводчиками стихотворение Райниса в дословном переводе начинается так:

Ты напрасно опьяняешься воспоминаниями и красотой,
Она не закрывает глаз красивой пеленою:
Сквозь нее дух зорче вглядывается в наготу жизни,—
И горше защежит сердце от угрызений совести *.

И стихотворение «Слова борьба» — не единственное стихотворение Райниса, искаженное в русских переводах — в солидных изданиях, редакторах которых были или значились известные поэты¹⁸³.

В «Литературной газете» была помещена заметка о трех различных переводах одного стихотворения чеченской поэтессы Раисы Ахматовой: «...Итак, три перевода... Они разнятся не только количеством строк, ритмикой, но и эмоциональным содержанием и раскрытием взятой темы. Где же сама Р. Ахматова?»¹⁸⁴

Как судить по переводам о поэтическом подлиннике, не зная языка подлинника?

Здесь могут иметь место случаи, подобные тому, какой произошел со сборником стихов «Человек на ладони» армянского поэта Паруйра Севака, выдвинутого на соискание Ленинской премии 1963 г. Сурен Гайсарьян в статье «Сколько шагов от подлинника до перевода» рассказал о сборнике стихов своего земляка «Человек на ладони» в подлиннике и в русском переводе: в переводе — неточности, неоправданные сокращения, отступления от текста, частые неудачи, а главное — скованный, невыразительный слог, в котором утрачена естественность интонаций подлинника; «русскому читателю досталось нечто неуклюжее и тусклое, Севак не дошел до него, остался пока в Ереване»¹⁸⁵.

А ведь во всем мире практикуются и переводы с переводов: в тех случаях, когда язык подлинника малоизвестен, малораспространен. Что осталось от Райниса, если его переводили на другие языки с переводов, которые, по-видимому, всем кажутся хорошими, а на самом деле Райниса не передают? Что останется от подлинного Севака, если его будут переводить с тех русских переводов, о которых писал Гайсарьян?

Может быть, легче переводить с близкородственного языка, например с украинского на русский? Как раз по этому вопросу высказывался еще Короленко: «Переводы с малорусского вообще очень трудны, а Шевченка особенно... Многие слова при всей своей однозвучности дают у нас иные оттенки, чем на языке малорусском. От этого удивительная гибкость, свобода и певучесть малорусского стиха в переводе совершенно исчезают...»¹⁸⁶

Разумеется, стихотворный перевод вовсе не должен и не может в точности воспроизводить подлинник. Близкий к подлиннику стихотворный перевод часто получается недостаточно поэтичным,

* Иными словами:

Не опьяняйся призрачной красотой,
Вглядись позорче в жизни наготу,
Что за цветистой скрыта пеленою,—
И сердцу станет вдруг немогому.

даже неуклюжим. Более ценны переводы поэтические, которые лишь передают содержание, дух подлинника. Но и в таких переводах не должно искажаться содержание — мысли, чувства, образы автора.

Трудность иноязычного поэтического воспроизведения оригинального текста вызвала к жизни особый вид переводов, которые называются вольными. В вольном переводе поэт-переводчик волен далеко отходить от авторского текста. Такой перевод — в значительной мере самостоятельное произведение, написанное на заданную оригиналом тему. Когда перед читателем вольный перевод стихотворения или поэмы, значит перед ним произведение поэта-переводчика по мотивам поэта-автора, и в нем больше от переводчика, чем от автора, по существу это — плод самостоятельного творчества. Это значит, что голос автора и вовсе не доходит до читателя. А ведь иногда печатают вольные переводы без указания на то, что они вольные. Бывает даже, что печатают или передают по радио стихотворные переводы без указания имени переводчика. Но это — очень обманчивая иллюзия достоверности переводной поэзии!

Перевод поэзии даже на такой высокоразвитый язык, как французский, настолько труден, что во Франции преобладающее распространение получили переводы стихов прозой. Такие переводы передают содержание стихов, но при этом исчезает то, что делает стихи стихами.

Но и в тех случаях, когда стихи переводятся стихами, подлинный голос поэтов, разносясь по разным странам, разным континентам, меняются до неузнаваемости, становятся голосами переводчиков. Творчество поэтов доходит только до тех, кто владеет — и владеет в совершенстве — их языками. А поэты не в меньшей степени, чем прозаики, хотят говорить не только тем, у кого с ними общий язык — язык, каким владеет во всяком случае меньшинство и чаще всего незначительное меньшинство читателей мира. Они хотят говорить всем, всему миру, любителям поэзии всех стран. Они нуждаются в том, чтобы у них был со всеми не какой-нибудь иносказательный, а самый настоящий — живой общий язык.

Раньше или позже, а такой язык будет создан, это неизбежно как торжество разума и справедливости. Тогда поэты всех стран будут иметь счастливую возможность доносить до всех в мире ценителей поэзии свои собственные слова, свои собственные стихи с их ритмом, рифмами, эпитетами и сравнениями, образами. И ценители поэзии во всем мире будут иметь не менее счастливую возможность читать любых поэтов в подлиннике. Слушаем же мы в подлиннике, оригинале, произведения композиторов всех стран! Почему же поэзия должна быть лишена этой общечеловечности? Почему ее в какой-то мере должны быть лишены и художественная проза и те виды искусства, которые используют слово?

Народные песни особенно трудно поддаются переводу. Вот мнение Белинского о русской народной песне: «Русская песня сильно действует на русскую душу и нема для иностранца и не переводима ни на какой другой язык»¹⁶⁷.

Художественная проза (беллетристика) в основном переводима. Но только в основном.

И то, что она не переводима в частности, дало основание для утверждений такого рода: «Всего труднее переводить романы, в которых слог составляет обыкновенно одно из главных достоинств»¹⁶⁸ (Карамзин); «Кажется, что могло бы быть ближе прозаического перевода, в котором переводчик насколько не связан, а между тем прозаический перевод есть самый отдаленный, самый неверный и неточный при всей своей близости, верности, точности»¹⁶⁹ (Гоголь). Достоевский писал по поводу перевода одного из произведений Гоголя на французский язык: «... Вышла просто какая-то галиматья вместо Гоголя... Я думаю, если б перевести такую вещь, как сказание протопопа Аввакума, то вышла бы тоже галиматья или, лучше сказать, ровно ничего бы не вышло»¹⁷⁰.

Автор «Введения в теорию перевода» А. В. Федоров считает, что концепция непереводимости свойственна лишь буржуазной филологии как следствие идеалистических и даже метафизических воззрений на язык и как стремление доказать, что «культурные ценности, созданные в политически господствующих странах, не могут стать достоянием других народов»¹⁵⁸⁶.

Цитируя сторонников концепции абсолютной непереводимости, Федоров высказывает свое несогласие с ними. В этом, по-видимому, он прав. Однако и он признает, что не только в поэзии, но и в беллетристике не все переводимо, что в переводческой практике нередки случаи, «когда не воспроизводится совсем или заменяется формально далеким тот или иной элемент подлинника, пропускается то или иное слово, словосочетание и т. д.». Непереводимы, в частности, выражения, имеющие «ярко выраженную местную окраску или окраску социальную, связанную с данными местными условиями», а также те или иные формальные особенности подлинника. А ведь все это — не так уже мало!

«При переводах простонародных говоров... не следует переводить простонародными же другого языка. Это, по моему мнению, еще более удаляет от оригинала»¹⁷¹, — писал Короленко. Это мнение преобладает в переводческой практике. И действительно, прямая речь персонажей особенно трудно переводима или вообще не переводима в беллетристике; она переводится лишь частично, приблизительно, теряя свою подлинность, колоритность. Кишицевский филолог И. М. Царик сравнил подлинник рассказа Льва Толстого «Утро помещика» с немецким переводом и установил, что, хотя перевод сделан добросовестно и не вызывает возражений в отношении близости к подлиннику, все же «произведение потеряло свое лицо;... сам Нехлюдов и все его крестьяне говорят в переводе одинаково грамотным литературным немецким языком»¹⁷².

У прозы некоторых национальных литератур есть и свои особые трудности для переводчиков. В японской беллетристике, на-

пример, исключительно большую роль играют чисто языковые и стилистические особенности. Некоторые исследователи японской литературы утверждают, что форма ее новеллы играет такую же важную роль, как и форма в стихах. Айвен Моррис писал в связи с этим: «Плохо написанный рассказ, независимо от содержания, обречен на провал»¹⁷³.

Что же говорят о проблеме переводимости советские лингвисты?

А. С. Чикобава: «Проблема перевода с одного языка на другой упирается в понятие валентности: идеальный перевод должен быть не только равнозначен основному тексту, но эквивалентен ему: вся трудность перевода в том и состоит, что системы различных языков не могут быть вполне эквивалентными, даже когда дело касается близких друг к другу языков»¹⁷⁴.

О. С. Ахманова: «Каждый язык представляет собой как своеобразную, самобытную и неповторимую систему внешних различий, так и индивидуальную, самобытную и неповторимую систему значений...» Если научный текст принципиально не представляет особых трудностей для перевода, то «некоторые виды художественных произведений... нередко практически непередаваемы»¹⁷⁵.

Эта мысль повторяется и в статье О. С. Ахмановой, В. В. Виноградова и В. В. Иванова «О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии», где говорится: «Отдельные значения, находящиеся в системе каждого данного языка, оказываются непосредственно несоизмеримыми со значениями, входящими в систему другого языка или языков»¹⁷⁶.

В книге «Основы общего и машинного перевода» И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг пришли к выводу: «Нет основания отрицать полностью мысль о непередаваемости. Нет переводчика, который в своей практической деятельности не наталкивался бы на явления, не поддающиеся переводу»¹⁷⁷.

Но при всей непередаваемости некоторых видов художественных произведений или их деталей переводить их как-то надо. И их переводят. Переводят с неточностями и искажениями, сознательными и бессознательными, вынужденными и произвольными.

Об этом, между прочим, рассказывается в статьях и книгах К. И. Чуковского по теории и практике перевода. Там говорится, например, что Марк Твен написал «Геккельберн» с использованием различных жаргонов: миссурийских негров, самой редкой формы жаргонов юго-западных окраин Штатов, жаргона южного района Миссисипи и четырех разновидностей этого жаргона. В русском переводе все языковое и стилистическое своеобразие твенской прозы пропало.

А когда национальное, народное своеобразие языка иностранных писателей передается русским просторечьем, получается искажающая подлинник русификация переведенных произведений, против которой справедливо восставал и М. Горький. В книге «Принципы художественного перевода» (1936) К. Чуковский, между прочим, рекомендовал переводчикам почаще читать Даля, Лескова, Мельникова-Печерского, Глеба Успенского. Этот

совет не понравился Горькому, написавшему на полях: «Совет — опасный. Лексиконы Даля, Успенского, Лескова прекрасны, но представьте себе Виктора Гюго, переданного языком Лескова, Уальда на языке Печерского, Анатоля Франса, изложенного по словарю Даля. Русификация иностранцев (в переводной литературе) и без того является серьезным несчастьем».

Об этом несчастье К. И. Чуковский рассказывал в книге «Высокое искусство» (1941), а теперь пишет в своей новой книге, отрывки из которой были напечатаны в «Литературной газете» (сентябрь 1963).

К. И. Чуковский высмеивает переводчиков, у которых литературные герои переводных книг говорят простонародным русским языком, да и сами иностранные авторы в воспроизведении их стиля уподобляются типично русским авторам. Например, переводчица Диккенса М. А. Шипмарева вложила в уста англичан русские пословицы и поговорки, русские идиоматические обороты, вроде «и мы не лыком шиты», «нечего лясы точить» и т. д. Герои Диккенса поют «Иппи-дол-ли-дол...», а Е. Г. Бекетов перевел: «Ай люли, ай люли! Разлюлюшеньки мои!» Во избежание такого лубка переводчикам волей-неволей приходится пользоваться общеупотребительными в литературном языке словами, так называемыми нейтральными, писать в обесцвеченном «нейтральном стиле»¹⁷⁸.

Итак, не только переводная поэзия, но и переводная беллетристика снижают качество произведений.

В довершение всего этого в переводы вкрадываются грубейшие ошибки, порой анекдотического характера. В книге К. И. Чуковского «Высокое искусство» на 60 страницах приводятся примеры такого рода ошибок. По словам Чуковского, «неисчислимы те бедствия, которые порой может принести переводимому автору неверная интерпретация одного единственного иноязычного слова»¹⁷⁹.

Если много теряют при переводах романы, рассказы и особенно стихи, то, разумеется, теряют и пьесы, а следовательно, и кинофильмы; перевод текста, называемый дублированием, стал обычным явлением во всех странах.

На III Международном кинофестивале в Москве (1963) демонстрировался кубинский фильм режиссера Т. Г. Алея «Двенадцать стульев», о котором корреспондент «Известий» отозвался так: «Очень трудно перевести на экран юмор Ильфа и Петрова. При переводе на чужой язык эта трудность увеличивается вдвойне. И, конечно, в фильме есть немалые потери»¹⁸⁰.

Ведь юмор часто связан с непереводаемыми каламбурами.

Разумеется, в переводческой практике есть и немало удач. Бывает даже, что стихи в переводе получаются лучше, чем в подлиннике.

Но дело в том, что читатель, не зная языка подлинника, не имеет возможности судить, насколько близок или далек тот или иной перевод от подлинника, что в переводе от автора, а что от переводчика.

В статье «К обоснованию лингвистической теории перевода» И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг следующим образом рассматривают процесс перевода: переводчик, восприняв «некоторую речевую последовательность», от этой «последовательности» переходит к действительности, «рассматривает эту действительность», а затем вне зависимости от того сообщения, которое было ему передано автором, «сообщает об этой действительности другому лицу», т. е. читателю¹⁸¹. А где, же спрашивается, автор? Переводчик как бы отстраняет его и предстает перед автором один на один, хотя в своих сообщениях и действует по авторской подсказке.

Вопрос об абсолютной, адекватной переводимости довольно единодушно решается отрицательно лингвистами и философами. Можно говорить лишь об относительной, неадекватной переводимости — о передаче содержания произведения средствами другого языка и по законам другого языка, а эти средства и законы различны. Произведения словесного искусства и переводимы и непередаваемы — смотря в каком смысле. Но то, что в известном смысле они непередаваемы (т. е. разноязычные формы одного и того же произведения не совпадают, переводы отличаются от подлинника в большей или меньшей степени), должно бы делать всеобщий язык как язык всемирной литературы желательным для всех. Желательность этого вызвана и тем, что каждому произведению всех национальных литератур, достойному иметь читателей во всех странах, не могут быть обеспечены переводы на все языки мира, даже хотя бы на значительную часть их.

* * *

Выявление общих черт в грамматическом строе по возможности большего числа языков составляет основу проблемы всеобщей, или универсальной, грамматики. Одна из первых наиболее известных работ, посвященных этой проблеме, — появившаяся в 1660 г. «Универсальная и рациональная грамматика...» («Grammaire générale et raisonnée contenant les fondements de l'art de parler...») картезианцев, т. е. последователей Декарта (чье латинизированное имя было Cartesius), Ш. Лансло и А. Арно (Lancelot, Arnauld) из французского монастыря Пор-Рояль, который был оплотом оппозиции католической церкви и абсолютизма.

Проблема всеобщей грамматики продолжала привлекать внимание многих ученых в продолжение последующих веков, несколько не потеряв своего значения и в наши дни. Первыми шагами в направлении ко всеобщей лексике являются многоязычные словари, у которых такая же длительная история. И, наконец, проекты всеобщего языка предлагают общие для всех слова, выражающие всеобщие понятия, и правила их образования, изменения и сочетания, т. е. и совершенно конкретную всеобщую грамматику.

Люди, не разделяющие идеи всеобщего языка, который стал бы языком и новой всемирной художественной литературы, могут сказать, что произведения национальных литератур будут так же много терять при переводе на всеобщий язык, как теряют они при переводе на любой национальный язык. При совершенстве всеобщего языка, созданного на основе всех национальных и многих донациональных языков, потерь этих будет, надо полагать, сравнительно меньше.

В дальнейшем же, по мере того как всеобщий язык из второго языка всех народов будет становиться их первым языком, одноязычная всемирная литература будет все меньше нуждаться в

новых переводах: население Земли все больше будет усваивать общий язык своей планеты. И языковая действительность будет все меньше подвергаться искажению в литературных произведениях: люди, выведенные в них, будут говорить на том же языке, на каком они говорят в жизни.

Поскольку язык художественной литературы, особенно беллетристики и, разумеется, драматургии, воспроизводит и живой разговорный язык (и не только в прямой речи персонажей, но и в речи авторской), возникает вопрос о просторечье во всеобщем языке. Всеобщему языку мало будет обладать, помимо необозримо обширной терминологии, богатейшей эмоциональной и поэтической лексикой: он должен содержать и такой лексический пласт, который наилучшим образом приспособлен к повседневному общению, к фамильярной речи. И не исключена возможность, что повседневно-фамильярная лексика — так называемое просторечье — в рационально-эмоциональном всеобщем языке будет лишена регулярности, логической правильности, максимально приближаясь к привычной всем «естественности» этнических языков.

5. ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ О МЕЖДУНАРОДНОМ ЯЗЫКЕ

Американский Институт общественного мнения Гэлапа провел опрос населения Северной Америки (США и Канады) и некоторых стран Западной Европы по вопросу о всемирном международном языке. От 75 до 90% (в среднем свыше 80%) высказались за повсеместное изучение и использование какого-нибудь национально-нейтрального (искусственного) языка.

Опрос по проблеме международного языка был проведен автором этих строк на VI Всемирном фестивале молодежи, происходившем в Москве в 1957 г. Сотне выбранных наугад его участников и почетных гостей было задано три вопроса, смысл которых можно было бы вложить в один вопрос: считаете ли вы, что наступило время, когда можно и должно приступить к подготовке научного решения проблемы общепонятного языка?

Предложенные три вопроса были сформулированы так:

1. Согласны ли Вы с тем, что проблема всемирного международного языка стала актуальной, что потребность в общем языке всех народов существует и возрастает?

2. Согласны ли Вы с тем, что проблема всеобщего языка должна разрабатываться сообща прогрессивными лингвистами и другими деятелями мировой культуры всех стран мира?

3. Можете ли Вы поддержать предложение об организации свободной дискуссии по проблеме международного языка в специальном журнале на главных языках мира и заключительного интерлингвистического конгресса?

Ответы давались в письменной форме; очень многие из опрошенных дали развернутые ответы, внося свои предложения и соображения. Видимо, проблема общепонятного языка занимает

очень и очень многих в мире. Произведенный опрос убеждает в том, что повсюду люди различных профессий — профессора, учителя и студенты, писатели, журналисты и артисты, адвокаты и инженеры, члены парламентов и рабочие — все ощущают потребность народов мира в общем языке. Сделав свои записи в анкетные альбомы на разных языках, все без исключения ответили на первый вопрос утвердительно. На второй вопрос утвердительно ответило 93% (трое высказались в пользу английского, трое — в пользу Эсперанто, один — за изучение нескольких главных языков мира). На третий вопрос утвердительно ответили 98% опрошенных. Скептиков оказалось совсем мало. Посмотрим прежде всего, что же они написали.

Адвокат из Триполи (Ливан) Рашид Аш Масарини не верит, что можно создать язык для международного общения, «способный выражать все богатства человеческих мыслей и обладающего выразительностью существующих языков».

Луцио Луццато, доктор философских и юридических наук (Италия), полагает, что человек, владеющий шестью или семью языками, может быть понят во всем мире. Увы, итальянского полиглота, не знающего русского языка, не понимали в Москве!

Подавляющее же большинство ответов — совсем в другом духе.

Хуан В., студент из Барселоны, «убежден, что если был бы создан и принят как международный какой-нибудь другой язык, более совершенный, чем Эсперанто, эсперантисты отказались бы от своего языка в его пользу» и что «нужно развернуть большую пропагандистскую кампанию в защиту идеи всеобщего мира».

«Пришло время серьезно подумать о создании международного языка: только общий язык дает возможность прямых контактов между людьми», — написал Аббас Ахмед, студент философского факультета и сотрудник радио из Каира.

Группа делегатов из Непала (писатель Дурсуан Сами, генеральный секретарь Лиги молодежи Сурия Лял и др.) полагает, что говорящие на разных языках ежедневно чувствуют нерешенность главной языковой проблемы и что единый международный язык «совершенно необходим», поскольку «современный мир движется к единству».

Радха Прасад Гимир, работник радио из Непала, написал, что «единый международный язык помог бы преодолеть трудности, которые стоят перед народами мира в их повседневной деятельности и борьбе».

Глава тунисской делегации Тэмими Хэди принадлежит к тем, кто думает, что «единство молодежи и вообще народов всех стран было бы достижимо при единстве языка», но, наряду с языком всемирным, каждый народ должен, конечно, сохранить свой национальный язык.

«Народы мира идут к единому интернациональному обществу и нуждаются в едином интернациональном языке», — в согласии

с распространенным мнением утверждает и греческий драматург Нотис Перьянис (Афины). Сторонником «прекрасной идеи общечеловеческого языка» и ее скорейшей реализации объявляет себя и другой греческий писатель — Х. Соломонидис.

Все опрошенные поддержали идею международной печатной дискуссии по главной языковой проблеме современности. Вот ряд выдержек из ответов по этому вопросу:

Инженер Г. Магниссон (Исландия): «Поддерживаю предложение о свободной дискуссии по проблеме международного языка, организованной в международном масштабе».

Аштур Пари-Денис, студент консерватории в Сиднее (Австралия): «Поддерживаю идею свободной дискуссии по этой проблеме на тех же основах, как, например, Международный геофизический год».

Х-о, экономист (Мексика): «Одобряю предложение о международной дискуссии по этой проблеме, требующей неотложного решения».

Франко Копкас, адвокат (Италия): «Предложение о международной дискуссии по этой проблеме — очень ценная инициатива, которая не может не быть одобрена всеми, кому дорог прогресс».

А. Р. Таафер, студент педагогического факультета Дамасского университета (Сирия): «Вопрос об общем языке для всех наций действительно нужно широко обсудить в среде лингвистов, писателей и других деятелей культуры».

Около десятка опрошенных добавляли устно к своим ответам выражение готовности принять участие в международной дискуссии по проблеме международного языка. Это свидетельствует о том, что не только специалисты-лингвисты, но многие рядовые работники культуры и просвещения думают о проблеме общего языка всех народов и имеют что сказать о ней.

Как же организовать международную дискуссию по проблеме международного языка и заключительный конгресс, которые положили бы начало международному сотрудничеству лингвистов по созданию языка международного общения?

Индийский писатель Б. В. Говиндрадж (Мадрас) считает, что «вместо пассивного выжидания решения этой проблемы лингвистами общественность и народные массы должны воздействовать на политических лидеров различных стран, с тем чтобы те задали лингвистам задачу разработки этой проблемы».

О необходимости, возможности и своевременности научного решения проблемы второго языка всех народов и народностей Земли написали и многие другие иностранные гости Москвы — фестивального города. Среди них: индеец Сита Рам Багаи («идея международного языка замечательна!») и его землячка — д-р Ф. Минхадж, ректор университета в Алигере («уже теперь надо готовить решение этой проблемы — для будущего!»); деятели индийской кинематографии — Мурли Ачкерер («единый интер-

национальный язык будет связывать многонациональное человечество воедино») и Наранда Тринеди («абсолютно необходимо, чтобы все люди могли свободно выражать свои мысли и чувства на всем понятном языке!»); негр М. А. Омаре, обучающийся в Шеффилде (Англия), и несколько его соплеменников («международный язык должен преподаваться во всех учебных заведениях мира»). То же писали и группа арабских студентов, группа индонезийских студентов, представители чехословацких и английских цейлонских, канадских и мексиканских студентов, рабочих, интеллигентов и др.

Некоторые участники и гости фестиваля выразили мысль, что именно стране, начавшей всемирную социалистическую революцию, предстоит начать эту революцию и в области общения, в области языка.

Камал Султан, студент Дамасского университета (Сирия): «Если международный коллектив лингвистов создаст новый язык и новый алфавит, которые будут одобрены и приняты всеми народами, все люди в мире будут свободно понимать друг друга, — кто станет возражать против этого?»

Ким Хен Су, заведующий кафедрой русского языка университета им. Ким Ир Сена (Пхеньян, КНДР): «Я также считаю необходимым создание международного языка, потребность в котором в настоящее время возросла в связи с борьбой народов за мир и дружбу, за социализм. В Корею многие интересуются этой важнейшей проблемой, но интерес этот ограничивается некритическим изучением Эсперанто. Проблема гораздо серьезнее и требует коллективной разработки и коллективного решения лингвистами всех стран».

Дэвид Ленн, писатель (графство Типерери, Ирландия): «Единый международный язык это жизненная необходимость преодоления языковых барьеров между народами. Я лично думаю, что только международный коммунизм решит эту проблему».

Подобных высказываний, собранных на VI Всемирном фестивале молодежи, можно было бы привести еще немало, если не бояться повторений. Ограничимся выдержкой еще лишь из одного. Студент-агроном Аббас Абд Элгар из Орумана (Судан) так выразил мечту всех трудящихся и учащихся об общем языке: «День, когда народы всего мира получают общий язык, будет всемирным праздником».

Если была бы возможность обратиться с вопросами о международном языке не к ста жителям Земли, а к ста миллионам их, то результаты опроса вряд ли существенно отличались бы от ответов участников и гостей одного из всемирных молодежных фестивалей.

Нельзя рассматривать проблему всеобщего языка, не изучив истории. Идеи общего для всех наций языка, ее развитие в течение четырех столетий принадлежат к тому культурному наследию прошлого, ценности которого мы должны критически усваивать, как учил Ленин. У буржуазной интерлингвистики прошлого и настоящего есть достижения, которые марксисты могут и должны использовать при научном решении проблемы языковой общности грядущего человечества.

1. КОРНИ ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНОГО СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ УХОДЯТ В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Корни идеи единого международного средства общения — общение разноязычных людей, как и почти всех идей в науке, уходят в античную древность. Греческий философ-идеалист Платон, живший более 23 веков назад, говорил, что боги облагодетельствовали бы человечество, даровав ему общий язык. Но долго ли человечеству жить в такой надежде? Не может ли человек сам изобрести понятный всем язык, поначалу хотя бы письменный?

Изобретатель такого языка нашелся во II в. Звали его Клавдий Гален (Galenus). Родился он приблизительно в 130 г. в Пергаме, главном городе одной из провинций Римской империи, где впоследствии стал врачом гладиаторов, а позже — придворным лекарем в Риме, прославившись искуснейшим врачом своего времени. Его представление о кровообращении было ошибочным, но господствовало в науке полтора тысячелетия. Он заложил начала физиологии и фармакологии. (И в наши дни в аптеках на шкафу имеется надпись «Galenica», а лекарства растительного происхож-

* В этой главе, помимо первоисточников, на которые даются ссылки в тексте, использованы источники, данные в перечне литературы под индексами 1, 14, 43, 66 и 184—207.

дения поныне называют «галеновыми препаратами», из которых простейшее — горчичник.)

Умер Гален на рубеже II и III вв., оставив после себя около 500 свитков рукописей, что могло бы составить до 80 печатных томов. Интересы его были разносторонни, и одно из его сочинений посвящено изобретенной им системе знаков для общения людей разных стран и народов. По свидетельству римского историка Пизона, содержащемуся в третьей главе его «Истории», международный письменный язык Галена вызвал среди соотечественников разноречивые толки и споры.

В средние века идея международного языка возродилась. В XI в. сторонником ее был шейх Мохиеддин; как предполагают историки интерлингвистики, он разработал какую-то систему международно-междуплеменного языка, от которой сохранилось одно название.

Систему письменных знаков для международного общения в XIII в. разработал каталонский философ Раймонд Луллий (Lull, 1234—1315) в трактате «Всеобщее искусство» («Ars Generalis», 1280).

В дальнейшем подобные проекты или проекты всемирного алфавита выдвигались различными учеными средневековья; некоторые из них, как, например, известный в свое время Нострадамус, высказывали мысль о возможности кокого-нибудь условного языка для международного общения. Поэт Теофиль Фоленго писал поэмы на им самим переработанной и упрощенной латыни. В ту эпоху идея создания универсального языка только брезжила в умах вольнодумцев.

Родоначальник утопического социализма Томас Мор (1478—1535), кончивший жизнь под топором палача, в 1516 г. выпустил в свет «Золотую книгу, столь же полезную, как и забавную, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», где описывал не только «страну, которой нет», но и «язык, которого нет», — язык утопийцев.

Философ, просветитель и гуманист XVI в. Хуан Луис Вивес (1492—1540) в трактате «De Disciplines» писал: «Было бы счастьем, если бы существовал единый язык, которым могли бы пользоваться все народы. Погибнет латынь, и тогда наступит смута во всех науках, угроза отчуждения между людьми»¹⁹³. В середине XVII в. латынь начала изгоняться из научных учреждений, а затем и из научной литературы, формировались и множились национальные литературные языки. И действительно, во всех науках наступила своего рода языковая смута — *вавилонизм*, возникло отчуждение между учеными всех стран, не могущими между собой непосредственно общаться.

2. ПИОНЕРЫ УНИВЕРСАЛЬНОГО ЯЗЫКА В XVII ВЕКЕ

XVII век взошел над Европой в зареве костра на одной из площадей Рима, в пламени которого живьем был сожжен бессмертный в памяти человечества Джордано Бруно. Казалось невероятным, противным божьему установлению: Земля вращается вокруг Солнца! Не прошло и десяти лет — Галилео Галилей направил в небо первый в мире телескоп, им самим смастеренный. Уже позади была эпоха великих географических открытий, на географическую карту обоих земных полушарий довольно точно были нанесены очертания всех материков, в Голландии изготовляли первый в мире огромный глобус. Из Европы в Новый Свет устремились колонизаторы, жестоко подавлявшие и истреблявшие туземные племена. А с народами Востока, особенно Индии, заводили торговлю. И всюду европейцы, сами различными языками разобщенные, сталкивались с людьми, говорившими на своих непонятных языках и наречиях. Идея создания планетарного — «глобального» — языка зарождалась с исторической закономерностью.

С развитием мореплавания и торговли развивались мануфактурная промышленность и сама промышленная буржуазия. Большая часть товарного производства и обмена товарами сосредотачивалась на берегах Северного моря, где возник новый экономический центр Европы и всего тогдашнего цивилизованного мира, где были основаны первые в мире академии наук — Лондонское королевское общество и Французская королевская академия. В Англии, Франции и Германии идея международного языка получила первоначальную научную разработку. Новый язык мыслился как язык рациональный: *ratio* — разум — одерживал тогда одну победу за другой над церковными догмами.

Чтобы понять все величие попыток мыслителей XVII в. философски осмыслить проблему универсального языка, наметить его научные принципы и даже создать его, надо учесть еще и тот низкий донаучный уровень, на котором пребывало языкознание тогдашней Европы, увязшее в болоте религиозной схоластики. Церковники, например Ориген, уверяли, что все языки произошли от еврейского. На потуги обосновать это было истрачено немало чернил. Многие пустословы, когда эпоха средневековья была уже позади, выдвигали всякие иные вздорные домыслы о райском языке или даже о райских языках. Отягченному предрассудками сознанию языки и сама речь представлялись даром господина или во всяком случае природы; с тех пор и сохранилось название этнических языков «*naturelles*» — «натуральные», или «природные», «естественные». Во тьме таких религиозных, ненаучных воззрений мысль о создании человеком языка по своему

разумению и потребности не могла не выглядеть дерзновенной до кощунства.

Среди тех, кто еще при жизни Галилео Галилея и Вильяма Шекспира мечтал об идеальном языке идеального общества был Томмазо Кампанелла (1568—1639), тайно писавший в темнице искалеченными в пытках руками книгу о счастливом будущем людей «Город солнца» (предположительно в 1610 г.) и изложивший свои раздумья о грамматике общего для всех разумного языка в своей «Философской грамматике» («Grammatica philosophica»).

Одним из первых провозвестников разумного языка потомков был и Френсис Бэкон (1561—1626), которого К. Маркс назвал настоящим родоначальником английского материализма и всей современной экспериментирующей науки^{210а}. В соответствии с основной идеей своих сочинений — идеей о том, что наука должна увеличить могущество человека и улучшить его жизнь, — он в трактате «О достоинстве и усовершенствовании наук» («De dignitate et augmentis Scientiarum», 1623) писал о двух грамматиках: одна — литературная — предназначена для изучения существующих языков, другая — философская — для создания языка универсального. По его мнению, «это был бы вполне прекрасный язык, при помощи которого выражались бы должным образом мысли и переживания» и который был бы достоин стать языком всех народов, на что не может претендовать ни один из существующих языков, ибо все они, помимо своих достоинств, обладают и всевозможными недостатками.

В 1617 г. появилось небольшое по объему сочинение французского монаха Германа Гюго (Hugo) «De prima scribendi origine et universa rei literariae antiquitate».

Трактат этот попал к аббату Марену Мерсенну (Mersenne, 1588—1648). Монах францисканского ордена Мерсенн играл роль объединительного центра французских ученых. Будучи сам незаурядным ученым, он вел неутомимую переписку со служителями науки не только Франции, но и всей Европы; одних только заграничных товарищей по перу у него насчитывалось до полутора сот. Среди них был и Декарт, которому аббат и переслал «De prima scribendi...»

Ренэ Декарта (Descartes, 1596—1650) чтут и в Советском Союзе как «величайшего мыслителя Франции, одного из основоположников науки и философии нового времени», «национальную славу Франции и всего прогрессивного человечества»²¹¹. Его учение о человеке дуалистически сочетало материализм с идеализмом, но в своем учении о природе он стоял на почве материализма. По словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «механистический французский материализм примкнул к физике Декарта в противоположность его метафизике»^{210б}. Работы Декарта обогатили физику и физиологию, космологию и космогонию, математику и философию,

оя — один из творцов аналитической геометрии, от него — и современная система алгебраических обозначений, и рационализм в учении о познании; значительны его заслуги и как логика.

Будучи уже прославленным ученым, Декарт поселился и прожил 20 лет в Голландии, ставшей тогда передовой страной, переживавшей золотой век своей истории. Его письмо Мерсенну от 20 ноября 1629 г. вошло примечательной вехой в историю идеи всеобщего языка.

В ответ на присланный аббатом опус Германа Гюго, обосновавший эту изумительную идею, Декарт подтверждал принципиальную возможность создания разумного языка, в котором нуждаются все люди.

«Мой Преподобный Отец, это предложение о новом языке кажется мне восхитительным...» — такими словами Декарт начал свое историческое послание.

Восхищаясь самой идеей создания нового языка, великий французский мыслитель, однако, критически отнесся к некоторым высказываниям автора необычайного сочинения. Главное затруднение для взаимного общения говорящих на различных языках он усматривал в отсутствии всеобщей грамматики, построенной по законам логики, и высказывал уверенность в возможности создания языка, в котором будет лишь по одному способу спряжения, склонения и словообразования, совсем не будет форм нерегулярных и дефектных, образование и изменение слов будет осуществляться посредством аффиксов со строго определенным значением. «Мысль реформировать грамматику или, скорее, создать новую, которую можно было бы выучить в пять-шесть часов, ... это выдумка общественно полезная, если только все люди согласятся ввести ее в обиход...» — писал Декарт.

Вопросы лексики и фонетики (может быть, точнее было бы сказать *фонемки* — системы фонем) всеобщего языка остались у него почти не тронутыми. «Этот язык зависит от истинной философии, ибо перечислить все мысли людей невозможно иначе, как только подчиняя их порядку и так их различая, что они будут ясными и простыми, — это, по моему мнению, и является самым большим секретом в деле приобретения отменных званий», — утверждал далее Декарт. Он считал вполне реальным, хотя и целом далекого будущего, создание языка, «который был бы очень легок для изучения, произношения и письма и, что самое главное, который бы мог помогать суждениям... так что было бы почти и невозможно ошибиться».

Заключительные строки письма особенно знаменательны: «Итак, я считаю, что такой язык возможен и что можно установить науку, от которой он зависит; с его помощью крестьяне смогут судить о сущности вещей лучше, чем это делают ныне философы. Но не надейтесь когда-либо узреть его, это предполагает великие перемены в порядке вещей, и надо, чтобы весь

мир стал земным раем...» («cela presuppose de grands changements en l'ordre des choses et il faudroit que tout le monde ne fust qu'un paradis terrestre...») ²¹²

Декарт, как видим, обуславливал возможность создания усовершенствованного языка и его внедрения в жизнь великими переменами в обществе. Это буржуазные историки идея международного языка упорно замалчивают. Ускользнула эта мысль и от Э. К. Дрезена. Между тем она особенно ценна.

Отметим, что Декарт изложил свои мысли о прекрасном языке прекрасного будущего в те дни, когда инквизиция свирепствовала всюду: первые в мире газеты то и дело сообщали о сожжении еретиков, колдунов и колдуний. «Цивилизованный мир» был тогда не так уж широк не так уж цивилизован!

Поиски единого средства международного общения, начатые передовыми мыслителями той мрачной и жестокой эпохи, шли в разных направлениях: и в попытках упростить латынь или создать на ее основе новый универсальный язык, и в разработке проектов универсальной грамматики как структурной основы языка письменного-устного, подобного существующим живым, однако более совершенного, основанного на классификации понятий. Более скромными по замыслу были попытки разработать какую-нибудь условную систему знаков: как исключительно письменный международный язык (пазиграфический). И уже совсем скромными по замыслу были дальнейшие попытки создания универсального, всеобщего алфавита.

В первой половине XVII в. в Мюнхене вышли в свет два трактата по всеобщей грамматике Дрекслея, или Дрекселиуса («*Orbis phaeton sive de universis vitiis linguae*», 1630; «*Orbis phaeton h. e. de universis vitiis linguae*», 1643).

В 1650 г. была опубликована получившая в тогдашнем ученом мире известность «Грамматика всеобщего языка...» («*Grammatica lingue universalis...*») — сочинение ученого-иезуита Филиппа Лаббе (1607—1667), один из самых первых проектов упрощения латыни. Лейбниц впоследствии писал о проекте Лаббе: «Отец Лаббе, весьма ученый французский иезуит, известный по многим другим сочинениям, смастерил [точнее — сделал: *a fait*] язык, основой которого является латынь, который более легок, чем наша латынь, и более правилен, чем Лингва Франка» (международный жаргон Средиземноморья) («*Nouveau Essais*», III).

Более всего различных проектов международного средства общения появилось тогда в Англии. Как известно, самым знаменитым политическим событием Европы середины XVII в. была победа английской антифеодальной революции, которая упрочила основы парламентаризма и положила начало буржуазному строю, приблизив торжество капиталистического способа производства и в других странах Европы, а также в Северной Америке.

В 1653 г. в Лондоне была опубликована книга «Логопандектесион, или предложение о всеобщем языке» («Logopandecteision, or an Introquction to the Universal Language») шотландца Томаса Уркхарта (Urquhart, 1611—1660), где был выдвинут принцип, согласно которому каждая буква каждого слова должна символически выражать определенную семантическую идею, и таким образом расположение букв в слове уже само по себе будет определять до известной степени значение каждого слова. Уркхарт описал также усовершенствованную грамматику — части речи и их морфологические категории, формы.

В Лондоне же в 1657 г. вышло сочинение Кейва Бека (Beck) «Всеобщий алфавит, посредством которого все нации могут понимать мысли друг друга» («The universal character by which all nations may understand one others conceptions»). Так же, как и десятилетие ранее Ф. Лодвик, Бек использовал, наряду с латинскими буквами, арабские цифры. Начальные слова одной из ветхозаветных заповедей «Чти отца и мать...» изображались как «leb 2314 p. 2477 2477», что произносилось как «лебто-реонфо пестофосенсен пифтофресенсен».

По проблеме международного средства общения целую серию сочинений написал А. Кирхер; его трактаты вышли в Лондоне (1657), Риме (1660, 1663), Амстердаме (1669).

В 1661 г. внимание ученого мира обратил на себя трактат «Искусство знаков...» («Ars signorum vulgo character universalis et lingue philosophica...») — о всеобщем алфавите и философском языке. Его автором был учитель в школе глухонемых Джордж Дальгарно (1626—1687), живший в Абердине, а впоследствии в Оксфорде. Исходя из положения о философичности такого языка, Дальгарно обосновал свой проект на логическо-алгебраической классификации идей-понятий. По этому принципу и формировались слова. Например, из основы *Nek*, где *N* означало живое существо, *e* — животное, *k* — четвероногое, образовались слова: *Neke* — лошадь, *Neki* — осел, *Neke* — мул. Построенные по такому принципу философские проекты всеобщего языка впоследствии получили название априорных от латинского *a priori*, что значит 'до опыта'. Чисто умозрительные, они никак не исходили из языкового опыта народов, не были с ним связаны.

В «Трактате об арифметическом треугольнике» («Traité du triangle arithmétique», Париж, 1665) выдающегося французского математика и физика Блеза Паскаля (1623—1662) есть высказывания о занимавшей многих ученых лингвистической комбинаторике, имеющей прямое отношение к проблеме конструирования рационального языка.

Очень заинтересовала проблема языка всемирной цивилизации великого чешского педагога, реформатора школьного дела, философа, писателя Яна А. Коменского (Komensky, Comenius, 1592—1670). На своей родине он не был одинок в живейшем

интересе к этой проблеме: она стояла в центре внимания целого кружка чешских ученых, среди которых были Самул Гартлиб и Киприен Киннер — друзья и единомышленники Коменского. В 1641 г. в сочинении «Путь к свету» («Via lucis») он писал, что «мир нуждается в общем языке,... в создании нового языка, более легкого, чем все известные...»^{1а}

Проездом в Англию Коменский навестил в Голландии Декарта. В Англии он познакомился с проектом универсального языка Джорджа Дальгарно и другими подобными проектами. Затем он и сам начал работать над системой такого языка. Слова конструировались им также по принципу буквенной символики: *A* символизировало понятие большой величины, *I* — малой величины, *L* — высоты, *O* — окружности и ясности, *P* — труда и горя и т. д. Корни, заимствованные в основном из латыни, деформировались согласно этой символике. Словообразование — аффиксальное: *lal* — 'говорить', *ulal* — 'кричать', *Vi* — 'быть', формы настоящего времени от 'быть' — *abi, ebi, ibi, obi, ubi, yubi*, формы прошедшего — *abil, ebil, ibil, ubil, yubil*, формы будущего — *abit, ebit, ibit, obit, ubit, uybit...*

До середины нашего столетия оставалось неизвестным чрезвычайно интересное сочинение Яна Коменского «Панглотика», которое представляет собой пятую, незаконченную, часть его «Общих советов по улучшению дел человеческих» и относится к 1665 или 1666 г.²¹³ Задавшись в начале этого трактата вопросом о цели своего сочинения, Коменский отвечал на это так: создание средства общения между всеми нациями, чей прогресс требует преодоления препятствий, порожденных различием языков. Это может быть сделано либо соответствующим использованием уже существующих языков, либо созданием полностью нового языка. Коменский безоговорочно отдал предпочтение второму пути как прогрессивному.

Совершенного языка еще не существует. Если бы удалось его создать, он был бы, как представлялось чешскому ученому, «прекрасен как сам мир», «всеобъемлющ как сам разум», «гармоничен как музыка» (гл. 3, § 6). Этот язык должен включать в себя все звуки, которые способен произносить человеческий голос, и каждому такому звуку должно быть предано одно определенное значение: системе звуков языка должна соответствовать система его общих понятий, которые в звуковых комбинациях — в словах — будут уточняться все более частными понятиями.

Коменский считал, что основной корневой фонд общеупотребительной лексики мог бы содержать всего сотни две корней, из которых путем аффиксации можно было бы производить все необходимые слова. Он искал наиболее экономичное и рациональное выражение для грамматических категорий. Множественное число, например, можно было бы образовывать путем удвоения

звука или, как мы сказали бы теперь, фонемы. Если принять для местоимения 'я' *a*, то 'мы' было бы *aa*, если *bo* — 'я прихожу' (однократно), то *boo* — 'я имею обыкновение приходить' ('прихожу' многократно) и т. д. Рациональный язык должен иметь и рациональный алфавит.

Одну из глав своего трактата (восьмую) Коменский посвятил критике трудностей существующих языков и их несовершенствам: многозначности их слов, нерегулярности и нелогичности их грамматических систем. Многие мыслители той эпохи, как и последующих, писали в своих трактатах о том же.

Одним из зачинателей творческой лингвистики был епископ Честерский Джон Уилкинс (*Wilkins*, 1614—1672). Часть его рукописей погибла во время пожара Лондона в 1666 г. Пострадавший при этом «Очерк о вещественной письменности и философском языке» («*The Essey towards a Real Character and a Philosophical language*») был все же издан уже через два года после того. Это было сделано Английским королевским обществом, вероятно, лишь потому, что автор своеобразного трактата был ученым секретарем общества, влиятельным научным и церковным деятелем, да еще и зятем Кромвеля (к тому времени уже покойного). Есть свидетельства, что необыкновенное сочинение Джона Уилкинса наделало немало шума в Англии и за ее пределами: многие современники изощрялись в плоских шутках по поводу фантастической выдумки епископа.

Как и другие авторы априорных языков-проектов, Уилкинс осуществил классификацию всех понятий. Основные понятия у него разделены на шесть классов: *A* — абстрактные понятия (сверхчувственные), *B* — вещества, *C* — количества, *D* — качества, *E* — движения, *F* — отношения. Основные классы понятий делятся на подклассы, которых всего 40. Каждый класс и каждый подкласс символизируется определенной буквой и, следовательно, определенным звуком. Так возникают начальные звуковые комплексы слов: *ba, be, bi... da, de, di...* и т. д. Понятия далее делятся на менее общие: после согласной и гласной следует снова согласная.

Дальнейшее уточнение значений слов осуществляется путем окончания или приставки. Так, 'дух' выражается словом *dab*, противоположное понятие — 'тело' — *odab*; *dad* — 'небо', *odad* — 'ад'; *saba* — 'царь', *sava* — 'царство', деепричастие 'царствуя' — *salva*, глагол страдательной формы со значением быть подвластным — *samba* и т. д.

Спроектированный Уилкинсом язык, на котором он разговаривал со своим другом — физиком Робертом Бойлем, имеет алфавит иероглифического характера: буква, символизирующая основное понятие, имеет вид определенной черты, к которой добавляются справа и слева, сверху и снизу черточки под определенным углом, а грамматические окончания выражаются крючочками.

Уилкинс был убежден, что можно придумать такой удобный и такой легкий язык, что ни один из существующих не мог бы с ним сравниться.

К пионерам всеобщего языка принадлежал, как это совсем недавно удалось выяснить исследователям, и гениальный английский физик, механик, астроном, и математик Исаак Ньютон (Newton, 1643—1723). С 1936 г. некоторым ученым Англии и Соединенных Штатов Америки стало известно, что затерянная рукопись Ньютона «О всеобщем языке» каким-то образом попала в руки американского коллекционера Хирама Дж. Хелла, ныне покойного. Наследники Хелла разрешили Ральфу У. Б. Эллиоту сделать с нее фотокопии с целью публикации.

Над проектом всеобщего языка Ньютон начал работать еще будучи студентом Кембриджского университета — в 1661 или 1662 г., вскоре после опубликования проекта Дальгарно. В Нью-Йоркской библиотеке «Pierpont Morgan» сохранилась и относящаяся к студенческим годам записная книжка будущего великого ученого, содержащая проект всеобщего языка, оставшийся незаконченным. Однако она дает достаточно полное представление о ньютоновской концепции идеального языка, о принципах его построения.

Как и в ранней записной книжке, новая рукопись Ньютона содержит разработанный им алфавит языка будущего, где рядом с буквами английского алфавита помещены гласные, согласные и дифтонги универсального языка. Ньютон писал: «Алфавитная таблица всех субстанций [сущностей, реальностей]; против каждой из них стоит имя, ...предназначенное означать тот же предмет во Всеобщем Языке. Алфавитная таблица содержит вместе с тем слова Всеобщего Языка, против каждого из которых помещаются слова того же значения любого языка»²¹⁴.

В языке-проекте Ньютона все было классифицировано: звери и птицы, орудия труда и виды одежды, чувства (или, как он писал, «страсти души») и болезни и т. д. Животные, например, символизировались буквой *t*, орудия — буквой *s*, чувства (страсти) буквой *b* и т. д. Всевозможного значения суффиксы образовали производные слова сообразно законам логики и принципам математики, а также и категориям грамматики — категориям числа, времени, степени, действия, отношения и т. д. Первоначальный проект всеобщего языка Ньютона имел словарь, в котором слова распределены сообразно классификации понятий и образованы из 2400 частиц.

Об этом Р. Эллиот писал в «Manchester Guardian» в номере от 8 октября 1953 г. Спустя два года та же газета опубликовала еще одну статью Р. Эллиота (24 декабря 1955 г.) о неизвестной рукописи Ньютона, содержащей дальнейшую разработку проекта философского, логического языка.

Например, от корня *tol*, означающего 'художник', Ньютон образовывал: *tolv* — побуждение к рисованию;

tolk — холст, бумага или иной материал для зарисовки, на который художник еще ничего не нарисовал;

tolf — карандаш, кисти, краски и прочие орудия работы художника;

tolr — рисовалше;

tolth — незаконченная картина;

tolg — законченная картина;

told — то, что нарисовано;

toldr — сущность нарисованного предмета;

tolfr — композиция и цвета картины;

tolp — главная цель работы художника;

tolb — побочная цель его работы.

Пусть некоторые из этих слов покажутся нам излишними, пусть нам не понравятся слова сами по себе — важен принцип: сознательное, научное словотворчество, не стесненное никакими традициями и нормами общепринятыми, позволяет создавать ряды слов самого утонченного значения, каких, быть может, нет ни в одном исторически сложившемся языке.

Проблема такого языка увлекла юношу Готфрида Вильгельма Лейбница, который начал с разработки пазиграфического проекта. Ему было 19 лет, когда это сочинение вышло в свет под длинным латинским названием, начинавшимся со слов «*Ars combinatorica...*» («Искусство комбинаторики...» 1666). Проект состоял из комбинации букв, цифр и математических символов. Его автор взял в себя мудрость всех лингвистических проектов своего времени, и проблема перед ним постепенно расширялась, превращаясь в проблему живого — разговорного, не только письменного — общечеловеческого языка.

В этом отношении большой интерес представляла и девятая глава первого трактата Б. Лами «Риторика, или искусство говорить» («*La rhétorique ou l'art de parler*», Париж, 1670). Лами считал возможным создание такого легкого и регулярного языка для общения разноразличных народов, в котором из небольшого числа основных корней посредством аффиксов могут образовываться все нужные производные слова.

В ту же эпоху начало зарождаться и учение утопического коммунизма.

3. ПОИСКИ РАЗУМНЫХ ФОРМ ЯЗЫКА БУДУЩЕГО В XVIII ВЕКЕ

XVIII век с его промышленным переворотом, открывшим новую эпоху — эпоху фабричного производства, машинной промышленности, с ростом международной торговли, завоеванием и заселением европейцами далеких территорий, с его просветительной философией и дальнейшим развитием науки, дальнейшим разви-

тием идей утопического коммунизма, явился новым этапом в развитии идеи всеобщего языка.

Проблема рационального языка универсальных функций чрезвычайно занимала великого немецкого ученого Готфрида Вильгельма Лейбница (Leibniz, 1646—1716), научная деятельность которого охватывает последнюю треть XVII в. и полтора десятилетия XVIII в.

Идеализмом было лейбницево учение о монадах — внепространственных, духовных неделимых единицах, от мельчайших, низших, которые якобы пребывают в основе материи, до высшей — бога. Но не с учением о монадах Лейбниц вошел в историю науки и культуры, а прежде всего со своим интегральным исчислением. Лейбниц очень интересовался языкознанием.

Характеризуя Лейбница как выдающегося математика, логика, юриста, историка, геолога, а также как философа-теолога, его биографы обходили молчанием или касались лишь вскользь его деятельности как философа-лингвиста. Вероятно, это потому, что манускрипты Лейбница по проблеме языка будущего, написанные на трех языках — латинском, немецком и французском (около 1000 страниц), пролежали до нашего века неопубликованными в Ганноверской королевской библиотеке и увидели свет — и то еще не все — лишь в 1901—1903 гг. благодаря философу-интерлингвисту Луи Кутюра ²¹⁷.

Лейбниц был знаком с письмом Декарта Мерсенну от 20 ноября 1629 г.; в его бумагах была обнаружена выписка из этого письма, снабженная таким замечанием: «Однако, хотя этот язык и зависит от истинной философии, он не зависит от ее совершенства. То есть этот язык может быть разработан, хотя бы философия [теория] его и не была совершенной; по мере роста человеческих знаний будет расти и этот язык».

Главный философский трактат Лейбница, написанный в 1704 г., но опубликованный посмертно только в 1765 г., — «Новые опыты о человеческом разуме» («Nouveau essais sur l'entendement humain») — состоит из четырех частей-книг; из них третья — «О словах» — посвящена философским вопросам языка, представляя собой как бы введение к его проекту всеобщего языка. Проект этот не потерял своего значения и в наши дни.

Лейбниц указывал, что исторические языки «являются продуктом выбора с примесью естественных и случайных элементов». Они возникают и развиваются в результате сношений народов, смешения языков народов-соседей, когда обычно принимается за основу один из них, который «коверкают и искажают, смешивают и портят, пренебрегая его законами и изменяя их и даже прибавляя к нему другие слова» ^{218a}. В такой неконтролируемой эволюции вырабатываются очень несовершенные орудия разума.

Одна из глав этой части трактата носит название «Об несовершенстве слов». Слова, которыми пользуются люди для обмена

мыслями, в большинстве многозначимы, расплывчаты, неточны. Чтобы прийти здесь к ясности, необходимой в общении, нужно, по справедливому суждению Лейбница, «установить значение слов, хотя бы на одном каком-нибудь научном языке, и прийти к соглашению относительно них...» Он повторил слова Дж. Локка о том, что «если бы были тщательно изучены несовершенства языка, то большая часть споров прекратилась бы сама собой, а путь к знанию и, может быть, к миру стал бы гораздо более открытым для людей, чем в настоящее время»²¹⁸⁶. Для того чтобы сделать язык более точным орудием мысли, в нем надо произвести существенные изменения, но такая радикальная реформа языка может, полагал он, произойти нескоро.

Лейбниц вынашивал грандиозную идею классификации всех понятий. Он создал своего рода логическую алгебру рационального языка. Согласно этой системе, все сложные понятия (идеи) представляют собой комбинации простых и простейших — подобно тому, как все делимые числа являются произведениями чисел неделимых.

Таким образом, Лейбниц возвел математику к языку и язык к математике, уничтожив между ними пропасть. Он предлагал, в частности, девять однозначных чисел заменить первыми девятью согласными буквами латинского алфавита: *b, c, d, f, g, h, m, n*, последовательные разряды чисел (единицы, десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч) — пятью гласными, а единицы более высоких разрядов — двугласными приставками. Чтобы при подобной замене написать и произнести какое-нибудь число, надо в последовательном порядке произнести согласные — числа единиц каждого разряда — в сочетании с гласными, определяющими эти разряды. Так, например, число 81 374 по этому проекту произносилось как *mubodilefa*.

Граматику рационального языка Лейбниц строил сообразно своей философско-лингвистической концепции. Он выделял два основных класса слов — имя и глагол — и обуславливал прямой переход слов из одного класса в другой. Словообразование он основывал на тщательно продуманной системе аффиксов. Падежным флексиям он предпочитал падежные предлоги, сопровождающие неизменяемую форму (именительного падежа). В трактате «О рациональной грамматике» («*De grammatica rationali*») Лейбниц писал, что падежи (окончания имен) существительных и прилагательных могут быть отброшены, заменены особыми частицами. Системы склонения и спряжения он сводил к простым схемам, лишенным неправильностей и исключений; разделение существительных по родам считал излишним там, где это не оправдано смыслом.

Но представления Лейбница об этом языке лишь года за два до смерти ученого приняли более или менее законченные очертания, стали менее абстрактно-математическими, более конкретно-

лингвистическими. В одной из лейбницевских рукописей было прочитано: «...На том всеобщем языке будут создаваться поэмы и гимны, которые люди будут петь...»¹⁶. Гениальный ученый говорил тогда, что мог бы завершить это дело, будь помоложе и не так занят делами нетложными или будь у него несколько молодых и даровитых помощников-учеников.

* * *

Вольтер, Монтескье, Кондильяк, Бюрнуф и другие, более поздние мыслители эпохи французского просветительства задумывались над необходимостью языка, понятного всем людям, всем народам. Великий рационалист Франсуа Мари Аруэ, известный как Вольтер (Voltaire-Arouet, 1694—1778), наблюдая, как жители двух швейцарских деревень, разобщенных горой, при встрече не понимали друг друга, пришел к выводу, что различие языков — одно из самых больших бедствий общественной жизни. Не менее, чем Вольтер, популярный и влиятельный Шарль Луи Монтескье (Montesquieu, 1689—1755) в 1728 г. писал: «Общение народов столь велико, что они имеют абсолютную потребность в общем языке...»¹⁹⁹⁶ Но что это будет за язык, он себе не представлял, высказавшись в одном из писем (к Оливету) в пользу французского языка. Зато Этьен Бонно де Кондильяк (Condillac, 1715—1780) в сочинении «Искусство мысли и язык чисел» («L'art de penser et langue des calculs», Париж, 1768) определенно выделял преимущества языка «хорошо сделанного» — философского и аналитического.

Приверженцы этой идеи были уже тогда во всех передовых странах Европы. В 1732 г. в издававшемся в Германии журнале «Acta Eruditorum» («Deutsche Acta Eruditorum, Der Geschichte der Gelerte», Leipzig, vol. XV, 169, и в латинском издании «Actorum Eruditorum», 1734, t. X, № 1) был напечатан проект международного языка неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом «Карпофорофилус». Проект этот, обнаруженный в одном из книгохранилищ Лейпцига лишь в начале XX в., оказался упрощенной рационализированной латынью, освобожденной от неправомерностей и исключений.

Не обошли вниманием идею универсального языка и французские энциклопедисты. В девятом томе (1756) величайшего издания XVIII в. — 35-томной «Энциклопедии» Дени Дидро (Diderot, 1713—1783) — была напечатана статья «Новый язык» («La langue nouvelle») Фегэ (Fauguet), занимавшего высокий государственный пост — пост казначея Франции. В этой статье намечались контуры интернационального языка на основе французского, с большим упрощением его морфологической системы. Предлагая наметки языка будущего, Фегэ вместе с тем высказал предположение, что такой язык мог бы быть создан сообща лишь европейскими академиями наук по заданию правительств и под их покровительством.

Но академии наук и тем более правительства даже самых передовых стран мира еще далеко не доросли до этой идеи энциклопедистов. И до того ли им было! Во Франции спесивые Людовики с тысячами своих придворных, выжимая из французского крестьянства все, что можно было выжать, предавались всем земным утехам. Английское правительство было поглощено завоеваниями новых земель; его войска, разбив армию правителя Бенгалии, начали захват и грабеж всей феодально и этнически раздробленной Индии. Буржуазия Испании, Португалии и других европейских стран также была занята либо колониальными захватами, либо созданием машинной промышленности, либо тем и другим. Послепетровская Россия пыталась догнать Европу.

Дабы показать «просвещенный» характер своего абсолютизма, Екатерина II поручила специальной комиссии ученых сопоставительное изучение языков разных стран с целью подготовки выработки всемирного языка. Из этой затеи, разумеется, ничего не вышло и выйти не могло, но описи и сопоставлению различных языков это поспособствовало: 1787 г. в Петербурге вышел словарь «Glossarium comparativum totius orbis», содержащий 285 слов на 200 языках, европейских (149) и азиатских (51).

В следующем году в российской же столице швейцарец Де-Риа выступил со своим проектом всемирного алфавита, приспособленного для фонетической транскрипции текстов любых языков, а в 1797 г. Вольке, профессор Петербургского университета, бывший член лингвистической комиссии Академии, опубликовал свой проект международного письменного языка.

Среди европейских ученых XVIII в., интересовавшихся проблемой всемирного языка, был Пьер Луи Моро де Мопертюи (Mau-pertuis, 1698—1769), член Парижской академии наук (с 1723 г.), в 1741—1745 гг. занимавший пост президента Берлинской академии наук. Мопертюи был известен как физик, астроном, геодезист. Еще при его жизни было издано собрание его сочинений в четырех томах; второе издание, исправленное и дополненное, вышло в 1756 г. в Лионе (Франция). Эти пожелтевшие от времени томики в рыжевато-коричневом кожаном переплете, как и многие старинные и редкие издания, по проблеме всеобщего языка в частности, хранятся в главном книгохранилище Советского Союза — в Библиотеке им. Ленина в Москве. В первом томе можно найти статью «Философские размышления о происхождении языков и значении слов» («Réflexions philosophiques sur l'origine des langues et la significations des mots»), а в третьем — «Рассуждение о различных средствах, которыми пользуются люди для выражения мыслей» («Dissertation sur les differents moyens dont les hommes se sont servis pour exprimer leur idées»). Вторая статья для нас особенно интересна.

Мопертюи писал в ней: «Каждая нация имеет свой собственный язык и, вероятно, еще долго будет сохранять его, создавая труд-

ности для других наций». Интересно его замечание о происхождении языков: «Языки формировались мало-помалу и, так сказать, в силу случайностей» (au hazard — о азар, что можно перевести и как *наудачу*). Национальным языкам он давал такую характеристику: «Нельзя отрицать, что разнообразие глаголов, склонений имен и окончаний наречий представляют собой подлинные красоты языков. Но могут ли эти красоты оправдать те трудности, которые они порождают?» Ученый отвечал на это отрицательно, выражая убежденность в том, что можно создать совершенно новый язык, который не будет отягощен пороками исторически сложившихся языков.

Мопертюи представлял себе этот язык по-декартовски: «Если бы все имена существительные имели одно неизменяемое окончание, если бы только число и падеж (род излишен) отличались определенными артиклями, заменяющими склонения, если бы придать всем прилагательным одно неизменяемое окончание, а другое — наречиям, если бы все глаголы оканчивались одинаково в инфинитиве, видоизменяемом особыми наречиями, указывающими на время и наклонение, если бы все это было унифицировано и универсально, если бы нашелся такой язык, все правила Грамматики которого, столь многочисленные и затрудняющие, свелись бы к минимуму, то все слова, качество [l'espece] которых определялось бы прежде всего по окончанию, узнавались бы легко и легко находились бы в Словаре, употреблялись бы всегда без малейших трудностей. Не может быть сомнений, что такой язык был бы несравнимо более легким, чем все наши языки. С помощью немногих правил можно было бы превосходно понять все, что было бы написано на этом Языке»²¹⁹.

Памятуя, что ученым давно минувших эпох был свойствен универсализм, не будем удивляться, что проблемой всеобщего языка (в плане и теоретическом и практическом) занимались представители самых различных наук, в их числе и Андрэ Мари Ампер (Ampere, 1775—1836). У Ампера это было увлечением юности. Будущий великий физик, чьим именем мы называем единицу измерения силы электрического тока, будущий создатель «Таблицы наук», где нашла свое место и не существовавшая тогда наука, названная им кибернетикой, в 1793 г., когда ему было всего 18 лет, разработал свой проект философского языка и написал на нем несколько стихотворений.

Иосиф Мемье (Meimieux), майор германской армии в отставке, обосновавшийся в Париже, в основу своего проекта пазиграфии («Pasigraphie», 1797) положил классификацию понятий по двенадцатизначной цифровой системе, позволявшую цифрами выразить все основное содержание современных словарей: двузначные цифры выражали 144 понятия, трехзначные — 1728, а четырех-пятизначные — почти все остальные понятия. Грамматика была сведена к 12 правилам. Например, число 51—52 читалось как

el-en-am-varval и означало 'астроном'. Для выполнения функций нормального человеческого языка такие коды, разумеется, непригодны, хотя метеорологи современного мира сносятся между собою посредством именно подобного цифрового кода.

Дё Бросс в «Трактате о механическом формировании языков...» («*Traité de la formation méchanique des langues...*», 1765) осуждал попытки «сформировать» всемирный международный язык в отрыве от языков народов, сложившихся исторически. Он писал: «Вместо того, чтобы тратить время на бесплодные попытки сделать что-то искусственное [ce que l'art pourroit faire], следовало бы открывать то, что сделано природой...»¹⁹ Иначе говоря: элементы всеобщего языка следует искать в «природных языках».

У Августа Бебеля в сочинении «Будущее общество» есть такая строка: «Кондорсэ вызвал к жизни идею всеобщего мирового языка»²⁰. Бебель не знал, что это было сделано задолго до основоположника теории прогресса человечества. Но Мари Жан Антуан Никола́ маркиз де Кондорсэ (Condorcet, 1743—1794) был одним из ранних провозвестников идеи общего языка всего мира. Видный представитель французского просветительства XVIII в., философ, социолог, экономист, математик, член Парижской академии наук, он был активным участником Великой Французской революции; как жирондист он был заточен якобинцами в тюрьму, где принял яд, чтобы избежать позора публичной казни.

В главном своем сочинении «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсэ говорил об исторической необходимости уничтожения неравенства между нациями и классами и о действительном совершенствовании человека, мечтал, что «настанет время, когда солнце будет освещать Землю, населенную только свободными людьми, не признающими никакого другого господина, кроме своего разума». Жители планеты будут говорить тогда на всех объединяющем языке. Он утверждал: образование всеобщего языка «отнюдь не явилось бы химерической идеей... Этот язык, беспрерывно совершенствуясь... внес бы во все знания, доступные человеку, строгость и точность, которые позволили бы легко познать истину и сделали бы почти невозможными заблуждения. Тогда развитие каждой науки отличалось бы уверенностью, характерной для математических наук...»²¹. Возникновение такого языка мыслилось ему как ускоренно-эволюционный процесс.

В 1794 г. Делормель представил Национальному Конвенту свой проект всеобщего языка («*Projet d'une Langue universelle, présenté à la Convention nationale*» par le Citoyen Delormel). Как и другие энтузиасты этой идеи, он был движим стремлением содействовать сближению людей и народов, объединению их узами братства («par le doux lien de la fraternité»). Он отвергал для этой роли национальные языки или один из них: все они полны неpravильностей, которые делают изучение их долгим и трудным.

Однако логически правильный всеобщий язык отнюдь не должен рассматриваться как их замена. Но как сделать проект всеобщего языка живым всеобщим языком?

Делормель понимал, что «никогда никто не станет изучать язык, каким бы легким для изучения он ни был, если он не будет знать, что другие люди начали изучать его так же, как и он». Как же этого добиться? Делормель понадеялся на содействие Национального Конвента. Его предложение, к которому был приложен проект языка априорного типа, обсуждался в Конвенте в третьем году Великой Французской революции — 26 Брюмера (16 ноября). Один из участников этого заседания — Барриалон — крикнул: «Желательно, чтобы податель петиции преуспел в оказании услуги роду человеческому! Помешать самоизоляции народов!»^{196a} Конвент обсудил поставленную перед ним всемирную проблему и, «преклоняясь перед величием идеи», признал, что она «осуществима лишь при участии остальных наций»^{192a}.

4. ПРОЕКТЫ «ЯЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ» НА МАТЕРИАЛЕ ЖИВЫХ ЯЗЫКОВ В XIX ВЕКЕ

XIX век был той эпохой, когда капитализм продолжал насильственно расширять и укреплять свою власть над всем миром. Формировался мировой — всемирный — характер капиталистической экономики и буржуазной европейской цивилизации. Это был век бурного развития естественных и общественных наук, век возникновения марксизма и зарождения международного рабочего движения — революционной общественной силы, которой принадлежало будущее.

Многие деятели культуры — филологи, философы, историки, экономисты и наконец писатели — задумывались над идеей всемирного международного языка, поддерживали ее в своих высказываниях, работах. Что это будет за язык?

Широкое признание получила впоследствии мысль, которую в 1809 г. выразил Фридрих Нигаммер в сочинении «О назиграфии и идеографии»: задачу всемирного языка может решить только такой искусственный язык, который будет построен на естественных языках. Но прежде чем появились и впервые в истории нашли практическое применение такого рода искусственные языки, был сделан еще ряд попыток совсем другого рода.

В 1817 г. появились первые эскизы очень своеобразного проекта общепонятного языка — музыкального языка Сольресоль. Его автор — француз Жан Франсуа Сюдр (Sudre, 1787—1862), родом из Альби — составил все слова, помимо семи односложных, из различных комбинаций семи музыкальных нот: в нем 49 двусложных слов, 336 трехсложных, 2268 четырехсложных и 9072

пятисложных. Например, 'я' произносится как доре. 'ты'. 'вы' — доми, 'мой' — редо; доредо — 'время', дореми — 'день', дорефа — 'неделя', доресоль — 'месяц', сольяси — 'поднимать', сиясьоль — 'опускать'; 'я люблю' — доре мяляси. Место ударения в слове определяет категорию части речи. Слова Сольресоль могут: 1) писаться буквами, 2) первыми семью арабскими цифрами или 3) нотами, 4) произноситься или петься, 5) исполняться на любом музыкальном инструменте, имеющем гамму, 6) сигнализироваться флажками, 7) воспроизводиться семью цветами радуги — в общем имеют семь различных форм выражения. Ярчайший пример семитических систем!

Проект Сюдра заслужил неоднократные одобрения различных комиссий Парижской академии наук и многочисленных научных обществ, получил приз в 10 тыс. франков на международной выставке 1851 г. в Париже и почетную медаль на международной выставке в 1862 г. в Лондоне, встретил признание многих выдающихся современников, в их числе Виктора Гюго, Ламартина, Александра Гумбольдта. После смерти Сюдра продолжало действовать основанное Винсентом Гаевским Общество пропаганды всеобщего языка Сольресоль; в 1903 г. секретарь этого общества Болеслав Гаевский, сын Винсента, выпустил в Париже книгу, посвященную проекту Сюдра.

Дон Синибальдо де Масс составил (1863) по образцу нот систему языка, состоящую из 2600 знаков, передающих лексические понятия, а местом этих знаков выражаются грамматические значения.

Утопичность проектов всеобщего языка вполне соответствовала духу времени: утопично было и учение о социализме, коммунизме. Во Франции обнищавший, голодающий Анри Сен-Симон и Шарль Фурье, призывавший организовывать фаланги, а в Англии неутомимый, развивший бурную деятельность Роберт Оуэн разоблачали капитализм, его паразитический и хищнический характер, призывали к преобразованию общества путем примера, взывали к совести богатых. Могли ли коммунисты-утописты не мечтать об идеальном языке идеального общества будущего? Нет, конечно!

Франсуа Мари Шарль Фурье (Fourier, 1772—1837) в своей «Теории всеобщего единства» («*Theorie de l'unité universelle*», 1841) эту мечту изложил так: «Отношения между народами дойдут до такой степени активности, что произойдет смешение языков в один — язык единства, который уже не будет представлять собой примитивную ткань [tissu] французского языка, явится языком богатым и великолепным, единственно достойным объединившегося человечества, поскольку сосредоточит в себе гений всех народов»¹².

Видный представитель французского утопического коммунизма Этьен Кабэ (Cabet, 1788—1856) в своем романе «Путешествие

в Икарию» («Voyage en Icarie», 1842) желанный язык описывал в таком диалоге своих героев:

«...— Вот язык совершенно рациональный, правильный и простой, в котором все пишется так, как произносится, и произносится так, как пишется, правила которого немногочисленны и без единого исключения, в котором все слова, закономерно образованные из небольшого числа корней, имеют значения совершенно точные, грамматика и слова которого настолько просты, что уместаются в тонкий том, и изучение которого настолько легко, что любой человек может изучить его в четыре или пять месяцев.

— Верно, это и есть, наконец, всеобщий язык, столь желанный.

— Да, я не сомневаюсь, что всякий народ раньше или позже воспримет его взамен своего языка или наряду с ним, и этот язык Икарии станет когда-нибудь языком всей Земли»¹⁴.

Проблема создания нового языка уже тогда настолько занимала многих, что Онорэ Бальзак наделил интересом к ней героя своего романа «Урсула Мируэ» (1841) капитана Жорди: «Капитан изучал проблему всеобщего языка...»

Герберт Спенсер (1820—1903), видный английский философ, социолог, психолог, один из представителей позитивизма, писал в своей автобиографии: «Мне представляется вполне возможным и даже вероятным, что будет принят один искусственный язык для всеобщего пользования...»¹⁵

Пятнадцать лет трудился над проектом всеобщего языка Летелье (Letellier), сначала бывший учителем риторики в Лисьё, а потом инспектором училищ в Кальвадосе. Он исходил из убеждения, что ни один из мертвых или живых языков и ни один язык, построенный по образцу живых, не имеет данных с точки зрения науки для того, чтобы стать общим языком человечества. Летелье разделял все наши понятия на абсолютные, выражаемые корнями слов (вернее, основами), и относительные, выражающие отношения абсолютных понятий и выражаемые флексиями (а точнее — флексиями или падежными предлогами). Следуя принципам пионеров универсального языка XVII в., он считал, что корни слов должны отражать логическую классификацию идей-понятий, являющихся собственным материалом лексики, подобно тому как флексии отражают категории грамматики.

Краткость и долготы гласных имеет в его проекте смысловозначительное значение. Например, родственные отношения выражаются корнем *eg*, прибавление гласной дает: *ege* — отец, *egē* — мать, *egi* — сын, *egī* — дочь, *ego* — брат, *egō* — сестра; прибавленное согласной образует новый ряд терминов родства: *egeg* — дед по отцу, *egēg* — дед по матери, *egec* — бабушка по отцу, *egēs* — бабушка по матери, *egev* — дядя по отцу, *egēv* — дядя по матери, *egef* — тетя по отцу, *egēf* — тетя по матери и т. д. Здесь Летелье допускал свойственную многим интерлингвистическим проектам ошибку: ближайшая фонемическая и графическая форма слов, выражающих ближайшие понятия, создает возможность

путаницы, поскольку контекст в таких случаях не проясняет значения.

Летелье, правда, и не претендовал на то, чтобы стать единственным творцом общечеловеческого языка, полагая, что ученые культурных стран должны объединить свои усилия для решения этой грандиозной задачи. Свою концепцию он изложил в трактате «Полный курс всеобщего языка» («Le cours complet de la langue universelle»), законченном к 1850 г. До 1880 г. Летелье написал еще ряд работ по интерлингвистике, но опубликованы они не были. Их хранил его сын до начала XX в., когда они стали предметом исследования Л. Кутюра и Л. Ло.

В 1855 г. в международном лингвистическом обществе в Париже известный философ Шарль Ренувье (Renouvier, 1815—1903) выступил с докладом «Об интернациональном языке в XIX столетии». Он критиковал надуманность, чрезмерную искусственность «философских» проектов языка для всего мира, утверждая, что всемирный язык должен быть философским лишь по грамматике, а по словарю — примерно таким же, как все исторические языки: «его грамматика должна обосновываться на логическом анализе мысли, а словарь заимствоваться из живых языков»²²². Это были принципы языка *à posteriori*.

По инициативе Ренувье был избран Комитет международного языка в составе 23 ученых с целью «распространять в умах идею международного языка, потребность в котором начинает чувствоваться всюду, изыскивать основы этого языка ... и подготавливать пути для его появления». Комитет единогласно признал, что общий язык человечества «должен иметь научный характер и быть одновременно ясным, простым, легким, рациональным, логическим, философским, богатым, благозвучным и эластичным, способным к дальнейшему совершенствованию», как сказано в первом докладе Комитета (июль, 1856).¹⁹⁶⁶ Приглашение принять участие в выработке такого языка Комитет разослал всем научным обществам Европы, но откликнулось только одно — и дерзновенная инициатива была сорвана: неся в себе отпечаток гениальной прозорливости, она была исторически преждевременна.

Итоги работы Комитета международного языка были изложены в двух докладах Казимира Анрисы (Henricy), генерального секретаря Лингвистического общества. Они были опубликованы в его «Трибуне лингвистов» («Tribune des Linguistes») в декабре 1858 г. Анриса основал свою «Трибуну» с целью популяризации идеи международного языка.

Большинство членов Комитета все же не соглашалось с Ренувье, отдававшим предпочтение апостериорным проектам международного языка, считая, что только априорные могут быть вполне рациональными, построенными на универсальной классификации понятий.

В 1852 г. в Мадриде с комментариями на испанском языке и через три года в Париже на французском был опубликован априорный проект всеобщего языка испанского аббата Бонифацио Сотоса Очандо (Ochando). В докладах Комитета международного языка Лингвистического общества содержался критический анализ всех известных к тому времени проектов общего языка цивилизованных наций. Апостериорный проект Фэгэ был назван «забавным» (ridicul), представляющим собой не что иное, как «гротескное искажение французского языка». Проект Летелье был признан слишком искусственным и сложным. Лучшим был признан проект Очандо.

Интересные высказывания по проблеме всемирного международного языка оставил нам российский дипломат немецкого происхождения Август Гримм (Август Теодор фон Гримм), которого долгое время путали (и иногда поныне путают) с известным немецким лингвистом Яковом Гриммом. На эту ошибку указывал Гуго Шухардт в 1904 г., а в 1905 г. Фридрих Гофман опубликовал информацию о гриммовской статье, написанной 10 января 1860 г. в Константинополе, где Август Гримм находился на дипломатической службе. Л. Кутюра и Л. Ло посвятили статье Гримма раздел одной из глав своего интерлингвистического исследования¹⁹⁶⁶.

Гримм придерживался мнения, что всеобщий язык должен быть строго логичным (каждое слово должно точно выражать одно определенное понятие), обладать последовательными и простыми словообразованием и словоизменением, безграничным лексическим богатством, способным выразить все нюансы мысли, очень большой гибкостью, свободным порядком слов (со смысловой обусловленностью синтаксических вариантов) и, наконец, благозвучностью, делающей язык приспособленным для поэзии и пения (в чем образцом может послужить итальянский). При всем этом всеобщий язык должен быть легок для изучения и пользования, как устного, так и письменного.

Дипломат-интрелингвист указывал на большую пользу, которую принес бы роду человеческому всеобщий язык, на причины, в силу которых не преуспел ни один из созданных к тому времени проектов такого языка, и причины, в силу которых ни один из существующих этнических языков не может стать всеобщим, на трудности практического решения этой великой проблемы.

Во второй половине XIX в. идея создания всеобщего языка начала завоевывать умы известных филологов и лингвистов. Первым из авторитетных представителей филологии, кто публично признал эту идею, не усмотрев ничего предосудительного в определении *искусственный* в отношении к языку будущего, был Макс Мюллер (1823—1900) — виднейший английский филолог, уроженец Германии, действительный член, член-корреспондент и почетный член многих академий и научных обществ Европы и Америки.

В 1861 и 1863 гг., еще будучи молодым ученым. Мюллер читал в Английском королевском обществе лекции, в которых уделил большое внимание проблеме всеобщего языка, пояснив, что задача создания его «важна если не в практическом отношении, то с чисто научной точки зрения». Изучение первых опытов в этой области (проектов Уилкинса и Лейбница), по его словам, «принесет свою пользу именно тем, что облегчит для нас понимание естественного языка, если мы успеем составить себе ясное представление о том, чем мог бы быть этот искусственный язык». Прежде всего: язык искусственный может быть лишен той неточности, какой отличаются слова языков «естественных». Вообще язык требует философского подхода к себе — «наука о языке может быть полезна для философа»^{184а}.

Считая, что в научном языковедстве система наших понятий, будучи раз установлена, может быть приурочена к известной системе звуковых показателей, Мюллер сделал такой вывод: «Изобретение искусственного языка не включает в себе ничего невозможного для людей, привыкших говорить на естественном языке... Такой искусственный язык может быть гораздо правильнее, гораздо совершеннее и гораздо легче для изучения, чем любой из естественных языков человечества»^{184б}.

Очень интересовался проблемой всеобщего языка передовой русский писатель и общественник Владимир Федорович Одоевский (1803—1896); он собирал изданные в разных странах и в разные эпохи книги на эту тему*.

В 1868 г. в Париже был опубликован один из наиболее удачных проектов языка для всех — Универсалглот М. Пирро. Принцип, которым руководствовался Пирро в разработке своей системы, он определил так: «Мы выбираем из каждого живого языка слова наиболее известные и обязательно такие, произношение которых наиболее легко. Латынь дает наибольшее число таких слов...»^{196в}. Некоторые детали Универсалглота предвосхищали детали позднейших проектов, например суффикс *in* для слов, обозначающих женский пол: *son* — ‘сын’, *sonin* — ‘дочь’. Вот образец текста на глоте Пирро: «*Men senior, I sende evos un grammatik e un verbbibel de un nuov glot nomed Universal glot. In futur I scriptarai evos semper in dit glot...*»

Проект Пирро остался не замеченным общественностью: такова была участь и почти всех последующих проектов.

Первым в истории проектом всемирного языка, получившим широкую известность и распространение, был Воляпюк Шлейера. Иоганн Мартин Шлейер (Schleyer, 1831—1912), приходской ксендз поселка Литцельштейн и островка Майнау близ города Констанца, в Баварии, по одним сведениям, в большей или меньшей мере

* Впоследствии эта ценная коллекция редчайших книг попала в Румянцевскую библиотеку и была от нее унаследована Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина.

знал 40 языков, по другим — 50, а по третьим — даже 70 (он изучал новые языки в течение всей своей долгой жизни). Историки идеи международного языка утверждают, что он совсем не был знаком с попытками создания общего языка всех народов, но в одну бессонную ночь 1879 г. и его осенила увлекательная идея создания такого языка, он незамедлительно принялся за ее осуществление и уже в следующем году опубликовал в Констанце свой проект Воляпюк, что значит 'всемирный язык' (деформация слов world и speak).

Проект этот явился языком «смешанного типа», т. е. полу-априорным-полуапостериорным. Правильная система словообразования и словоизменения — склонения и спряжения, простой синтаксис, фонетическая орфография — таковы были основы шлейеровского проекта, основы, правда, уже не новые, но почему-то сразу привлёкшие к себе внимание общественности, и не только Германии. Что касается словаря, то автор составил его на том же материале, как и Пирро, с той существенной разницей, что, во-первых, сократил длинные слова, стремясь к тому, чтобы корень по возможности большего числа слов был односложным, в исключительных случаях допуская здесь двухсложности, а во-вторых, многие слова изменил до неузнаваемости. Так, слово compliment превратилось у Шлейера в plim, diplomе — в plom, republique — в blik, probleme — в blem; sem — комната, cif — начальник, cin — машина.

Существует рассказ, как Шлейер создавал слово *пожницы*. Прежде всего он обратился по обыкновению к английскому языку, но слово scissors оказалось неподходящим, французское *iseaux* — тоже. Взял немецкое Scheere, отбросил *e*, заменил *r* на *l*: *jel* (шель); но это слово в воляпюкском словаре уже означало 'защита'. Заменил гласную: *jil*; однако и это слово уже было занято понятием 'женственность'. Заменил *l* на *m* — получилось *jim* (шим), что и было внесено в словарь Воляпюка. Шлейер бесцеремонно переименовывал даже имена собственные: Америка превратилась у него в Melop, Африка — в Filop, Россия — в Lusän и т. п. Он ввел в систему гласных, помимо обычных, еще и смягченные: *ä*, *ö*, *ü*. (например, *löf* — любовь)¹⁸⁵.

Система спряжения, как и все в воляпюкской грамматике, логична, но усложнена сверх всякой меры, давая возможность образования бесконечного множества совершенно ненужных форм — вроде: от глагола *löfön* — любить, *alpilöfönal* — быть таким, которого когда-то любили, или *reilöföbla* — я желал бы быть таким, которого продолжительное время любили. Одесский профессор-лингвист В. Шерцль образовывал от одного воляпюкского глагольного корня до 700 форм и в то же время считал, что для усвоения воляпюкской грамматики достаточно десяти часов²²³. Один из первых воляпюкистов — некто Ленце — в своей брошюре «Всемирный язык и его значение...» («Die Weltsprache und ihre Be-

deutung...») уверял, что от каждого воляпюкского глагола можно образовать 505 440 форм!

На этот экспериментальный язык были переведены известные произведения художественной литературы. Сочинялись стихи — вроде:

Konstanobsöd famiküno!
In balif binom valüd.
Palëfuloms nefikulo
Fikuls fä balöl stenüd!

Соединимся крепчайше!
Ведь в согласии — сила.
При совместной работе
Все препятствия — ничто!

Не прошло и десяти лет после того, как в Констанце вышли в свет первые 500 экземпляров брошюры «Volapük», в Париже происходил уже III всемирный конгресс воляпюкистов (1889), на котором все доклады и прения велись на Воляпюке, и даже обслуживающий персонал отелей, где остановились делегаты конгресса, объяснялся с ними по-воляпюкски.

К этому времени во многих странах мира насчитывалось 225 обществ воляпюкистов, курсы этого языка окончило 210 тыс. человек, тысячи дипломированных учителей, преподавателей высших учебных заведений и даже «профессоров» распространяли его, его преподавали в технических училищах Италии, в Вене изучали в пяти высших учебных заведениях, кружки по изучению Воляпюка множились на всех континентах, организовались они, в частности, и во многих городах России, на Воляпюке издавалось около 30 журналов и газет, его литература насчитывала до 300 названий, в Японии и Китае появились обстоятельные воляпюкские словари (в Китае — под названием «Van-kuo-tung-hua-tze-tien» — «Словарь для десяти тысяч народов»), в Австралии, в театре Брасбака, на шлейеровском языке ставились оперы и имели успех, во многих больших коммерческих конторах и отелях Франции и Англии говорили и писали на Воляпюке, редакции некоторых газет получали на Воляпюке корреспонденции. По утверждению ряда лингвистов (в частности, Л. Кутюра и Л. Ло), в это время во всем мире насчитывалось около миллиона энтузиастов шлейеровского языка. Разумеется, не было недостатка и в скептиках, принципиальных противниках.

Шлейер дал своему Воляпюку лозунг «Menade bal — rüki bal!» («Единому человечеству — единый язык!»). Но ведь человечество-то при капитализме так же далеко от единства и от возможности единства, как небо от земли! И вполне понятно, что этот неуместный, слишком радикальный лозунг шокировал воляпюкистов, «Konstanzer Tageblatt» — газета того городка, где проект

Воляпюка увидел свет, писала в номере от 4 апреля 1886 г.: «Всемирный язык Шлейера и не думает заменить собой какой-либо из живых языков, как это измыслили некоторые... он преследует только одну цель — дать возможно легкое средство для торговых и других международных сношений, подобно языку сигналов или флагов, какой существует для моряков всех наций». Германские воляпюкисты называли его «internationales Verständigungsmittel» (интернациональное средство понимания), а французские — «la langue commerciale internationale» («коммерческий интернациональный язык»).

Некоторые воляпюкские журналы прибавляли к шлейеровскому лозунгу оговорку: «Nen dām alik plopük motik» («Без всякого ущерба для родного языка»). С тех пор во избежание недоразумений к определению «интернациональный» («международный») и начали все чаще добавлять «вспомогательный».

Не остался чужд идее всем людям понятного языка и Жюль Верн (1828—1905). В романе «80 000 льё под водой», вышедшем в свет в 1870 г. (о нем в предисловии русского издания 1955 г. сказано: «Все силы, все мечты вложил он в эту самую любимую и, быть может, свою лучшую книгу») великий писатель-фантаст устами одного из своих героев воскликнул: «Как плохо не знать всех языков! Насколько было бы лучше, если бы существовал один международный язык!»

В конце 1867 г. Дмитрий Иванович Менделеев сделал свое «Заявление о метрической системе» на I съезде русских естествоиспытателей, происходившем в Петербурге, начав его такими словами: «Объединение народов остается мечтою мира и прогресса, пока не подготовлены к этому пути... Подготовлять же связь крепчайшую обязан каждый, кто понимает, что настанет наконец желанная пора теснейшего сближения народов. Воздухоплавание, попытки отыскать мировой язык и всеобщие письмена, международные выставки и даже самые стачки — маяки на этом долгом пути»^{223А}. Знаменательно, что предвестниками будущего сближения и объединения всех народов Менделеев считал, наряду с развитием международного сотрудничества и средств передвижения, с попытками решить проблему мирового языка, — стачки, т. е. классовую борьбу рабочего класса.

По малоизвестному свидетельству писателя А. И. Гончарова *, в России многие тогда мечтали и поговаривали о будущем единении человечества и общечеловеческом языке.

Многие деятели культуры отказывались публично от предрассудков против искусственного языка как вспомогательного. 11 ноября 1884 г. неизвестный в свое время в Германии писатель Леопольд Эйнштейн выступил с рефератом по проблеме всемирного языка, где развивал мысль, что такой язык должен явиться

* См. об этом в заключительной главе настоящей книги.

экстрактом всего лучшего из естественных языков («Bauerische Lehrer-Zeitung», 1885, № 11 и 12).

В течение XIX столетия в периодической печати все чаще появлялись статьи по проблеме всемирного языка. Не оставались совершенно глухи к ней журналы и газеты России, особенно после международной шумихи вокруг Воляпяка. Весьма примечательная статья о попытках создания всемирного языка появилась в 1886 г. в одном из воскресных номеров ежедневной газеты «Русские ведомости» за подписью Р. Минцлова. Автор этой статьи цитировал знаменитое письмо Декарта Марсенну, писал о проектах универсального языка Вилкинса (Уилкинса), Мемье и других, упоминал о том, что в этой области работал и Лейбниц, но «никаких следов [этой] работы Лейбница не сохранилось»; про Воляпяк Минцлов заметил: «Последняя попытка настолько известна, что о ней не приходится распространяться». Ко всем этим попыткам он высказал понятное скептическое отношение и закончил статью высказыванием, которому нельзя отказать в здравомыслии и дальновидности:

«Мы отнюдь не желаем доказывать... что всемирный язык вообще невозможен. Общечеловеческий язык весьма желателен, но образование его зависит исключительно от совокупности усилий всего человечества, а не от тем или иных изобретений отдельных индивидов. А для того, чтобы эти совокупные усилия могли проявиться, нужно, шутка сказать, чтобы человечество соединилось в одно единое целое, а к этому мы едва ли стоим ближе, чем к земному раю, о котором писал Декарт.

Вполне достаточно будет, если нынешнее человечество, в разрозненном его виде, придет к установлению всеобщих: календаря, монет, путевых, весовых и других мер, алфавита для правильного обозначения всех существующих языков, научной терминологии вроде химической и других способов, в пределах возможного, к частному объединению человечества. Эти частичные объединения будут содействовать со временем и полному объединению человечества, тогда появится и новый язык, на котором будут писать и новые поэты»^{223Б}.

К осени 1887 г. в европейских газетах и журналах было напечатано без малого 500 отзывов в пользу Воляпяка и выражаемой им идеи, как о том сообщил интерлингвист-любитель Евгений Бик в докладе, посвященном этой теме, прочитанном 18 октября того же года в Московской городской думе.

Ничего подобного история человечества еще не знала: язык, созданный одним человеком (и к тому же в удивительно короткий срок — в течение года, как бы «по наитию»), на деле показал принципиальную возможность служить международным средством общения, превратиться в живой язык. Но тут же сказались и вся утопичность воляпяковского движения, отсутствие у него прочной социальной почвы, а в самом языке — научно разработанных основ. На III конгрессе воляпякистов проявилась глубокая неудовлетворенность шлейеровским языком среди видных его последователей: группа делегатов во главе с президентом воляпякской

«академии» (Kadem Bovünetik Volarüka) — преподавателем языков в Высшей торговой школе в Париже проф. Августом Керкгофсом (Kerchhoffs) — потребовала коренных реформ Волянюка. Шлейер не уступил, считая себя единовластным творцом и вершителем судеб «всемирного языка», на конгрессе начались раздоры, произошел раскол, и волянюкское движение быстро пошло на убыль.

Но свою положительную роль оно сыграло: привлекло к проблеме всемирного языка внимание широкой общественности. Кратковременный успех языка Шлейера вызвал многочисленные подражания. Прежде всего за создание своих проектов всемирного языка принялись члены бывшей волянюкской «кадем», реорганизованной в *Academi international de lingu universal*, которую возглавил петербургский интерлингвист-любитель инженер В. Розенбергер.

Пока бывшие волянюкисты-«академики» трудились над собственными проектами, 28-летний варшавский врач, специалист по глазным болезням, Людовик Лазарь Заменгоф опубликовал под псевдонимом д-р Эсперанто (Надеющийся) свой «Интернациональный язык» («*Lingvo internacia*», 1887). Заменгофский язык в проекте выгодно отличался от языка Шлейера реалистичностью своего лексического состава, заимствованного из главных западноевропейских языков, и крайней простотой, даже упрощенностью грамматики, которая сведена к 16 правилам. Каждая часть речи здесь определяется лишь одним окончанием, имена существительные прибавляют к основе *-o*, прилагательные — *-a*, во множественном числе наращивается *-j*, единственная флексия *-n* выражает винительный падеж, глаголы имеют всего три простых времени и, в каждом из них — по одному окончанию: *-as*, *-is*, *-os*. Был упрощен до крайности и словарь.

По всей вероятности, проект д-ра Эсперанто-Заменгофа постигла бы участь других подобных проектов, затерявшихся в неизвестности, если бы у него не нашлись энергичные приверженцы и пропагандисты. На первых порах это были преимущественно граждане России: А. Грабовский, В. Девятин, Н. Бровка, В. Гернет, Н. Евстифеев, А. Сахаров, И. Лойко, И. Островский, П. Стоян и многие другие. В Германии к первым эсперантистам принадлежал писатель Леопольд Эйштейн, основавший первое общество эсперантистов (1888) и журнал «*La Esperantisto*» (1889); во Франции Гастон Мок (Moch), опубликовавший статью и брошюру «Вопрос о международном языке и его решение в Эсперанто» (1897), Луи де Бофрон (Beaufront) и другие; в Швеции — Пауль Нюлен (Nylen), основатель журнала «*Lingvo internacia*»; в США — секретарь Философского общества Генри Филиппс, начавший готовить конгресс друзей интернационального языка (смерть Филиппса помешала созыву этого конгресса).

Особенно энергичную деятельность развернул де Бофрон, принадлежавший к захудалому роду маркизов, филолог и преподава-

тель филологии. Он сам уже 12 лет работал над проектом международного языка Аджуванто, его труд был близок к завершению. Проект был построен на тех же принципах, что и заменгофский: тот же принцип европейского интернационализма в составлении словаря и тот же принцип упрощенного схематизма в грамматике — она сводилась к 20 правилам. Заменгофский *Lingvo internacia*, нашедший приверженцев в России и Германии, несколько опередил бофроновский *Lingvo internaciona*, и Бофрон бескорыстно отдался пропаганде проекта варшавского доктора. В январе 1898 г. он организовал Общество пропаганды Эсперанто (*La Société pour la propagation de l'Esperanto*) и ежемесячный журнал «*L'Esperantiste*» *, который выходил в течение девяти лет.

Во Франции нашлись и другие видные пропагандисты Эсперанто, которые подняли вопрос о международном языке во Французской академии (первого из пяти отделений Парижской академии, официально именуемой Институтом Франции, — отделения, которое занимается вопросами языка и литературы). Иностраный член Института Франции — 82-летний Эрнест Навилль — представил Французской академии доклад «*Интернациональный язык*» («*La langue internationale*»), который был зачитан на двух заседаниях в феврале 1899 г. Академик Навилль указывал на большие преимущества, которые дал бы интернациональный, международный язык всем народам. Он утверждал, что на роль такого языка не может претендовать ни один из так называемых естественных языков, живых или мертвых, прежде всего вследствие трудности их изучения. Престарелый ученый обращал внимание Академии на Эсперанто, называя его «одним из романских языков» и замечая, что было бы, однако, преждевременно возбуждать вопрос о немедленном введении Эсперанто в программу школ, поскольку этот новоявленный интерлингвистический проект еще не успел дать всех доказательств своей пригодности, — это важное дело пока требует «развития частной инициативы».

В 1864 г. несколько эсперантистов обратились с письмом ко Льву Николаевичу Толстому с просьбой выразить свое мнение о проблеме международного языка, и в частности, об Эсперанто. В ответном письме Л. Толстой писал: «... Для того, чтобы люди понимали друг друга, нужно или то, чтобы все языки сами собой слились в один (что если и случится когда-либо, то только через большое время) ... или то, чтобы был избран всеми один язык, которому обязательно обучались бы все народы, или, наконец, то (как предлагается воляпюкистами и эсперантистами), чтобы все люди разных народностей составили себе один международный облегчительный язык и все обучились бы ему... Мне кажется, что последнее предложение самое разумное и, главное, скорее всего осуществимо».

* Французское написание: конечное *e* не произносится.

Об Эсперанто Толстой высказался сдержанно: «...Насколько Эсперанто удовлетворяет требованиям международного языка, я не могу ответить решительно. Я не компетентный судья в этом. Однако что я знаю, это то, что Воляпюк показался мне очень сложным. Эсперанто же, напротив, очень легким, каким он и должен показаться всякому европейскому человеку. (Я думаю, что для всемирности в настоящем смысле этого слова, т. е. для того, чтобы соединить китайцев, африканских народов и пр., понадобится другой язык...)»²²⁴.

5. ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В XX ВЕКЕ

Встречая XX век, Герберт Уэллс выступил с предсказаниями того, что ожидает человечество в новом столетии (его книга с этими предсказаниями переводилась и издавалась в России несколько раз: в 1902, 1903 и 1909 гг.). В этом сочинении популярный английский романист-фантаст высказался, между прочим, относительно перспектив решения проблемы общения. Он допускал возможность превращения либо французского языка (французского прежде всего), или английского, или обоих, или трех национальных языков (еще и немецкого) во всеобщий язык, однако вполне естественно, добавлял он, что при этом «на сцену выступит национальное самолюбие народов»: англичане почувствуют себя обиженными, если всемирным языком объявят французский, немцы одинаково отвергнут и английский и французский языки, русские, пожалуй, захотят отстоять кандидатуру своего языка, а китайцы с полным правом заявят, что их язык, за которым числится давность тысячелетий и на котором говорят сотни миллионов людей, не хуже любого европейского.

Из этого затруднительного для всего человечества положения Уэллс видел лишь два выхода: «1) предоставить будущее естественному развитию, т. е. дать распространиться тому языку, который имеет под собой наиболее твердую для этого почву; 2) создать новый язык, и, не оскорбляя ничего национального самолюбия, постепенно сделать изучение этого языка обязательным для всех народов». Отдавая предпочтение второму пути, он заметил: «Люди уже давно стремятся создать единый всемирный язык — возможно, что когда-нибудь эта грандиозная задача будет решена»²²⁵.

В 1923 г. в Петрограде вышла книга Герберта Уэллса под названием «Спасение цивилизации». Здесь в главе «Вероятное будущее человечества» писатель говорил о «необходимости политической реорганизации мира в одно целое», чтобы спасти род человеческий «от того социального разделения и полного физического уничтожения, какие в конечном счете были бы неизбежными

следствиями войны в современных условиях»²²⁶. Уэллс мечтал об упразднении границ между народами, о всемирном государстве нового типа.

С наступлением XX в. произошли события, ставшие непосредственными предвестниками близкого начала новой эры: в 1903 г. на II съезде РСДРП были заложены основы большевистской партии.

Энтузиасты идеи общего языка всех народов множили и расширяли свои неустанные усилия претворить ее в жизнь, в условиях, совершенно для этого неподходящих. В XIX в. создателями апостериорных проектов международного языка были все больше священники, врачи, инженеры; в XX в., когда появился термин *интерлингвистика*, оказавшийся более приемлемым, чем *космоглоттика*, интерлингвистами становятся математики и логики, многие профессиональные лингвисты. Интерлингвистика вырастает в перспективное течение мировой лингвистики. Буржуазные ученые делают попытки коллективного решения интерлингвистической проблемы и даже прилагают усилия как-то привлечь к этому общественность.

В 1900 г. на конгрессе Французской ассоциации поощрения наук Луи де Бюффон зачитал доклад анонимного автора, впоследствии оказавшегося Л. Л. Заменгофом, — «Сущность и будущее идеи международного языка». Доклад начинался словами: «Все идеи, которым суждено играть великую роль в истории человечества, имеют общую участь: современники встречают их не только удивительно упорным недоверием, но даже какой-то необъяснимой враждебностью; пионерам этих идей приходится вести нелегкую борьбу и переживать немало страданий». Далее в докладе говорилось: «Мы боремся за дело, которое принесет человечеству громадную пользу и которое раньше или позже непременно осуществится...»

Мысль о том, что международным языком может стать не тот, который мы избрали, не должна нас смущать, ибо мы боремся за идею, а не за ту или иную ее форму...»

Автор Эсперанто в своем докладе-послании заявлял: «Эсперантисты совсем не претендуют, что их язык представляет нечто такое совершенное, что ничего более высокого уже не может существовать. Напротив, когда осуществится авторитетный конгресс, относительного которого будет известно, что его решение будет иметь силу для всего мира, эсперантисты сами предложат ему избрать комитет, который занялся бы пересмотром языка и сделал бы в нем все полезные улучшения, если бы даже для этой цели нужно было изменить язык до полной неузнаваемости... или созданием какого-либо другого языка, более идеального...»²²⁷.

В 1901 г. 30 членов Парижской академии обратились к президенту академии с письмом, где указывали, что мир вступает в новый век, которому суждено увидеть небывалое развитие международных отношений на всей поверхности земного шара «к вели-

кой пользе науки и цивилизации». Далее говорилось как об уже общепризнанном, что языком международных, интернациональных отношений не может стать ни один из национальных — для этого необходим язык более легкий и нейтральный по отношению ко всем нациям. Письмо через посредство президента Академии предназначалось для собиравшейся в Париже первой ассамблеи Международной ассоциации академий (L'Association Internationale des Academies), которая учреждалась тогда в составе академий наук и научных обществ 16 городов Европы. Но знаменательное послание на ассамблею запоздало. Вторая ассамблея Ассоциации академий состоялась в 1904 г. в Лондоне. На этот раз уже 272 ученых 70 научных учреждений 35 городов 9 стран непосредственно обратились к ней с призывом взяться за решение проблемы международного языка. Участники ассамблеи признали, однако, себя в этом деле некомпетентными.

Видный австрийский лингвист Гуго Шухардт (1842—1928), критик традиционных школ в лингвистике и искатель в ней новых путей, выступил в защиту идеи создания всемирного международного языка еще в середине 90-х годов — в статье «Всемирный язык и мировые языки» («Die Weltsprache und die Weltsprachen»), где, между прочим, высказывал мысль, что судьбу проекта всемирного международного языка могут решить либо правительства мира, либо «Красный Интернационал»²²⁸.

Спустя десять лет в статье «Сообщение о движении, направленном на создание искусственного международного вспомогательного языка» («Bericht über die auf Schaffung einer künstlichen internationalen Hilfssprache gerichtete Bewegung») Шухардт указывал, что множество языков для международных сношений общепризнано представляет собой зло (Übel) и что вспомогательный международный, интернациональный язык — «потребность, и притом растущая»^{229а}.

Шухардт решительно возражал против мистического отношения к национальным, народным языкам как якобы «естественным», а на самом деле более или менее искусственным, и против скептического отношения к языкам, созданным сознательно, называемым «искусственными»: принципиальной разницы между ними нет. Более того, утверждал Шухардт, «опыт учит нас, что все, что выражаемо в естественном посредническом языке [Vermittlungssprache], так же хорошо или даже лучше может быть выражено и в искусственном [языке ...]»^{229б}.

Автор известных «Очерков по семантике» Мишель Бреаль (1832—1916) писал в статье «Выбор интернационального языка» («Le choix d'une langue internationale», 1901): «Речь идет о том, чтобы наделить всех общим языком, вспомогательным языком-посредником, который был бы добровольно и единодушно принят всеми цивилизованными нациями мира... Существующие языки, смешиваясь, являют собой материал для нового языка...»^{230а}.

Толчком для оживления общественной деятельности в пользу скорейшего решения проблемы всемирного языка послужила Всемирная выставка 1900 г. в Париже, когда — особенно на многочисленных международных конгрессах, имевших там место, — мешанина языков дала всем остро почувствовать, как нужен разноязычным нациям мира общий язык. По инициативе французского математика Леопольда Ло (Leau), выпустившего в 1900 г. брошюру «Возможен ли всеобщий язык?» («Une langue universelle, est elle possible?» Париж), при ближайшем участии Луи Кутюра была создана инициативная группа, обратившаяся с воззванием ко всему цивилизованному миру: призвала откликнуться всех, кто готов оказать поддержку идее вспомогательного международного языка. Язык этот, говорилось в воззвании, не должен давать каких-либо преимуществ ни одной нации; это должен быть совершенно новый язык, способный обслуживать как обычное общение людей, так и международные коммерческие связи, различные науки, философию; он должен быть легок для усвоения людьми с начальным образованием, прежде всего для европейцев.

Воззвание нашло живейший отклик во всем мире. На него откликнулось 1250 профессоров из 189 академий наук, университетов и высших технических училищ и 310 всевозможных общественных организаций — торговые палаты и пароходные общества, религиозные союзы и офицерские собрания, объединения коммерсантов, клубы и кружки юристов, туристов, автомобилистов, велосипедистов, стенографистов... Вся эта разношерстная публика всех континентов и составила организованную 17 января 1901 г. Делегация для принятия вспомогательного международного языка, которая через своих представителей избрала постоянный Комитет в составе 11 известных ученых. В их числе были: Гуго Шухардт, Отто Есперсен, Вильгельм Оствальд — все профессора, члены академий; Россию представлял профессор Петербургского университета И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Воззвание инициативной группы и статьи Л. Кутюра, тогда профессора Тулузского университета, произвели большое впечатление на многих скептиков. В России принадлежал к ним В. В. Лесевич, автор статьи «Всемирный язык и народные языки», напечатанной в двух последних книжках «Русской мысли» за 1900 г. Во второй книжке того же журнала за 1903 г. он опубликовал статью «Международный язык культурных сношений», в которой его прежнее скептическое отношение к идее искусственного языка международного общения сменилось отношением сочувственным. Лесевич писал в заключение своих рассуждений: «Едва ли можно сомневаться, что новая постановка вопроса о международном языке, поддержанная коллективными силами ученых обществ и подкрепленная талантивыми и вдохновенными такими провозвестниками, каким является Кутюра, действительно вступает, наконец, на тот путь, который приведет ее к практическому решению»^{230б}.

В 1903 г. Л. Кутюра и Л. Ло выпустили книгу «История всеобщего языка» («Histoire de la langue universelle»), где анализировали 40 проектов этого языка¹⁹⁶. Интерлингвист Гюстав Готеро (Gautherot) назвал эту книгу «в своем роде шедевром»^{199а}. В начале XX в. новые такие проекты появлялись во множестве, так что вскоре тем же ученым пришлось выпустить дополнительный обзор их — «Новые международные языки». («Les nouvelles langues internationales», 1907).

Оба издания были разосланы членам Комитета, который, прежде чем самому решать вопрос о лучшем из проектов, попытался представить его на усмотрение Международной ассоциации академий, собравшейся в мае 1907 г. в Вене на свою третью ассамблею. Двенадцатью голосами против восьми Ассоциация снова отбела от себя этот вопрос, как не входящий в ее компетенцию. Тогда Комитет «Делегации для избрания международного вспомогательного языка» в октябре того же года собрался в Париже.

После 18 заседаний под председательством В. Оствальда этот интерлингвистический комитет пришел к заключению, что ни один из представленных на конкурс проектов не может считаться удовлетворительным, но за основу можно принять Эсперанто, поскольку этот проект уже успел найти сторонников во многих странах. Как раз за два года до того во Франции прошел первый Всемирный конгресс эсперантистов. При обсуждении проектов-кандидатур язык Заменгофа подвергся, однако, серьезной критике, особенно со стороны О. Есперсена и Л. Кутюра. В заключительном докладе Комитету, опубликованном не полностью и представленном его секретарями Л. Кутюра и Л. Ло, почти вся третья, заключительная, часть была отведена критическим замечаниям в адрес Эсперанто²³⁴.

Наиболее серьезными его конкурентами на конгрессе оказались Идиом-Неутраль и Новилатин. Авторами Неутраля были В. Розенбергер и его сотрудники по интерлингвистической «академии». В основу грамматики неутралисты положили уже нашедший себе безоговорочное признание принцип логичности, а в основу словаря, содержавшего 9000 корней, — принцип отбора наиболее распространенных слов из главных европейских языков. Неутраль располагает более чем 50 словообразовательными аффиксами. Особых окончаний для имен существительных не имеет, но существительные со значением существ мужского пола оканчиваются на *-o*, а женского пола — на *-a* (в единственном числе); множественное число имеет флексию *-s*. О. Есперсен сказал, что Неутраль отличается от Воляпюка, как день от ночи.

После опубликования в 1902 г. первого варианта В. Розенбергер в 1908 г. представил его новый вариант — Реформ-Неутраль. Вот образчик текста на Неутрале: «El Reform-Neutral es un lingue artificial multe convenable pro relationi international. Et es apprendibil pro omnion de cultur european; it av gramatic simpl e reguli precis pro pronounciation pro scriptur e pro formation de paroli...»

Легко догадаться о смысле этих слов: «Реформ-Неутраль есть искусственный язык, очень удобный для международного общения. Он понятен всем [людям] европейской культуры; он имеет простую грамматику и точные правила произношения, правописания и словообразования».

Новилатин Е. Бермана появился в Лейпциге в 1894 г. и был близок некоторым другим проектам реформированной латыни, в частности всеобщему языку (*Langue Catholique*, Париж, 1892) А. Липтая (*Liptay*).

Кутюра и Ло в своем докладе Комитету Делегации писали, что, по их мнению, международный язык должен быть более «естественным» и более апостериорным, чем Эсперанто, более автономным (независимым) и более гибким, чем Неутраль, более простым и более регулярным (правильным), чем Новилатин²³⁴.

Вскоре Комитету был представлен проект реформированного Эсперанто, автор которого скрылся под псевдонимом «Идо», что в приблизительном переводе значит 'дитя', 'потомок'.

Вот сравнительный текст на Эсперанто первоначальном (слева) и Эсперанто реформированном (справа):

Kiam ĉiuj, kiuj volas la sukceson de la lingvo internacia, konos ĉiujn kondiĉojn de la problemo, kiun oni devas solvi, tiam tiuj homoj konstatos, ke malgraŭ siaj bonaj ecoj, Esperanto...	Kande omni ti, qui volas la sukceson di la linguo internaciona, konocos omna kondicioni di l'problemo solvenda, lor ica homi konstatos, ke malgre sa bona qualesi, Esperanto... ¹⁹⁷ .
--	--

Это значит: «Когда все те, кто хочет успеха международному языку, будут знать все условия решения проблемы, они (эти люди) признают (констатируют), что, несмотря на свои хорошие качества, Эсперанто....»

Комитет принял Эсперанто за основу. Однако и проект Идо был признан нуждающимся в доработке. В ней принимали участие Л. Кутюра, О. Есперсен и другие, публично обсуждая предложения о поправках на страницах основанного тогда (1908) печатного органа Делегации — журнала «*Progreso*» (он выходит в Швейцарии и поныне). Оказалось, что некто Идо это сам Луи де Бофрон, представлявший Заменгофа и его проект перед интерлингвистическим Комитетом, но в результате обмена мнениями с выдающимися интерлингвистами разочаровавшийся в Эсперанто.

Вслед за Бофроном из эсперантистского лагеря в лагерь идистов перекинулось много видных деятелей движения за международный язык, в их числе Гастон Мок. Идисты объявили: если дело международного языка до сих пор находилось в «руках утопистов, мечтателей и фантазеров», в руках дилетантов, то отныне его в свои руки взяли ученые — лингвисты, философы, математики. Несколько изменив словарь Эсперанто (в основном словарном фонде Идо было до 2000 несовпадений с Эсперанто), авторы Идо

значительно его пополнили, доведя число корней до 10 тыс., создав лексически самый богатый из сконструированных языков. Число аффиксов увеличено было более чем на два десятка. Если все слова в Эсперанто имеют ударение на предпоследнем слоге, то ударение в Идо, подчиняясь правилам без исключений, бывает не только на предпоследнем слоге, но и на последнем (в инфинитиве глаголов на *-ar*, *-ir*, *-or*). Для целого ряда деталей здесь было найдено, безусловно, более удачное решение, что признавали и некоторые правоверные эсперантисты. Но, конечно, и в Идо есть немало сомнительного, спорного, недоработанного.

В начале 1909 г. идисты основали союз, якобы распространяющийся на все части света, — Союз друзей международного языка (*Unio di l'amiki de la lingvo internaciona*) под председательством проф. Л. Пфлаундлера и почетным председательством проф. В. Оствальда, а также идистскую «академию», и уже к марту 1910 г. группы и клубы идистов организовались в сотне городов, главным образом Европы. Появились идистские издания, периодические и непериодические; двуязычные словари на Идо явились самыми крупными изданиями этого рода в интерлингвистике. Созывались конгрессы идистов и т. д.

Группа ученых, участвовавшая в работе Комитета Делегации для принятия международного вспомогательного языка и отчасти в разработке проекта Идо, внесла ценный вклад в теоретическую разработку проблемы. Председатель Комитета, основоположник физической химии и интерлингвист, всемирно известный ученый Вильгельм Фридрих Оствальд (1853—1932) изложил важные принципы построения международного языка, формировавшиеся всем предшествовавшим развитием интерлингвистической мысли: принципами однозначности, необходимости и достаточности.

Первый из них был сформулирован им так: «Между понятиями и выражающими их формами должно существовать однозначное соотношение». Понималось это как принцип грамматической однозначности в применении к морфологии, равно как и два других принципа. Об этих последних Оствальд писал: «Результатом разносторонних исследований, начатых Лейбницем и продолжавшихся в течение столетий, является действительная возможность преобразования грамматики на том основании, что язык должен служить выражением всего необходимого, но не излишнего».

Анализируя несовершенство национальных языков, Оствальд говорил о грамматических излишествах в одной из публичных лекций по интерлингвистике (1907): «В европейских языках содержания, выражаемые словами, часто заключают в себе больше, чем это необходимо; кроме того, есть и такие, значение которых нам совсем не нужно. Положим, я скажу: «*Die steineren Häuser brennen nicht*» («Каменные дома не горят») — этими словами я скажу много лишнего. Множественное число *Häuser* уже говорит

нам, что речь идет о многих домах. Тот же признак, ничего не прибавляющий к имеющемуся налицо, выражает множественная форма и члена *die*, и прилагательного *steineren*, и глагола *brennen*. Следовательно, если я скажу: «*Steinern Häuser brenn nicht*», то я скажу ровно столько же, как и раньше, ничуть не туманнее...» Излишность некоторых «содержаний» особенно ясна при рассмотрении разделения имен на роды. В. Оствальд рассуждал далее: «Если я скажу: *die Rose* (роза), *das Veilchen* (фиалка), *der Klee* (клевер), то я при этом не имею намерения выразить что-либо посредством артикля...»²³¹.

Принцип краткости языка универсальных функций был сформулирован другим лингвистом — Карлом Шпитцером, автором проекта Парла: «Интернациональный язык не должен содержать ни одной буквы более того, что абсолютно необходимо для выражения человеческой мысли»²⁰⁷. Этот принцип, применить который в своих проектах стремились сам Шпитцер и ряд других языковорцев, представляется очень рациональным, но практически он несовместим с принципом апостериорности международного языка.

Априорный отрыв от языкового опыта человечества осуждал в числе других Луи Кутюра, автор книг «Логика Лейбница» (1901) и «Алгебра логики» (1905). В работах «Об интернациональном вспомогательном языке» («*De la langue internationale auxilliaire*»), «О словообразовании в Эсперанто» («*Etude sur la dérivation en Esperanto*») и других он изложил свои представления о логических основах такого языка.

Предложения сделать общим языком всех наций один из нелогичных, нерациональных, возникших в процессах стихийной эволюции, какими народы пользуются для своих внутренних нужд, Кутюра отвергал «как химерические». И так же называл он априорные проекты международного языка. Принцип лингвистической априорности он считал ошибочным: неверно исходить из предположений, будто все наши понятия представляют собой лишь однородные и однообразные комбинации небольшого числа основных понятий, которые могли бы составить своего рода азбуку мыслей: это воззрение слишком упрощает процесс мышления, сводя все наши суждения к так называемым предикативным, а все предложения — к единому типу, где в сказуемое входит глагол *быть*; оно игнорирует все мыслимые отношения между предметами, кроме единственного отношения вида к роду. Главный же недостаток этих систем состоит в предпосылке, что основные элементы наших понятий якобы составляют незначительное число и могут быть изображены комбинациями букв или слогов, достаточно короткими для того, чтобы их легко запоминать и пользоваться ими. Однако, писал далее Кутюра, «эпитет *искусственный* в отношении международного языка вовсе не означает языка, не имеющего ничего общего с так называемыми естественными...»

Интересны мысли Кутюра о словообразовании в усовершенствованном языке: «Международный язык будет давать полную свободу образовывать от корней, заимствованных из разных языков, все производные и сложные слова, в каких явится надобность, и притом регулярным или, так сказать, автоматическим образом, не допуская никаких исключений и не наталкиваясь, как во всех наших живых языках, на veto пуристов: «Такого слова нет!» Он обретет вследствие этого такие богатства и гибкость, какими не обладает ни один из существующих языков... Части речи можно будет различать по их форме при первом же взгляде или при слушании... Это — такое удобство, какого не предоставляет ни один «естественный» язык». Что касается грамматики, то Кутюра сводил ее, как и другие западные интерлингвисты, к минимуму: на всю грамматику он считал достаточными менее двух десятков неизменяемых флексий, придерживаясь в этом принципа предельного упрощения и схематизма²³².

В статье «Применение логики к проблеме международного языка» («D'une application de la logique au problem de la langue internationale») Кутюра писал: «Международный язык сообразен (relève) с логикой и заслуживает внимания со стороны философов». Структура международного языка подчиняется принципу, сформулированному им следующим образом: «Все элементы слова (морфемы) представляют неизменяемые элементарные понятия (идеи), причем та или иная комбинация этих элементов имеет определенный смысл именно этих понятий (идей)... Легко понять, что этот принцип представляет собой идеал языка, так как язык, являясь в сущности системой условных знаков, только тогда может быть теоретически совершенным и удобным на практике, когда он состоит исключительно из однозначных соотношений между этими знаками и понятиями, которые необходимо выразить».

Из принципа однозначности Кутюра вывел *принцип обратимости*, сформулировав его следующим образом: «Всякое производное слово должно быть обратимо, т. е. если мы, следуя определенному правилу, переходим от одного слова к другому того же корня, то должна быть представлена также возможность перехода от второго к первому согласно совершенно обратному правилу»²³³.

Это положение он считал следствием принципа однозначности, ибо в противном случае надо было бы приписывать одному — данному — слову два различных значения. Практически это значит: если существительное, произведенное непосредственно от глагола, обозначает действие или состояние, характеризуемое глаголом (или, лучше сказать, его корнем), то и глагол не может быть непосредственно произведен от существительного, если только последнее не выражает какого-либо действия или состояния...

Активным участником общественного движения за международный язык был один из крупнейших лингвистов России и Польши — Иван Александрович (Ян Игнацы Нецислав) Бодуэн де Куртене

нэ (1845—1929). Потомок выходца из Франции, уроженец Польши, где он и скончался, автор свыше 600 опубликованных работ, Бодуэн де Куртенэ выдвинул ряд смелых теоретических идей, некоторые из которых получили в наши дни развитие в структурализме.

Когда в 1907 г. немецкие лингвисты К. Бругман и А. Лескин выпустили книгу под названием «К критике искусственных мировых языков» («Zum Kritik den künstlichen Welt Sprachen»), где брали под сомнение возможность решения проблемы международного языка, создания его (поскольку язык является-де «организмом», который якобы нельзя создать «искусственно»), он ответил этим скептикам брошюрой, сокращенный вариант которой был опубликован в 1908 г. в Петербурге в журнале эсперантистов «Эсперо». В этой статье Бодуэн заявлял о себе: «Я вовсе не эсперантист, не приверженец какого-либо другого вспомогательного международного языка...» Идея, приверженцем которой он был, еще не нашла достойного себе воплощения, однако, писал он, «эта идея слишком могущественна и слишком жизнеобильна, а ее существование и продолжение не зависят вовсе от временных неудач». И далее: «Надеюсь, что творец Эсперанто доктор Заменгоф... не станет негодовать и не впадет в уныние при мысли о том, что в более или менее отдаленном будущем языку Эсперанто придется уступить место другому, более совершенному воплощению идеи международного языка. Ведь здесь, я полагаю, должно нами руководить желание осуществить идею возможно лучшим образом, а не удовлетворить чье-либо самолюбие и честолюбие...». Бодуэн был и против Идо.

Известно, что многие ученые и неученые относятся к идее создания международного языка свысока. «К сожалению, они забывают, что великие идеи нельзя заглушить ни зубоскальством, ни упрямым игнорированием», — напоминал Бодуэн. Аргументированно возражая против предложений использовать в качестве общего языка всех народов один или два-три из национальных языков, он утверждал: «В свете сознания известные продукты стихийных процессов могут не соответствовать целям, которые мы ставим сознательно». Для марксистов это звучит очень убедительно. Полно глубокого смысла и научной мудрости и такое замечание Бодуэна: «Если не человек существует для языка, а язык для человека, если человек имеет не только право, но и обязанность совершенствовать все свои орудия, то очевидно, что этому совершенствованию должно подлежать и столь важное и неизбежное орудие, каким является именно язык»¹⁰⁶⁶.

Отто Эсперсен, профессор Копенгагенского университета и член-корреспондент Британской академии наук, впоследствии (1928) ставший автором одного из проектов международного языка — Новиала, поначалу был в числе скептиков в отношении искусственного международного языка, но в 1887 г. он присутствовал в Лондоне на заседании Филологического общества и там

услыхал, как двое из участников заседания — англичанин и немец — прекрасно объяснялись на Воляпюке. В дальнейшем он неоднократно был свидетелем того, как люди различных национальностей свободно беседовали на Эсперанто или на Идо; впоследствии он и сам пользовался этими языками, а также Окциденталем.

В своей книге «Интернациональный язык» проф. О. Есперсен привел одно из возражений против «сконструированных», как он выражался, языков: они якобы никогда не могут быть столь хороши, как языки «натуральные». Он не счел нужным оспаривать это (что сделать не так-то уж трудно) и, соглашаясь, сделал следующее оговорку: «Учтите, что все хорошие качества, которые ценятся и используются в национальных языках, проявляются лишь тогда, когда на этих языках говорят и пишут те, для кого они являются родными. Интернациональный язык может легко оказаться богаче, чем английский, на котором говорит француз, изящнее французского, на котором изъясняется датчанин, энергичнее немецкого в устах итальянцев, красивее итальянского для англичан, полнее нюансами, чем русский, которым пользуются немцы, и более „домашен“, чем мой родной язык в произношении русских. И, поскольку интернациональный язык является вспомогательным, он сопоставим с национальными языками лишь в употреблении их иностранцами...»¹⁴⁶.

Но какому же все-таки проекту интернационально-международного языка становиться живым общим языком всех народов, всех наций? Поскольку Делегация для принятия международного вспомогательного языка и ее Комитет оказались неправомерными и бессильными решать вопрос об этом языке от имени народов мира, решили предоставить решающее слово правительствам. В 1912 г. по инициативе В. Оствальда в Берне образовался Комитет по организации междуправительственной конференции, которая должна была бы принять в качестве официального международного языка какой-либо его проект или организовать для выработки нового проекта международный коллектив ученых. Швейцарское правительство согласилось посредничать в этом деле. Разразившаяся война помешала, однако, созыву намеченной конференции.

Вопрос об официальном международном-межгосударственном языке рассматривался в Лиге наций в 1922 г. Секретариат Лиги подготовил и III Ассамблея Лиги одобрила ничего практически не решающую резолюцию под названием «Эсперанто как международный вспомогательный язык». Малые государства, в частности вневропейские, были заинтересованы в том, чтобы языком межгосударственных сношений и дипломатии стал какой-нибудь национально-нейтральный, искусственный язык, но решающее влияние при рассмотрении этого вопроса осталось за великими империалистическими державами.

Францию на обсуждение вопроса о международном языке представлял известный философ Анри Бергсон (1859—1941) — ирра-

ционалист, учивший, что интуиция — высшая форма познания. Он не был противником идеи нейтрального языка, но Франция, вовсе не заинтересованная в том, чтобы ее язык был вытеснен из дипломатического обихода, настояла через него на том, чтобы нерешенный вопрос был передан для изучения в Комиссию по культурным связям, где он мог изучаться бессрочно долго. И в самом деле: к нему Лига Наций больше не возвращалась.

Идея создания всемирного международного языка оказалась совместимой с обращенной в прошлое концепцией исторической и сравнительно-исторической лингвистики, как то убедительно показал такой видный представитель исторического компаративизма, как уже неоднократно здесь упоминавшийся Антуан Мейе (Meillet, 1864—1936). Мейе называли «одним из ученых с мировым именем и крупнейшим языковедом современной Франции»²³⁵. Он был автором фундаментальных исследований; вместе с коммунистом Марселем Коэном (Cohen), главным редактором «Языков мира» — коллективного труда Французской академии наук, занимал ряд руководящих должностей в лингвистических учреждениях и обществах Парижа. В своей книге «Языки в новой Европе» («Les langues dans l'Europe nouvelle», 1928) он посвятил одну из глав проблеме искусственного языка как средства общения разноязычных наций. По его мнению (общему для многих ученых), не было бы ничего необычайного в попытке выявить в европейских языках общие элементы, чтобы сконструировать из них международный язык. Он писал: «Практическая польза международного языка очевидна. И, поскольку такой язык возможен, он должен быть создан [doit être réalisée]».

Мейе предлагал начать решение проблемы международного языка с изучения уже сделанных попыток этого рода, чтобы не повторять допущенных их авторами и сторонниками ошибок. «Надо отдавать себе отчет и в тех трудностях, которые могут возникнуть при изучении международного языка не только европейцами, но и восточными народами, например японцами, китайцами», читаем мы далее в рассматриваемой главе. И далее: «... Все сразу его не признают, но, если хотя бы несколько правительств отдадут должное самой идее, польза, которую принесет ее осуществление, станет столь очевидной, что ничье сопротивление этому начинанию не сможет оказаться длительным. Польза международного языка тогда также станет очевидной и для народов, говорящих на великих языках цивилизации, даже для народов английского языка»⁶⁸⁶.

Из лингвистов, представляющих нации английского языка, в первую очередь следует назвать выдающегося американского ученого Эдуарда Сёпира (Sapir, 1884—1939), исследователя языков коренных жителей Америки и антрополога. В 1958 г. в США был издан сборник его избранных статей, названный «Культура, язык и личность» («Culture, Language and Personality»). Одна из статей этого сборника — «Язык» («Language», 1933) — в заключительной

своей части содержит ряд высказываний по проблеме всеобщего языка. Вот одно из них: «Нельзя оставаться слепыми к тому факту, что такой язык, правильно построенный [regular] и легкий, каким он неизбежно должен быть, разрешил бы много трудностей в деле просвещения и в практической деятельности одним ударом»^{236а}.

Особенно интересна для нас статья сборника, названная «Функция международного вспомогательного языка» («The Function of an international auxiliary language»), которая начинается так: «Что касается теоретической желательности международного вспомогательного языка — в этом мнения не слишком расходятся. Но какие именно факторы следует считать наиболее вескими в решении проблемы — здесь существует простор для всякого рода мнений, и поэтому не удивительно, что интерлингвисты далеки от достижения полного согласия как в отношении метода, так и по сути самого дела.... Находятся такие сторонники идеи международного языка, которые считают, что английский язык уже стал таковым de facto»^{236б}. Эти притязания английского языка (в лице его идеологов) на всемирное господство Сепир считал научно необоснованными, поскольку английский язык не обладает простотой, ясностью и другими нужными для этой роли качествами, как не обладает ими французский и любой другой из национальных языков; он доказывал это на конкретном лингвистическом материале.

Международный язык, по мнению Сепира, совпадающему с мнением многих других ученых, должен быть не только простым, правильно построенным, логичным, но также богатым и творческим (creative); под последним определением он понимал, по-видимому, способность языка к художественности, его словесную продуктивность. «Я подчеркиваю логические преимущества сконструированного международного языка, — писал далее Сепир, — но здесь важно не пренебрегать и преимуществами психологическими. Положение независимости в отношении сконструированного языка, которое должны усвоить все говорящие на национальных языках, будет действительно великим преимуществом, ибо оно ведет к тому, что человек будет чувствовать себя хозяином языка, а не его покорным слугой. Общее владение такими формами выражения, какие не отождествляются с какой-либо одной национальной общностью, вероятно, представит собой наиболее убедительный символ свободы человеческого духа — символ, какого мир еще не знал. Поскольку восточные народы имеют все большее значение в современном мире, высокомерные претензии английского языка — или французского или немецкого — представляются мне все менее допустимыми...»^{236в} Сепир предсказывал движению за международный язык особенный триумф в Китае и Индии.

С 1924 г. (Гаага) происходят международные конгрессы лингвистов. Проблема вспомогательного международного языка была поднята на II таком конгрессе (Женева, 1931), во втором пункте его программы, состоявшем из двух вопросов: «1) Какова, по-ва-

шему, роль в становлении и эволюции языков, особенно в образовании языков унифицированных, с одной стороны — явлений стихийных и бессознательных, а с другой — вмешательства воли и разума? 2) Что вы думаете о принятии искусственного языка как языка вспомогательного?»^{237а}.

С докладом по этим вопросам выступил проф. О. Есперсен, указавший, между прочим, что «выработка вспомогательного языка выдвигает множество вопросов, которые не могут не интересовать профессиональных лингвистов». Из трех десятков участников конгресса, высказавшихся с трибуны по этой проблеме, лишь четверо предлагали возвести в ранг всемирного интернационального языка один из национальных, уже в той или иной мере выполняющих интернациональные функции. Остальные высказались за создание международного языка или за признание одного из уже созданных его проектов.

В принципе поддержал идею искусственного международного языка и представитель Советского Союза А. М. Пешковский (Москва), сказавший: «Что касается искусственного языка как языка вспомогательного, я полагаю, что принятие какого-нибудь языка этого рода всем человечеством для международных отношений вполне возможно и в высшей степени желательно»^{237б}.

Проблема эта обсуждалась также на VII Международном конгрессе лингвистов, происходившем в Париже в 1948 г. С докладом по ней выступил работавший в США Андрэ Мартинэ, рассказавший о деятельности американской Ассоциации международного вспомогательного языка (IALA). Вопрос о принципиальной возможности искусственного языка для международных отношений он считал положительно решенным практикой, а скептическое отношение к этому рассматривал как результат неосведомленности. Самой трудной задачей являлось, по его мнению, распространение международного языка, поскольку правительства не проявляют заинтересованности в этом деле.

Большинство выступавших, как это было и на II лингвистическом конгрессе, высказывалось в защиту идеи искусственного общего языка всех народов. В этом же духе было и выступление представителя Болгарии, одного из крупнейших лингвистов Европы, Владимира Георгиева, автора фундаментального исследования «Догреческое языкознание» (София, 1941; 1945), высказавшего распространенное среди прогрессивных ученых мнение, что проблема всеобщего языка является главной лингвистической проблемой нашего времени.

* * *

После первой мировой империалистической войны в капиталистическом мире нашлись приверженцы идеи международного языка, решившие, что именно капитализм располагает такими силами, которые могут, наконец, осуществить великую идею.

В 1919 г. Совет международных исследований в США (International Research Council) с целью изучения проблемы международного языка создал специальный комитет, к которому примкнули несколько американских, а также британская, французская и итальянская научные ассоциации. В результате в 1924 г. была учреждена Ассоциация международного вспомогательного языка — International Auxiliary Language Association — IALA, задавшаяся целью создать такой язык, добиться официального его признания правительствами (явно имелись в виду правительства капиталистических стран) и включения его в программу школ.

Это начинание далекого прицела финансировалось семейством миллионеров Моррис-Виндербилд, а также рокфеллеровским фондом и тем Национальным советом исследований США, который не жалел денег на работу американских ученых-атомщиков. Директором IALA стал издатель «Нью-Йорк Таймс» Филлей, почетной председательницей — инициаторша всего этого предприятия, главная его филантропка — миллионерша Алиса Дейв Моррис. На информационно-рекламном листке IALA, отпечатанном на французском языке ²⁰⁵, — два портрета: Рэнэ Декарт и... Дейв Моррис — с претенциозной надписью: «Альфа и омега интерлингвистики». Омега-Моррис при участии вышеупомянутых «благотворителей» наняла целый коллектив американских и европейских ученых. В первое время деятельности IALA одним из его секторов руководил Э. Сепир. Активное участие в этой деятельности принимал А. Мартинэ, который, однако, разочаровался во всей постановке дела там. На завершающей стадии работ IALA возглавил Александр Гоуд*.

В 1951 г. IALA опубликовала свой проект интернационального языка — Интерлингву. Интерлингва представляет собой не очень оригинальный вариант, созданный (как ему предшествовавшие) на романской и английской основах. Авторы его руководствовались принципом натуралистической школы и старались не отходить от некоторых принятых в западных языках нелогичностей в правописании (например, *g* произносится то как *г*, то как *ж*, то как *дж*), поступались принципами логики и в грамматике. В научном отношении Интерлингва не явился шагом вперед по сравнению с ранее созданными проектами.

Специальная комиссия интерлингвистов Европы и Америки сопоставила Интерлингву и Эсперанто и отметила недостаточную регулярность первого из этих экспериментальных языков. Д-р И. Келлерман Рид (Чикаго) в своей работе, посвященной сопоставлению двух языков, активно претендующих на роль международного, с неодобрением отметил такие натуралистические элементы Интерлингвы, как опознание имен существительных по их функциям в предложении (их окончания разнообразны и не имеют «грам-

*. Выходец из Германии Gode — Годе — в английском произношении стал Гоудом.

матической ценности»), такую же функциональную роль имен прилагательных и т. д. ²³⁸

Появление нового и довольно серьезного конкурента обеспокоило руководство Всеобщей Эсперанто-ассоциации: UEA выпустила «Materialoj por kritiko de Interlingua» — критические материалы, где подвергло осуждению систему Интерлингвы и претензии этого языка, объявив Интерлингву личным созданием — *persona kreaĵo* — Александра Гоуда.

Д-р А. Гуд (Годе), уроженец Бремена, учился в университетах Вены и Парижа (в Сорбонне) и, получив докторскую степень в Колумбийском университете, обосновался в США. С 1934 г. он активно работает в области интерлингвистики, в IALA. В статье «Дело Интерлингвы» («The Case for Interlingua», 1953) он защищает и обосновывает научные принципы Интерлингвы: этот язык обобщил то типичное и общее, что имеется в западных языках, он является, собственно говоря, не «конструированным», а «экстрактированным»: «Is not constructed, but extracted» ^{239a}.

Вот несколько строк на Интерлингве из предлагаемого IALA образца текста: «In le metropolitano de New York Dr Parker es adorate per in immigrante italian qui ha perditte su via... Ille non sape exprimer se in italliano. Ma ille sape exprimer se fluentimento in Interlingua...» («В метрополитене Нью-Йорка к д-ру Паркеру обратился какой-то итальянский эмигрант, который сбился в пути... Он не смог изъясниться по-итальянски, но он мог бегло изъясняться на Интерлингве...»)

В 1955 г. был создан «Всемирный союз» Интерлингвы (сторонников этого языка-проекта иногда не очень удачно и не совсем всерьез называют «интерлингваистами» в отличие от интерлингвистов). Интерлингва был признан официальным языком наряду с английским и французским на ряде международных конгрессов: кардиологов (Нью-Йорк, 1954), педиатров (Сиракузы, 1954), гематологов (Бостон, 1956), ревматологов (Торонто, 1957) и др.; особенный интерес к Интерлингве проявляют почему-то медики. На Интерлингве начала выходить кое-какая литература и около двух десятков научных журналов США печатают резюме на этом языке. Пропаганда Интерлингвы ведется как «крупнейшего лингвистического мероприятия XX столетия». Проекту IALA все же не удастся в конкурентной борьбе отеснить заменгофский язык, породивший целое международное движение, более широкое и действенное, чем в свое время движение воляпокистов.

Профессор романских языков Калифорнийского университета, автор ряда книг по вопросам интерлингвистики Марио Пей (Pei) в книге «Миру — один язык и как этого достичь» («One Language for the World and how to achieve it», 1958) предлагает созвать всемирный конгресс лингвистов и путем голосования избрать для международного общения во всем мире один из языков — либо «естественный», либо искусственный. Он предусматривает регла-

мент для ораторов: выдвижение языка-кандидата, высказывания «за» и «против», голосование в несколько кругов, пока какой-нибудь язык не окажется избранным на высокую «должность» главного языка человечества. Но разве это — научное решение всемирно-исторической проблемы?

М. Пеи считает, что интерлингвистика уже исчерпала свои творческие возможности, что ничего нового здесь уже нельзя ни сказать, ни тем более создать: надо выбирать из того, что уже есть ^{206а}. Американский интерлингвист судит как буржуазный ученый. Он не видит творческих возможностей последователей Маркса и Ленина, участников революционного преобразования мира — ученых и самих народов. Он не знает законов общественного развития и не видит направления этого развития.

Советские лингвисты не остались чужды идее создания общего языка всех народов. Помимо эсперантиста Э. К. Дрезена, видным деятелем общественного движения за международный язык был Н. В. Юшманов, член-корреспондент АН СССР с 1942 г. Будучи первоначально сторонником Идо, он и сам разработал подобный проект — Этем (что значит ‘экономия времени, энергии, средств’: *ekonomi tempo, energi, medi*). Юшманов написал по вопросам международного языка до сотни маленьких статей и заметок, часть которых напечатана в интерлингвистических изданиях. Сторонниками идеи создания международного языка были профессора Л. И. Жирков, Я. В. Лоя, А. М. Пешковский, Д. В. Бубрих и др.

Никогда в четырехвековой истории идеи всеобщего языка так старательно не подчеркивалась вспомогательная его роль, как в текущем столетии. Интерлингвисты, пишущие по-английски, неизменно добавляют к определению *интернациональный* определение *auxiliary*, пишущие по-французски — *auxiliaire*, у немцев — *Hilfsprache*. Название же *интернациональный* показывает, что язык предназначается для общения между нациями; только в русском языке ему соответствует синоним *международный*.

Вспомогательный (никак не больше!) язык между нациями — таково основное положение буржуазной теории всеобщего языка. Оно покоится на убеждении в незыблемости существования классов, а следовательно, и буржуазии, которая поддерживает раздробленность человечества на государства, а эта раздробленность, в свою очередь, поддерживает раздробленность его на нации. Это — типично буржуазная идеология, буржуазное мирозерцание, которое никак не приемлет марксистско-ленинской идеи о всемирно-исторической роли пролетариата, идеи бесклассового, безгосударственного и в конце концов безнационального всемирного общества, в котором управление людьми заменится управлением вещами и освобожденное от капиталистов производство материальных и духовных благ будет рассчитано на удовлетворение потребностей всех трудящихся.

Мы можем говорить о всеобщем языке как о вспомогательном только на первом этапе его существования, особенно в условиях раздробленности всемирного общества, и то его вспомогательная роль, как можно предвидеть, будет совсем не та, какая представлялась интерлингвистам в прошлом, даже еще в начале нашего столетия. Язык всемирной науки, всемирной техники, всемирной экономики (можно себе представить, какими они будут в XXI в.!), основной язык радио и телевидения, единственный официальный — всех международных конгрессов, конференций, ассамблей, симпозиумов, семинаров, форумов, фестивалей, олимпиад, выставок-ярмарок, всех международных организаций, федераций, ассоциаций, союзов, лиг, язык журналов, газет и бюллетеней, имеющих всемирное распространение, язык просвещения тысяч племен и народностей, не имеющих своей письменности, он — при наличии соответствующих качеств — быстро станет языком и новой всемирной художественной литературы, всем доступной в подлинниках, в которую через переводы вольются и все литературы национальные, языком новой всемирной цивилизации и новой всемирной культуры — коммунистической. Можно ли будет такой язык называть вспомогательным? Определение *вспомогательный* принижало бы роль и значение такого языка и не соответствовало бы широте и многообразию выполняемых им функций. Основной язык нового человечества — вот назначение и определение того проекта всеобщего языка, который предстоит разработать сторонникам всемирного социализма-коммунизма.

Чтобы признать возможность, необходимость и своевременность плановой научной разработки проблемы такого всеобщего языка, а затем и создание проекта его, надо прежде всего отрешиться от равнодушия к растущей жизненной потребности народов мира в общем языке, от игнорирования порожденной этой потребностью проблемы. Во-вторых, надо отвергнуть теорию упрощенного вспомогательного языка, которая сводит к минимуму его назначение и, соответственно этому, требования к нему, довольствуясь индивидуальным проектом его и принижая значение коллективных научных исследований в этой области. В-третьих, надо критически разобраться в тех воззрениях на проблему всеобщего языка, которые высказывались до сих пор в широкой марксистской, да и не только марксистской, литературе.

Если эти высказывания обобщить, то перед нами будут, помимо теории вспомогательного языка, еще три теории, которые в лице своих авторов претендовали и в лице своих последователей все еще претендуют называться марксистскими. Их можно было бы назвать так: теория двух всеобщих языков, вспомогательного и единого, теория выделения всеобщего языка из национальных и теория всемирного слияния языков.

Количество индивидуальных проектов вспомогательного международного языка уже в 30-х годах исчислялось сотнями (300 и даже более). И ежегодно появляются все новые и новые. В Советском Союзе их учитывает проф. Е. А. Бокарев, собравший за последние 35 лет свыше 200 новых интерлингвистических проектов. По большей части ему, широко известному за пределами СССР в качестве интерлингвиста, шлют их сами авторы языков-проектов. Не так давно Е. А. Бокарев получил проект вспомогательного языка из Индии — под названием Спутник.

В. П. Григорьев в одной из статей, где затрагивается эта проблема, писал, что науке о языке предстоит в недалеком будущем запустить в мир искусственный спутник так называемых естественных языков — вспомогательный международный²⁴⁰. Здесь следует иметь в виду вот что: если искусственные спутники Земли можно запускать один за другим в неограниченном количестве, то язык-спутник, запущенный на интерлингвистическую орбиту, может быть только один. Нельзя ни одновременно запускать несколько таких спутников этнических языков, ни последовательно — через десятилетия — один за другим или хотя бы второй за первым. Международное двуязычье и тем более международное многоязычье человечеству совершенно не нужно. Вот почему язык-спутник должен быть отработан во всех своих деталях до такого совершенства, какое может быть достигнуто в переживаемый нами исторический период.

В силу счастливого стечения обстоятельств один из индивидуальных проектов вспомогательного языка получил некоторое распространение и практическое применение во всем мире — Эсперанто.

Среди бесчисленных претендентов на роль международного языка проект д-ра Л. Л. Заменгофа занимает особое положение. Поэтому на нем, на личности его автора и порожденном им международном движении следует остановиться особо.

1. Д-Р ЭСПЕРАНТО-ЗАМЕНГОФ КАК УТОПИСТ

Создатель Эсперанто Людовик Лазарь Маркович Заменгоф родился 15 декабря 1859 г. на западной окраине России — в городке Белостоке, ныне входящем в состав Польши. Еще в детстве на него произвело гнетущее впечатление то, что люди разных национальностей (Белосток населяли русские, евреи, белорусы, поляки) говорят на своих языках: это обособляет, отчуждает их друг от друга. Его отец держал в Белостоке школу. Позднее Марк Заменгоф перебрался с семьей в Варшаву, где работал преподавателем иностранных языков в гимназии.

В будущем интерлингвисте способности к языкам проявились рано. И рано увлекала его идея искусственного интернационального языка. Проект такого языка он разработал еще будучи гимназистом восьмого класса. Но отец, заслуживший чин статского советника и назначенный цензором иностранных газет, сжег доверенную ему подозрительную рукопись с каким-то загадочным *lingwe uniwersala*.

В студенческие годы, учась на медицинском факультете в Москве, затем в Вене и наконец в Варшаве, Людовик Лазарь разработал свой проект заново. Прошло целых десять лет, Заменгоф стал уже доктором, специалистом по глазным болезням, начал практиковать в Варшаве, когда он решился выпустить в свет тоненькую брошюрку «*Lingvo internacia*» под псевдонимом *D-ro Esperanto* — д-р Надеющийся.

Владея несколькими языками, юноша Заменгоф сконструировал свой язык для международного общения, руководствуясь чисто интуитивными соображениями и, несмотря на некоторые существенные просчеты, оказался бесспорно способным интерлингвистом-любителем. Но еще больше изобретательности проявил он в пропаганде своего проекта: разослал его прежде всего в редакции газет разных стран, в научные общества. Это был упорный мечтатель, идеалист и гуманист, жаждавший облагодетельствовать человечество, дать ему средство для умиротворения всех враждующих в мире сил.

На свой язык д-р Эсперанто-Заменгоф смотрел не как на простое средство общения разноязычных людей, а как на панацею от всех общественных бед. В этом заключалась «внутренняя идея» эсперантизма, которую он провозгласил на первом же конгрессе своих последователей: олицетворенная в Эсперанто идея всеобщего умиротворения, сказал он, уже начинает объединять «в единую семью все народы, все слои и все классы человеческого общества»^{241а}. Эту реакционную идеологию Заменгоф хотел связать со своим языком навечно. На II Всемирном конгрессе эсперантистов он одержимо заявил: «Если нас, первых пионеров Эсперанто, заставят избегать в нашей работе всякой идейности, мы с возмущением

разорвем и сожжем все, что мы писали на Эсперанто!»^{221б}. Свою речь на открытии III конгресса (Кембридж, 1907) он закончил возгласом: «Да здравствует Эсперанто! Но прежде всего — да здравствует цель и внутренняя идея эсперангистов!» Творец эсперантской утопии фанатически верил в то, что «если достаточно пропагандировать Эсперанто, он распространится между всеми народами, и тогда люди перестанут быть злыми, поймут, что они — братья»²⁴².

Эта идея имела религиозную сущность. Ее пророк, как назвал Заменгофа Дрезен, был противником материализма и атеизма. Он был убежден, что людей надо с малых лет оберегать от этих учений, не имеющих обрядности. «Ребенок не может удовлетворяться абстрактными теориями и правилами, он нуждается в живых впечатлениях и осязаемой внешности», — рассуждал Заменгоф. В этом с ним можно было бы согласиться, если бы возможность живых впечатлений и осязаемой внешности он не сводил к церковности: «Как иногда жестоко страдает ребенок атеиста, видя другого ребенка, может быть, нищего, но с радостным сердцем идущего в церковь...»^{241б} Это очень характерно для Заменгофа: нищий ребенок будет счастлив, когда его богобоязненные родители поведут в церковь!

На первом конгрессе своих последователей он прочитал «Молитву под зеленым знаменем», в которой взывал к богу как к неведомой силе, управляющей миром. Идеалист и мистик Заменгоф совсем не разбирался в политике, политэкономии, социологии, философии, сторонился марксизма, не замечал, что «призрак коммунизма» уже бродит по Европе. В докладе, представленном Международному конгрессу рас в Лондоне (1911), «Племена и интернациональный язык» («Gentoj kaj Lingvo Internacia», Лейпциг, 1912) и в «Декларации о гомаранизме» («Deklaracio pri Homaragismo», Мадрид, 1913) он уверял, будто бы вовсе не экономические причины порождают экономическую ненависть, что «языковой шовинизм есть главная причина ненависти между людьми» («Deklaracio...», р. 1) и племенная, национальная рознь исчезнет лишь тогда, когда у человечества будут один общий язык и одна общая религия («Gentoj...», р. 11—12). Конфликты политические, экономические, партийные, классовые он считал неизбежными и вечными. Из всех социальных зол самым ужасным ему представлялись конфликты национально-языковые, устранить которые и должен был бы его чудодейственный язык.

Действительность самодержавной России угнетала его главным образом тем, что там все делалось «исключительно в интересах или для прославления одного народа». Вызывало ли это в нем стремление вступить на путь общественной борьбы с самодержавием? Нет! «Это парализует у меня всякое желание вести общественную работу, заставляет меня мечтать о другой родине...»^{241в} — признавался он в своей «Декларации».

То было в начальную пору XX в. — в годы распространения марксизма в России, в годы активизации международного рабочего движения, первой российской революции. Но д-р Эсперанто был очень далек от всего этого! Он не видел общественных сил, способных взять на свое идейное вооружение идею всемирного интернационального языка и со временем претворить ее в жизнь.

Свой язык Заменгоф связывал с попыткой создать новую нейтрально-общечеловеческую этику и нейтрально-общечеловеческую религию, которую нарек «гомаранизмом». В «Декларации о гомаранизме» он рассуждал о боге как «наивысшей, непостижимой для моего разума силе». Если в мире царят злоба и ненависть, то его, Заменгофа, *Lingvo internacia* должен явиться языком-мессией, призванным спасти мир. Недаром увлекавшийся в то время подобными мистическими мудрствованиями Лев Николаевич Толстой писал эсперантистам, что распространение Эсперанто — дело христианское и содействует установлению царства божия на земле²²⁴. Эсперантисты представлялись Заменгофу «гомаранянами», которые воздвигнут свои храмы, где вместо ритуальных богослужений будут читаться вслух «произведения великих учителей человечества о жизни и смерти и об отношении нашего я к вселенной и вечности»²⁴¹⁶.

Тем временем на мир надвигалась совершенно непонятная наивному Заменгофу империалистическая война. Было что-то символическое в том, что она разразилась в день открытия десятого конгресса эсперантистов в Париже. Что же делал творец Эсперанто и пророк гомаранизма во время мировой бойни? Он готовил воззвание к задуманному им будущему конгрессу нейтрально-общечеловеческой религии и сочинял письмо дипломатам всех стран, поскольку, по словам Дрезена, «отказывался верить в соиздательные силы людских масс». «В состоянии полной беспомощности и расстерянности» (тоже слова Дрезена²⁴¹⁷) Заменгоф попытался убедить буржуазных дипломатов в необходимости после все еще уничтожавшей миллионы людей войны объявить, чтобы «каждое государство морально и материально принадлежало всем его жителям» и чтобы национальные названия стран были заменены географическими — по имени столиц: Петербургия, Берлиния, Паризия.

Умер Людовик Лазарь Заменгоф в Варшаве, еще занятой кайзеровскими войсками, 14 апреля 1917 г., полгода не дожив до революции, приближение которой он проглядел, увлеченный своими мелкобуржуазными иллюзиями.

Почти все, что приведено выше о личности Заменгофа, можно найти и у Э. К. Дрезена в его статье «Заменгоф как философ и моралист»; главки ее носят названия: «Национализм и шовинизм (сионизм) Заменгофа» (то было у него в юности), «Религиозные идеи Заменгофа», «Идеалистические противоречия Заменгофа».

Все же не могут не вызывать уважения рано проявившаяся в Заменгофе редкая языкотворческая способность и беззаветная, с отроческих лет не покидавшая его преданность идее интернационального языка, попытке осуществить которую он отдавал свои силы. Всю свою сознательную жизнь он переживал острый конфликт между профессией окулиста и призванием интерлингвиста. Будучи типичным «продуктом» своей общественной среды, Заменгоф, как умел, служил высокому идеалу — счастью человечества.

В 1959 г. эсперантские организации отметили 100-летие со дня рождения Л. Л. Заменгофа. Был организован международный юбилейный комитет, в который вошли: тогдашний президент Бразилии, экс-президенты Франции и Швейцарии, бывший генеральный секретарь ООН, председатели парламентов Бельгии и Польши, бывшие премьер-министры Франции и Голландии, министры иностранных дел Австралии, Бразилии, Гватемалы, Норвегии и Уругвая, министры образования восьми стран. В начале 1960 г. к заменгофским мемориальным торжествам присоединилась и ЮНЕСКО. Эсперантисты опять говорили и писали о «гении» своего «учителя», о его «величии»....

2. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭСПЕРАНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Не какие-нибудь недоброжелатели Эсперанто, а сами же эсперантисты, как зарубежные, так и советские, писали в свое время о том, что Эсперанто явился порождением капиталистического общества, достигшего известной степени международного переплетения, что «торговая и промышленная буржуазия ухватилась за Эсперанто, стремясь использовать его у себя на службе»^{213, 214}, что он стал зеленым знаменем мелкобуржуазных интеллигентов-пацифистов, которые, «витая в воздухе, не прикасались ногами к твердой почве реальных фактов», хотя, как только разразилась мировая война, многие из них стали ее рьяными сторонниками и проповедовали при помощи нейтрального Эсперанто шовинистические идеи. А наряду с этим к Эсперанто потянулись фабриканты и торговцы, всякого рода коммерсанты, дельцы, которые начали рекламировать язык д-ра Заменгофа, давая название «Эсперанто» всякого рода продукции, начиная от бритвенных ножей и парфюмерии и кончая спиртными напитками. Все это было типично в буржуазном духе: с одной стороны — идеализм с религиозным дурманом, с другой — коммерческий практицизм с рекламой. Эсперантским языком как забавой увлекались кое-какие короли, принцы, князья, покровительствуя ему и его автору. Благоклонно отнеслась и продолжает относиться к Эсперанто и католическая церковь, целый ряд римских пап.

Пропаганда Эсперанто содействовали почти ежегодные (с 1905 г.) конгрессы его сторонников, довольно многолюдные. Председа-

телем их до первой мировой войны был член Французской академии генерал Себер. Эти всемирные конгрессы играли и продолжают играть большую положительную роль в разоблачении предвзятых суждений против искусственного международного языка. Способствует распространению языка Заменгофа и его несомненная легкость, особенно для западных европейцев, близость его их языкам. Он оказался упрощенным синтетическим западноевропейским языком, вызвавшим многочисленные подражания.

Один из участников I Всемирного конгресса эсперантистов — небезызвестный польский поэт Лео Бельмонт — так изложил свои впечатления от этого в своем роде исторического конгресса: в Городском театре Булони-сюр-мэр «я окунаюсь в кипяток какого-то радостного веселья — столько здесь смеха и радостных восклицаний... На конгресс прибыло более 1200 представителей 27 наций... При появлении Заменгофа вся эта толпа — профессора, учителя, адвокаты, доктора, промышленники, купцы — ревет как одержимая сумасшествием: „Vivu Zamenhof!“ Все заговаривают друг с другом сразу же... Люди зрелые радуются, как дети...» На второй день конгресса его участники просмотрели комедию Мольера «Супружество поневоле», где роли исполнялись представителями различных стран и национальностей. «На четвертый день эсперантский язык звучал в наших устах как всякий естественный язык»²⁴⁶.

Энтузиасты эсперантизма встречали творца своего общего языка на каждом таком конгрессе с бурным восторгом. А когда Заменгоф с супругой прибыл на III эсперантский конгресс в Кембридж (1907), в торжественной встрече его приняли участие городские ольдермены; впереди них шествовали булавоносцы в горностаевых мантиях, вокруг парадной кареты гарцовали нарядные всадники; звон всех церковных колоколов города сливался с гулом приветствий.

Вряд ли эти царские почести и овации на конгрессах были Заменгофу по душе: по свидетельству очевидцев, он был очень скромным человеком, даже «болезненно скромным». С трибуны IV конгресса эсперантистов он отказался от дальнейших публичных выступлений на всемирных форумах последователей своего языка (большинство которых «внутренней идеи» эсперантизма так и не признали).

На IV конгрессе (1908) с целью использования заменгофского языка в туризме, торговле и всюду, где международный язык может найти практическое применение, была основана Всеобщая Эсперанто-ассоциация (Universala Esperanto-Asocio — UEA).

Разворотом своей деятельности до войны и ее возобновлением после войны UEA была обязана прежде всего своему неумолимому председателю Гектору Годлеру, которого в советской эсперантской прессе когда-то характеризовали как «самоотверженного и неисправимого мечтателя». После его смерти всемирную организа-

цию буржуазных эсперантистов, именующих себя смиренно «нейтральными», возглавил энергичный швейцарский журналист Прива, которого на этом посту сменил предприимчивый английский коммерсант Мерчент, а затем (с 1931 г.) — французский генерал Бастьян. Ныне председателем УЕА (со штаб-квартирой в Лондоне) является югослав Иво Лаппена, профессор международного права.

Руководство этой Ассоциации неизменно находилось и продолжает находиться в руках людей, достаточно далеких от революционных общественных сил. Это накладывает свой идеологический отпечаток на всю деятельность Всеобщей Эсперанто-ассоциации и сказывается на ее конгрессах.

В России еще в 1891 г. было основано общество «Эсперо» («Надежда»), а в начале XX в. организовалась Всероссийская лига эсперантистов, имевшая в 1911 г., когда она была закрыта царским правительством, 30 отделений и около 900 членов, среди которых почти не было рабочих. Руководитель Лиги — капитан генерального штаба А. А. Постников — был тогда арестован, обвинен в шпионаже в пользу Австрии и приговорен к долголетнему тюремному заключению.

После закрытия постниковской Лиги заглохшее «Эсперо» возродилось, но на сотню членов этого общества до 1918 г. рабочих насчитывалось всего-навсего двое. Русские эсперантисты время от времени выпускали в свет кое-что печатное; с 1909 по 1917 г. москвич А. А. Сахаров издавал журнал «Волна Эсперанто» на эсперантском и русском языках. Состоялись всероссийские съезды эсперантистов: первый — в 1910 г. в Петербурге, второй — в 1913 г. в Киеве.

* * *

После победы социалистической революции и создания Коммунистического Интернационала большевики и их единомышленники в других странах почувствовали потребность в международном языке — общем языке всемирного пролетариата. Об этом тогда довольно много говорилось в печати и с трибун. Конечно, столь важную проблему нельзя решать и даже ставить без предварительных доскональных исследований, без создания научной теоретической основы, однако до того ли тогда было? В стране, измученной империалистической войной, началась война гражданская, а с нею — интервенция 14 капиталистических государств, блокада, контрреволюционные заговоры, хозяйственная разруха, голод...

В этих условиях большинство сторонников идеи международного языка революционной Страны Советов также «ухватились» за разрекламированный на капиталистическом Западе Эсперанто, как это сделали буржуазные *самидеаној* (сторонники той же идеи).

Потребность в международном языке чувствовалась всеми. Именно поэтому при секретариате Исполкома Коминтерна и была создана в 1923 г. (после III конгресса) так называемая Студийная

комиссия по вопросу о международном языке. Согласно информации «Бюллетеня ЦК Союза эсперантистов советских стран» (февраль 1923), эта комиссия «ограничилась заявлением о невозможности разрешить в данное время вопрос о международном языке, остановив, однако, свое внимание на языке Идо и рекомендуя его пропаганду и изучение...»²⁴⁷ Идистская печать разных стран расценила это, конечно, как победу своего языка. Но эсперантисты с этой победой не могли примириться и предприняли в Коминтерне соответствующие «контршаги», в результате чего парижский центр Безнациональной (или вненациональной) всемирной ассоциации (*Sennacioca Associa Tutmonda — SAT*), основанной в 1921 г. бывшим анархистом Е. Ланти, получил из секретариата Коминтерна официальное разъяснение (на французском языке):

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала № 1455,
Москва, 14 августа 1922 года.

Товарищ Е. Ланти, делегированный организацией эсперантистов — «Вненациональной Всемирной Ассоциацией» — с одобрения Международного Секретариата Французской Коммунистической партии, прибыв в Москву с целью получения сведений о Студийной комиссии по принятию вспомогательного международного языка в III Интернационале, официально информируется, что эта комиссия уже ликвидирована и что Коммунистический Интернационал не принял никакого решения относительно Эсперанто или Идо.

Секретарь ИККИ — *Ракоши*²⁴⁷.

В июне 1921 г. в Петрограде состоялся III Всероссийский съезд эсперантистов, участники которого — 23 делегата («с правом решающего голоса» (делегатов «с правом совещательного голоса» было 18) — провозгласили декларацию Союза эсперантистов Советских стран (СЭСС)*. В следующем году в Москве, противоборствуя идо-движению, побывал руководитель SAT Е. Ланти, и с тех пор организация эсперантистов Советского Союза сотрудничала с Ассоциацией, принимала членские взносы в SAT и подписку на журнал «*Sennacioca Revuo*» («Безнациональное обозрение»). В 1926 г. в Петрограде даже состоялся VI Международный конгресс этой Безнациональной ассоциации.

В течение 20-х годов советские эсперантисты развивали бурную деятельность, в частности, в различных международных организациях (МОПР, Спортинтерн и т. д.), в радиовещании, в системе народного просвещения (в Наркомпросе РСФСР заседала даже комиссия по введению Эсперанто в программу трудовых школ в качестве факультативного предмета).

Многие советские эсперантисты встретили новый политический термин «безнационализм» настороженно. Идеологами безнационализма были Ланти и его журнал «*Sennaciulo*». Многие со-

* Впоследствии: Союз эсперантистов советских республик — СЭСР.

ветские эсперантисты долго не могли распознать истинную сущность эсперантского безнационализма, пока в конце 20-х годов Ланти и SAT не начали все более открыто отмежевываться от идеологии пролетарского интернационализма.

В августе 1932 г. под девизом «С помощью Эсперанто — за социализм!» в Берлине прошел первый, учредительный, конгресс Интернационала пролетарского эсперантизма (Internacio de Proleta Esperantistaro — IPE). Союз эсперантистов советских республик стал его главной составной частью и опорой. В 1937 г. СЭСР был распушен.

Но это не остановило эсперантского движения с его различными идеологическими течениями. О размерах, которых оно достигло после второй мировой войны, лучше всего свидетельствует петиция в пользу Эсперанто, представленная в начале 50-х годов в Организацию Объединенных Наций от имени 492 различных общественных организаций с более чем 15 млн. членов и почти 900 тыс. эсперантистов (76 стран), подписавших ее в индивидуальном порядке.

Эта петиция сочувственно обсуждалась на VIII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Монтевидео в декабре 1954 г.; 10 декабря была принята следующая резолюция:

«Обсудив доклад Генерального директора по вопросу об обращении к странам по вопросу использования языка Эсперанто, Генеральная конференция:

1) принимает во внимание результаты, достигнутые с помощью Эсперанто в области поддержания международных культурных связей и сближения народов мира;

2) констатирует соответствие этих результатов целям и идеалам ЮНЕСКО;

3) поручает Генеральному директору обеспечить дальнейший прогресс в использовании Эсперанто в области образования, науки и культуры, для чего считает необходимым установить деловой контакт со Всемирной Эсперанто-ассоциацией по всем вопросам, интересующим обе организации;

4) принимает во внимание тот факт, что некоторые страны — члены ЮНЕСКО заявили о своей готовности ввести и расширить преподавание Эсперанто в школах и высших учебных заведениях, и поручает Генеральному директору получить от этих стран информацию о результатах, достигнутых в этой области»²⁵⁰.

Эта резолюция обеспокоила сторонников некоторых других проектов международного языка, имеющих какое-то (несравненно меньшее) практическое применение, особенно сторонников и авторов американского Интерлингвы. Почему такое предпочтение Эсперанто? Может быть, есть проекты и более достойные всеобщего признания? Такого рода вопросы были заданы генеральному директору ЮНЕСКО д-ру Эвансу, который в часовом интервью по вопросу о международном языке (вскоре после конференции в Монтевидео) заверил, что «ЮНЕСКО придерживается совершенно нейтральной позиции в отношении различных проектов международного языка, поскольку научного изучения проблемы еще не было...»^{206б}.

В 1958 г. были подведены итоги четырехлетнего сотрудничества ЮНЕСКО и Всемирной Эсперанто-ассоциации и решено продолжить его.

Руководящие деятели эсперантского движения подвели к знаменательной для них дате итоги практических успехов языка Заменгофа. Во Всемирную Эсперанто-ассоциацию входят 14 интернациональных и 34 национальные организации, а также 1100 местных обществ. На Эсперанто издается во всем мире около сотни периодических изданий, правда, небольшими тиражами. Туристские путеводители и проспекты на этом языке изданы в 600 городах. Краткие учебники, так называемые *ключи Эсперанто*, изданы на 40 языках. Самая большая эсперантская библиотека — в Лондоне — насчитывает около 30 тыс. названий всех видов изданий. Помимо многочисленных общих национально-эсперантских словарей, на Эсперанто издано 112 специальных научно-технических словарей (терминологических). Радиостанции некоторых стран транслируют передачи на Эсперанто, таких передач ежегодно регистрируется до полутора тысяч. Ряд капиталистических компаний в их числе известное туристическое бюро Кука, использует его в числе других языков.

Что представляет собой по социальному составу международное эсперантское движение последнего времени? Рабочий класс, о крестьянстве уже не говоря, представлен в нем по-прежнему мало. Эсперанто поддерживают многие служащие (например, железнодорожники, у которых есть даже свой эсперантский интернационал), сотни тысяч бизнесменов, сотни тысяч представителей так называемых свободных профессий, десятки тысяч преподавателей, профессоров и научных работников, сотни членов буржуазных парламентов. Имеются национальные и интернациональные религиозные лиги эсперантистов — христианские, особенно католические. В этом движении подвизаются также мусульмане, буддисты, теософы, квакеры и прочие сектанты, спириты, сионисты, вегетарианцы. Есть даже Интернациональная полицейская эсперантская лига с центром в Гамбурге.

Продолжает существование и Sennacieca Asocio Tutmonda. Журнал «В защиту мира» (1956, октябрь) напечатал статью председателя французского комитета эсперантистов — защитников мира Жана Далэ, который в разделе «Идеологическая пропаганда Эсперанто» информирует читателей о том, что «крупнейшей организацией такого рода является SAT — Безнациональная Всемирная Ассоциация», однако вряд ли читатели, да и сама редакция осведомлены о том, что представляет собой идеологическая пропаганда эсперантского безнационализма.

В конце декабря 1964 г. корреспондент ТАСС в ФРГ передал (лист 20-3) сообщение корреспондента агентства ДПА от 29 декабря из Нюрнберга: председатель Всеобщей Эсперанто-ассоциации Иво Лапенна высказался в Нюрнберге «за включение ми-

рового вспомогательного языка Эсперанто в программу преподавания возможно большего числа стран. Как сообщил Лапенна, в настоящее время 16 тыс. детей изучают Эсперанто в 600 школах 32 стран, в 20 университетах имеются курсы Эсперанто. Д-р Лапенна надеется, что в ближайшее время пять или шесть стран заявят о готовности ввести в своих школах преподавание Эсперанто и таким образом покажут пример другим странам».

Дело международного языка пока что пущено на самотек, предоставлено общественной «самодеятельности». И здесь действует своего рода закон, который можно было бы сформулировать так: чем больше людей пользуются тем или иным языком, тем больше других людей его изучают, чтобы также пользоваться им, и чем больше людей его изучают, тем, следовательно, больше людей им пользуются. И их уже не интересуют качества этого языка. Им важны возможности практического применения его, использования своего знания — и только. Так вступает и набирает силу фактор стихийности, а доводы разума отступают, проблема наиболее совершенного языка завещается далеким потомкам. В решении проблемы международного языка это очень опасная тенденция, справиться с которой в состоянии лишь очень мощные международные силы — те, которые осознают необходимость научной разработки проблемы общепонятного языка и научного решения ее.

На сегодня вся практика эсперантизма далеко не покрывает и одной тысячной, может быть, даже миллионной доли процента действительной потребности во всеобщем языке. Но потребность в едином международном средстве общения растет из года в год, и никто не может поручиться, что в дальнейшем это не обеспечит Эсперанто все большее и большее распространение и использование, если только философы, социологи и лингвисты Советского Союза и социалистических стран не включат проблемы всеобщего языка в планы своих работ и не найдут правильного ее решения.

Кто сегодня отрицает возможность превращения апостериорного проекта международного языка в живой язык, т. е. возможность решения проблемы общего языка всех народов путем сознательного творчества и практических мероприятий, тот либо не располагает должной информацией, либо уподобляется тем нигилистическим скептикам, которые некогда отрицали перспективность изобретения паровоза, парохода и самолета, электрического света, записи и воспроизведения человеческого голоса, подвергали сомнению все великие изобретения и открытия, все дерзновенные начинания — все, что ново, небывало, непривычно.

Эсперантизм еще в стадии экспериментаторства. Известно, что научному решению всякой проблемы обычно предшествуют эксперименты, и неудачные и удачные. Бывает, что удачный эксперимент предваряется сотней практически неудачных. Но даже один удачный может дать ученым теоретический ключ к успешному решению той или иной научной и общественной проблемы.

3. ОТ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО К ЕДИНУМУ ЯЗЫКУ

Всемирный, или всеобщий, общечеловеческий, язык может быть вторым (вспомогательным, побочным) языком всех народов мира, может быть их первым (основным) языком и, наконец, единственным (единым). Определим условно, что эти языковые общности грядущего человечества суть общности первой (начальной), второй (переходной) и третьей (завершающей) степеней. И проблеме перехода населения земного шара к одноязычью можно ставить как проблему одного планомерно развивающегося языка, функции которого постепенно расширяются — от функции вспомогательного к функциям единого, но можно придерживаться и того мнения, что вспомогательный и единый это разные языки, разные проблемы.

Э. К. Дрезен еще в 1926 г. в сборнике «На путях к международному языку» писал: «Возможно ли уже сейчас создать какой-нибудь интернациональный язык, соответствующий современным потребностям, современной культуре и технике?... Если таковой интернациональный язык и можно создать, то ни в коем случае не в качестве единого и единственного, для существования которого достаточных предпосылок еще не имеется. Речь может идти исключительно лишь о создании вспомогательного языка, предназначенного только для интернациональных сношений»²⁵².

Идею двух всеобщих языков — международного в переходную эпоху и общечеловеческого в грядущую эру коммунизма — Дрезен развивал и в ряде статей, высказывая два различных, несовместимых взгляда: 1) «Путь к будущему языку коммунизма лежит через развитие национальных языков при коммунизме»²⁵⁴ и 2) путь к языку коммунизма лежит через Эсперанто: язык будущего «вырастет из ядра современного Эсперанто» и «вытолкнет использование национальных языков из внутринациональных отношений»²⁵⁵. А в общем-то, признавался он, «трудно предвидеть те пути, по которым пойдет языковое строительство в ту грядущую, отдаленную от нас эпоху»²⁵⁶.

Это раздвоение проблемы перехода человечества к единому языку на две — проблему вспомогательного языка и проблему языка единого — характерно и для 11 тезисов московского Научно-исследовательского института языка. В сокращенном виде эти тезисы таковы:

1. Всеобщий язык возникает в результате слияния всех национальных языков, и, следовательно, ни один из национальных им не станет, он будет «чем-то новым».

2. Всякие попытки ставить вопрос о едином языке в настоящий момент как очередную задачу являются преждевременными и потому утопическими.

3. «...Существование же одного вспомогательного международного языка с наиболее упрощенными и интернациональными формами и лексикой... не является утопией».

4. **Вспомогательный международный язык** является по-преимуществу «междугвропейским языком», который «в условиях капитализма планируется легче, чем национальные языки».

5. Попытки отрицать надстроечный характер международных языков «должны встретить жестокий отпор со стороны марксистов-языковедов», ибо ведут «к смазыванию классового характера» этих языков.

6. «...Мы не должны отказываться от использования других международных языков, но в основном — ориентироваться на Эсперанто».

7. «...Нельзя, однако, забывать о том, что оно [!] родилось в мелкобуржуазной среде и одновременно... служит буржуазии для развития международных связей... Следует дать отпор попыткам замазать „пацвропеизм“ Эсперанто...» Да и все подобные проекты «созданы на базе развитых великодержавных языков».

8. «...Сближение национальных языков, которое приведет к единому мировому языку, происходит независимо от Эсперанто...»

9. «Критическую переработку Эсперанто следует проводить на основе принципов марксистско-ленинской лингвистики...»

10. «...Усилить работы по классовой дифференциации эсперантского движения...»

11. «...Дальнейшая разработка проблемы вспомогательного международного языка должна вестись по следующим разделам: а) пересмотр эсперантской лексики с точки зрения ее соответствия пролетарской идеологии; б) разработка вопроса об использовании Эсперанто лицами, не говорящими на европейских языках... г)...создание эсперантской терминологии...; д) разработка научной грамматики Эсперанто; е) изучение опыта вспомогательных международных языков, конкурирующих с Эсперанто»²⁵⁷.

Изложенная в этих тезисах концепция последовательно * двух всеобщих языков — вспомогательного и единого — имеет и поныне сторонников среди лингвистов, советских в частности, особенно среди эсперантистов, и поэтому целесообразно разобраться в ее основных положениях.

С положением о том, что всеобщий язык будет каким-то совершенно новым языком, а не одним из распространенных национальных, нельзя не согласиться, но никак нельзя согласиться с предположением, что он явится в результате все большего сближения и конечного слияния всех национальных языков: нет никаких фактов, которые подтверждали бы эту гипотезу.

Национально-языковые различия, бесспорно, чрезвычайно устойчивы, живучи, но признание этого никогда не было и не могло быть доводом против актуальности проблемы всеобщего языка, который очень и очень долго будет существовать наряду с национальными.

Человечеству, идущему к социализму и коммунизму, нужен такой всем понятный язык, который был бы способен наилучшим образом выполнять все функции живого языка, второго родного для всех. Мы не можем предрешать за потомков вопрос о том, станет ли он когда-нибудь их первым родным и тем более — единственным родным. Это всецело их дело, сохранять ли свято языки пред-

* Слово *последовательно* в названии этой концепции, или теории, краткости ради обычно может опускаться, но оно все же имеет немаловажное значение: есть еще концепция, или теория, одновременно двух всеобщих языков — английского и какого-нибудь еще из распространенных национальных.

ков или все больше и больше переходить на язык, общий для всех. И при наличии живого всеобщего языка нельзя будет декретированием «отменять» этнические языки, не только литературные, но и бесписьменные. Это могло бы привести лишь к обратным результатам.

Но есть основания предполагать, что «естественно»-историческим, эволюционным процессом будет не создание и не распространение всеобщего языка, а его вероятное перерастание из вспомогательного в основной язык бесклассового общества, не разделенного государственными границами, а в конце концов, возможно, и в единый общечеловеческий язык. Надо иметь при этом в виду его дальнейшее контролируемое развитие. Допущение такой возможности можно назвать гипотезой максимальной расширения функций всеобщего языка.

Гипотезу эту нельзя абсолютизировать — нельзя не допускать никаких других возможностей. Человечество и наука развиваются ускоренными темпами, никто не может с точностью предсказать все будущие открытия, изобретения и перемены в обществе. В языковой области не исключена и такая возможность: единым языком единого человечества станет язык априорного типа — язык лексической символики, который будет создан в более отдаленную эпоху.

Существование вспомогательного международного языка, который создан без участия народов, индивидуально (или «в мелкогрупповом порядке») и предварительно не подвергся повсеместному открытому обсуждению и более или менее всеобщему одобрению, является утопией. Но несколько не утопично существование международного языка, созданного передовыми учеными и писателями всех стран при участии и под контролем самих народов и способного из вспомогательного перерасти в основной язык нового человечества.

Положительный практический опыт экспериментального международного языка Эсперанто, разумеется, должен быть учтен. Должны быть учтены и использованы его положительные качества, если таковые за ним будут признаны беспристрастными исследователями, равно как и признанные ими положительные качества остальных проектов международного языка наряду с достоинствами языков народных. Международный язык не должен быть по своему материалу ни западным, ни восточным — он должен быть всемирным, общечеловеческим, не только по функциям, но и по своим составным элементам.

Если Эсперанто или другой ему подобный язык-проект стал бы, допустим, живым всемирным международным языком — вспомогательным, то человечество, вне всякого сомнения, не ждало бы пассивно образования своего единого — и даже основного — языка в результате все большего эволюционного сближения национальных языков. Успешный опыт превращения сознательно созданного (ис-

кусственного) языка в живой показал бы всем, что прямой, кратчайший и единственно правильный, единственно возможный путь к возникновению идеального языка — путь сознательного творчества.

Но зачем же грядущему человечеству два всеобщих языка: один — не очень удачный, слишком схематичный, сконструированный из элементов языков западноевропейской культуры, но зато уже ставший всем привычным, вкоренившимся в жизнь всех народов, а другой — наилучший из возможных, общечеловеческий по материалу, происхождению и назначению, но более сложный, более трудный, требующий еще освоения? Второму всеобщему языку пришлось бы с большими усилиями, которые сказывались бы на всех и на всем, вытеснить первый, занявший его место — место второго языка всех народов; ему пришлось бы длительно сосуществовать и конкурировать с ним. Получилось бы международное двуязычье (т. е. два международных языка) и всеобщее триязычье, местами четвероязычье — там, где уже сегодня существует двуязычье.

В книге «Основы языкознания, теории и истории международного языка» (1929) Э. К. Дрезен задавался вопросом: «Является ли в действительности система Эсперанто наиболее совершенной, теоретически и конструктивно наиболее безупречной системой по сравнению со всеми остальными?» И отвечал так: «Вряд ли с точки зрения лингвистической стройности и теоретического совершенства система Эсперанто в том виде, в каком она была предложена Заменгофом, лучше и достойнее других систем»²⁶³. Это мнение распространено среди сведущих в интерлингвистике эсперантистов.

Являются ли вспомогательный международный и единый общечеловеческий двумя различными языками, различными проблемами или это один и тот же язык в разные периоды истории и в разных функциях и, следовательно, одна проблема?

Да, это — два различных языка, две различные проблемы, если под вспомогательным языком иметь в виду Эсперанто или любой иной ему подобный проект. Но это — один и тот же язык в разные периоды истории и в разных функциях, одна проблема, если иметь в виду тот язык, который будет создан для того, чтоб стать языком всемирного социализма, а затем и всемирного коммунизма.

Могут сказать, что такой язык будет, по всей вероятности, сложным и трудным, тогда как вспомогательный международный должен быть простым и легким. Да, не исключена возможность, что всеобщий язык будет очень сложным, но это вовсе не значит, что он будет и очень трудным! Обширность словаря и сложность грамматики, подчиненные строгим логическим правилам словообразования и словоизменения, не будут трудны ни в изучении языка, ни в пользовании им. Эта сложность, обуславливающая максимальную грамматическую гибкость и максимальное лексическое богат-

ство языка будущего, явится вместе с тем и простотой. Сложность (обилие грамматических категорий и форм, словообразовательных элементов), помноженная на простоту (на закономерность всех составных частей и деталей языка, его структурную стройность), даст совершенство языка. А простота, помноженная на простоту, дает упрощенство, схематизм, бедность средств выражения понятий, мыслей, чувств, ощущений....

Сложность языка будущего человечества не должна быть излишней, смыслом не оправданной усложненностью, как и его сочетающаяся со сложностью простота не должна быть упрощенностью. Здесь должно быть найдено то равновесие крайних качеств, которое будет обусловлено выявлением лексических понятий и грамматических категорий, должных иметь свое формальное выражение. Иначе говоря: сложность, но без излишеств, простота, но без обеднения. Таков принцип, а его конкретное выражение — при принятии его — дело следующего этапа разработки интерлингвистической проблемы.

4. «СНАЧАЛА УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ И ТОЛЬКО ЗАТЕМ РАСПРОСТРАНЯТЬ»

Основное качество и вместе с тем основной недостаток замепгофского интерлингвистического проекта — в его пречельной упрощенности, безжизненном схематизме. Даже такой страстный поклонник его, как Анри Барбюс, писал: «... схематичный язык Эсперанто...»²⁵⁹.

Современные эсперантские грамматики определяют в этом языке всего два падежа: общий и винительный. Винительный образуется из общего прибавлением *-n*, категории остальных косвенных падежей передаются предлогами: *de*, *al*, *per* и т. д. Но эти же предлоги употребляются и в собственном значении: *de* значит 'от', *al* значит 'к' и т. д. Говорящие и пишущие по-русски хорошо улавливают разницу между такими конструкциями, как *книга отца* и *книга от отца*. *Это книга отца* — она принадлежит отцу, а *это книга от отца* — она подарена отцом. Эсперанто этой разницы в значении не передает: *libro de patro* — и все. *De* значит и 'от' и родительный падеж. Эсперанто не имеет формальных возможностей передавать все те падежные значения, которые вскрываются семантическим анализом — но не все выражаются — в современных языках; языки стихийно-эволюционного происхождения (естественные) тоже недостаточно точно передают мысли! Например, *книга отца* может означать также книгу, автором которой является отец.

При передаче различных падежных значений особыми падежными предлогами можно помыслить и предлог, выражающий принадлежность, и предлог, выражающий авторство (что, кстати, имеется в Идо), равно как и другие

предлоги, выражающие другие значения, в существующих языках передаваемые обычно формой одного родительного падежа. То же — и с местоимениями: *моя книга, моя картина* могут означать и книгу или картину, мне принадлежащую, и книгу или картину, мною написанную. *Наш дом* означает и дом, нам принадлежащий, и дом, в котором мы живем. *Дом* — это и многоквартирное здание и лишь одна квартира в нем. *Хозяйка дома* означает и владелицу дома и лишь квартиросъемщицу, хозяйку квартиры, и не только хозяйку квартиры, но и хозяйку в квартире, у себя дома. *Дом* означает также и учреждение: *дом отдыха* (в этом доме может быть несколько домов — зданий), *дом обуви* (этот дом может быть частью дома — магазином). И так далее, и так далее без конца.

Язык, созданный сознательно, может и должен не только равняться по своим качествам языкам, создававшимся стихийно, но и во много раз превосходить любой из них. Однако назначение такого усовершенствованного языка должно быть гораздо более значительным, чем роль вспомогательного средства общения. Назначение сравнительно скромной вспомогательности и ведет индивидуальные проекты международного языка к чрезмерной упрощенности, лексической бедности и грамматической невыразительности.

Возвращаясь к падежным значениям и формам, следует сослаться на монументальное исследование академика В. В. Виноградова о русском языке, где указывается, что круг значений падежных форм у существительных все расширяется, объединяя множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отношений: обостряется разрыв между бедностью внешних форм падежной системы и разнообразием включенных в нее грамматических функций^{260а}. Нет смысла создавать новый язык для грядущих поколений, если он не будет передавать все эти и другие грамматические значения, как и лексические понятия, гораздо лучше — точнее и экономнее, чем это делают языки, унаследованные от прежних поколений. Однако упрощенные проекты вспомогательного языка, начиная с Эсперанто, лучше здесь как раз и не делают ни в отношении имен, ни в отношении глаголов.

В системе спряжения Эсперанто — три времени и всего три окончания для всех родов и чисел. Например, *li fumas* означает 'он курит'. Эсперанто (как и русский язык) не передает разницы между понятиями настоящего времени в узком и широком смысле: курит ли он в настоящую минуту или курит вообще. Это передают некоторые национальные языки, например английский: *he smokes* — 'он курит' (вообще), *he is smoking* — 'он курит' (в настоящую минуту). Семантическая система современных глаголов еще более сложна, чем семантическая система современных имен существительных. «Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм», — отмечает В. В. Виноградов в той же книге^{260б}, причем это богатство и разнообразие различны у национальных языков. В Эсперанто они подменены бедностью и однообразием.

Швейцарский лингвист Шарль Балли (Bally, 1865—1947) предостерегал против чрезмерного однообразия форм искусственного языка и с этой точки зрения оправдывал даже узаконенные употреблением несправильности национальных языков. В работе о французском языке и общей лингвистике он писал: «Нет ничего более однообразного, как повторение одних и тех же форм, а правильность требует повторения. Представим только себе французский язык, в котором все глаголы спрягались бы как *marcher* — ‘ходить’, а все имена действия оканчивались бы на *-tion*: *ratification de la convention pour la suppression des prohibitions a l'importation et a l'exportation*»²⁶¹; в пародийной интерпретации Балли — «ратификация конвенция об отменения запрещения импортеция и экспортеция».

В Эсперанто, как и в других упрощенных системах вспомогательного языка, нечто подобное как раз и наблюдается.

Один из популярнейших в Советском Союзе поэтов-песенников, Михаил Исаковский, в пору молодости, как и многие тогда, увлекался Эсперанто, даже писал на Эсперанто стихи. В изданном в Москве в 1961 г. учебнике Эсперанто приведено написанное в ту пору М. Исаковским стихотворение «*Ĝis revido*», где 12 стихов из 16 имеют рифму на *-oj* и два стиха на *-aj*: *limoj— koroj kaj animoj, domoj — viaj karaĵ pomoj, viaj landoj — demandoj* и т. д.²⁶².

Советский эсперантский поэт Н. Хохлов выпустил в 1928 г. на правах рукописи сборник своих стихов «*La Tajdo*» («Прибо й») Не всюду сплошь, но очень часто и здесь те же окончания — *-oj*, *-aj*. Зато у него почти сплошные усечения слов (как, впрочем, и у остальных эсперантских поэтов). Вот, например, взятое наугад стихотворение «*Serenado*»: первая строфа — вся на *-oj*, потом идут 24 стиха, из которых 23 — с усеченными конечными словами. Все в таком роде:

Kion diros via mano en la trem?
Adordante min al kiso kaj poem?...
En la nakto de la floroj kaj mallum?
Ne hezitu pri l'unua amindum?

Слова-обрубки в эсперантской поэзии вызываются необходимостью преодолеть однообразие женских рифм, да и подчинить слова ритму (усечение слов в середине строк.)

Конечно, на каждом литературном языке есть стихи хорошие и плохие; плохие стихи можно подобрать на любом языке. Есть и на Эсперанто стихи более удачные, чем приведенные выше. К ним принадлежат некоторые стихотворения самого Заменгофа. Одно из лучших его стихотворений «*La Vojo*» («Путь») начинается так:

Tra densa mallumo briletas la celo,
Al kiu kuraĝe ni iras.
Simile al stelo en nokta ĉielo,
Al ni la direkton ĝi diras.

Kaj nin ne timigas la noktaj fontomoj,
Nek batoj de l'sorto. nek mokoĵ de l'homoj,
Ĉar klara kaj rekta kaj tre difinita
Ĉi estas, la voĵ' elektita... 263

Согласимся, что на Эсперанто все же можно писать и стихи, и прозу любых жанров. Но если подходить к эсперантским текстам с большой требовательностью к качеству самого их языкового материала, нельзя не увидеть, что все слова там имеют всего несколько окончаний, и это не может не создавать впечатлений бедности грамматических форм и общей монотонности. Так, все имена существительные множественного числа во всех падежах оканчиваются в Эсперанто на -oj (в винительном — на -ojn), все имена прилагательные множественного числа во всех падежах — на -aj (в винительном — на -ajn), самый распространенный союз — kaj. Окончания, напоминающие междометие боли («ай-ай! ой-ой!»), как и некоторые другие неудачные звуко сочетания, нередко создают режущую ухо неблагозвучность, вообще-то нередкую в языках, сложившихся стихийно, но совершенно недопустимую в языке, созданном сознательно.

Это коробит не только в поэзии и беллетристике эсперантистов, но и в любой их прозе, почти в любом тексте. Вот в этом отношении типичная для замэнгофского языка выдержка из библиографического справочника по интерлингвистике: «... Ĉiuj ĝiaj opinioj kaj sektoj, partioj kaj sekcioj, kune konsiderataj kiel eroj de unu granda ĉeno. Komparo de tiuj eroj, ŝajne disĵetitaj...» Или вот еще: «... fondataj grupoj, societoj, akademioj, kiuj unuigis multajn serĉantojn, jen teorie, jen praktike laborantajn...»^{1e}.

Надо быть очень невзыскательным к языку, чтобы, не замечая в нем звуко сочетаний, подобных *чѳуй джѳий опинѳой*, или безропотно с ними мирясь, считать Эсперанто «идеальным языком науки», как в том заверяют читателей трое советских географов, опубликовавших статью о проблеме международного языка для научных работ и контактов ученых (они были убедительны, доказывая необходимость такого языка, но далеки от убедительности, рекомендуя для этого Эсперанто).

* * *

С ноября 1964 г. под председательством проф. Е. А. Бокарева на общественных началах работает секция интерлингвистики Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» при Отделении языка и литературы Академии наук СССР. На развернувшейся в этой секции дискуссии некоторые эсперантисты выдвинули тезис: надо добиваться повсеместного изучения и употребления Эсперанто, а когда-нибудь потом, когда он уже

станет живым международным языком, можно будет исправить его недостатки, усовершенствовать.

Подобная мысль мелькала в советской эсперантской печати еще в 20-х годах. Согласиться с нею никак нельзя. Проект международного языка надо сперва максимально усовершенствовать и только затем распространять, а не наоборот. Чем распространеннее язык, чем он употребительнее, чем больше имеется и появляется на нем всякой литературы, в частности учебников и словарей, чем крепче его традиции, тем он устойчивей, тем труднее вводить в него какие-либо новшества и особенно какие-либо изменения — одни слова и морфемы заменять другими. Это в равной мере относится не только к языку международному, интернациональному, но и к языкам народным, национальным — к любому живому языку.

В этом вопросе два тезиса — «сначала распространять, затем усовершенствовать» и «сначала усовершенствовать, затем распространять» — стоят друг против друга непримиримо, и им предстоит помериться силой на широкой общественной арене дискуссий.

О том, как трудно вносить изменения, усовершенствования в уже распространяющийся проект международного языка, который уже употребляется в какой-то мере, можно судить хотя бы по опыту самого Эсперанто. В его истории имели место попытки реформировать его, но ни к каким практическим результатам они не привели. Об этом стоит рассказать. Когда Л. Л. Заменгоф выпустил в свет свой *Lingvo*, он хорошо сознавал, что один человек, к тому же чувствующий себя «ни способнее, ни энергичнее авторов всех бесплодно погибших попыток», не в силах решить проблему общего языка всех народов. В так называемом «Прибавлении ко Второй книге» («*Aldono de Dua Libro*», Варшава, 1888) он писал, что международный язык должен быть выработан шаг за шагом соединенной работой всего цивилизованного мира: он-де предложил лишь первые наброски будущего международного языка, они «должны быть только основанием, на котором будет разработан действительный интернациональный язык будущего»²⁶⁸. Эсперантисты любят цитировать слова Заменгофа, выражающие его отказ от авторских прав на созданный им язык, его понимание того, что «международный язык должен жить, расти и прогрессировать по тем же законам, который руководит выработкой всех живых языков» и т. д.

Все эти декларации остались, однако, на бумаге, о чем эсперантисты предпочитают не вспоминать. По мере того как с проектом д-ра Эсперанто знакомились люди в Германии, России и других странах, к автору начали стекаться критические замечания и предложения поправок и нововведений. Разобравшись в этих письмах, Заменгоф некоторые из замечаний и предложений сразу же отверг, а другие вынес на суд подписчиков первого эсперантского журнала «*La Esperantisto*», где в 1894 г. они были опубликованы.

Проект реформы Эсперанто был довольно радикален. Он предусматривал: устранение надстрочных знаков над некоторыми

буквами, устранение определенного артикля, замена окончания множественного числа существительных *-oj*, на *-i*, отказ от *-j* как морфемы множественного числа для прилагательных — превращение их в неизменяемые слова, отказ от окончания винительного падежа (*-n*), изменения в глагольных окончаниях, отказ от не имеющей соответствий в исторических языках таблицы соотносительных частиц (местоимений и наречий) и замена их частицами из латыни и романских языков, замена в степенях сравнения *pli* на *plu*, *plej* на *maksu*, отказ от расплывчатого по смыслу предлога *je*, изменение некоторых аффиксов и, наконец, замена корней слов из германских и славянских языков романскими, в основном латинскими ²⁶⁹.

В книге по интерлингвистике одного французского автора дано начало «Отче наш» (обычный эталон текста у западных интерлингвистов) на реформированном в проекте Эсперанто: «*Patro nua, kvu esten in cielo, sankte est an tue nomo, venam regito tue, estam volo tue, kom in cielo, sik anku sur tero...*»

Большинство подписчиков «*La Esperantisto*» не поддержало эти предполагаемые реформы, что объясняется, вероятно, отчасти тем, что три четверти их были жителями Германии и России, которые вовсе не хотели, чтобы из международного языка были убраны и без того немногочисленные корни слов, заимствованные из немецкого и русского языков (такая догадка Л. Кутюра и Л. Ло представляется вполне правдоподобной).

В голосовании приняли участие 264 человека, из них против реформ было 157, за реформы — 11, частично за реформы — 93, за другие реформы — 3. Комментируя эти результаты, Заменгоф совершенно верно заметил, что столь малочисленные голоса не могут решить окончательно вопроса словаря и грамматики международного языка, не могут воспрепятствовать реформам в дальнейшем ²⁷⁰. Беспристрастные интерлингвисты с сожалением констатируют, что в большинстве разумные реформы, предложенные первыми эсперантистами, не были проведены в то время, когда язык д-ра Эсперанто только-только начинал распространяться.

Критически мыслящие сторонники его, однако, не успокаивались, все настойчивее требуя, чтобы Заменгоф выполнил данное в первом учебнике и неоднократно затем повторенное обещание вносить в свой проект необходимые улучшения. На первом же конгрессе эсперантистов, на котором присутствовали и будущие реформаторы Эсперанто (авторы Идо, будущие члены интерлингвистического комитета Делегации для принятия вспомогательного международного языка), разговоров о несовершенстве заменгофского проекта — при наличии в нем и ряда достоинств — и о необходимости своевременно его переработать было немало. Но большинство участников конгресса предпочитало не вникать в лингвистические тонкости. Это консервативно настроенное большин-

ство и объявило первоначальный проект Эсперанто каноническим, «неприкосновенным» — *netuŝebla*. Составившие это большинство эсперантисты-ортодоксы заявили о своей верности заменгофскому «Fundamento»: «*Ni restu fidelaj!*» («Мы останемся верными!»).

На том же конгрессе был избран *Lingva Komitato* (Комитет языка) в составе 102 эсперантистов, которые из своей среды выделили «академию» из 18 членов под председательством ректора Дижонского университета проф. Бюарака (*Buarac*) и почетным председательством д-ра Заменгофа. Однако никакое усовершенствование Эсперанто и не планировалось! Более того: желая оградить Эсперанто от каких-либо изменений, «правовверные» на том же первом конгрессе вынудили издателей эсперантской периодики дать подписку печатать только то, что содействует упрочению традиций Эсперанто, все же, не соответствующее принятым правилам, отвергать!

В 1905 г. в Варшаве, а затем — вторым изданием — в 1907 г. в Париже Заменгоф издал «*Fundamento de Esperanto...*», состоящий из трех частей: грамматики из 16 правил, упражнений и «универсального» словаря. В предисловии к «*Fundamento*» он провозгласил: «*Neniu persono kaj neniu societo devas havi la rajton arbitre fari en nia Fundamento iun eĉ plej malgrandan ŝanĝon!*»²⁷¹ («Ни одно лицо и ни одно общество не должно иметь права произвольно делать в нашем Фундаменто ни малейшего изменения!»).

Разумеется, международный язык потеряет свое качество как средство общения, если все, кому вздумается, начнут вносить в него изменения. Но должен ли он оставаться неизменяемым? Заменгоф завещал: Эсперанто остается и «неприкосновенным» до того времени, пока «авторитетный центр» найдет нужным добавить к установленным им словам и грамматическим правилам новые слова и новые правила — добавить, отнюдь не менять установленные им: «*Neniam ŝanĝi!*» («Никогда не менять!»).

Заменгоф показал себя консерватором особенно в годы деятельности Комитета «Делегации для принятия вспомогательного международного языка». Когда входившие в этот Комитет ученые письмом от 4 января 1908 г. предложили ему проект реформы Эсперанто, в основном совпадающий с тем, что было опубликовано им самим же в 1894 г., последовали одновременно два ответных письма от 18 января — от *Lingva Komitato* и от самого *Majstro*, в которых предложение ввести в Эсперанто уже давно предлагавшиеся улучшения заочливо рассматривалось как недопустимое «вмешательство во внутренние дела Эсперанто» и заявлялось, что существует-де «эсперантский народ» и только он может решать вопросы «своего» языка на своих конгрессах. Это ли не дух сектантства?

По словам одного из участников реформистского течения в эсперантском движении, Блонделя (1904), всякая критика Эсперанто воспринималась Заменгофом «почти как святотатство...

А между тем, когда изучаешь грамматику Эсперанто с беспристрастностью, не находишь в ней превосходства над таковой Пирро 1868 года...»²⁷³

Луи Кутюра показал, что Заменгоф допустил в своем проекте международного языка логические погрешности в системе словообразования. Довольно много печатавшийся советский экспериментист А. Иодко в одной из статей выступил с призывом: «Против увлечения лингвистикой»²⁷⁴. Это значило: давайте не будем сравнивать, что лучше — Эсперанто или Идо!

А многие тогда сопоставляли оба эти проекта — и не в пользу первого. Сделал это и интерлингвист Н. А. Несмеянов¹⁹⁰. Отметив ряд удачных решений Идо, он усматривал преимущества этого реформированного Эсперанто в оформлении имен существительных и прилагательных, глаголов и местоимений, наречий и союзов; только идистские порядковые числительные, по его мнению, уступают таковым экспериментским, да меньшее число суффиксов в Эсперанто (28), чем в Идо (38), представлялось ему преимуществом.

С последним никак нельзя согласиться: каждый новый суффикс, если за ним закреплено определенное значение, увеличивает возможности словообразования, лексическое богатство языка, точность его слов, гибкость их форм. Как раз в суффиксах и префиксах — одно из главных преимуществ Идо перед Эсперанто. Что же касается лексики, то Идо является еще более романским языком, чем Эсперанто: сказалось пристрастие его авторов-французов к своему родному языку.

Критиковали Эсперанто и другие интерлингвисты, в их числе состоявший одно время в Идо-«академии» проф. Н. А. Юшманов, который в 1924 г. поместил в стокгольмском идистском журнале «Mondo» (№ 5—6) статью под названием «100 fundamental defekti di Esperanto», опубликованную затем (1926) и на немецком языке в Берлине.

Показательна, но несколько в другом отношении, история возникновения Идо, который был выпущен в свет в неокончательно отработанном виде и авторы которого продолжали его дорабатывать в то время, когда он распространялся и употреблялся. Будучи улучшенным вариантом Эсперанто, Идо был единственным из проектов вспомогательного международного языка, который сразу привлек к себе тысячи последователей и на котором в разных странах сразу начало выходить 12 журналов. Первые годы распространения и употребления Идо прошли под знаком непрерывных изменений, вносимых в него. Учебники и словари Идо быстро устаревали, и в этом он терял свое качество как средства общения, вызывая неудовольствие со стороны своих последователей. Создатели Идо провозгласили лозунг: «Progreso esas vivo, stado esas morto!» («Движение [прогресс] есть жизнь, неподвижность есть смерть!») В другом лозунге они провозглашали «никогда не совершенство», но — «всегда совершенствование».

В принципе все это было верно, но воплощение этого принципа в жизнь требовало того, чтобы стабильность, устойчивость языка, в очень значительной степени преобладала над его изменчивостью. В 1913 г. руководство идистским движением объявило *periodo de stabileso* (период стабилизации) на 10 лет. В 1923 г. этот период был продлен всего на четыре года, после чего совершенствование, реформирование Идо возобновилось. Это дезорганизовало идистское движение, среди идистов начался разброд. Так к практической неудаче привело нарушение принципа «сначала усовершенствовать, затем распространять!»

В то же время распространение Эсперанто без должного его усовершенствования, давая некоторые практические результаты в силу растущей потребности в нейтральном международном языке, оставляет язык Заменгофа на первоначальном теоретическом уровне, недостаточно высоком. И это в конце концов может явиться одной из причин, которые обрекут его на практическую неудачу, как и Идо. Нельзя распространять проект международного языка, недостаточно усовершенствовав его грамматическую структуру, как это было с Эсперанто, но равным образом нельзя и структурно совершенствовать язык-проект, в то же время распространяя его, как это было с Идо. Целесообразным может оказаться лишь испытание неокончателного варианта на практике.

Эсперанто не удалось реформировать в организованном порядке, целенаправленно. Но, может быть, этот экспериментальный международный язык эволюционно усовершенствовался? Этот вопрос был поставлен в эсперантской печати в связи с пятидесятилетием опубликования брошюры д-ра Эсперанто-Заменгофа «*Lingva internacia*». И можно было отметить лишь следующие изменения в его лексике (не считая роста лексики) и грамматике: а) исчезли многие русизмы, б) уточнилось употребление *sin* (в «*Fundamento*» *sin* исправлено на *nin*), в) произошла замена *ĝi* в известных случаях более логичным *tio*, стало правильным употребление *da*. И только! Несколько частных и незначительных деталей, ничего не меняющих в структуре языка... Но Дрезен усматривал в этом эволюцию Эсперанто. Расчеты на эту эволюцию обманчивы, рост лексического состава еще не есть структурное совершенствование языка.

Что касается лексического состава Эсперанто, то с 1909 г. эсперантская «академия» время от времени пополняет его новыми корнями, в несколько приемов их было внесено (до второй мировой войны) 4425. Это лишь показывает, насколько важно с самого начала жизни языка международного общения довести до возможного совершенства его грамматическую структуру. Живой всеобщий язык даже при вспомогательности его функций — это слишком ответственное дело.

До сих пор в литературе можно встретить лишь два понятия, вкладываемые в термин *всеобщий язык* и выражаемые термино-

элементами *вспомогательный и единый* в разных синонимических вариантах. В настоящей работе выдвигается понятие промежуточное и соответствующие ему термины: *основной язык человечества, основной всеобщий язык*. Итак, всеобщий язык может быть вспомогательным, основным и единым, может иметь разные степени усвоения, употребления и распространения. Если в данном случае придерживаться семантико-формальной системности терминов, то можно было бы говорить о *вспомогательном всеобщем языке, об основном всеобщем языке и о едином всеобщем языке*. Вспомогательный язык изучается как иностранный, неродной, им пользуются лишь от случая к случаю: в международном общении. Основной всеобщий язык предполагает всеобщее двуязычье: он должен быть стать одним из двух (минимум двух) родных языков каждого члена нового всемирного общества, причем сперва вторым родным, а затем — понемногу — и первым. Единый всеобщий язык — один родной язык для всех: при отсутствии знания других языков или при слабом знании их и очень редким использованием ими.

Таковы три основные степени языковой общности при наличии многоязычья и постепенного его изживания человечеством.

Чтобы в решении главной языковой проблемы человечества не впасть в волюнтаризм, не подвергать ее риску ошибок, скоропелым решениям, решать ее надо в плане широкого международного сотрудничества. Нельзя навязывать или даже хотя бы предлагать всем народам их общий язык, в создании которого не принимали участия авторитетные специалисты всех стран и в той или иной мере, в той или иной форме сами народные массы, проект которого не был предварительно одобрен ими или их уполномоченными представителями.

Некоторая распространенность Эсперанто, некоторое практическое применение его никак не может быть решающим соображением в столь важном вопросе, как всемирный международный язык, пусть лишь вспомогательный. Только качества самого языка должны все решать здесь.

Практические преимущества Эсперанто выглядят внушительно по сравнению с малой практикой других языков-проектов или полным ее отсутствием. Но эти преимущества, даже если они значительно возрастут в ближайшие десятилетия, потеряют значение, когда появится язык, достойный всеобщего признания.

Сторонники теории последовательно двух всеобщих языков, вспомогательного и единого, отличаются от сторонников теории вспомогательного языка только тем, что, признавая за Эсперанто или любым другим подобным проектом лишь право выполнять ограниченные функции вспомогательного языка, учитывают развитие всемирного общества к социализму и коммунизму и не отрицают идеи единого общечеловеческого языка как языка отдаленного будущего. Они утверждают, что в наше время еще нель-

зя определить структуру единого общечеловеческого языка, все его составные части, все детали. Но разве кто-нибудь, какой-нибудь большой коллектив интерлингвистов, пробовал определить очертания языка социалистического и коммунистического человечества? Зачем утверждать невозможность того, что сделать еще никто и не попытался?

«Нет данных», — говорят. Нет материала? А из какого же материала будут создавать общечеловеческий язык коммунизма, как не из материала существующих языков и проектов языка вспомогательного? Очевидно, предполагается, что к созданию языка, достойного стать единым — а до того основным — общечеловеческим, можно будет приступить лет через сто — двести — триста? Спрашивается: разве за эти столетия появятся новые этнические языки? Вряд ли. И через столетия будут все те же национальные языки, что и в настоящее время. Они в какой-то мере разовьются, появятся и новые проекты международного языка, но в основном сырьевой материал для всеобщего языка будет тот же, каким могли бы располагать создатели его и в последней трети XX в. С языками-проектами и с живыми языками будут те же мертвые языки, которые считаются классическими и восхищают историков-лингвистов, — санскрит, древнегреческий, латинский, а с ними и старославянский, готский и прочие. За столетия могут лишь вымереть многие бесписьменные языки племен и народностей, среди которых, быть может, нашлись бы такие, которые послужили бы вместе с другими сырьем для единого языка единого человечества.

Если возможно создание относительно совершенного синтетического языка через сотню или несколько сотен лет, то возможно оно и в нашу эпоху. Либо невозможно вообще. Без экспериментирования нельзя будет доказать ни того, ни другого. Поэтому надо искать и экспериментировать в области научного языко-творчества, чтобы выяснить возможность или невозможность создания коммунистического языка задолго до всемирной победы коммунизма.

Сторонникам теории последовательно двух всеобщих языков, вспомогательного и единого, следует подумать и о правильности их дилеммы: либо вспомогательный, либо единый; подумать надо и о третьей возможности — об основном языке нового человечества. Идея единого языка человечества в наше время еще очень многих может отпугивать, как бы ни была далека возможность ее реализации. Идея основного языка человечества, вспомогательного лишь на первом этапе своего существования, может оказаться и ближе и приемлемее для современников.

5. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК В ПОНИМАНИИ БУРЖУАЗНЫХ ИНТЕРЛИНГВИСТОВ

Прежде всего о самом термине — *вспомогательный международный язык*. Да, именно этот термин употребителен в интерлингвистической литературе на русском языке. Но буржуазные интерлингвисты, пишущие на английском, французском и других западноевропейских языках, а также на языках-проектах Эсперанто, Идо, Интерлингва, Окциденталь и подобных, употребляют терминоэлемент, соответствующий русскому *интернациональный*. У нас он обычно употребляется как абсолютный синоним терминоэлемента *международный*. Но он может быть и синонимом относительным: понятия, выражаемые ими, могут и не совпадать полностью — лишь частично. Дело в том, что понятие 'народ' при всей своей неопределенности шире понятия 'нация': под народом чаще всего понимают этническую общность более крупную, чем племя, т. е. нацию или народность (а нередко и население страны). Социологи-демографы насчитывают во всем мире около тысячи народов, из них свыше 200 крупных, объединяющих более миллиона человек каждый; они составляют более 90% населения земного шара.

Проблема всеобщего или всемирного международного (интернационального) языка всегда была и остается в условиях капитализма делом частной инициативы, так называемого свободного предпринимательства, проникнутого духом индивидуализма.

«В нашем современном обществе каждый рабует на свой собственный страх и риск... О разумной организации, о распределении работ нет и речи... В этой войне всех против всех, в этом всеобщем беспорядке и всеобщей эксплуатации и заключается сущность современного буржуазного общества»²⁷⁵ — так охарактеризовал сущность капиталистического общества Фридрих Энгельс в речи, произнесенной в Эльберфельде в феврале 1845 г. Эта характеристика сохраняет свою силу и поныне.

В странах капитализма за решение проблемы всемирного языка брались и берутся сторонники этой идеи в одиночку и лишь в виде исключения — небольшой группой (Неутраль, Идо, Интерлингва). Каждому из них, судя по всему, казалось, что стоит только разработать и обнародовать проект *языка для всех*, как воплощенная в нем привлекательная идея начнет притягивать к нему повсюду сторонников — и так труднейшая всемирно-историческая проблема будет довольно легко решена.

Личность, жизнь и деятельность Людовика Лазаря Заменгофа — типичное тому свидетельство. Он полагал, будто общечеловеческий язык составляет «самую заветную» мечту человечества с древнейших времен по наше время. При нем началась эпоха величайших классовых битв, а он, не замечая их, писал: «Мы теперь сознаем, что все мы составляем одну нераздельную человеческую семью и что нас делит на враждебные лагеря только раз-

личие наших языков и тесно связанное с ним и вытекающее только из этой особенности различие воспитания, нравов, верований и т. д.»²⁷⁶

Нейтральный международный язык, конечно, приблизил бы победу сил прогресса над силами реакции, но утверждать, что такой язык сам по себе обеспечит единство и дружбу всех народов, всех наций, значит не только не понимать закономерностей общественного развития, но и пытаться отвлечь трудящихся от революционной борьбы.

Как известно, утопизм социалистов и коммунистов до Маркса и Энгельса заключался, в частности, в том что они не видели в обществе сил, способных преобразовать общественный строй мира сообразно идеалам свободы, равенства и братства всех людей. В эпоху утопических учений и движений таких реальных организованных сил, впрочем, и не было.

Этого не понимали и не понимают те утопически мыслящие приверженцы идеи всеобщего языка, которые считали достаточным создать его проект самолично, опубликовать и пропагандировать, рассчитывая на сторонников из всех слоев общества. Они не могли и не могут понять, что правильно и успешно решить эту всемирно-историческую задачу можно лишь опираясь на народные массы всего мира и их организации. Без самой деятельной поддержки народов мира, их организаций, их революционных партий никакие проекты в этой области, будь они даже гениальными, не могут быть осуществлены. Всемирный международный язык — столь же общественная проблема, сколь и научная.

Авторы все новых и новых проектов всемирного языка выпускают их в свет в виде небольших книжечек с большими претензиями, вроде: «Мировая мысль, наконец, имеет крылья — мир объединяющая речь стала ныне фактическим достижением (is now factual accomplishment)». Именно так провозглашал в 1944 г. гражданин США Р. Стюарт Жак (Stewart Jaque), обнародовав свой Олингго. И далее: «Олингго дарует великую социальную перемену роду человеческому, ибо все люди смогут говорить на общем языке и пребывать в мире...»²⁷⁷.

Послание калифорнийского интерлингвиста Ф. Роваи американскому лингвистическому конгрессу в изданной литографическим способом брошюре (1947) открывается портретом старика с аристократическим лицом и заканчивается словами: «Всякий, кто заинтересуется зарождением всемирной организации под именем Ассоциации Всеобщего Языка, может написать мне, и мы попытаемся положить начало этой организации, дабы грядущие поколения завершили это великое и необходимейшее дело созидания всеобщего языка, который будет содействовать улучшению общества во всем мире»²⁷⁸.

В 1962 г. в Токио 77-летний Фушики Окамото опубликовал свой проект всемирного языка, название которого латинскими бук-

вами изображается как ВАВМ, а читается Воавоми. Окамото трудился семь лет, и вот теперь созданный им язык, по его словам, «могут свободно употреблять и жители Гималай и туземцы африканских равнин... В близком будущем, без сомнения, будет создано Всемирное Сообщество (World Society), где всеобщий язык будет абсолютно необходимым...»²⁷⁹

Подобных примеров можно было бы привести множество. Только буржуазному миросозерцанию свойствен такой индивидуалистический подход к решению задачи, которая касается всех народов.

На протяжении минувших десятилетий XX в. происходит конкуренция, и порой довольно ожесточенная, между различными проектами вспомогательного языка.

И. А. Бодуэн де Куртене вспоминал о том неприятном впечатлении, которое производили на него и других членов Комитета Делегации для принятия вспомогательного международного языка взаимные обвинения «правоверных» эсперантистов, ортодоксов, и реформистов-идистов, интриги с обеих сторон и «неприличная агитация». С нападок на интерлингвистические принципы дело перешло к нападкам на личности. Это привело к тому, что В. Оствальд отказался от поста председателя Комитета. Фактически вышел из его состава и Бодуэн.

В настоящее время конкуренция (особенно в Соединенных Штатах Америки) происходит между Эсперанто и Интерлингвой. Она также сопровождается взаимной критикой и нападками.

Различные другие проекты международного языка, имеющие своих сторонников, свои печатные органы и какие-то подобию институтов, участвуют в конкуренции на мировом интерлингвистическом «рынке» как мелкие предприниматели. Но своего рода «монополия» эсперантистов — слабое объединение перед английским языком с его притязаниями на мировое господство. Бейсик Инглиш выступает как филиальное — «дочернее» — предприятие английского языка. А тут еще действуют сторонники «живой латыни», авторы рисуночных языков и т. д.

Такое отсутствие единства среди сторонников идеи всемирного языка в условиях капитализма вполне закономерно и естественно при отсутствии единой идеологии, единой философии и общих интересов.

В распространении проектов интернационального языка известную роль играет и частная благотворительность. У языка-просекта Заменгофа было немало благодетелей. Первый председатель Всеобщей Эсперанто-ассоциации Гектор Годлер, умирая, завещал капитал в 200 тыс. золотых франков на пропаганду Эсперанто. Проф. В. Оствальд пожертвовал крупную сумму из Нобелевской премии, которой он был удостоен как химик, на укрепление идистского движения; это пожертвование дало возможность идистам предпринять издание крупнейших в интерлингвистике сло-

варей. Только благодаря акту благотворительности американской миллионерши Алисы Дейв Моррис, энтузиастки идеи интернационального языка, Всеобщей Эсперанто-ассоциации удалось провести силами известных лингвистов многих стран сбор библиографии по интерлингвистике и издать объемистый сборник «Bibliografio de Interlingvo...» (Женева, 1929). Как уже говорилось, Ассоциация международного вспомогательного языка — IALA — и созданный ею Интерлингва поддерживались некоторыми законами североамериканского большого бизнеса.

Авторы проектов вспомогательного языка, которым не удалось найти благотворителей, не смогли довести свои проекты до международной общественности. Опубликовать их, выпустив в свет маленьким тиражом, оказывалось для этого недостаточным. Нужны были средства для пропаганды и своего рода рекламы их, для новых и новых изданий, для созыва конгрессов, а эти средства были и остаются в капиталистическом мире частными.

* * *

Поскольку авторы проектов вспомогательного языка могут рассчитывать на успех лишь в том случае, если их проекты можно легко изучить, погоня за легкостью и простотой языка привела в большинстве случаев к предельному упрощенству проектов в ущерб остальным качествам.

В предисловии к первому изданию грамматик и словаря своего *Lingvo internacia* д-р Эсперанто-Заменгоф писал, что главная задача, которая стояла перед ним, заключалась в том, чтобы язык был чрезвычайно легким — так, «чтобы его можно было изучить шутя». Эту задачу он решил следующим образом: «Я упростил до невероятности грамматику... Вся грамматику моего языка можно отлично изучить в полчаса». Для изучения же всего языка «вполне достаточно нескольких дней»¹⁸⁸. Эсперантист Н. В. Некрасов писал (1926), будто интернациональным литературным языком «может быть только языковая конструкция [?], упрощенная до последних пределов [?!]», имея в виду Эсперанто²⁸⁰.

В духе подобных высказываний опубликованный в Киеве в 1896 г. под громким названием Прометей-Просветитель проект языка д-ра Новодума (Евгения Гурина) содержал уверение, что его грамматика «может быть изучена в течение 5—10 минут». Все это было похоже на злую шутку, как и сам проект, где упрощенность доходила до таких «последних пределов»: ‘отец’ — п-ай, ‘мать’ — па-я, ‘сын’ — 1/2 п-ай, ‘дочь’ — 1/2 п-ая, ‘впук’ — 1/4 п-ай, ‘внучка’ — 1/4 п-ая...

Грамматический примитив и лексическая бедность стали идеалом многих западных интерлингвистов. Известный интерлингвист и автор одного из латинизированных проектов международного языка, итальянский математик проф. Джузеппе Пеано выразил

это в следующих словах (Турин, 1903): «Вся латынь не нужна; небольшая ее часть достаточна для выражения любой мысли». Этому принципу и отвечала его *Latino sine flexione* — латынь без флексий. Так же нигилистически рассматривал он и роль аффиксов, в частности словообразовательных суффиксов, в международном языке. По его мнению, «ни одно грамматическое правило, ни один словообразовательный суффикс не является необходимостью». Его интерлингвистическая концепция выражена в афористической формуле: «*Grammatica minimo in theoria es grammatica nullo*»²⁸¹ («Грамматический минимум теоретически есть отсутствие грамматики»). На это проф. А. Л. Герар (*Guérard*), автор «Краткой истории движения за интернациональный язык» («*A short history of the international language movement*», Лондон, 1922), иронически заметил: «Простейший интернациональный язык есть молчание»²⁸².

Погоня за предельной легкостью языка была и продолжает быть погоней за его сторонниками, оружием в конкурентной борьбе между различными интерлингвистическими проектами. Э. де Валь провозгласил: текст на интернациональном языке должен пониматься людьми западной культуры без предварительной подготовки! В изданной в Париже на французском языке книге Р. Берже «Окциденталь в пять уроков» это изречение дано как лозунг (на Окцидентали): «*Occidental es immediatemen comprensibil al tot monde civilisat*»²⁸³.

О. Есперсен так сформулировал (1908) основное положение западноевропейской интерлингвистики: «*Die beste internationale Sprache ist diejenige, die der grössten Anzahl Menschen die grösste Leichtigkeit bietet*»²⁸⁴ («Наилучший международный язык тот, который предлагает наибольшее облегчение для наибольшего количества людей»). Имелись в виду опять-таки люди западной культуры, люди, говорящие на главных языках Западной Европы.

* * *

За исключением единичных языков-проектов, оставшихся в неизвестности, апостериорные проекты вспомогательного языка всецело или почти всецело базируются на материале языков великих наций Запада.

Для буржуазной интерлингвистики характерен окцидентализм; его называют также «европоцентризмом». При провозглашенном западными интерлингвистами этимологическом принципе DEFIRS (что значит: немецкий — *Deutsch*, английский — *English*, французский, итальянский, русский, испанский — *Spain*; иногда прибавляется еще в конце *L* — латынь). Русский язык, как правило, практически не включался в материал для западных проектов международного языка. Характерны утверждения идистов, что предлагаемый ими интернациональный язык «должен иметь роман-

ский облик», или свидетельство М. Пеи об американском Интерлингве: он «беспощадно отбрасывает все элементы грамматики и словаря, которые чужды западной культуре»²⁰⁶.

А. Мартинэ указывал, что в лингвистике интернационализм может быть всеобщим или ограниченным (*général ou limité*). Западные интерлингвисты отказались от всеобщего интернационализма в пользу ограниченного (западным миром). А. Николя, автор одного из априорных проектов, предпочел стопроцентную искусственность языка для всеобщих связей, его отрыв от каких бы то ни было исторических языков именно потому, что он исходил из убеждения, что «принцип максимума интернациональности вообще иллюзорен»²⁸⁵.

Когда Хамильтон Холт указал как на главное возражение против Эсперанто на его «провинциальный характер» — на то, что этот язык совершенно игнорирует Азию и языки, на которых говорит огромное большинство человеческого рода, А. Л. Герар заметил, что трудно себе представить апостериорный язык, одинаково удобный [*faire*] как для Востока, так и для Запада. Для апостериорного языка, по его мнению, абсолютная всемирная нейтральность невозможна, только априорный язык мог бы быть всемирно нейтральным. Суть концепции Герара сводилась к тому, что разбуженный Восток добровольно признает лидерство Запада [?!?!], а потому-де вряд ли могут быть какие-либо возражения против языка западной цивилизации.

На II конгрессе в защиту живой латыни секретарь одной молодежной религиозной организации заявил: «Мало-помалу мусульманский мир, восточные народы присоединятся к Западу в международном общении...»²⁸⁶.

Авторы и сторонники различных проектов всемирного международного языка спорят, какой из их языков-проектов более западный. А. Гоуд и его единомышленники заявляют, что их Интерлингва — самый западный. В статье «Дело Интерлингвы» Гоуд утверждал, что всемирный язык должен быть построен по образцу не только языков Запада, но и западного мышления (*occidental thought*). Эту претензию он обосновывает тем, что будто бы «всемирный [*global*] интернационализм движим идеологическими силами западного происхождения»²³⁹⁵.

Известный бразильский социолог Жозуэ де Кастро, человек прогрессивных убеждений, не без основания заметил в одной из своих работ: «Узость кругозора типична для западной цивилизации»²⁸⁷.

Противники идеи создания всемирного международного языка обычно выдвигают такого рода аргументы:

— Язык — не техническое изобретение: его нельзя изобрести, выдумать. Всемирным международным мог бы стать один из современных распространенных языков: какой окажется практически сильнее. Главное здесь — учитывать исторический опыт: учитывать то, что языки создаются мало-помалу, из поколения в поколение народами, их носителями, создаются в процессе общественной эволюции. Даже общественные революции не порождают новых языков. Ведь все попытки создать язык для международного употребления механически, искусственно ни к чему не привели и никогда не смогут привести, разве только к новым разочарованиям фанатиков идеи искусственного языка, этих оторванных от жизни фантазеров, утопистов.

Вопрос о возникновении общего языка всех народов здесь ставится как дилемма: либо перерастание одного из исторически сложившихся живых языков во всеобщий, либо антиисторизм — оторванное от языкотворческого опыта рода человеческого, от действительности фантазирование утописта-одиночки или группы подобных утопистов.

Но в дилемме «либо естественный, либо искусственный» оба термина настолько расплывчаты по смыслу, многозначимы, что без точных их определений ими нельзя пользоваться и тем более противопоставлять друг другу. Это во-первых. Во-вторых, здесь общественно-историческое приравнивается к общественно-стихийному, тогда как первое понятие гораздо шире. Главное же: возможные варианты постановки вопроса о всеобщем языке, о его возникновении вовсе не сводятся к приведенной дилемме.

1. РАСПРОСТРАНЕННАЯ В МИРЕ КАПИТАЛИЗМА ТЕОРИЯ ВСЕОБЩЕГО ЯЗЫКА

Существует целая теория превращения английского языка во всеобщий, которая пытается вызвать к жизни и соответствующую практику. Прежде чем рассмотреть эту теорию, следует бросить

взгляд на другие сходные факты, касающиеся претензий идеологов французского и немецкого языков: они прочили языки своих наций на роль первого языка планеты, на всемирное господство в области международного общения.

«Первенство французского языка» («La précédans du langue françois») — так называлась книга Эстьена (Estienne), вышедшая еще в 1579 г. «О превосходстве французского языка» («De l'exellence de la langue français») назвал свою книгу издания 1683 г. Шарпантье (Charpentier). В XVIII и XIX вв. французы, по недавнему признанию П. Бюрнея, лелеяли надежду, что их утонченный язык — любимец аристократии и дворянства Европы, орудие мировой дипломатии — станет главным средством общения всего просвещенного человечества. Колониальная империя Франции перенесла его в Африку, в Средиземноморье, он стал вторым языком Канады. П. Бюрней, перечисляя в книге «Интернациональные языки, географические районы и общественные сферы французского языка во второй половине XX в.», говорит о нем как все еще *привилегированном* в ряде стран Европы, Африки, Ближнего Востока; он отмечает, что французы делят с англичанами языковую мочополию в дипломатии, что в большинстве стран мира французский язык изучается как второй иностранный вслед за английским. Французские писатели горделиво его величали «королем языков» (точнее, их «королевой», поскольку слово язык по-французски — la langue — женского рода), «подлинно общечеловеческим» и т. д.

Но никто никогда так не превозносил язык своей нации, как философ Фихте. В «Слове к немецкому народу» он изрекал: «Немцы это само человечество, и одной из главных причин их превосходства является их язык — единственный живой язык, какой только существует. Другие языки мертвы, стеснительны для мысли, для создания образов. Только народ, который имеет счастье говорить по-немецки, способен, благодаря своему языку, к духовной жизни»²⁸⁸.

Всякий раз, когда германский милитаризм разжигал мировые войны, в которых гибли десятки миллионов людей, претенденты на мировое господство выдвигали немецкий язык главным претендентом на роль языка-гегемона. В годы первой мировой войны появились проекты языков Вэдэ (Wede, 1915) проф. А. Баумана и Велтдойч (Welt-Deutsch — мировой немецкий) проф. В. Оствальда, изменившего интернационализму интерлингвиста, а в канун второй мировой войны — книга Ф. Тирфельдена (Tierfelder) «Немецкий язык как мировой язык» («Deutsch als Weltsprache»).

Германские фашисты, готовясь к господству над Европой, Советским Союзом, а затем и над всем миром, мечтали и язык своей нации превратить во всемирно господствующий, а английский низвести до германского диалекта, как о том заявил подручный бесноватого фюрера Рудольф Гесс на конференции нацистской партии незадолго до своего бегства в Англию²⁸⁹,

В конце XIX в. француз Гедоз (Gaidoz) предложил признать общеобязательными международными языками французский, английский и немецкий, «к каковым, быть может, надо будет прибавить русский». Немецкий филолог Г. Дильс разделял это мнение, хотя не возражал и против возрождения латыни. За французский и английский языки агитировал в своей книге «Эсперанто и система билингвизма» (1911) французский коммерсант Поль Шапелье (Chapellier).

Между идеологами западной буржуазии шел своего рода торг: сколько языков великодержавных наций должно стать международными. Два? Три? Четыре? А может быть, больше? И какие именно?

Альбер Доза (Dozat, 1877—1955) — один из крупнейших специалистов по французскому языку, основатель и редактор журнала «Современный французский язык» («Le français moderne»), в своей книге, посвященной истории французского языка, предлагал современному обществу отказаться от идеи единого международного языка в пользу целого ряда международных языков, отводя каждому из них свою область: английскому — политэкономии, немецкому — химии, французскому — математике, итальянскому — музыку и т. д.²⁹⁰ С этим же нерациональным предложением Доза выступил и на II Международном конгрессе лингвистов.

Его соотечественники Фушэ (Fouché) и Томнерэ (Thomneret) предложили (1951) разделить мир на языковые зоны, в каждой из которых было бы два-три официальных языка: где — английский и французский, где — эти два и тот или иной зональный, местный.

В начале 40-х годов, когда гитлеризм угрожал навязать всем нациям, всем народам язык своей «избранной нации», по предложению министра образования Голландии был организован Международный комитет для изучения возможности обучения какому-нибудь международному языку в школах европейских стран; в этой комитет вошли также представители Бельгии, Франции, Греции, Югославии, Польши и Норвегии. В 1942 г. был опубликован его официальный доклад, рекомендовавший один из двух главных языков мира — английский или французский — сделать обязательным предметом уже в начальных школах европейских союзников (антигитлеровских): в странах, где население говорит по-английски, должен изучаться французский язык и наоборот.

В 1951 г. два предприимчивых молодых француза — Жак-Мари Брессар (Bressard) и Дени Пулэн (Poulin) — положили начало движению двуязычного мира, возродив уже неоднократно выдвигавшееся предложение: пусть говорящие по-английски изучают, начиная с дошкольного возраста, французский, говорящие по-французски изучают английский, а все прочие — оба языка.

В этом отношении на Западе кое-что делается, но исключительные привилегии двум национальным языкам все же могут, как

указывал М. Пей, вызвать сопротивление «не только коммунистических стран, но и отдельных сегментов западного мира»^{206г}.

□ Учитывая, что нациям мира не так-то легко договориться, чей язык или чьи языки сделать международно-интернациональными, воспрянули духом поклонники латыни. В 50-х годах они начали «движение в защиту живой латыни» — *pour le latin vivant*, к середине 60-х годов провели уже три конгресса, в каждом из которых принимали участие около 200 представителей буржуазии, буржуазной интеллигенции и католичества более чем из 20 стран. Второму из этих конгрессов (Лион, 1959) приветственное послание направил Жак Сустель, вскоре после того скандально прославившийся как один из вожаков террористов ОАС, убивавших алжирских патриотов. Разглагольствуя о том, что язык Тацита и Цицерона, Вергилия и Горация в наши дни мог бы стать средством общения между народами — «в первую очередь между элитой общества», он (тоже «элита»!) вопрошал: «К чему увлекаться созданием искусственных языков, когда существует латынь?!»^{286б}

* * *

Но не французский или немецкий и тем более не латынь, а английский язык главари империализма выдвигают ныне на роль всемирного международного языка. В 20-х годах XX в. Генри Форд бросил лозунг: «*Make everybody speak English!*» («Заставьте всех говорить по-английски!»)^{291а}.

Еще в середине прошлого века Дж. Бредшоу (Bradshaw) опубликовал в Лондоне проект упрощенного английского для всеобщего употребления «План превращения английского языка в международный» («*A Scheme for Making the English Language the International Language*»). Чем больше капитализм превращался в мировую систему, тем больше у английского языка находилось «идеологов», время от времени выпускавших в свет свои планы и проекты: Б. Бранкенбуш — «Предназначено ли английскому стать всеобщим?» («*Is English Destined to Become the Universal Language*», Геттинген, 1868); А. М. Бэлл — «Мировой английский — всеобщий язык» («*World English, the Universal Language*», Лондон, 1888); Р. Старчевский — «Настоящий (живой) всемирный язык» (Петербург, 1889).

Перед началом первой мировой войны мировой центр капитализма и вместе с тем центр распространения английского языка переместился в Соединенные Штаты Америки, где В. Брендль (Braendle) продолжал развивать концепцию своих предшественников в книге «Мировой английский» («*World English. Wetlang*», Вашингтон, 1910). Превращение США в крупнейшую капиталистическую державу и претензии североамериканских империалистов на руководство миром и господство над ним вызвали к жизни целую серию публикаций, где всячески обосновывались претензии

английского языка как избранного, самой историей призванного стать общечеловеческим.

! В числе этих публикаций были книги Л. Холледея (Holleday) «Английский как международный язык» («English as an International Language», Чикаго, 1926) и М. Пеи «Английский, всемирный язык» («English, a World-Wide Tongue», Нью-Йорк, 1944). В 1945 г. Б. К. Реник (Wrenick) выпустил брошюру «Может ли английский стать общемировым языком?», а в следующем году Дж. Райд (Wride) опубликовал сочинение «Фонетическое письмо с латинским алфавитом — основа международного языка» («Printing by Sound with the Roman Alphabet...») где, между прочим, говорилось: «Кто-то должен уступить в этом пункте, и филологи обычно признают, что английский язык наиболее подходящ для всеобщего употребления». Были и продолжают выходить и другие подобные книжки, брошюры, появляются статьи, письма в редакции, листовки.

С 1956 г. издается журнал «International English» тогда же организовавшейся Ассоциации интернационального английского языка (International English Language Assotiation — IELA) с центрами в Нью-Йорке, Лондоне и Женеве. В передовице первого номера указанного журнала можно прочитать такие рассуждения: «Попытки искусственно обеспечить сфабрикованный [manufactured] второй язык кончились неудачей. Путь вперед хорошо распознан: принять существующий широко употребляемый язык. Выбор такого общего второго языка уже сделан и пал на английский. Никто не предрешал такой выбор и не навязывал его. Он явился следствием объективных причин, связанных с развитием мира в современный период истории...» и т. д.²⁹² Однако там же признается, что пока еще мир очень далек от всеобщего употребления этого второго языка. И это — несмотря на то, что, помимо IELA, пропагандой английского языка занимается еще множество организаций, национальных и интернациональных, государственных, общественных и даже частных, да и без пропаганды во многих странах его много изучают в силу необходимости.

Автор книги «Девавилонизация» («Debabilization») Ч. К. Огден, он же автор Бейсик Инглиша, уверяет, будто бы почти половина населения планеты считается с английским как с языком всемирным^{291б}.

Кубинского поэта Николаса Гильена возмущает, что в большинстве латиноамериканских стран преподавание английского языка в школах является обязательным и что янки свой язык пытаются сделать в подвластном их влиянию мире орудием порабощения, превратить его в инструмент империалистического проникновения²⁹³. То же самое происходит в Западной Европе и во многих других частях света. Даже в Советском Союзе во время пресс-конференций, международных спортивных соревнований и в ряде других случаев перевод делается только на один англий-

ский язык. На этом языке в последнее время начали давать краткое изложение статей — *summary* — и оглавление многие советские научные журналы. Иервенствует он и на международных выставках.

Некоторое препятствие по пути этого языка во всемирной гегемонии представляет его устаревшая, пережиточная орфография, сохранившаяся от XIII в. и давно вызывающая нарекания.

Бернард Шоу высмеивал многие нелепости и пережитки языка, на котором сам писал, особенно «абсурдную и скверную орфографию Джонсона». Шоу подсчитал, что за свою долгую писательскую деятельность он ежегодно тратил попусту около двух месяцев на написание излишних, ненужных букв, а в масштабе Великобритании и США это составляет целые потерянные тысячелетия человеко-часов²⁹⁴. Великий сатирик завещал даже некоторую сумму на пропаганду фонетической орфографии. Он оставил циркулярное письмо, написанное фонетически — *шоускриптом*, без лишних и не произносимых букв, а также без букв прописных*.

Член парламента Англии Артур Вудбэрн (Woodburn), предложив разработать общеевропейский язык из слов интернационального для Западной Европы обихода, в своем частном депутатском законопроекте (Private Member's Bill), представленном Палате Общин в феврале 1962 г., указывает на большие трудности изучения английского языка, вызываемые прежде всего его нерациональной орфографией: устный английский состоит из 40 фонем, которые пишутся более чем 2000 различных способов!⁶²⁶

Попытки разумно упростить английскую орфографию восходят к автору «Путешествия Гулливера», знаменитому писателю-сатирику Джонатану Свифту (1667—1745), которым в 1711 г. представил лорду-канцлеру Англии соответствующий проект. В 1787 г. подобный проект был разработан Лоусом (Lawth, «A Short Introduction to English Grammar»). В течение XIX и начала XX в. появилось около десятка разработанных предложений рационализации английской орфографии. Не одно десятилетие размышляли над этой трудной проблемой члены английского Общества упрощения орфографии.

К концу второй мировой войны попытки поломать укоренившиеся орфографические традиции возобновились. В 1944 г. было опубликовано несколько работ, посвященных вопросу фонетизации английской орфографии: в Лондоне — книжка Даниэля Джоуиза (Jones) «Фонетический аспект реформы орфографии», в Нью-Йорке — Самуэля Сегей (Seegay) «Фонетическая система», а работники Северо-западной типографии Чикаго предложили проект, озаглавленный неудобночитаемо «Fonetic Crthqgrafi». В последующие годы поя-

* Бернард Шоу был также автором одного из проектов упрощенного вспомогательного языка, фонемическая система которого состоит из 26 фонем (и соответственно букв), а лексический состав включает 800 первообразных слов.

вились новые проекты: «Алфавит для завтрашнего мира» (Нью-Йорк, 1945) Дж. Р. Парселля (Parsell) и его же «Единый алфавит» (Канзас-Сити, 1948); неоднократно издавалась книжка сенатора Роберта Оуэна (Owen) «Всемирный алфавит». Р. Оуэн в одной из статей («New York Times magazine», 24 мая 1953 г.) предложил использовать для английского языка алфавит, созданный на основе... кириллицы и русского алфавита с использованием алфавита украинцев, болгар, сербов с тем, чтобы больше приобщить к английскому языку славянские народы. Проект Вильяма Рассела (Russell) и Ноя Уэбстера (Webster), выступления газет (например, «Chicago Tribune», «Washington Times Herald»), целые общества по реформе орфографии (Британское общество по упрощению орфографии, в США — Совет по упрощению орфографии), в Британском парламенте этот вопрос поднимал Монт Фоллак (Follack) и т. д.^{206д} — все это оказывалось лишь попытками сдвинуть с места гору.

Из примерно полутора десятков проектов упрощения английского языка (грамматики и лексики) наиболее известен проект Ч. К. Огдена Бейсик Инглиш, опубликованный в 1932 г.

Basic значит основной (base — основа, базис), но определение basic расшифровывается еще и так: британский, американский (а читается как ай), научный (scientific), интернациональный, коммерческий. Если в нормальном «нелимитированном» английском языке насчитывается 240 тыс. слов, то в «научном интернациональном, коммерческом» их всего 850, основных. Из них 600 — имена существительные, 150 — имена прилагательные, остальные 100 — вспомогательные слова. Автор Бейсика разъясняет, что «простые правила позволяют образовать производные слова», такие, как designer (проектировщик) и designing (проектирование). По выражению Огдена, «это такой английский язык, в котором 850 слов выполняют работу 200 000 слов»^{291б}. Он же заверяет, что «с добавлением 50 специальных слов для каждой отрасли знаний и 100 общенаучных терминов» Бейсик может обслуживать и науку и технику. Один из приверженцев Бейсика Дж. Ричардс выпустил книгу на этом лингвистическом примитиве — «Нации и мир» («The Nations and the World», 1947), использовав всего 365 слов, тем самым, надо полагать, поставив своеобразный рекорд словесной бедности.

В Бейсике нет великого множества нужных слов, они заменяются описательными выражениями. Например, фраза «курица высидела цыплят» на этом объединенном английском языке передается так: «Домашняя птица женского пола заставила маленьких домашних птиц выйти наружу из яиц», так как слов *курица*, *цыпленок*, *высидела* словарь Бейсика не включает.

При появлении проекта Огдена английские эсперантисты не преминули насмешливо предложить ему пользоваться такими описательными оборотами для замены отсутствующих слов, как «белый корнеплод, который делает глаза полными воды» (лук), «птица, которую выпустил Ной», «поведение, подобное поведению спокойной серьезной девушки» (скромность) и т. д.²⁹⁵ В Бейсике нет даже такого слова, как *люди* — оно заменяется словами *мужчины* и *женщины*.

Подобно другим проектам упрощенного английского языка, этот проект был принят без всякого энтузиазма общественностью Британии и США, не говоря уже о народных массах (до них он вряд ли дошел). Но в 1943 г. в пользу Бейсик Инглиша высказались премьер-министр Британии Уинстон Черчилль и президент США Гарри Трумен, и в 1944 г. в Лондоне был создан правительственный комитет для его распространения. С тех пор прошло не так уже мало времени, а проект Огдена прививается так медленно, с таким трудом, в таких скромных масштабах, что можно говорить о неудаче очередной попытки упростить Инглиш.

На первых порах «идеологи» Бейсика провозгласили его претендентом на роль всемирного языка. Например, Дж. Ричардс объявил его «наднациональным мировым языком»: «Надо, чтобы этот мировой язык воспринимался как всеобщее средство общения...» Сам автор проекта заявил: «Бейсик Инглиш представляет собой попытку дать каждому второй язык — язык интернациональный, изучение которого потребовало бы возможно меньше времени». Это — из книги Ганса Джекоба * «Перед выбором всеобщего языка» («On the choice of a Common Language», 1946), часть которой, относящаяся к Бейсик Инглишу, написана Огденом. Далее там читаем: «Конечно, не следует думать, что непременно должна быть какая-то враждебность между теми, кто считает, что всемирным языком станет нормальный английский, и теми, для кого Бейсик более желателен и более подходящ для этой роли. Одно из больших преимуществ Бейсика состоит в том, что его можно рассматривать как первый шаг, как этап к нормальному английскому... Следовательно, те, кто надеются, что когда-нибудь весь мир заговорит по-английски, должны быть настолько благоразумны, чтобы оказывать в настоящее время поддержку распространению знания Бейсика — в надежде, что овладевшие им захотят пойти по этому пути дальше»^{202а}.

Пропагандисты английского языка охотно цитируют похвалы в адрес главного претендента на роль всемирного языка, особенно — исходившие от лингвистов. К последним принадлежал Отто Есперсен, выдвинувший даже целую теорию прогрессивности — совершенства — аналитического строя английского языка — строя, в котором грамматические категории определяются посредством вспомогательных слов и положения неизменяемых слов в предложении.

Сущность своей теории Есперсен сформулировал следующим образом: «Тот язык стоит выше всех, который идет дальше всех по пути выражения многого немногими средствами или, другими словами, который может передать максимум значения простейшим образом»²⁰⁶.

В другой своей книге он пояснял это так: «Основная предпосылка, на которой зиждется вся моя теория, состоит в следующем. Говорение, даже говорение на родном языке, представляет собой известный вид работы, требующей умственного и физического напряжения. Слушание, т. е. понимание того,

* Уроженец Германии Ганс Якоб (Jacob, 1896—1961), известный интерлингвист, стал в Англии и США Джекобом.

что говорится, в равной мере требует умственного и физического усилия. Уменьшение этого усилия должно поэтому расцениваться как идущее на пользу и говорящему и слушающему»²⁹⁷.

Истинность основной предпосылки Есперсена представляется весьма сомнительной. Ни говорение, ни слушание не требуют такого умственного и физического усилия, напряжения, которое зависит от способа выражения грамматических значений, категорий, если только достаточно усвоен человеком. т. е. если человек пользуется им совершенно свободно. Говорение и слушание, равно как писание и чтение, на досконально усвоенном языке происходят автоматически. Такова особенность функционирования языка в речевой деятельности его носителей.

Тенденция передачи максимума значения простейшим образом привела английский язык лишь к многозначности и знаменательных и служебных слов, а также морфем; многозначность же, полисемия, никак не является признаком совершенства языка, наоборот — признаком бедности его форм. При синтетическом, флективном строе языка грамматические категории выражаются, как правило, флексиями. По-русски вместо *я хочу, ты хочешь, вы хотите* можно сказать *хочу, хочешь, хотите* — флексии передают категорию. В английском же *want* неизменно и категория лица выражается личным местоимением: *I want, you want*; различия между *ты хочешь* и *вы хотите* английский язык не передает, а при повествовании от первого лица текст пересыпан личным местоимением первого лица *I* (ай), а *you* (ю) означает не только 'ты' и 'вы', но 'тебя' и 'вас', 'тебе' и 'вам'... Это создает монотонность. Английский текст нестрит одними и теми же служебными словами в различных значениях; например, одно из наиболее частотных слов *to* имеет 20 значений.

При отсутствии флексий в системе английского спряжения логически не оправдано *-s* в качестве формального признака третьего лица единственного числа настоящего времени. Например, *He forms* — 'он придает форму (формирует)', но в сочетании со всеми остальными личными местоимениями *form* остается без *-s*. Множественное число имен существительных, как правило, остается тем же *-s*: *forms* — 'формы'. Единственная падежная флексия — флексия родительного притяжательного в единственном числе — опять-таки *-s*. Так совпадают различные глагольные формы (особенно в устной речи) и даже формы именные. И т. д. и т. д.

Упомянувший американский автор Роланд Кент находил, что в английском языке «много двусмысленностей, которые допускают в своих сочинениях даже лучшие филологи». Он писал о «большей эффективности флективного языка по сравнению с языком, лишенным окончаний. В отношении точности я не поколеблюсь, — утверждал Кент, — отдать предпочтение флективному языку»⁶⁷.

Шарль Балли в своей книге «Общая лингвистика и вопросы французского языка» коснулся работы О. Есперсена, показывающей тот путь упрощения, который прошел английский язык от старого англо-саксонского, и в связи с этим заметил: «Легко понять, однако, что такое упрощение не обходится без серьезного ущерба для выражения оттенков индивидуальной мысли и что, в частности, такая стандартизация стесняет эмоциональные движения»²⁹⁸.

Взыскательным критиком английского языка был Эдуар Сепир. В статье «Функции интернационального вспомогательного языка» он уделил много места опровержению ходячего мнения об английском языке как якобы чрезвычайно простом, регулярном (правильном), логичном, богатом и творческом. На конкретных примерах он показал фальшь всех этих эпитетов в отношении своего родного языка²⁹⁹.

Прежде всего — о его якобы простоте. Одной из прославленных черт этой простоты является способность английского языка одну и ту же форму слова употреблять то как имя, то как глагол. Сепир показал, как это уводит от точности и ясности. Что же касается прославленной грамматической простоты английского языка, то знаменитый американский лингвист охарактеризовал ее в той же статье следующим образом: «Кажущаяся простота английского языка покупается ценой, сбивающий с толку неясности (of a bewildering obscurity)»^{236д}.

Марио Пеи в книге «Миру — один язык» приводит воображаемый спор о наиболее активных кандидатах на роль всемирного международного языка, причем против каждого языка-кандидата возражает символический «адвокат дьявола». Вот что говорит этот злостный критик об английском языке, обращаясь непосредственно к нему самому: «Ты — язык в высшей степени беспорядочный не только в орфографии, но и в произношении и в грамматике. Твои звуки — одни из наиболее неясных в мире... Твои системы функционального изменения слов, когда одно и то же слово может употребляться в качестве одной из трех или четырех частей речи, приводит говорящих на других языках в замешательство...» и т. д.^{206е}

В книге «Перед выбором всеобщего языка» приводится мнение Базиля де Селинкура (Selincourt), высказавшегося по этому вопросу от имени буржуазных гуманистов: «Разум гуманиста испытывает ужас перед возможностью того, что английский язык может быть предназначен стать языком рода человеческого»^{202б}.

Против английского как против кандидата на роль всеобщего языка выступил и упоминавшийся выше Ф. Роваи в послании к лингвистическому конгрессу, происходившему в США в 1947 году. Он очень резко критиковал отсутствие в нем органической целостности, его пережиточную орфографию, утверждал (как и М. Пеи), что его невозможно фонетизировать.

О произношении в английском языке Карел Чапек отозвался так: «Возможно, что молчаливость повлияла на манеру англичан проглатывать половину слов, а вторую произносить сквозь зубы; вот почему англичан понять трудно...»²⁹⁹

Можно не сомневаться, что пристрастной критике подвергся бы всякий национальный язык, который стал бы главным претендентом на ответственнейшую роль общего языка всего человечества.

Английский язык вызывает особые возражения (независимо от его качеств) в тех странах, где он был языком колонизаторов, империалистов или продолжает таковым быть. Весьма показательно стремление освободиться от него у тех народов, которые в результате длительной, тяжелой борьбы и жертв освободились от его властолюбивых и корыстолюбивых носителей и пропагандистов. «Из Азии [Индии, Пакистана, Цейлона] приходят вести,

очень печальные для сторонников английского языка как международного»^{206к}, — невесело сообщал М. Пей, добавляя, что такие же вести идут и с Филиппин, с Ближнего Востока, из Южной Америки. Одним из первых актов революционного правительства Зензибара, свергнувшего в январе 1964 г. султана, ставленника колонизатора, был отказ от английского языка и провозглашение официальным языком суахили.

В журнале Международного союза переводчиков «Вавилон» («Babel») была напечатана статья Ф. Майлса (Miles), в которой весьма пессимистически расцениваются шансы английского языка стать всемирным международным, всеобщим³⁰⁰.

«Великий, но не всеобщий» называется статья, которую напечатал московский журнал «Октябрь» (1964, № 8). Возражая против идеи превращения английского языка во всеобщий, советские люди с уважением относятся к нему как национальному языку англичан, ставшему и национальным языком населения Соединенных Штатов Америки, как к языку великих литератур, языку науки и техники. По своему значению это действительно великий язык. Но он далеко не единственный такой!

От всеобщего языка требуется быть великим и по своим качествам, быть совершеннейшим из языков. Такого величия у английского языка нет, как нет и ни у одного из существующих. От общего языка человечества требуется общечеловечность. И этого нет у английского языка, как и ни у одного из существующих.

2. КОНЦЕПЦИЯ БОРЬБЫ ЯЗЫКОВ ЗА МИРОВОЕ ПЕРВЕНСТВО

Одним из авторов теории выделения всеобщего языка из национальных был теоретик германской социал-демократии и Второго Интернационала Карл Каутский (1854—1930). В работе, относящейся к началу XX в. — «Национальность нашего времени», он высказывался против идеи создания общечеловеческого языка в таких выражениях: «Языка этого, понятно, нельзя произвольно выдумать... Гораздо вероятнее, что всеобщим языком станет один из уже существующих...»³⁰¹

В статье «Nationalismus und Internationalismus», написанной и опубликованной в 1907 г., в публикации 1908 г., названной «Nationalität und Internationalität», которая в переводе на русский язык («Национализм и интернационализм») была издана в Петрограде в 1918 г.³⁰², он изложил подробнее свою концепцию всеобщего языка.

Язык, писал К. Каутский, возникает вместе с общественными отношениями и из них. «Первоначально область распространения того или иного языка обуславливалась общественными отношениями. Люди, которым приходилось быть в регулярном общении

друг с другом, должны говорить на одном и том же языке». Отсюда, по его мнению, возникает необходимость в каждом государстве государственного языка: невозможно представить себе парламент, члены которого говорят на разных языках, не понимая друг друга, или армию без единого языка. Он утверждал: «Швейцария существует как государство национальностей без всяких внутренних национальных трений именно потому, что она не является современным государством с объединенным управлением».

Поскольку с ходом экономического развития общества общественные отношения расширяются, заключал Каутский, «должен увеличиваться круг тех, кто говорит на одном и том же языке. Отсюда возникает тенденция некоторых наций расширяться, принимать в себя другие нации, которые теряют свой язык и принимают чужой»^{302а}. Так происходит, по Каутскому, процесс ассимиляции великими нациями малых наций и народностей. Все здесь решает, по его мнению, тот или иной национальный язык: принятие чужого национального языка и отказ от языка своей нации означают и переход в другую национальность.

В этих рассуждениях Каутский сбрасывал со счетов другие особенности нации как устойчивой общности людей и не учитывал национального двуязычия: ведь очень многие повсюду говорят на двух языках, причем оба часто являются родными,— на языке своего народа (народности, племени) и народа, среди которого живет двуязычный человек. Конечно, такое двуязычие таит в себе опасность ассимиляции, но она дает себя меньше знать в тех случаях, когда оба языка являются литературными, языками значительных национальных культур.

Каутскому эта опасность представлялась очень большой в исторической перспективе, в которой он не видел нейтрального интернационального языка, языка подлинно общечеловеческого, не принадлежащего ни одному народу как национальное достояние, хотя его статья была написана во время заметного подъема общественного движения за такой язык: в Париже заседали лингвисты и философы ряда стран, рассматривая, какой из многих десятков проектов международного языка является более подходящим для таких функций.

Чуждый идее создания всемирного международного языка, Каутский строил свою языковую концепцию эмпирически — на не осмысленных и не обобщенных по-марксистски фактах современной ему языковой деятельности, которая представлялась ему не поддающейся сознательной переработке.

В рассматриваемом сочинении он рассуждал так: «Где масса двух народов находится в постоянном, тесном общении друг с другом, там вытекающее из этого употребление двух языков будет только переходной стадией. Где каждый говорит на двух языках, там всегда в конце концов по тем или иным причинам один из них получает

преобладание — или потому, что он является языком более богатого и более сильного народа, или потому, что обладает более совершенной литературой, тогда как другой не имеет таковой, или же из обоих языков образуется новый, смешанный, подобно французскому или английскому. Старая нация исчезает не потому, что она вымерла или ее культурное единство прекратилось, но просто потому, что она перестает говорить на своем собственном языке, считает другой язык целесообразнее»^{303б}.

Каутский, таким образом, сводил признаки нации к национальному языку, тогда как национальный язык — лишь наиболее характерная и устойчивая особенность нации (нации вообще, социалистической — в частности). Он относился к языковому развитию человечества очень пассивно, не мысля себе и в социалистическом будущем активного воздействия общественных сил на это развитие. Подробно говорил он о большом значении мировых языков — английского, французского, немецкого, но он ошибался, полагая, что через эти языки, даже через один из них можно приобщиться ко всей современной культуре.

Нет, общечеловеческая культура еще не едина, она еще раздроблена на национальные культуры, которые, в свою очередь, расслоились на многовековую буржуазную и зарождающуюся пролетарскую.

Каутскому представлялось, что члены социалистического общества будут владеть по меньшей мере тремя-четырьмя языками и через них приобщаться к общечеловеческой культуре. Распространение нескольких великих языков приведет к тому, что, как писал Каутский, «будет дано начало к постепенному отступлению и полному исчезновению прежде всего языков более мелких наций и окончательному объединению всего культурного человечества в одном языке и одной национальности»^{302б}. Таким языком — единым общечеловеческим — ему представлялся английский.

Этот процесс ассимиляции казался Каутскому прогрессивным, поскольку «различие языков внутри нашего культурного круга», как он выражался, «затрудняет взаимное понимание членов его различных наций и становится препятствием его культурного прогресса. Только социализм будет в состоянии преодолеть это препятствие...»^{303в}

Но как преодолеть? Вот в чем вопрос! Преодолеть разумно и справедливо — в соответствии с требованиями передовой науки об обществе и передовой науки о языке (которую породит социализм), т. е. путем создания, распространения и использования подлинно общечеловеческого языка, или же путем предоставления возможности двум-трем-четырем крупным нациям поглотить, растворить в себе все остальные и все не доросшие до наций народности, племена, а затем предоставить борьбе языков этих ассимилирующих, разросшихся наций решить вопрос окончательно в пользу одного из них? Каутскому по уму и по душе оказалась

концепция национальной исключительности, «избранных» национальных языков и повсеместной победы одного из них.

Не удивительно, что Каутский пришел к такому неутешительному для большинства народов выводу: «Счастлив тот интеллигентный работник, который принадлежит к крупной нации и особенно к такой, язык которой сделался мировым. В таком случае он говорит всему миру...»^{303г} Если английский, французский, немецкий языки мировые * (Каутский допускал возможность присоединения к ним русского языка), то один из этих трех-четырёх языков при всемирном социализме делается, по его предположению, общечеловеческим, единым и единственным. Выходит, что одна из крупных наций (по Каутскому, скорее всего англо-саксы) будет безгранично и бесконечно счастлива за счет других. Но согласятся ли с таким выводом народы всего мира? В этом нельзя не усомниться.

Эта концепция борьбы наиболее сильных национальных языков за всемирное господство является привнесением в лингвистику биологической концепции борьбы за существование, закона джунглей: сильный пожирает слабых. В лингвистике XIX в. механистическое использование положений дарвинизма имело место в натуралистической школе. В послании А. Шлейхера Э. Геккелю, озаглавленном «Теория Дарвина в применении к науке о языке», утверждалось, будто «законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, применимы, по крайней мере в главных чертах своих, и к организмам языков...» Шлейхер, между прочим, ссылался на тот закон, который Дарвин назвал *борьбой за существование*. Цитируя основоположника эволюционной теории, немецкий ученый утверждал, что «Дарвин превосходно изображает ... то, что совершается при борьбе языков за свое существование. В настоящем периоде жизни человечества победителями в борьбе за существование оказываются преимущественно языки индо-германского племени; распространение их беспрепятственно продолжается, а многие другие языки ими вытеснены...»^{303а}

Каутский продолжил эту линию, намеченную Шлейхером, признававшим, что «область языков слишком различна от царств растительного и животного», и довел ее до всемирного социализма, не отдавая себе отчета в том, что закономерности развития при капитализме нельзя механистически переносить в социализм.

В 24-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина опубликованы его тезисы реферата по национальному вопросу, написанные в начале 1914 г. и представляющие собой конспект высказываний в основном Отто Бауэра и Карла Каутского. В пункте Д-31 Ленин пишет: «Никаких привилегий ни одной нации, ни одному языку»^{304б}.

* В русском языке следует проводить различие в значении слов *мировой* (от слова *мир* в относительно узком значении: 'не весь мир') и *всемирный* (от того же слова в широком значении: 'весь мир').

Учению Маркса и Ленина совершенно чужда концепция Каутского о вытеснении самыми сильными в социальном отношении языками всех остальных и о возможном окончательном торжестве одного из национальных по происхождению языков за счет всех остальных.

Близкая Каутскому концепция-гипотеза была выдвинута в первые годы социалистической революции А. А. Богдановым.

3. «ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМА» ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА!

Александр Александрович Малиновский, известный как Богданов (1873—1928), по образованию врач, философ-идеалист, в последние годы жизни — основатель и директор первого в мире Института переливания крови, умерший в результате неудачно поставленного на себе опыта, был видным общественно-политическим деятелем, ученым-обществоведом и играл заметную роль в марксистском движении России. С 1903 г. А. А. Богданов примкнул к большевикам, на трех съездах Российской социал-демократической рабочей партии избирался в ее Центральный Комитет, был членом редколлегии трех большевистских газет, но в годы реакции отошел от большевизма.

С самого начала своей общественно-политической и литературной деятельности А. Богданов проявлял интерес к проблеме общего языка людей труда всего мира. Первоначально она была затронута им в работах: «Всеобщая организационная наука (тектология)» (т. I, 1913), «Наука об общественном сознании» (1914), «Курс политической экономии» (1919) (написан совместно с И. Степановым), глава «Идеология в эпоху коллективизма», раздел «Развитие речи».

А. Богданов рассуждал так: «Различие национальных языков есть огромное препятствие, замедляющее процесс выработки общечеловеческой организации как теперь — в классовом движении, так и впоследствии — в постройке всей системы производства. Отсюда вытекает тенденция к единому языку человечества, в настоящем мало заметная для поверхностного взгляда, но глубокая и непрерывно прогрессирующая»³⁰⁷. Всеобщий язык при капитализме он считал невозможным, как ни велики распространение и употребление того или иного языка.

Объединение практической трудовой организации человечества, полагал Богданов, необходимо поведет к выработке единого языка («Всеобщая организационная наука...»). Но вопрос о выработке общечеловеческого языка оставался для него до конца жизни неясным. Он не без основания отвергал не только индивидуальное, но и мелкогрупповое создание всеобщего языка. Группа специалистов не может создать всеобщий язык, ибо их усилия были бы объективно несоизмеримы с широтой, глубиной и

разнообразием самой задачи³⁰⁸. Ту же мысль выразил он в «Науке об общественном сознании». Но он высказывал какие-то неопределенные суждения о «тенденции к единству речи» и «лингвистическом объединении» при коллективизме (под которым понимал социалистическое общество)³⁰⁹. Что сие должно означать? Стихийно-эволюционный процесс интеграции языков? Перерастание одного из национальных языков во всеобщий?

В 1919 г. Богданов опубликовал тезисы «Пролетарская культура и международный язык»³¹⁰, в которых фактически примкнул к вульгарно-эволюционистской и англофильской концепции Каутского, склонность к которой проявлял еще до мировой войны.

Интерлингвистическая концепция Богданова оформилась вскоре после зарождения движения пролеткульта, одним из вдохновителей которого он стал. В 1918 г. на I Всероссийской Конференции пролетарских культурно-просветительных организаций было провозглашено, что задача победившего пролетариата — выработка пролетарской культуры, дабы пролетариат «мог организовать себя новым знанием, организовать свои чувства посредством нового искусства и преобразовать свои бытовые отношения в новом духе, истинно пролетарском, т. е. коллективистском». (Все это было сформулировано Богдановым в «Конспектах общих лекций для студийцев пролеткульта»³¹¹.)

Богдановские тезисы «Пролетарская культура и международный язык» начинаются с утверждения: «...Если язык есть основная из организующих социально-идеологических форм, то пролетарская культура необходимо должна характеризоваться и в этой области своими особыми тенденциями. И если пролетариат развивается в интернациональном направлении, стремится стать международно-классовым коллективом, то он неизбежно должен явиться носителем тенденции к развитию международного языка».

Классовость языка Богданов понимал лишь в том смысле, что и лексика, и стиль речи, и содержание понятий, выражаемых одними и теми же словами, у разных классов различны.

Он полагал, что «и в пределах старой культуры экономическое развитие с его расширяющимися в мировые связи порождает ту же международно-организующую тенденцию к единому языку. Она в сильной степени парализовалась и еще больше маскировалась тенденциями борьбы национальных капиталов, закрепляющих границы между народами, вплоть до искусственной поддержки их лингвистической розни» (*лингвистической* в смысле «языковой») ^{310а}.

Богданов считал, что при устранении враждебных «монизму языка» тенденций «единый для всего человечества язык создастся с большой быстротой»: при повсеместном утверждении «коллективного строя». Напрашивается вопрос: как же это он «создастся»?

К попыткам «искусственного создания» международного языка (Воляпюк, Эсперанто, Идо и проч.) Богданов относился скептически: «На каком-нибудь наивно-шаблонном Эсперанто немислимо выразить объективно, т. е. общезначимо, бесконечную сложность и разнообразие социальных отношений и переживаний с их оттенками и сплетениями»^{310б}.

Но разве победивший во всех или во многих странах пролетариат не мог бы создать для себя язык, на котором можно было бы наилучшим образом выразить всю бесконечную сложность и разнообразие социальных отношений, переживаний и всего, что угодно? Таким вопросом Богданов, однако, не задавался.

Он писал далее: «Следует ли из этого, что культурная позиция пролетариата в области языка должна была сводиться к пассивному ожиданию результатов стихийно идущего языка? Очевидно, нет: здесь, как и в других областях, задача заключается в том, чтобы внести в развитие планомерность, выяснивши его тенденцию, поддерживать ее и устранять противодействия ей, словом — сознательно идти по линии жизни. Чем это должно выражаться практически? Активным содействием процессу лингвистического объединения в пролетарско-классовых рамках и соответственно пролетарско-классовым интересам»^{310б}. Сказано очень неконкретно. Что за процесс лингвистического объединения? Процесс унификации всех языков, их интеграции?

Считая, что средством для этого в первую очередь должно служить распространение иностранных языков среди рабочего класса, Богданов понимал, что это «требует от каждого изучающего затраты огромной энергии, большого количества времени». Целесообразна, разумна ли такая растрата времени и энергии людей труда? Отдавая себе отчет в неразумности этой растраты, он ставил вопрос о «переходной форме» [!] общечеловеческого языка, которую представлял себе так: «...Английский, немецкий, французский встречаются на общем мировом поле и в разной мере разливаются в нем. При этих условиях... тот язык, который в мировой конкуренции окажется жизненно сильнее других, должен получить все большее преобладание над ними и становиться международным языком по преимуществу. Это и есть его превращение в ту переходную форму, которая нас интересует, — в естественную базу развития единого языка человечества. Ибо, находясь в наибольшем соприкосновении со всеми народами, в наибольшем общении со всеми другими языками, он в наибольшей мере и должен впитывать их жизненные элементы, усваивать из них все нужное и полезное...»^{310в}

Но можно ли ожидать от английского или от какого-нибудь иного языка существенно большее, чем дополнительное лексическое обогащение, которое вряд ли превысит несколько процентов его общеупотребительной лексики? Исторический опыт новейшего времени не дает оснований для больших надежд. Значит, «пере-

ходная форма» всеобщего языка будет очень мало отличаться от его окончательной формы. Если переходная форма общечеловеческого языка выразится в английских лексике, грамматике, фонетике и орфографии, то и окончательной формой его будет тот же английский язык, быть может, лишь несколько подновленный. То же можно сказать о французском, немецком, русском, любом из национальных языков: они уже сформировались, стали традиционными и подвержены лишь незначительным изменениям.

По Богданову, задача пролетариата в данной области заключается в том, чтобы «установить, какой именно язык исторически предназначен для этой роли, помочь ему, чтобы он овладел ею...» Эту задачу, во всяком случае первую часть ее, выполнил в тех же тезисах сам Богданов: «Ряд объективных данных намечает для этой роли английский язык». Следует логический вывод: необходимость «пропаганды в пролетариате всех стран, кроме англосаксонских, изучения в первую очередь английского языка». Богданов, как и Каутский, фактически считал, что пролетариат и марксизм должны приспособиться к языковой действительности мира, а не изменять ее.

Богданов отдавал себе отчет в том, что проект превращения английского языка в язык всемирного пролетариата и в дальнейшем — в язык всемирного бесклассового общества встретит сопротивление со стороны пролетариев всех остальных стран, всех наций, не говорящих по-английски. В этом отношении, писал он, «национализма окажется достаточно даже в германском пролетариате, а мелкие нации, наверное, займут реакционную позицию»^{310г}. Но такого рода «национализм» и такая позиция — лишь требование национального равноправия; в этом нельзя усматривать что-либо реакционное.

За два года до своей трагической гибели Богданов написал для журнала эсперантистов-безнационалистов «Sennacieca Revuo» (1924, N 5/13) статью «De la filozofio al la organiza scienco», в которой признавал, что попытки создания международного искусственного языка выражают глубокую живую потребность человечества в общем орудии взаимопонимания, но высказывал предположение, что «реальное осуществление этого во всемирном масштабе будет достигнуто на другом пути, менее искусственном, хотя, к сожалению, также и более стихийном, более длительном и трудном...»³¹² Более стихийный, более длительный и трудный путь, который Богданов вслед за Каутским избрал для идеи всеобщего языка, это путь перерастания английского в общий, а затем и единый язык всего населения Земли.

* * *

Язык той или иной нации может стать и в определенных случаях становится для тех или иных иноязычных наций и народностей вторым языком в условиях как капитализма, так и социализма.

Но в условиях всемирного социализма и особенно всемирного коммунизма наступит уже более высокое единство всего человеческого общества, будут исчезать и в конце концов исчезнут его национально-языковая раздробленность и этническая пестрота, как это можно предвидеть без особого риска ошибиться.

Этого вопроса касается и К. Х. Ханазаров в своей докторской диссертации «Сближение наций и национальные языки в СССР». В ее заключительной части он утверждает, что «коммунистическое решение языковой проблемы» завершится «превращением одного из наиболее совершенных межнациональных языков, победившего в длительном «соревновании» выделившихся зональных межнациональных языков, в единый мировой язык нового человечества».

К. Х. Ханазаров видит путь к перерастанию одного из национальных языков в общий и единый язык будущего человечества в процессах предварительного перерастания национальных языков, ставших национально-интернациональными, в общие и единые языки интернациональных общностей, интернациональных многоязычных стран ³¹⁷.

Против подобной возможности решительно возражали советские лингвисты, собравшиеся в 1962 г. в Алма-Ате на Всесоюзную конференцию, посвященную закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху ³¹⁸.

Английский ученый и писатель-фантаст Артур Кларк недавно написал книгу о том, что, по его предположению, внесут в жизнь людей новейшие открытия науки. Там он пишет: «Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что первенство в организации систем связи с помощью искусственных спутников Земли может определить, какой язык будет через пятьдесят лет основным языком человечества — русский или английский?» Он считает, что всеобщая система связи вызовет глубочайшие изменения в языковой действительности мира. Эта всеобщая система связи «может привести к утверждению одного господствующего языка, все другие языки станут просто местными диалектами. Более вероятен другой исход: на планете останутся два или три языка» ³¹⁹. Кларк, вероятно, сам того не подозревая, почти дословно повторил высказывание Каутского более чем полувековой давности.

В упоминавшейся статье Ю. Дешериева, М. Каммари и М. Меликяна («Коммунист», 1965, № 13) затрагивается вопрос о двух путях решения проблемы международного языкового общения: пути дальнейшего расширения интернациональных функций великих национальных языков (вопрос о выделении одного из них на роль всемирного уже не ставится!) и пути создания всемирного международного (интернационального) языка

Авторы находят, что первый из этих путей имеет ряд преимуществ по сравнению с введением во всеобщее изучение и употребление одного из существующих проектов международного языка.

например Эсперанто. Ведь языками крупных наций сотни миллионов людей овладевают с детства, на этих языках существует веками созданная литература по всем отраслям науки (добавим: и художественная литература!), ими пользуются в повседневной общественной, культурной, научной жизни многомиллионные армии преподавателей, научных работников (добавим: люди всех профессий!), ими владеют и в других странах миллионы людей. Такой массовой базы нет ни у одного из искусственных языков.

Да, конечно, по сравнению с существующими проектами международного языка все это так. Однако все преимущества — на стороне проблематичного на сегодня всеобщего языка будущего. И авторы указанной статьи с этим вполне согласны! Они считают, что «современное состояние и перспективы общественного развития выдвигают проблему вспомогательного языка науки, всеобщего, всемирного языка», и не отрицают «саму возможность создания такого языка путем научного синтеза всех достижений языкового развития человечества и повсеместного изучения этого языка». Вряд ли целесообразно в вопросе о всеобщем языке стоять на распутье. Из нескольких возможных путей к нему надо избрать путь наилучший, наиболее правильный, хотя он может оказаться и самым трудным, особенно на первое время. •

4. ПРИНЦИП НАЦИОНАЛЬНОГО РАВНОПРАВИЯ И ТРУДНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Владимир Ильич Ленин был в высшей степени чуток к национальным чувствам, особенно людей, принадлежащих к малым нациям и народностям, угнетаемых империализмом.

Говоря о значении национальной политики большевиков, об опасности уклона к великодержавности, Ленин со всей решительностью заявлял о необходимости «*д о к а з а т ь*, что мы *н е* империалисты, что мы *у к л о н а* в эту сторону *н е* потерпим».

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой.

Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным» ³²³.

Неоднократно и в самой категорической форме Ленин выражал мысль о недопустимости того, чтобы язык какой-нибудь господствующей или господствовавшей нации занимал привилегированное положение среди национальных языков, был господствующим языком, для всех обязательным, всем навязываемым. Тезис о национальном равноправии, сформулированный им в статье «Рабочий класс и национальный вопрос»: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!» ³²⁴, он повторил и в

«Критических замечках по национальному вопросу»: «...никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку»^{325а}

Принципиальная постановка вопроса о равноправии наций и их языков не исключает, однако, постановки и положительного решения вопроса о временном использовании широко распространенных национальных языков в качестве интернациональных средств общения. Этого требует объективный ход истории. И Ленин принимал это в расчет, отмечая, что «централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира...»^{325б} и что экономические потребности в таких государствах заставляют население овладевать языком национально-большинства. Ленин писал об этом в условиях всемирного капитализма и имел в виду именно эти условия. А в этих условиях национальные чувства бывают особенно обострены и нарушение языкового равноправия приводило и приводит к социальным конфликтам. Такие конфликты, в основе которых лежит ревнивое отношение к языку своему и чужому, нередки и в наши дни.

В Бельгии обострилась борьба вокруг определения языковых границ между территориями, где проживает валлонское и фламандское население. В этой маленькой и густо населенной стране 4 млн. валлонцев, говорящих на французском языке, и 5 млн. фламандцев, говорящих на голландском языке. В феврале 1962 г. бельгийская палата депутатов приняла закон о проведении языковой границы между ними, закон был утвержден сенатом. При практическом определении этой границы возникло много разногласий и споров, которые привели к столкновениям между разноязычными бельгийцами. В том же году 14 октября в Брюссель съехалось около 100 тыс. фламандцев, устроивших шумную демонстрацию протеста: говорящие по-голландски считали себя обиженными.

Полнейшее, не формальное, а фактическое равноправие всех национальных языков—это только одна сторона вопроса. Другая сторона его — трудность национальных языков для тех, кому они чужды, особенно для иностранцев. Об этом писалось и пишется, говорилось и говорится бесконечно много во всем мире, едва заходит речь о расширении интернациональных функций того или иного национального языка.

* * *

Нередко полагают, что чтение иностранной литературы в подлиннике уже означает знание иностранного языка. Однако не только умение читать, но и писать на иностранном языке еще не показатель для настоящего овладения им: надо еще и свободно понимать устную речь и самому свободно владеть ею.

В своих воспоминаниях о Владимире Ильиче Н. К. Крупская поведала о том, как в апреле 1902 г. они приехали в Лондон и «очутились в довольно-таки беспомощном состоянии. Думали, что знаем английский язык, так как в Сибири перевели даже с английского на русский целую толстую книгу Веббов... Когда приехали в Лон-

дон, оказалось — ни черта мы не понимаем, нас никто не понимает. Попадали мы вначале в прекоmicеские положения. Владимира Ильича это забавляло, но в то же время и задевало за живое. Он принялся усердно изучать язык. Стали мы ходить по всяким собраниям...»³²⁶

В августе 1921 г. американский бизнесмен Арманд Хаммер посетил Ленина и нашел, что вождь русской революции «в совершенстве изъясняется по-английски». На этот комплимент Ленин скромно вздохнул: «Ох, как мне далеко до совершенства!» Хаммер так передавал мнение Ленина о трудностях изучения иностранного языка: «Сначала идет неплохо, но чем больше вы изучаете язык, тем труднее вам становится»³²⁷. Труднее, вероятно, потому, что возникает все больше точек соприкосновения с языком во всем его сложнейшем объеме, с его бесчисленными сложностями и исключениями.

С тех пор как ученые обратились к проблеме искусственного международного языка, много писалось о трудностях якобы естественных, т. е. эволюционно сложившихся, языков. Эти трудности заключаются в бесчисленных исключениях из всех правил грамматики, обуславливающих отсутствие логической стройности морфологической структуры, в многозначности слов, в пробелах и излишествах словаря, в нерегулярной и нелогичной системе словообразования, в национальной специфике произношения, в несовпадении правописания с произношением и т. д.

У каждого этнического языка свои трудности. Хорошо известны, например, исключительные трудности орфографии английского и французского языков, трудности немецкого синтаксиса и русской морфологии. Если взять только глагольные окончания, то в русском языке с его малоразвитой глагольной системой их сравнительно немного — 157, в немецком — 354, в английском — 651, а во французском — 2651! Шарль Балли в своей книге «Общая лингвистика и вопросы французского языка» писал, что французский язык «ненавидит всякие правила», в нем сохранилось 350 архаических глаголов, которые «бредут в беспорядке»^{261б}. Беспорядочность этнических языков — следствие их длительного стихийного развития, наслоения пережитков далеких эпох.

В русском языке для иностранцев большую трудность представляют не только грамматические сложности, но и его синонимическое богатство. Их просто озадачивают такие семантические гнезда русского словаря, как *замолкнуть*, *замолкать*, *умолкнуть*, *умолкать*, *смолкнуть*, *смолкать*, *стихнуть*, *стихать*, *притихнуть*, *притихать*, *затихнуть*, *затихать*, *утихнуть*, *утихать*, *приутихнуть*. Если между *замолкнуть* и *замолкать* есть какая-то разница в значениях, в категории вида, то какая разница между *замолкнуть* и *умолкнуть*, между *стихнуть*, *затихнуть*, *утихнуть*?...

В каждом историческом языке не хватает многих слов для выражений лексических понятий и многих морфем и вообще формаль-

ных средств для выражения грамматических значений, но в то же время в каждом языке много лишнего, много лексических и грамматических дублетов.

«Адвокат дьявола» Марио Пей на воображаемом конкурсе языков, претендующих на роль посреднического языка между всеми народами, критикуя наиболее распространенные национальные языки и наиболее известные проекты международного языка, сказал в адрес русского языка: «...Твои слова чрезмерно длинны и отягчены огромным грузом окончаний...» — и упрекнул его в непостоянстве и произвольности ударений ²⁰⁶. Но ведь хорошо известно, что ни окончания, ни ударения в русском языке самим русским трудными не кажутся, как и окончания французского языка — французам, произношение английского языка — англичанам и т. д. Усвоение родного языка со второго года жизни приучает человека ко всем его трудностям, но они остаются во всей своей неприглядности для иностранцев.

Прав был О. Есперсен, когда утверждал, что всякий национальный язык в использовании его иностранцами это совсем не тот самый язык, на котором говорят и пишут те, для которых он является родным. Не только иностранцы, но даже большинство нерусских граждан Советского Союза не овладевают в полной мере или не овладевают вовсе как раз теми пластами русского языка, которые составляют его достоинства, его богатство, выразительность.

Недостатки национальных языков, разумеется, не исключают у них различных достоинств и красот. Так, русский язык дает, в частности, богатые возможности для художественных произведений, для поэзии. Он гораздо более приспособлен для стихов, чем английский, немецкий и даже французский: он гибче их синтаксически, в нем больше данных для многообразия ритмики и рифм. Начиная с лирики и поэм Пушкина и кончая лучшими стихами лучших советских поэтов, пишущих по-русски, русская поэзия показывает все достоинства и красоты языка русского народа. Но они недоступны или почти недоступны для плохо владеющих русским языком... Всего этого совершенно не хотят учитывать сторонники теории перерастания одного из национальных языков во всеобщий.

Г. Палмер в предисловии к книге Г. Джекоба «Плановый вспомогательный язык» вспоминает поговорку: «What do they know of England who only England know?» («Что знают об Англии те, кто знают только Англию?») — и, исходя из этой поговорки, спрашивает: «Что знают об английском языке те, кто знают только английский?» Палмер приходит к выводу, с которым нельзя не согласиться: «Если это верно, что те, кто знают только английский язык, знают его очень мало, то верно будет и утверждение, что те, кто знают только естественные языки, очень мало их знают» ²⁰³.

Пытаться теоретически решать проблему всеобщего языка без того, чтобы предварительно не изучить проекты международного

языка, созданные в условиях капитализма, и историю идеи искусственного международного языка, — занятие бесполезное. Голословные заверения о совершенстве того или иного национального языка как интернационального, международного средства общения не имеют никакой доказательной силы.

Национальные языки выполняют функции интернационального средства общения во всех областях общественной деятельности достаточно успешно лишь в тех случаях, когда ими владеют в совершенстве, когда они стали родными, привычными для представителей других национальностей. Человеку надо с ранних лет прививать знание иностранного языка, прежде всего разговорного, надо и пожить в той стране, в которой изучаемый язык звучит на каждом шагу, чтобы вполне освоиться с ним, свободно на нем читать, писать, говорить и понимать его в устной речи. Это мало кому доступно.

До того времени, как идея общечеловеческого языка претворится в жизнь, люди все же будут изучать иностранные языки, тратя на это массу времени и умственного труда, но достигая очень немногого. Еще Лейбниц говорил, что если бы в мире был один язык, можно было бы считать, что человеческая жизнь удлинилась на целую треть, ибо треть наших жизней, нашего бодрствования, как полагал великий ученый-полиглот, мы посвящаем языкам.

Не все, конечно, посвящают языкам треть жизни. Даже одна десятая жизни была бы слишком дорогой ценой за овладение главными иностранными языками. Тем более, что овладение несколькими ими в совершенстве — задача для большинства людей непосильная, хотя бы даже по недостатку времени. К тому же три-четыре, даже пять-шесть наиболее распространенных языков мира это только частичное преодоление языковых барьеров.

В Советском Союзе и за рубежом изыскиваются средства к повышению эффективности преподавания иностранных языков. Не так давно «Литературная газета»³²⁸ и другие органы нашей печати преподнесли читателям как научную сенсацию и вместе с тем как серьезное научное открытие гипнопедию — обучение иностранным языкам спящих. Подопытным учащимся за ночь вводится в подсознание через органы слуха по 40 слов. Руководители этих экспериментов Л. А. Близначенко (Украинская ССР) и А. М. Свядош (Ленинград) утверждают, что это только начало.

Будущее покажет, оправдает ли гипнопедия надежды, возлагаемые на нее энтузиастами этого интереснейшего новшества. Если оправдает и найдет массовое применение, овладение иностранными языками значительно облегчится. Но потребности во всеобщем языке это все равно не устранил ни в какой мере!

* * *

Как бы ни критиковать теорию перерастания одного из национальных языков во всеобщий, все же нельзя отрицать возможность,

как на этом настаивал покойный М. Д. Каммари, именно такого решения проблемы международного языкового общения. Ведь возможности того или иного развертывания событий и даже того или иного общественного развития на решающих этапах истории различны: закономерности прокладывают себе путь через случайности, их действие может быть ускорено или замедлено. В принципе возможно, что представители всех или большинства, многих или нескольких народов, собравшись на конференцию по проблеме международного языка, в качестве такового изберут один из существующих проектов его или один из национальных языков, либо в том или другом из этих направлений проблема будет решаться эволюционно. Насколько то или другое было бы целесообразно, прогрессивно и научно — вопрос уже другой.

Ни теория вспомогательного языка, ни теория двух всеобщих языков, вспомогательного и единого, ни теория выделения всеобщего языка из национальных не пользовались хоть сколько-нибудь широким признанием среди советских лингвистов и социологов. Гораздо большее распространение среди них получила теория всемирного слияния языков в ее различных вариантах. Она по существу является лишь гипотезой. Весь ее смысл сводится к пассивному отношению к проблеме всеобщего языка: не следует ничего делать для решения проблемы общего языка всех народов мира — она-де решится сама собой в ходе языковой эволюции, языки в условиях всемирного социализма сами собой сольются воедино. Но как это может произойти — об этом ясно не говорится: ясного представления об этом, по-видимому, ни у кого нет.

Идею постепенного схождения, смешения, скрещения и конечного слияния существующих языков выдвинул и развивал в своих работах академик Н. Я. Марр.

1. КОНЦЕПЦИЯ ПИРАМИДАЛЬНОСТИ ВСЕМИРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Крупнейший советский лингвист 20-х и первой половины 30-х годов Николай Яковлевич Марр (1864—1934) родился в городе Кутаиси. У родителей — переселившегося на Кавказ шотландца и грузинки — не было общего языка: отец говорил только по-английски и по-французски, мать — только по-грузински. Разноязычным людям нужен общий язык — таково было одно из первых впечатлений мальчика. Родители кое-как объяснялись на смеси ломаных грузинских и русских слов. Родным языком Николая Марра стал гурийский говор грузинского языка, и грузинской была его первая грамотность.

Страсть к изучению языков пробудилась в Марре рано и с годами захватила его, не покидая до старости, когда он стал ученым с мировым именем. Он изучил — и продолжал изучать — множество разносистемных языков, его пытливый ум жадно впитывал в себя

все новые и новые крупницы из бездонно-бескрайного языкового океана, проникая все глубже в прошлое и дойдя до тех отдаленнейших времен, когда наши пращуры ходили еще в звериных шкурах и издавали звериные крики. Те времена были доступны только воображению ученого, но что-то убеждало его в том, что полужвери-полулюди долго, очень, очень долго объяснялись жестами, прежде чем у них развились речевые органы и начала мало-помалу возникать членораздельная речь. Из темных тысячелетий доистории Марр поднимался к настоящему времени и устремлялся далее в будущее, в то будущее, когда высокоразвитое человечество станет единым — коммунистическим, когда потомки ныне живущих будут говорить на одном языке, в котором «высшая красота сольется с высшим развитием ума»^{329а}.

Академик Марр создал теорию, охватывающую своими положениями все языковое развитие рода человеческого.

О Марре и его теории — марризме — писали многие. Некоторые из них задавались вопросом: что же главное, основное в марровском учении? И отвечали по-разному.

А. А. Холодович в 1930 г. ответил на это так: «...понятие языковой формации». И пояснил: «Под языковой формацией мы понимаем такую структуру языка, которая: 1) характеризуется особыми техническими языковыми средствами и особой структурой мышления, лежащей в ее основе, и 2) определяется «в конечном счете» тем особым способом, каким люди производят в разные эпохи средства для существования». В его статье, напечатанной в журнале «Звезда», читаем далее: «Марр установил надстроечное понятие языковой формации»; «каждая общественно-экономическая формация имеет присущую ей формацию языковую»^{330а}.

Сотрудница академика Марра, ставшая его биографом, В. А. Миханкова, изучившая все написанное плодовитым ученым, пришла к выводу, что «основное положение нового учения о языке — единство языкового процесса»^{331а}.

В. И. Абаев в статье 1936 г. писал: «Если спросить, в чем гвоздь нового учения о языке и главная заслуга Марра, то в двух словах ответ заключается в следующем: Марром впервые правильно поставлена и в основном разрешена на конкретном языковом материале проблема становления языка»³³².

Спустя 20 лет в статье, которой журнал «Вопросы языкознания» отметил 25-летие со дня смерти Н. Я. Марра, В. И. Абаев определил как «краеугольный камень» марровского учения тезис о том, что язык есть идеологическая надстройка³³³.

Писавшие о Марре и его деятельности называли тот или иной тезис, то или иное положение главным, основным в марризме. Однако ни одно из названных положений не является главным, основным в марровском учении о языке. Главное, основное в этом учении, в этой доктрине — то, что лежит в основе всех этихложе-

ний и значения чего никто из писавших о Марре и его научном творчестве не оценил.

Сам Марр то ли еще не осознал, в чем заключается идея, пронизывающая все его теоретические построения, то ли просто недостаточно продуманно выразился: в 1927 г. он утверждал, что начиная с 1920 г. его теория «непрерывно развивает основное положение, что „язык это не естественнoисторическое, а чисто социальное создание“ (формулировка, данная позднее в „Происхождении американского человека“)^{334а}.

Что язык — чисто социальное создание, т. е. общественное явление, хорошо знали и до Марра. Эта мысль выражена, в частности, в одном из основных положений учения о языке Фердинанда де Соссюра (Saussure, 1857—1913), посмертно влиятельного лингвиста, утверждавшего, что «язык есть явление социальное»^{335а} и во всем социологическом направлении в лингвистике (А. Мейе, Ж. Вандриес и др.). Доказывать ту же мысль в 20-х годах значило ломиться в открытую дверь.

За каждым положением, которое признавалось тем или иным исследователем творчества Марра главным в его теории, стоит одна и та же идея — идея единого языка будущего единого человечества. И именно она-то и является главной в марровской теории.

Положение о том, что каждой общественно-экономической формации соответствует своя языковая формация (не будем сейчас вдаваться в оценку этого и других марровских положений), завершается, по словам А. А. Холодовича, утверждением (имеющим особенное значение, особый теоретический вес), что «бесклассовая общественно-экономическая формация имеет основной категорией международный язык»^{336б}.

Если вслед за В. А. Миханковой считать, что главным у Марра является идея о единстве всемирного языкового, точнее, языкотворческого (глоттогонического) процесса, то ведь и это отвечает, по Марру, «интернационализации всех надстроечных ценностей, как и их материальной базы и форм общественной структуры, и ведет к единству системы языков и далее к единству речи всего человечества»³³⁶.

Если соглашаться с В. И. Абаевым в том, что главное у Марра — проблема становления языка или, иначе говоря, положение о скрещении языков как основном процессе в становлении языков в их развитии, то вспомним, как сам Марр излагал это положение: «В самом возникновении и, естественно, дальнейшем развитии языков основную роль играет скрещение. Чем больше скрещений, тем выше природа и форма возникающей в его результате речи. Идеальная речь будущего человечества — это скрещение всех языков...»^{337а}

Если же принять другое положение В. И. Абаева, а именно, что главное у Марра заключается в положении о языке как идеоло-

гической надстройке, то ведь и в этом положении-тезисе — тот же смысл, раскрытый самим ученым в следующих строках: «Сущность ее [марровской теории] заключается в том, что ... она ... выявила единство возникновения элементов речи и развития их в речь, образования видов, имеющих вместе с хозяйством в результате борьбы и победы пролетариата обратиться в единство речи-мышления, с единством мирового хозяйства, ее базиса»³³⁸.

Здесь Марр уже вернее определил сущность своей теории: познание докоммунистической языковой эволюции, которая должна завершиться образованием всемирного языка коммунистического общества (путем абсолютного скрещения всех живых языков, т. е. их слияния).

Отрицал ли Марр так называемые языковые семьи, семьи языков? Нет, но истолковывал их возникновение и конечную судьбу сообразно своей доктрине. Предисловие к сборнику «Языковедение и материализм» он заканчивал упоминанием о проблеме «так наз. семей, выделившихся из одного глоттогонического процесса и идущих вместе с интернационализацией всех надстроечных ценностей, как и материальной базы и форм общественной структуры, далее к единству речи всего человечества»³³⁹.

Марр употреблял для одного и того же понятия и термин *язык*, и термин *речь*, не усматривая между языком и речью того различия, которое провел Ф. де Соссюр и которое впоследствии было уточнено советскими лингвистами: язык — общественное явление, речь — общественное в индивидуальном.

Положение, что язык есть явление, или создание, не естественноисторическое, а общественно-историческое, социальное, проицано у Марра все той же идеей общечеловеческого языка, что явственно видно из его высказываний, приведенных выше.

Индо-европейская лингвистика с ее сравнительно-историческим методом исследования всецело погружена в далекое прошлое индо-европейских языков. Марр относился к ней отрицательно. И пояснял свое отношение так: «Индо-европейская лингвистика, изолировавшая сама себя представлением о возникновении и развитии речи, как ей казалось, естественноисторическом и во всяком случае отприродном, не могла, разумеется, относиться иначе, как отрицательно, ко всякой попытке увязать человечество единым языком, да еще искусственным. Это казалось ей утопией... Конечно, при существовавшем доселе учении об языке трудно было относиться иначе к этому делу, особенно, когда предполагалось, что судьба вопроса о создании всеобщего языка зависит от того, согласятся ли на его постановку специалисты и признают ли они возможным создание искусственной речи. Достаточно, что его ставит жизнь»^{339а}.

Свой большой исследовательский интерес к истории развития языков Марр объяснял так: «Ни одно достижение древних не должно остаться неучтенным и неиспользованным в новом языковом строительстве. В связи с этим именно интерес к будущему, а не

приверженность к древности ... заставляет направлять свой исследовательский интерес в одинаковой степени и к языкам прошлых веков, не исключая мертвых, и ко всем живым так называемых отсталых народов ...»^{339б}

Он занимался исследованиями языков Кавказа, которые называл яфетическими, и других районов Советского Союза, а также ряда племенных языков многоязычной Африки. Даже противники Марра признавали, что «не кто иной, как он, положил начало широким описаниям и разработке языков бесписьменных народов, созданию литературных языков и письменности для нацменьшинств Советского Союза»^{331б}. Цель была у Марра все та же: он указывал (1924) на важность «переноса в первую голову исследовательской работы на бесписьменные языки культурно разобщенных народностей и выяснения основ будущего действительно единого языка человечества»³⁴⁰.

В лекции на тему «Язык» он говорил: «Как человечество от кустарных, разобщенных хозяйств и форм общности идет к одному общему мировому хозяйству и одной общей мировой общности в линии творческих усилий трудовых масс, так и язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку...»³⁴¹

Марр мог говорить или писать на самые различные темы, не упуская при этом из виду проблемы единого языка мира коммунистического будущего. Он писал, например, по вопросу о реформе письменности и грамматики, но мысли его возвращались все к той же проблеме, той же полонившей его воображение величественной идее: «Многочисленные массы русских и нерусских, равноправных сотрудников в строительстве нового мира с будущим не международным, а единым мировым языком, строящимся уже вопреки всем препятствиям со стороны изжитых идеалистических теорий и формальных учений по нормам единого социалистического хозяйства, с упразднением империализма какого бы то ни было, русского не исключая»³⁴².

Марр писал об абхазском аналитическом алфавите, но не мог обойтись без того, чтобы не высказать своей заветной мысли: «Путь человеческой речи — от многоязычья к единству языка. Возникновение вспомогательных искусственных языков, как эсперанто и др., не исключая и идо, по идее, конечно, предвосхищение будущего, но по выполнению и технике, естественно, суррогат того, что неизбежно наступит...»³⁴³

К вопросу о едином языке будущего человечества Марр обращался и тогда, когда писал о происхождении языков^{337б}. В 1931 г. в докладе «Язык и мышление» на Чрезвычайной сессии Академии наук СССР он утверждал, что диалектико-материалистические мышление «готовится к лепке, созиданию ... нового и единого языка...»^{329б}. В другом докладе — «Письмо и язык» (1933) — он говорил, что нельзя строить терминологию (терминологическую лексику)

без учета развития языков — развития «везде в конечном счете к коммунистическому обществу с единым языком»³⁴⁴.

Какова же главная цель всей лингвистической науки в новых исторических условиях? На этот вопрос Марр ответил в своей «Автобиографии» так: «Выяснение процесса развития человеческой речи, имеющего историю движения от многочисленных несовершенных языков к менее численным совершенным языкам и намечающего пройденными этапами своего пути неизбежное в будущем слияние языков воедино, поставило новую проблему и выявило новое значение языкознания как науки, которая должна заниматься не только прошлым языка, но и его будущим и которая должна поставить себе задачей осознание и руководство процессом развития человеческой речи, происходящим уже много десятков тысяч лет и ведущим к единству человеческой речи»^{345а}.

Во второй половине 20-х годов при Академии наук СССР был основан, по предложению Марра, Яфетический институт, преобразованный в дальнейшем в Институт языка и мышления. В его задачу входило изучение всемирной языковой эволюции, т. е. истории всех языков мира «с точки зрения яфетической теории», — как называлась тогда марровская теория. Для чего это надо было? Марр объяснял: «Цель ясна — единство будущего человечества как в речи, так и в хозяйстве и общественности, ясна и основная актуальная проблема по моей специальности: уточнение выяснения процесса происхождения речи и установление его отдельных видов, чтобы осознанной целесообразной техникой облегчить процесс зарождения единого совершеннейшего орудия общения человечества...»³⁴⁶

Еще в 1922 г., выступая на торжественном годовом собрании Академии материальной культуры, Марр сказал: «Из газетного сообщения мне стало известно, что я занят исследованием единого языка человечества, более того — работаю над созданием международного языка. Многих это скандализовало. Между тем единство языка будущего человечества, именно созданного языка, для всякого, подошедшего к разумению реальной истории человеческой речи, не может представлять ничего фантастического: оно неизбежно»³⁴⁶.

В 1926 г. он писал по поводу известного в свое время труда Э. К. Дрезена по проблеме вспомогательного международного языка: «Вопрос об искусственном международном языке во многих кругах, к сожалению, именно научных, вызывает улыбку, в лучшем случае незаслуженно равнодушное отношение. В значительной мере это происходит оттого, что так называемый природный или естественный язык до сих пор многим представляется даром природы, а не „искусственным созданием“...»^{339в}

Из всех приведенных высказываний Марра можно сделать прежде всего такой вывод: в последний период его жизни и деятельности, совпавший с двумя первыми неполными десятилетиями

социалистической революции в России, когда более или менее оформились основные положения его общей теории языка, основной идеей его теории стала идея единого языка будущего единого — коммунистического — человечества.

Этого не замечали авторы брошюр, статей и публичных лекций о Марре и марризме, отмечавшие его юбилей, прижизненные и посмертные, и даже автор монографии о нем и его научном творчестве. Например, автор брошюры «Крупнейший советский языковед Н. Я. Марр» И. И. Цукерман утверждал, будто бы «ни одна идея так не занимала Н. Я. Марра, как мысль о единении социалистического труда и науки»³⁴⁷; утверждая, что академик Марр обогатил науку рядом новых проблем, и перечислив эти проблемы, он по существу упустил из виду, как и другие авторы, писавшие о Марре, главное — идею единого общечеловеческого языка. Эту идею-проблему не удостоили своим вниманием составители и авторы обширных сборников статей «Академику Н. Я. Марру» (1935) и «Памяти академика Н. Я. Марра» (1938). Забыли о ней и молодые ученые, проводившие в 1949 г. сессию, посвященную памяти Н. Я. Марра.

Его ученики, последователи и все обращавшиеся к нему не видели, не понимали, что главная заслуга академика Марра состоит именно в том, что он, не удовлетвовавшись идеей вспомогательного международного языка, возникшей и развившейся вместе с международным капитализмом как прогрессивная идея, выдвигал и отстаивал еще более прогрессивную, подлинно революционную идею единого языка человечества коммунистического будущего.

Заслуга Марра как интерлингвиста значительно умаляется, однако, тем, что он не обосновал эту идею должным образом, не разработал хоть сколько-нибудь порожденную ею сложную, многоаспектную проблему. Хуже того: он сам же эту проблему и запутал, да так запутал, что даже его ближайшие сотрудники не смогли в ней разобраться и хоть сколько-нибудь развить ее, отделив в ней «плевелы от пшеницы»...

Многое из того, что критиковалось как идеи Марра, зародилось еще в XIX в. на Западе.

Мысль о скрещении языков была высказана основоположником натуралистической школы Августом Шлейхером (1821—1868) в публичном послании известному биологу-дарвинисту Эрнсту Геккелю (1834—1919): «Нам известны как древнелатинский, так и романские языки, происшедшие из него путем разрознения и постороннего влияния, — вы сказали бы — путем скрещивания...»^{303б} Термин еще тогда был заимствован из естественных наук.

Что касается мысли о стадильности развития языков как этапах, «ступенях», единого процесса, то мы находим ее у основоположника общей лингвистики Вильгельма Гумбольта (1767—1835): «И те языки и языковые семейства, которые не обнаруживают между собой никаких исторических связей, можно рассматривать как разные ступени единого процесса их образования»^{348а}.

Положение о стадийности в развитии языков получило довольно широкое распространение среди лингвистов XIX в., войдя в лингвистику XX в.

Одним из видных представителей младограмматической школы Герман Пауль (1846—1921) в монографии «Принципы истории языка» (1886) писал о том, что во всех областях языковой жизни возможно развитие, расчлняющееся на этапы, постепенно переходящие один в другой³⁴⁹.

Согласно взгляду, в прошлом распространенному среди лингвистов, человеческая речь проходит определенные стадии в своей эволюции: аморфность считается низшей стадией, агглютинативность — средней, а флективность — высшей. Многие ученые указывали, однако, что большинство языков или даже все языки — смешанного типа, что чистых языковых типов вообще нет. Но это как раз и свидетельствует об их скрещении!

Н. Я. Марр не просто развил все эти зачаточные и разрозненные идеи, он их и систематизировал, чтобы не сказать — схематизировал, в единую концепцию, единую теорию, в которой абсолютизировал процесс скрещенения языков в проекции на будущее.

Верно, что в разных языках есть много общего: лексические понятия, грамматические значения (категории), в какой-то степени — средства выражения тех и других (особенно в родственных языках), но неверно, что это частично общее может стать всеобщим — охватить в процессе дальнейшего развития все языки целиком и полностью, устранив в них особенное, чем они друг от друга отличаются. Развиваясь и в контактах взаимодействуя, языки в той или иной мере скрестились, но это вовсе не значит, что при определенных исторических условиях они могут скреститься в один всемирный язык.

У Марра явственно выступает основная ошибка его теории, стремящейся представить всю всемирную языковую эволюцию как эволюцию от бесчисленного множества языков к единому: общечеловеческий язык коммунизма представлялся ученому как конечный результат эволюционного развития всех существующих языков. Касаясь этой проблемы, Марр всегда говорил и писал о едином процессе возникновения и развития всех языков рода человеческого, развивающемся как бы пирамидально. Всю его теорию и можно было бы назвать теорией пирамидальности всемирной языковой эволюции. Сам он так ее не называл, да и никто так ее не назвал, но это — самое точное ее название, подсказанное им же самим.

В статье «Основные достижения яфетической теории» (1924) он писал: «По яфетическому языкознанию, зарождение, рост и дальнейшее или конечное достижение человеческой речи можно изобразить в виде пирамиды, стоящей на основании. От широкого основания, именно — праязычного состояния в виде многочисленных моллюскообразных зародышей-языков, человеческая речь стремится, проходя через ряд типологических трансформаций, к вершине, т. е. к единству языков всего мира»^{350а}. Все или почти все остальные положения марровской теории — производные от этого основного, от этой стержневой концепции.

Свою концепцию возникновения общечеловеческого языка Марр называл «яфетической пирамидой» и противопоставлял ее теоретическому построению компаративистов индоевропеизма, у которых такая пирамида стоит вершиной вниз: от единого прапраязыка — к нескольким праязыкам, от них — ко все большему множеству языков.

Доктрина Марра долгое время называлась яфетической теорией, яфетическим языкознанием, яфетидологией — по имени Иафета или Яфета, сына библейского Ноя, поскольку есть семь языков, называемых симитическими и хамитическими по имени Сима и Хама, двух других сыновей того же Ноя, знаменитого своим легендарным ковчегом во время легендарного всемирного потопа. Название для лингвистической теории, что и говорить, неудачное, тем более когда оно распространялось с языков, названных яфетическими, на общую теорию языка, претендовавшую считаться марксистской; тогда-то оно и было заменено безликим определением — «новое учение (о языке)».

Это новое учение рисовало языковую эволюцию как развивающуюся в направлении все большей интеграции языков в противоположность старым взглядам некоторых буржуазных лингвистов, считавших, что она развивается в направлении все большей дифференциации языков. Интеграцией языков в лингвистике называется эволюционный процесс их все большего скрещения и слияния, в результате которого из двух и более языков образуется новый. Дифференциация языков — процесс, противоположный интеграционному, длительный процесс постепенного разветвления одного языка на два и более относительно новых языка.

П. Бюрней, упоминавшийся французский интерлингвист, привел высказывание А. Кайо (Cailleux): «На каждый язык, который исчезает, появляются в среднем два или два с половиной новых языка. В общем число одновременно существующих языков удваивается в течение двух — двух с половиной тысяч лет»⁶³⁶.

Надо полагать, что процессы интеграции и дифференциации в языковой эволюции находятся во взаимодействии: языки мало-помалу разветвлялись при расселении племен, народностей, народов и, разветвляясь, скрещивались в контактах их носителей, особенно при соединении и смешении этнических групп.

Марр был непоследователен в своих воззрениях на возникновение всеобщего языка. То ему казалось, что «язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку»³⁴¹, что единство языка явно наступает, то он заявлял: «Это, разумеется, дело далекого будущего»^{337б}. И тогда он пытался убедить всех в необходимости принять «искусственные меры, научно проработанные», к ускорению этого процесса, слишком медленного, слишком длительного.

Тезис о необходимости ускорения всемирной языковой эволюции в пирамидальном направлении явился очень неудачной попыткой

соединить стихийное и сознательное, «естественное» и «искусственное». Об удивительной непоследовательности, с какой это делалось, говорит хотя бы такое высказывание Марра: «Человечество будет стремиться если не создать независимо такую совершенную речь человечества, то содействовать ускорению и правильному течению процесса в самих наличных языках этого неизбежного массового творчества в том же направлении»^{350б}.

В качестве первой меры по искусственному сближению всех национальных языков Марр предлагал провести унификацию их имен числительных: «Установление общей терминологии числительных для всего цивилизованного мира может совершиться в порядке таких культурных достижений в жизни человечества, как одна общая метрическая система, как один общий календарь и т. п.»^{337б}

Представим себе осуществление этого фантастического проекта. Допустим, что во все языки цивилизованного мира для названий числительных 1, 2, 3 и т. д. будут введены общие термины, общие слова: уно, дуо, трио и т. д., а для порядковых — уна, дуа, триа, и т. д. И тогда бы по-русски писалось примерно так: «К дому пробиралось дуо человека, триа спрытался за деревом...» Когда русские люди освоились бы с этим диковатым новшеством (но вряд ли бы освоились — поднялась бы буря протеста!), таким же декретивным порядком, насильственно, была бы проведена следующая мера по унификации русского языка в плане сближения со всеми национальными языками. Допустим, произошла бы отмена падежных флексий в системе склонения: «К дом пробирались...» Потом началось бы (предположим на минуту, что это возможно) вытеснение исконно русских слов интернациональными. Какими интернациональными? Латинскими?.. И нечто подобное творилось бы во всех языках мира, покуда все народы не пришли бы к единому словарю, единой грамматике, единой фонемике — обрели бы единый язык.

Если не так, то как же еще можно представить себе искусственное ускорение процесса сближения всех живых языков в направлении их полного единства? А может ли такая унификация национальных языков — лексическая, грамматическая, фонемическая — происходить «естественно», стихийно?.. Очень трудно поверить в реалистичность гипотезы пирамидального схождения всех языков воедино и еще труднее эту гипотезу как-то обосновать.

Раздвоение взглядов Марра на возможность возникновения общечеловеческого языка лишало его рассуждения на эту тему всякой убедительности. То он писал, как мы уже видели, о «неуклонном движении языков в эволюционных путях единства человеческой речи» и о том, что это единство будто бы «неизбежно наступит в путях естественного процесса общественной жизни народов», то, позабыв об эволюционности и естественности, утверждал, что единый язык человечества будет языком искусственным, созданным, тогда как существующие языки не созданы, а создавались, и создавались не тысячелетиями, а десятками, сотнями тысячелетий (не говоря уже о его путаных и странных рассуждениях о том, что язык будущего может переродиться в чистое — неозвученное — мышление).

Складывается впечатление, что именно для того, чтобы сгладить противоречие между двумя различными подходами к проблеме, Марр называл искусственными и все эволюционно сложившиеся

языки, говорил даже об «искусственном происхождении вообще звуковой речи»^{339г}. Тем самым он начисто смазывал существеннейшую разницу между бессознательно-стихийным, эволюционным языкотворческим процессом и сознательно-организованным, революционным языкотворчеством, между постепенным возникновением и развитием человеческой речи в форме племенных языков в доисторические времена (в значительной мере и национальных языков тоже) и научным созданием всеобщего языка в эпоху революционного преобразования общественного строя на всей планете.

«Процесс образования будущего единого языка рисуется Н [иколаю] Я [ковлевичу] не совсем ясно»^{331в}, — читаем в обстоятельной очерке жизни и деятельности Н. Я. Марра, написанном В. А. Миханковой. В этом-то и вся беда: главное в теории самому ее автору было «не совсем ясно», вернее — было совсем не ясно! Это и породило противоречивость и запутанность всей марровской теории всеобщего языка.

Не только вопрос о том, как и когда возникнет — может и должен возникнуть — общечеловеческий язык, но и вопрос, каким он может и должен быть, хотя бы в общих чертах, вызывали в Марре самые противоречивые мысли. Но в них было немало и ценного и поучительного.

«Общий язык будущего человечества, — писал он, — должен вмещать все богатство, все положительные качества умерших, в числе их имеющих еще отмереть, ныне живых языков...»^{350в} «Будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей...»^{334б} «Отдельные языки, национальные, как бы они ни распространялись империалистически, никогда не станут тем будущим единым языком. Не заменят их, конечно, ныне как грибы растущие суррогаты человеческой речи, эсперанто, идо и то, что еще последует за ними в том же порядке индивидуального творчества...»^{350г} «Жизнь неумолимо ставит перед нами всеми вопрос о живом орудии международного общения, ... важнейший и ни на минуту не устранимый вопрос нового интернационального общественного строительства...»^{334д} «Ни одно достижение древних не должно остаться неучтенным и неиспользованным в новом языковом строительстве... не может быть обойден ни один национальный язык, ни одна племенная речь...»^{334в}

Марр не дал убедительного ответа на вопрос: как же человечество совершит переход от нескольких тысяч языков и наречий к единому языку? Он не хотел допустить, что между многоязычием и одноязычием человечества лежит — неминуемо должен лежать — длительный период всеобщего двуязычия: местный язык плюс всемирный. Язык всемирный, международный, интернациональный он отрицал: ему представлялось «строительство нового мира с будущим не международным, а единым мировым языком»³⁴⁹. Но правоммерно было бы задаться вопросом: а может всеобщий язык стать сразу единым языком населения Земли, не начав своего

существования как второй язык всех народов и народностей и постепенно становясь их первым, основным языком?

Такая постановка проблемы перехода человечества от многоязычия к одноязычию предполагает создание языка, достойного стать общечеловеческим наряду с существующими языками. А это и не вяжется с концепцией пирамидальности всемирной языковой эволюции, хотя идея создания языка для всеобщего употребления, наряду с языками ограниченного употребления, и просвечивает кое-где в теоретических нагромождениях Марра.

2. СЛИЯНИЕ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ВО ВСЕМИРНЫЙ ИЛИ ИХ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ СО ВСЕМИРНЫМ!

В работе «Национальный вопрос и ленинизм», написанной в 1929 г. и впервые опубликованной в 1949 г., И. В. Сталин остановился на проблеме языка будущего. «Только на втором этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, по мере того как будет складываться единое мировое социалистическое хозяйство, — вместо мирового капиталистического хозяйства, — писал он, — только на этом этапе начнет складываться нечто вроде общего языка, ибо только на этом этапе почувствуют нации необходимость иметь наряду со своими национальными языками один общий межнациональный язык, — для удобства сношений и удобства экономического, культурного и политического сотрудничества. Стало быть, на этом этапе национальные языки и общий межнациональный язык будут существовать параллельно». На следующем этапе, когда мировая социалистическая система хозяйства окрепнет и социализм войдет в быт народов, «когда нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками, — продолжал он, — национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку»^{351а}.

Вместе с тем И. В. Сталин выдвинул и совсем другую концепцию: не параллельное существование национальных языков и всемирного, а схождение-слияние всех национальных языков во всемирный — концепция, которую графически можно изобразить как множество линий, сходящихся в одной точке.

Победа социализма в одной стране, писал Сталин, «не создает и не может создать условий, необходимых для слияния наций и национальных языков мира в одно общее целое»^{351б}. В заключительном слове на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. он обусловил слияние национальных языков в одно общее целое победой социализма во всем мире: «В период победы социализма в *мировом масштабе*, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым»³⁵².

Вспомним, что Марр, выдвинув гипотезу о пирамидальности всемирной языковой эволюции, писал не только о скрещении, но и о «неизбежном в будущем слиянии: языков воедино»^{345б}. После XVI съезда партии он с удовлетворением отметил, что формулировка И. В. Сталина о всемирном слиянии языков совпадает с положением его «яфетической теории»³⁵³.

Но формулу о всемирном слиянии языков можно истолковать двояко. Если согласовать ее с тезисом о длительном параллельном сосуществовании национальных языков и всемирного (с последующим — в более отдаленном будущем — естественным отмиранием национальных языков), а также с положением о том, что интернациональный, международный язык вберет в себя «лучшие элементы» языков национальных^{354а}, эту формулу можно и нужно было бы истолковать так: это будет слияние выявленных наукой лучших элементов существующих языков в процессе сознательного и организованного во всемирном масштабе создания всемирного языка без одновременного уничтожения, вытеснения или распада, деформации традиционных языков, без их естественного или искусственного скрещивания, без их унификации. Их лучшие элементы могут войти во всеобщий язык либо непосредственно, подчиняясь его фонетическому и грамматическому строю, либо послужить прототипами.

Однако формула о всемирном слиянии языков была истолкована многими лингвистами в духе концепции пирамидальности всемирной языковой эволюции. Они механически перенесли закономерности возникновения этнических языков из далекого прошлого на закономерности возникновения языка общечеловеческого. Еще более запутались они в тезисе о зональных языках.

В работе «Национальный вопрос и ленинизм» Сталин писал: «Возможно, что первоначально будет создан не один общий для всех наций мировой экономической центр с одним общим языком, а несколько зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком для каждой группы наций, и только впоследствии эти центры объединятся в один общий мировой центр социалистического хозяйства с одним общим для всех наций языком»^{351б}. К этому вопросу он вернулся в 1950 г. в ответе А. Холопову: «... после победы социализма во всемирном масштабе ... мы будем иметь дело ... с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки...»^{354б}

Некоторые советские философы и лингвисты (например, Т. С. Шарадзенидзе) понимали эти высказывания так: на втором этапе всемирного социалистического строительства произойдет слияние национальных языков по экономическим зонам в зональ-

ные языки, национальные языки как бы растворятся в зональных, как бы переплавятся в них,¹ а в дальнейшем зональные языки таким же образом сольются в единый всемирный.

Другие же ученые (например, А. С. Чикобава) полагали, что зональные языки возникнут наряду с национальными. Эта концепция имела две разновидности: 1) ...возникнут наряду с национальными сами собой, стихийно (естественно); 2) ...будут созданы наряду с национальными (искусственно). Иногда обе эти разновидности чикобавской концепции и марровская концепция пирамидального схождения-скрещения языков смешивались.

В одной из статей А. С. Чикобава писал: «Лишь на втором этапе периода всемирной диктатуры пролетариата начнет складываться нечто вроде общего языка, сначала в виде общих зональных языков, существующих рядом с национальными языками, а в дальнейшем в виде общего единого языка...»³⁵⁵ Во «Введении в языкознание» вопрос о возникновении зональных языков он истолковал уже несколько иначе: «Возможно, что первоначально будет создано несколько зональных языков, которые будут существовать наряду с национальными языками»^{356а}. Возникает вопрос: почему при допущении возможности создания нескольких международных языков зонального распространения категорически отрицается возможность создания всемирного международного языка?!

Если уже принимать термин *зональные языки*, то понимать его следовало бы так: зональные языки — языки зонального распространения из числа национальных — национально-интернациональные.

3. МОЖЕТ ЛИ ОБЩИЙ ЯЗЫК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВОЗНИКНУТЬ В СТИХИЙНЫХ ПРОЦЕССАХ?

В статье проф. А. С. Чикобавы, с которой началась в мае 1950 г. на страницах «Правды» лингвистическая дискуссия о научном наследии академика Н. Я. Марра и дальнейшем его использовании в развитии советской лингвистики, содержалось примечательное признание: «Акад. Н. Я. Марр высказывается за единый и общий язык будущего человечества. Это — единственный принципиальный вопрос, по которому, казалось бы, воззрения акад. Н. Я. Марра согласуются с положениями марксизма-ленинизма».

Но далее проф. Чикобава весьма решительно, хотя и неубедительно, возражал академику Марру по вопросу, как эта идея может и должна быть осуществлена. Марр полагал, что для ускорения эволюционного перехода человечества от тысяч языков к единому обществу должно предпринять какие-то практические меры, а Чикобава считал, что никаких мер для этого и в будущем принимать не нужно: не следует вмешиваться в этот процесс, который должен протекать всецело эволюционно, стихийно, ибо всякое ускорение его было бы искусственным, что, по его мнению, недопустимо. Он

писал: «Как известно, марксисты понимают это дело несколько иначе [чем Марр]». Автор статьи считал себя вправе говорить от имени марксистов как поклонник стихийности и самотека в языковом развитии общества: «Они [марксисты] считают, что процесс отмирания национальных языков и образования одного общего мирового языка будет происходить постепенно, без каких-либо „искусственных мер“, призванных „ускорить“ этот процесс»³⁵⁷.

А. С. Чикобава упустил из поля зрения самое существенное в процессе перехода человечества к единому языку: то, что образование общего языка всех народов никак не сможет совпасть с отмиранием языков отдельных народов (национальных). Образование или, точнее, создание всеобщего языка и его повсеместное распространение, внедрение в жизнь неизбежно должны предшествовать периоду — и, вероятно, длительному — его сосуществования с языками этническими, которые лишь очень нескоро и мало-помалу могут выйти из употребления.

Можно ли, строя концепцию перехода человечества к одноязычью, выбрасывать из своих теоретических построений этот второй период, а первый и третий объединять в один? Два совершенно различных по времени и характеру исторических процесса — процесс образования (создания) всеобщего языка (который может начаться уже в наши дни) и процесс отмирания национальных языков (а этот процесс будет, по всей вероятности, происходить в условиях всемирного коммунизма) — Чикобава объединял в один и даже поставил на первое место отмирание национальных языков, а на второе — образование единого всемирного языка. Но как могут начать отмирать национальные языки, когда языка интернационального, международного у человечества еще не будет?

Н. Я. Марр не пояснял, что именно он имел в виду под «искусственными мерами, научно проработанными», по ускорению перехода многоязычного человечества к единому языку в условиях всемирного социализма. Если не считать упоминания о возможной, по его мнению, в будущем унификации имен числительных в национальных языках в качестве первой такой меры, положение об искусственных мерах осталось у него неясным. Понимать ли под ними только меры по сближению и унификации всех этнических языков? Это были бы действительно искусственные меры в худшем значении этого слова, они были бы насильственными по отношению к традиционным языкам и их носителям — нациям, народностям и их культурам. Но ведь возможны меры и по созданию всеобщего языка. Более того: в данном случае они только и возможны.

Сторонники идеи «естественного» единого языка будущего человечества не желали и не желают замечать очевидную для всех непредубежденных людей проблему всеобщего языка как второго языка всех этнических общностей (наций, народностей, племен) —

проблему нашей и ближайшей эпохи. Такой язык, если иметь в виду какой-то совершенно новый язык, этнически нейтральный, может быть только сознательно созданным языком, т. е. искусственным. Но термин *искусственный язык* вызывал у сторонников якобы естественных, якобы природой данных языков резко отрицательную эмоциональную реакцию, порождал представления о чем-то неживом, ненастоящем, о каком-то суррогате языка. Какое распространенное даже среди ученых заблуждение!

По ходу дискуссии 1950 г. действительный член Академии наук УССР и член-корреспондент Академии наук СССР Л. А. Булаховский возразил А. С. Чикобава: «Я не вижу оснований для тех критических замечаний, которые А. С. Чикобава делает по поводу тезиса Марра, что „человечество, идя к единству хозяйства и внеклассовой общности, не может не принять искусственных мер, научно проработанных, к ускорению этого широкого процесса“. „Искусственные меры“ — не обязательно „насилие“, как представляется критику». Л. А. Булаховский напомнил, что организация и осуществление в жизни народов литературных языков «предполагают очень сильные моменты сознательного вмешательства». Можно с большой вероятностью предположить и то, что в высококультурной бесклассовой среде, которую будет представлять коммунистическое общество, сознательная сторона культурно-общественных процессов будет намного выше того, что мы наблюдаем сейчас»³⁵⁸.

Создание проекта всеобщего языка на прочнейшей основе, т. е. на основе широчайших научных исследований, его повсеместное испытание на практике, обсуждение, одобрение, официальное принятие, последующее повсеместное распространение, изучение во всех учебных заведениях, во всех учреждениях, на всех предприятиях, во всех хозяйствах, его преподавание по радио, телевидению, в печати, его употребление во всех случаях, когда не всеобщие языки, этнические, не выполняют своего назначения — не общают людей, будучи понятными для одних и непонятными для других,— все это ни в какой мере не было бы каким-то насилием над нациями и народностями и их языками. Их языки продолжали бы свое существование и даже развитие; продолжали бы существовать и развиваться культуры, литературы на этих языках.

Не исключена возможность, что правительства, присоединяющиеся к одобрению проекта всеобщего языка, разработанного в порядке международного сотрудничества во всемирном масштабе, сочтут необходимым сделать изучение всеобщего языка обязательным для всех учащихся, а может быть, и для всех тех трудящихся, которым это необходимо по роду работы. Но разве это было бы насилием над нациями? Разве обязательность школьных программ включает в себе насилие над учащейся молодежью? Обязательное образование не есть насилие! При нежелании что-либо изучать

не изучаются, как известно, и обязательные предметы: по ним «не успевают». Но этого ли опасаться при планомерном распространении всеобщего языка? Скорее всего, его все станут изучать с большой охотой: ведь это будет нужно и выгодно для каждого. Всеобщий язык будет привлекать всех и своими исключительными качествами, своей распространенностью и общепонятностью.

Вместо плановой разработки проблемы единого средства языкового общения всех разноязычных жителей Земли, подготовки решения ее в оптимальном варианте и последующего практического решения с использованием для этого всех возможностей народам мира предлагалось терпеливо и бездеятельно ждать естественного возникновения их общего языка. При этом им не давалось никакой уверенности в том, что они смогут этого когда-либо дожидаться. Распространялась иллюзия, что в то прекрасное время, когда во всем мире будет упразднена эксплуатация человека человеком и сопутствующие ей отрицательные явления, существующие языки вдруг потеряют свою вековую устойчивость и начнут — совершенно естественно! — «стекаться» воедино.

В цитировавшемся университетском учебнике А. С. Чикобавы говорилось: «Ускорять искусственными мерами переход к единому общему языку значит отвергать принцип добровольности, стоять за принуждение, за насильственное уничтожение национальных различий»³⁵⁶. Идея создания общечеловеческого языка в принципе объявлялась неосуществимой, утопической и даже вредной, реакционной!

* * *

Наиболее отчетливое выражение теория всемирного слияния языков нашла в докладе Т. С. Шарадзенидзе «Процессы дифференциации и интеграции языков в свете учения И. В. Сталина», прочитанном на научной конференции в июне 1951 г. Под тем же названием в первом номере нового тогда журнала «Вопросы языкознания» была напечатана статья, воспроизводившая текст доклада. Эта работа внесла заметный вклад в дезориентацию общественности в вопросах всеобщего языка.

Т. С. Шарадзенидзе сводила проблему всеобщего языка к проблеме «сближения, смещения или слияния языков, т. е. к проблеме интеграции (или унификации)». Интеграция языков, утверждала она, «исключена во время победы социализма в одной стране или в нескольких странах, а также в первый период победы социализма во всем мире в мировом масштабе. Только во второй период победы социализма проявится интеграция путем слияния языков»³⁵⁹.

В тезисах к этому докладу можно найти такую формулу, выражающую сущность теории интеграционного возникновения всеобщего языка: «Равноправные языки обогатят друг друга и сольются друг с другом. В результате слияния существующих языков получится качественно отличный [от них] новый язык»³⁶⁰. Никаких

доказательств этого положения не приводилось. Не давалось и никаких пояснений, чем именно будет отличаться «интеграция путем слияния» от «интеграции путем скрещения».

По сути дела здесь излагалась концепция пирамидальности всемирной языковой эволюции. О том, что между предполагаемым скрещением всех языков в один и их предполагаемым слиянием нет никакой разницы, во всяком случае более или менее существенной, свидетельствует и то, что, как мы видели, и сам Н. Я. Марр как-то употребил термин *слияние* (языков в будущем) вместо термина *скрещение*, и то, что его ближайший сотрудник — академик И. И. Мещанинов в конце 40-х годов, излагая марровскую теорию, писал: «На основе слияния национальных языков образуется в будущем новый по своему качеству единый язык»³⁶¹. Противниками Марра негласно принималась марровская концепция языковой эволюции, но — без всякого ускорения последней и не с прямым ее переходом от трех тысяч языков и наречий к единому, а со ступенчатым.

В обрисовке Т. С. Шарадзенидзе эта концепция выглядела особенно неубедительно. Непонятно, почему только на втором этапе всемирного строительства социализма (всемирной диктатуры пролетариата) вдруг «проявится» интеграция всех национальных языков и притом в максимальной степени, если на первом этапе она совершенно исключена? Ведь между этими этапами одного исторического периода различий будет гораздо меньше, чем между всемирным капитализмом на его последнем этапе и всемирным социализмом на его первом этапе. Смена капитализма социализмом в широких масштабах не ведет к деформации национальных языков, они продолжают сохранять свою устойчивость, а вот упрочение социализма во всемирном масштабе вдруг вызовет их полную деформацию, их «стечение» воедино?? Неправдоподобно!

Может быть, оговариваются сторонники неправдоподобной гипотезы, пытаясь придать ей хоть сколько-нибудь убедительности, стекутся-сольются все национальные языки не сразу в один всемирный, а поначалу — в несколько зональных. Но неужели все это может произойти без всяких мер со стороны общества в течение жизни одного поколения! В самом деле, ведь нельзя же предположить, что после победы социалистической революции во всех странах для упрочения социализма понадобятся столетия и даже тысячелетия, в течение которых все живые литературные языки могли бы (предположим на минуту!) эволюционно сблизиться настолько, что произойдет их «интеграция в форме слияния». Но еще меньше можно допустить, что языки мира сольются воедино в течение нескольких десятилетий.

В нашей лингвистической и социологической литературе до сих пор встречаются выражения признания гипотезы эволюционного слияния всех языков. Поддерживает ее, например, Х. Гадов в своей книге, вышедшей в Таджикистане в 1962 г. Он пишет в ней:

«Слияние языков в будущем коммунистическом обществе — это историческая необходимость, отвечающая интересам всех народов, способствующая сближению и сплочению людей». Несколько далее читаем: «Национальные языки еще долго будут существовать и после победы социализма в мировом масштабе наряду с единым всеобщим, мировым языком»³⁶². Получается знакомое нам противоречие: национальные языки сольются в единый мировой и национальные языки будут еще долго существовать наряду с единым мировым языком. Если всеобщий язык станет действительностью в условиях всемирного социализма (или социализма и коммунизма), какая необходимость и закономерность заставят национальные языки слиться во всеобщий — второй всеобщий язык? Не возникнут ли такая необходимость, ни такая закономерность. Вряд ли они возникнут даже при отсутствии всеобщего языка еще на длительный исторический период: национальные языки в своих основах такой тенденции не обнаруживают. А если бы эти языки, допустим, слились в единый язык, они не могли бы существовать параллельно с ним.

Университетские учебники по общему языкознанию (например, «Введение в языкознание» Э. Б. Агаяна) по-прежнему впускают филологическому студенчеству призрачную надежду на то, будто «в условиях сотрудничества и дружбы всех наций, в процессе взаимного обогащения национальные языки скрестятся и сольются в один общий язык»³⁶³. Знаменательно, кстати, соединение терминов *скрестятся* и *сольются*: они понимаются как синонимы.

В коллективном труде «Основы научного коммунизма» (М., 1966) неудача индивидуальных проектов вспомогательного международного языка истолковывается в том смысле, что «искусственным путем нельзя создать международный язык». Авторы книги утверждают: «В результате развития экономических связей образуется общность культуры, быта, традиций, языка... Международный язык может возникнуть как составная часть единого мирового процесса слияния наций и образования всемирной интернациональной общности людей».

Но как же международные экономические связи сами по себе могут породить международный язык? Авторы уходят от конкретного ответа, заявляя, будто «достигнутый уровень общественной практики еще не позволяет предсказать конкретные пути образования единого мирового языка»³⁶⁴.

4. ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ЯЗЫКА НА ЯЗЫК

«В интернациональных словах и терминах не без основания видят зародыш будущего единого языка всего человечества»³⁶⁵, — утверждает на страницах журнала «Вопросы языкознания» В. В. Акуленко.

Так называемые интернациональные слова (интеронимы) можно рассматривать в качестве зародыща общечеловеческого языка с двух точек зрения: 1) интернационализация лексики, территориально ограниченная и весьма относительная, — объективно-исторический процесс, который тормозится национальной спецификой языков и не в силах ее преодолеть. Создание общечеловеческого языка из элементов множества различных языков будет сознательным и организованным повторением и завершением этого процесса на новой научной основе; 2) интернационализация лексики — это процесс все большего стихийного скрещения всех языков, который завершится их слиянием в один всемирный язык. Принимая первую точку зрения, нельзя не отвергать вторую.

А между тем именно вторая точка зрения встречается в печатных работах советских лингвистов. Например, И. К. Белодед и А. С. Мельничук полагают, что «распространение в языках социалистических наций в период перехода от социализма к коммунизму общих слов и выражений можно рассматривать как первоначальное проявление будущего сближения и постепенного слияния всех языков мира после формирования единого коммунистического общества на Земле»^{315б}.

Процессы интернационализации лексики следует рассматривать в более широких исторических масштабах — во времени и пространстве (территориально), чтобы понять необоснованность выраженного И. К. Белодедом и А. С. Мельничуком мнения, характерного для лингвистов-интеграционистов.

Ученые подсчитали, что в главных европейских языках накопилось уже около 7000 общих корней, по преимуществу греко-латинского происхождения, но само по себе это не приблизило народы, говорящие на этих языках, ни на шаг к разрешению проблемы хотя бы только общеевропейского или европейско-американского языка. Понадобилось сознательное творчество отдельных личностей, чтобы использовать наиболее употребительные интеронимы для основного лексического фонда созданных ими проектов международного языка.

Некоторым языкам вообще несвойственны иноязычные заимствования. Даже имена собственные в разных языках звучат в большинстве случаев совсем по-разному! Французы свою столицу называют *Пари*, а мы — *Париж*, французы нашу Москву — *Москү*, англичане — *Мóскоу*, вьетнамцы — *Матьхуа*. Англичане называют Россию *Раша*, французы — *Рюси*, немцы — *Русланд*, китайцы — *Эго*, а латыши — *Кривеия* (с древними ливами соседями кривичи). А ведь, казалось бы, имена собственные должны быть одинаковы для всех!

Нет никаких надежд, что русские при всемирном социализме или коммунизме начнут говорить не *культура*, а на английский манер *кáлче(р)* или на французский — *кюльтёр*; или англичане с французами предпочтут выговаривать это слово по-русски. Может

ли сам собой — стихийно — решиться вопрос хотя бы относительно лишь одного этого слова для трех наций?

А ведь помимо общего словаря, должны выработаться и общая грамматика и общая фонематика! * Можно ли себе представить, что такая тройная общность в языке выработается эволюционно хотя бы только у таких близкородственных наций, как русская, украинская и белорусская? Даже и в этом случае трудно себе представить самопроизвольное слияние языков. А ведь вопрос стоит о слиянии не трех близкородственных языков, а трех-четырёх тысяч и родственных и неродственных — самых различных, самых непохожих друг на друга языков!

Формула «равноправные языки обогатят друг друга и сольются друг с другом», выражающая теорию всемирного слияния языков, противоречит историческому опыту обогащения языков, далеко не всегда взаимного, фактам языковой действительности.

Обогащение это в большинстве случаев ограничивается лексическими заимствованиями. Еще один из основоположников сравнительно-исторической лингвистики — датский ученый Расмус Раск (1797—1832) писал: «Если мы сравним несколько языков, стремясь к тому, чтобы это сравнение было полным и дало нам возможность судить об их родстве, древности и прочих отношениях, то мы должны непременно иметь в виду обе эти стороны языка [лексику и грамматику] и особенно не забывать о грамматике, так как опыт показывает, что лексические соответствия являются в высшей степени ненадежными. При общении народов друг с другом невероятно большое количество слов переходит из одного языка в другой...»³⁶⁶ Но разве это ведет к их слиянию?

Значительное количество датских слов попало в эскимосский язык Гренландии, а множество португальских и испанских слов — в малайский и тагалогский, но ничего похожего на слияние не произошло. В. Гумбольдт писал о языке кави: сколько бы санскритских слов кави ни включал в себя, он не перестанет быть малайским языком. Изобилует семитскими заимствованиями язык пехлеви, но и что же? Даже такие языки, как карельский, словарный состав которого состоит больше чем наполовину из русских заимствований, или старые турецкий и персидские языки, включавшие до 80% арабских слов, не утратили своих структурных особенностей. Если такое явление — общее правило, а не исключение, то говорить о взаимном обогащении языков как каком-то начале их

* Единого употребления и понимания терминов этого ряда нет. Здесь под фонематикой понимается совокупность фонем конкретного языка, его фонемическая система: от термина *фонема* — смыслоразличительная единица звуковой формы языка. В устной речи фонемы имеют свои варианты — звуки речи. Один из основоположников структурализма, глава пражской школы структуралистов Н. С. Трубецкой внес в лингвистику различие между фонетикой как наукой о звуках речи и фонологией как наукой о звуках языка, о фонемах. (Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. Перев. с нем. М., 1960, см. также: Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 9 и др.).

слияния — значит предаваться далеким от жизни и науки иллюзиям и сеять эти иллюзии.

В. В. Горнунг, В. Д. Левин и В. Н. Сидоров в статье «Проблема образования и развития языковых семей», напечатанной вместе со статьей Т. С. Шарадзенидзе о дифференциации и интеграции языков, напоминали о необходимости учитывать, наряду с дифференциацией, являющейся преобладающим типом пути развития языков и диалектов, также и процессы интеграции, «протекающие, конечно, отнюдь не в форме марровского „скрещения“ разносистемных и происшедших из разных источников языков, а в форме сближений и даже слияний еще очень близких по своей структуре родственных диалектов»³⁶⁷. Если сливаться способны не языки, а лишь диалекты, и не просто диалекты, а родственные диалекты, и не просто родственные, а близкие по своей структуре, и не просто близкие, а очень близкие, то тем хуже для теории интеграционного возникновения всемирного языка.

Когда эта теория появилась на свет, многие видные советские лингвисты косвенно выражали свое несогласие с ней. Исследуя длительное взаимодействие языков, его результаты, они приходили к выводу, что не только великие национальные языки, но даже малые языки — донациональные, бесписьменные — в благоприятных для слияния условиях не обнаруживают тенденций к слиянию.

В. С. Расторгуева в опубликованном докладе «Об устойчивости морфологической системы языка»³⁶⁸ говорила о том, что одной из задач советских лингвистов является детальное изучение типов взаимодействия языков на конкретных языковых фактах и правильное, марксистское их объяснение. С этой целью использованы материалы изучения наиболее смешанных таджикских говоров, в течение сотен лет подвергавшихся воздействию узбекского языка, — говоров Кананая и Чуста (города на севере Ферганской долины Наманганской области Узбекской ССР), где основную часть населения составляют таджики. Уже сотни лет таджики живут в тесном соседстве с узбеками, связаны с ними крепкими хозяйственными и культурными связями, которые за последние — советские — десятилетия значительно увеличились и упрочились. В обеих республиках имеются районы со смешанным таджико-узбекским населением, которое одинаково свободно владеет обоими языками; распространены здесь и смешанные таджико-узбекские ссмыи. И вот, несмотря на все это, оказывается, что морфологическая система смешанных таджикских говоров в своей основе осталась прежней. Все формы слов, существовавших прежде, сохранились. Сохранились также все основные морфологические средства (например, глагольные основы, суффиксы, префиксы). Чужой язык дает лишь толчок к образованию новых форм, но реализуются эти формы средствами своего языка. Несмотря на сотни лет соседства и местное двуязычье, изменения в морфологии (наиболее интегрированных таджикских говоров) сравнительно незначительны.

Даже самые мелкие бесписьменные языки не поддаются интеграции. Таких языков много, в частности, на Кавказе. Принадлежит к ним и язык бацбийцев в Грузии. Грузинский язык оказывал влияние на бацбийский еще до XVI в. В первой половине XIX в. все малочисленное бацбийское население оказалось в грузинском окружении и овладело грузинским языком — с тех пор все бацбийцы двуязычны. В статье «О взаимодействии древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков»³⁶⁹ Ю. Д. Дешерьев приводит примеры лексических заимствований бацбийцев из грузинского языка, однако, подчеркивает он, грамматический строй бацбийского языка не

подвергся сколько-нибудь существенному изменению. Подобное наблюдается и в хиналугском языке, на котором говорят жители села Хиналуг Конахкендского района Азербайджанской ССР — всего около тысячи человек, и в будугском языке жителей села Будуг, и в крызском языке — все то же Конахкендского района; эти языки бесписьменны.

Данные исследовательской работы по изучению хиналугского, будугского и крызского языков, рассказывает далее Ю. Д. Дешериев, свидетельствуют, что в этих языках много лексических заимствований из азербайджанского языка, но грамматический строй этих языков не испытывал существенного влияния азербайджанского языка. Эти языки отмирают, выходят из употребления под влиянием азербайджанского, как бацбийский — под влиянием грузинского, но не деформируются, не ассимилируются, не подвергаются интеграции с соседними языками, как ее ни называй—скрещении или слияние.

Также и в языках Северного Кавказа не наблюдается явлений, которые говорили бы о том, что они имеют тенденцию к интеграции. По словам Ю. Д. Дешериева, «не может быть и речи о скрещивании исследуемых языков между собою, о возникновении таким образом языка или языков нового типа»³⁶⁹.

Эти данные дополняет фактами Б. А. Серебренников, который делает сходные выводы: наблюдения показывают, что при скрещивании или взаимодействии языков может иногда происходить довольно интенсивный лексический взаимообмен, тогда как элементы системы склонения или спряжения двух различных языков никогда взаимно не переплетаются. Из чужого языка заимствуется лишь то, что связано с конкретной предметностью, качеством; можно заимствовать такие слова, как *трактор*, *экскаватор*, даже прилагательные, но ни один язык не может заимствовать окончания русского родительного, дательного, винительного или творительного падежей, поскольку эти окончания не содержат ни грана субстанции, признака, качества... Б. А. Серебренников указывает также на то, что и основной словарный фонд в известных его слоях обладает чрезвычайной сопротивляемостью и не поддается вытеснению иноязычными заимствованиями³⁷⁰.

В. В. Виноградов в своей книге «Великий русский язык», проследившая, между прочим, влияние русского языка на языки малых народностей СССР, указывает на ограниченность этого влияния: мансийский, хантыйский (остяцкий), бурятский и другие им подобные языки позаимствовали из русского языка многие слова, в их числе интернациональные, для обозначения главным образом новых понятий, которые несет прежде угнетавшимся народностям социалистическая культура, но грамматическая структура и фонетический строй русского языка не оказывают заметного влияния на другие языки³⁷¹.

К таким же выводам пришли изучавшие влияние русского языка на языки народностей СССР Е. А. Мординов, А. И. Селищев, Н. Ф. Яковлев и другие лингвисты.

* * *

Влияние языка на язык подчинено определенным законам, которые оказались непознанными, несформулированными и незадавленными, вероятно, потому, что вопрос о них в лингвистической литературе, кажется, и не ставился. Фактическая же сторона взаимодействия языков давно является предметом исследования специалистов, и здесь накоплено достаточно материала для обобщений. В отличие от так называемых внутренних законов развития языка эти законы можно назвать законами взаимодействия языков.

«Что касается изучения результатов влияния других языков, то в этой области никогда не было должного порядка», — сказал

Б. А. Серебренников на дискуссии по теории субстрата *. Дискуссия эта была проведена в феврале 1955 г. в Ленинграде на выездном расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР. Б. А. Серебренников констатировал, что в области влияния языка на язык «мы наблюдаем чаще всего туманные и трудно доказуемые гипотезы или безнадежный скепсис, а иногда и метания от одной крайности к другой», и указал на то, что «изучение взаимовлияний языков является одной из важнейших задач лингвистической науки»³⁷².

Закономерности влияния языка на язык — явления экстралингвистические, лингвосоциологические. Можно попытаться определить три вида такого рода зависимостей и две примыкающие к ним особенности междуязычных влияний.

1. Зависимость влияния языка на язык от характера контакта между ними. Два языка могут влиять друг на друга или один на другой только при наличии между ними контакта, прямого (контакт в общении их носителей) или косвенного (через другие языки), особенно при общей территории с двуязычным населением; это влияние тем больше, чем шире и теснее, многообразнее и длительнее этот контакт.

2. Зависимость влияния языка на язык от влияния культуры. Тот язык более влияет на другой или другие языки, который является носителем влияющей культуры, причем это влияние тем значительнее, чем значительнее разница между языками в их развитости и широте функций: более развитый, более богатый язык, обычно более распространенный и имеющий значительную литературу, передает менее развитому, менее богатому языку, обычно менее распространенному и имеющему менее значительную литературу, вместе с новыми понятиями, которые несет в себе влияющая культура, и свои слова, термины, часто более или менее интернационального обихода. Вместе со словами иногда заимствуются и словообразовательные элементы (аффиксы).

3. Зависимость влияния языка на язык от степени их родства. Один язык влияет на другой или языки влияют друг на друга тем больше, чем большая между ними фонемическая, грамматическая (морфологическо-синтаксическая) и лексическая близость, указывающая на их происхождение из одного источника, степень их родства. Языки, разные по происхождению и типологии, во всем различные, с очень сильными национальными традициями и особенностями, обычно не влияют или почти не влияют друг на друга.

4. Неравномерность влияния одного языка на различные сферы другого. При усло-

* Субстрат — язык, побежденный другим языком в результате их взаимодействия и борьбы, осуществляющихся в пределах общей территории.

виях, благоприятных для влияния языка на язык, это влияние весьма неравномерно, неодинаково для различных составных частей, или сфер, языка. Язык на язык или совсем не влияет, или почти не влияет фонемически и грамматически (особенно морфологически), но и лексическое влияние неоднородно для различных уровней лексического состава: основной лексический фонд, наиболее древний по происхождению (и когда-то подвергавшийся иноязычным воздействиям), менее всего подвержен новым заимствованиям. Влияние языка на язык, как правило, ограничивается большим или меньшим обогащением лексики (особенно терминологии) последнего, а также словообразовательных морфем (аффиксов).

5. **Возрастание устойчивости языка по мере роста культурности народа.** Устойчивость языка, в частности его общеупотребительной, общенародной лексики, усиливается после его нормализации и по мере упрочения его литературных традиций и роста культурности народа: язык тем менее восприимчив к иноязычным влияниям, чем более он нормализован и упрочен в своих литературных традициях, чем значительнее его литература и грамотность говорящих на нем, чем распространеннее и выше образование в его народе.

Школа, литература и другие факторы культуры, упрочивая общенародные формы национального языка, превращая их во всенародное достояние, делают языки неспособными ни к дифференциации, ни к интеграции и ведут к постепенному отмиранию диалектов и говоров. Иными словами: бесписьменные языки более подвержены заимствованиям, чем письменные, младописьменные — более, чем старописьменные, ненормализованные — более, чем нормализованные, литературные.

Проследить действие всех этих закономерностей можно на истории любого национального языка (например, русского) и его взаимоотношений с другими языками. Влияние на русский язык церковнославянского, греческого, тюркских, латинского, а также немецкого, голландского, французского, английского и других языков обуславливалось их контактами в лице их носителей и международным сотрудничеством в культурной (церковной или светской), экономической (преимущественно торговой) и политической областях. Русский народ в своем историческом развитии был связан многообразными отношениями с другими народами, жившими на территории Восточной Европы, и с народами Западной Европы. Контакты языков, влияние культур на тех или иных языках, родственность (а значит, и однотипность) языков — все это имело свои последствия, оставило свои следы в русском языке.

Закономерности взаимодействия языков переплетены. Некоторые из них (например, зависимость влияния языка от влияния культуры и зависимость влияния языков от степени их родства)

могут действовать и в противоположных направлениях. Эти зависимости и особенности влияния языков друг на друга являются общими законами иноязычных влияний и действуют во все доступные изучению эпохи. Они определяют пределы скрещивания-смешивания языков и устанавливают невозможность их зонального и тем более всемирного слияния.

Казалось бы, что это очевидно — никак не соприкасающиеся языки не могут влиять друг на друга. Закон обуславливающего контакта (как можно было бы назвать зависимость влияния языка на язык от характера контакта между ними), однако, не принимался и не принимается во внимание сторонниками теории-гипотезы всемирного слияния языков. Для того чтобы была возможна беспредельная, абсолютная интеграция всех или большинства или даже просто значительной части существующих языков в процессах стихийной языковой эволюции, нужно, чтобы влияли друг на друга и не соприкасающиеся и посредников не имеющие языки (или чтобы между ними установился тесный и всесторонний живой контакт); чтобы языки влияли друг на друга независимо от того, являются ли они проводниками культурного и иного влияния; чтобы влияли друг на друга в максимальной степени языки, во всем различные, не имеющие ничего общего ни в структуре, ни даже в лексике; чтобы это влияние распространялось и на морфологию и на фонетику; чтобы с ростом культурности народов, с распространением и повышением образования литературные языки не увеличивали свою устойчивость, а, наоборот, теряли ее.

Но если бы даже перестали действовать все те закономерности влияния языка на язык, которые действовали и действуют до сих пор, то и тогда интеграция языков не могла бы привести к образованию всемирного языка — ни через посредство языков зональных, ни непосредственно — потому, что образование такого языка требует согласованности по каждой его детали, будь то отдельное слово или грамматическая форма, или морфема. Допустим, что в повседневном обиходе двух, нескольких или многих разноязычных людей возникло бы какое-нибудь слово для всеобщего языка. Как это слово донести до всеобщего сведения? Через печать и радио? Но ведь народы могут его и не принять! В других точках земного шара могли бы возникнуть для того же понятия другие слова. А как быть с грамматической структурой общего языка всех народов, с его фонемическим строем? В процессах всемирной интеграции языков, если даже допускать ее возможность в условиях всемирного социализма или коммунизма, в процессах стихийной эволюции всех языков все эти вопросы никак не решатся.

На стыках различных языков, например в портах Дальнего Востока и Средиземного моря, образовались в результате смешения разноязычных слов различные международные жаргоны.

Но, во-первых, образование пиджин-инглиша не привело к слиянию английского и китайского языков или образованию сабира — к слиянию языков Средиземноморского бассейна; возникновение подобных языковых смесей — международных жаргонов — не ведет к слиянию языков, из элементов которых они образуются. Во-вторых, человечеству, идущему к более совершенным формам общественной жизни, нужен не какой-нибудь международный жаргон, а язык, более совершенный, чем эти языки стихийного и полустихийного происхождения. Языковое же совершенство может быть достигнуто лишь с помощью передовой лингвистической науки, лишь в сознательном и организованном языкотворчестве, отнюдь не в таких процессах, в которых возникли портовые жаргоны.

Противники сознательного и организованного решения проблемы всемирного международного языка впадали в противоречие, когда, выдвигая и отстаивая беспочвенную гипотезу всемирного слияния языков, в то же время указывали на устойчивость национальных языков.

Устойчивость языков, сила их сопротивляемости всякой, и особенно насильственной, ассимиляции, их коренящаяся в сознании народов живучесть были подмечены лингвистами. Например, цитированный выше Р. Раск писал, что необходимо полное раздробление или уничтожение народа, чтобы его язык был совершенно искоренен, — даже насильственное подавление и сильнейшее смешение с чужими народами лишь спустя много столетий приводит к изменению языка³⁶⁶. Еще в VI в. во Франции говорили на галльском языке, несмотря на огромные усилия римлян искоренить его, и еще поныне говорят по-кирски в Уэллсе. Известны безуспешные попытки турецких ассимиляторов подавить языки завоеванных народов, как и другие подобные примеры в истории народов.

А ведь устойчивость языков возрастает после того, как они становятся формой национальной культуры, художественной литературы. В условиях социализма эта устойчивость не ослабевает, а, наоборот, еще более усиливается. И нет решительно никаких оснований, никаких данных утверждать, что на определенном этапе строительства всемирного социализма или даже коммунизма все это коренным образом, и без всяких «искусственных мер», изменится, что внезапно возникнет «течение процесса слияния»³⁷⁴ всех языков воедино, т. е., иными словами, — всемирный языковый хаос, из которого возникнет как Афродита из морской пены качественно новый язык для всех. Фердинанд де Соссюр говорил, что помимо лингвистики, «нет другой области, где встречалось бы больше нелепых идей, предрассудков...»³⁵⁰. Но кажется, еще никогда в лингвистике не возникало более нелепой идеи, чем идея — и даже целая теория — всемирного слияния языков в течение одной исторической эпохи.

5. ЯЗЫКОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ОБЩЕСТВА И ЯЗЫКОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Существует мнение, что функционирование языка устанавливает новые потребности, которые предъявляет общество к языку, и тем самым толкает его на дальнейшее и непрерывное развитие и совершенствование^{375а}. Но как удовлетворяются в процессе языковой эволюции потребности общества в новых словах для новых понятий?

Наша эпоха породила великое множество понятий, значительно обогатила языки новым содержанием, но новыми словами они обогатились в соотносительно гораздо меньшем количестве, (подобно тому как и минувшие эпохи оставили в языке гораздо больше лексических понятий, чем выражающих их слов). Например, появилось общественно значимое понятие 'летать в самолете (аэроплане)'. Глагол *летать* прежде обозначал (и продолжает обозначать) 'переноситься по воздуху на крыльях' и относился только к птицам и крылатым насекомым. *Летать* в отношении летательной машины это уже несколько иное понятие и уже совсем иное, — в отношении человека, сидящего в такой машине-самолете. «Аисты прилетели» и «артисты прилетели» — разница в значении слова *прилетели* большая! Но почему же в языке не появилось какого-нибудь нового глагола, означающего примерно 'двигаться в пространстве в летательном аппарате' (самолете, вертолете и т. д.)? Почему никто не пустил в обиход глагола с новым значением — любое, дотоле небывалое слово-глагол? Что удерживает людей нашей эпохи от выдумывания совершенно новых слов — новых по своему корню — для новых понятий? Если бы даже кто и выдумал такие слова, вряд ли они при существующем отношении к такого рода словотворчеству получили бы распространение.

А между тем новые слова пужны, в каждом языке не хватает массы слов, причем эти «исхватки», эти пробелы в лексическом (словарном) составе разных языков могут и совпадать и не совпадать. Например, в латышском языке есть глагол *slēpot* (слэпуот), соответствующий глагол есть и во многих других языках, в русском же литературном языке такого глагола не возникло, хотя Россия — родина лыж; по-русски говорят *кататься на лыжах*: глагол + предлог + существительное. Но, кто катается в России на лыжах, тот знает, что лыжники друг другу говорят: ««Езжайте сюда!», «Посхали!». Говорят также *ходить на лыжах*, *бегать на лыжах*. В словосочетании используются различные глаголы широкого значения, из которых ни один не передает в точности должного понятия. Глагола *лыжить* нет, он неблагозвучен, а производные от него формы и подавно, что, вероятно, и определило его неупотребительность — так и остается в русском словаре пробел.

Кто у нас не слышал, как обращаются к продавщице, буфетчице, гардеробщице и другим работникам обслуживания: «Девушка...» — не взирая на возраст той, к кому обращаются. Девушками называют в таких случаях и пожилых и даже старых женщин. А как к ним обращаться?! Товарищ? Гражданка? Нет у нас подходящего слова! И потребность в таком слове остается неудовлетворенной. Почему? Ведь всех наших слов когда-то не было, все они незапамятно давно кем-то придуманы, введены в обращение, прижились, живут, а вот мы не можем создать дополнительно всех нужных нам слов,

употребляем мало подходящие, пользуемся выражениями из двух-трех слов, где нужно было бы одно.

Нужны и некоторые слова, обобщающие частные понятия. Например, *ресторан, столовая, закусочная, кафе...*, а обобщающего слова нет. Как-то в газетной статье попало взятое в иронические кавычки выражение «пункт приема пищи». Можно ли этим выражением пользоваться всерьез? *Завтраки, обеды, ужины...* А как обобщено, соответственно французскому *le repas*? *Обеденный стол*. А разве за ним только обедают? *Собеседник* — участник беседы, разговора. А участник «приема пищи»? *Сотрапезник*? Но ведь слово *трапеза* давно устарело. В языке не выработалось нужнейших бытовых слов!

Слово *море* породило ряд производных слов, относящихся не только к морю, но и к океану. Слова, объединяющего оба эти понятия, нет. А необходимость его явственно чувствуется там, где речь идет о морях и океанах. Например, в книге «Фотосъемка под водой»³⁷⁶ читатель встречает по определению *океанский*, то *морской*, хотя и то и другое относится, по-видимому, к океанам и морям: «океанские глубины», «морское дно» (или все-таки автор имеет в виду глубины лишь океанов и дно лишь морей?). И вот два слова все время спариваются: «исследования морей и океанов», «работы в океанах и морях», «в открытом море или океане». «Изучаются проблемы морских приливов», а океанских разве не изучаются? *Морях, морской флот...*, а к океанам они, быть может, имеют больше отношения, чем к морям! *Мировой океан* — все океаны планеты. Нет суффикса, который позволил бы выражать понятие океана как целого (мировой океан) и океана как части целого. И во всех подобных случаях можно ощутить нехватку такого суффикса (как *армия* и *армия, фронт* и *фронт* — целое и часть).

Нет суффиксов и для выражения понятий 'содержащее', например, посуда и 'содержимое': «Я три тарелки съел:...» — а съел он не тарелки, а уху!

В вагон с табличкой «Для пассажиров с детьми» пытаются войти старик, средних лет мужчина и средних лет женщина. Проводница не пускает: «Это вагон для пассажиров с детьми!» А старик ей: «Я и есть пассажир с детьми! Это мои дети!» — «Для маленьких детей!» — «А тут не написано, что для маленьких!» Да, оказывается, у нас нет разных слов для выражения разных понятий: 'дети' в значении возрастном (маленькие дети) и 'дети' в значении родственном (дети своих родителей независимо от возраста).

Осиротеть — потерять родителей. А если потерять детей? Тоже осиротеть? Но говорят *дети-сироты*, а *родители-сироты* не говорят. Тоже не хватает и глагола и существительного для понятий 'лишиться кого-нибудь из близких родных' и 'лишившийся кого-нибудь из близких родных'.

Нет слова, выражающего понятие крика любого животного. Крик человека и крик животного — разница все-таки есть! Нет слова, выражающего понятие звукоиспускания любой птицы. *Пение* птиц, птицы *поют*, но *пение* человека, человек *поет* — нечто совсем другое!

Мы миримся с неточным и по существу неправильным употреблением слов, с их перегруженностью значениями, с отсутствием нужных нам слов и грамматических форм (например, в русском языке — форм причастия будущего времени) потому, что все это общепринято и традиционно — стало нормой. Правильно в языке эволюционного происхождения то, что общепринято, хотя это может и не соответствовать (и сплошь да рядом действительно не соответствует) логике, потребности говорящих и пишущих.

Узкие возможности словообразования в русском языке можно проследить хотя бы в наименованиях женщин по роду занятий, должности, специальности, профессии. Лишь немногие русские лингвисты признают здесь несовершенство языка, как это делал

проф. М. Я. Немировский, писавший о «серьезных затруднениях из-за отсутствия соответствующих средств»: «Язык отстал от общественного развития, в старые формы он пытается вместить новое содержание»³⁷⁷.

Большинство наших лингвистов предпочитает утверждать, что хотя «постоянное участие женщин в том или ином роде занятий не всегда отражается в литературном языке в виде особого слова женского рода», но в общем-то это бывает, как правило, в тех случаях, когда «участие женщин в том или ином роде занятий не является характерным» и, следовательно, «язык здесь всецело следует за жизнью»³⁷⁸ (А. А. Дементьев); что «сейчас подавляющее большинство новообразований — названий женщин по социальному признаку или по профессии — создается средствами суффиксации»³⁷⁹ (А. В. Миртов) и «названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам, если нет упора на половую дифференциацию»^{260г} (В. В. Виноградов) и т. д.

Но так ли все это на самом деле? Не объясняются ли особенности в наименованиях женщин не влиянием жизни и потребностями говорящих, а структурными возможностями языка?

Если мы рассмотрим суффиксы личных (со значением лица) имен существительных, то увидим, что лишь часть их продуктивна в отношении параллельных женских форм. В отношении женских дублетов есть несколько суффиксов, продуктивных лишь частично: *-ец* и соответственно *-иц-а*: (*певец* — *певица*, но как от *творец*, *борец*, *делец*, *гребец*?), *-вик* (*фронтвик* — *фронтвичка*, но как от *кадровик*, *пищевик*?), *-арь* (*знахарь* — *знахарка*, но как от *пахарь*, *пекарь*, *главарь*?), *-ер* (*революционер* — *революционерка*, но как от *акционер*, *милиционер*, *инженер*?), *-ор* (*директор* — малоупотребительные *директриса*, но как от *конструктор*, *автор*?). Непродуктивны (за единичными исключениями) в отношении параллельных женских форм следующие суффиксы: *-ик* (*комик*, *трагик*, *лирик*, *академик*, *историк*, но — *медик*: *студентка*), *-ок* (*едок*, *ездок*, *игрок*, *седок*, *знаток*, *стрелок*), *-ер* (*режиссер*, *дирижер*, *суфлер*, *гример*, *сапер*). К ним примыкают личные существительные, образованные путем словосложения и содержащие во второй части глагольные морфемы: *-сар* (*сталебар*), *-руб* (*лесоруб*), *-вод*, (*экскурсовод*), *-дел* (*бракодел*), *-кол* (*дровокол*), *-коп* (*углекоп*), *-лов* (*птицелов*), *-мер* (*змелмер*), *-рез* (*хлеборез*), а также иномысленного происхождения: *-граф* (*фотограф*), *-лог* (*филолог*), *-фил* (*славянофил*), *-фоб* (*юдофоб*). Почти все они не имеют употребительных параллельных женских форм.

В жизни и печати, литературе — всюду при наименовании женских профессий наблюдается полный разрыв в употреблении то женских, когда они возможны, то мужских форм. Иногда пол проясняется при упоминании фамилии, но часто фамилия женщины не имеет признака женского рода, тогда выручает женское имя. А если нет этого, пол можно прояснить женской формой глагола прошедшего времени. В этих случаях нарушается формальное согласование в роде («доктор сказала»), происходят неувязки и с прилагательными, местоимениями.

Дело здесь порой доходит до анекдотического словоупотребления, о котором писал как-то «Крокодил»: «Машиниста Степанова знаешь? — «Еще

бы!» — «Женился». — «На ком?» — «На начальнике станции». «Когда кончится война, Трофим, поженим твоего ефрейтора на моем ефрейторе». «Теперь у нас в колхозе прибавился еще один старший механик» — «Кто?» — «Муж нашего механика»³⁷⁹.

Если язык в своем нерегулируемом развитии действительно следовал бы за жизнью, в нем выработались бы: а) суффикс, означающий мужчину, в) суффикс, означающий женщину, с) суффикс, означающий человека или несколько человек независимо от пола. Это усовершенствование в наших старых языках уже невозможно!

Как грамматическая структура (включая словообразовательную систему), так и лексический состав любого языка, возникшего эволюционно — в процессе донаучного творчества, испещрен пробелами, но вместе с тем содержит и излишества: наличие для одной и той же грамматической категории двух и более морфем, для одного и того же понятия — двух и более стилистически равноценных слов.

Есть факторы, которые сдерживают появление в литературном языке нового, его прогресс. Это — 1) нормализующая сила общепринятости и традиции, 2) требование мотивированности новых слов для новых понятий, 3) несовершенство грамматической структуры, ограничивающей возможности словообразования (как и формобразования). Совокупность этих факторов можно было бы назвать комплексом этимологической обусловленности (комплексом обусловленности).

Создание, функционирование и развитие всеобщего языка будет подчиняться своим факторам этимологической обусловленности, научно обоснованным и разумно — по мере общественных потребностей регулируемым. Свершится то, что предвидели Маркс и Энгельс в отношении языка: «Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода»³⁷⁹.

Интереснейшие случаи преодоления комплекса обусловленности имеют место в эстонском языке. Лингвисту И. Аавику удалось в течение каких-нибудь 20—30 лет ввести в живой литературный язык эстонцев несколько десятков созданных им корней. В лексическом составе эстонского, как и всякого другого, языка есть пробелы,¹ — эти-то пробелы и заполнял Аавик.

Например, понятие 'искренний' передавалось словами, означающими 'справедливый', 'откровенный', 'сердечный', 'серьезный', 'преданный'. Аавик выдумал для этого понятия слово *siiras*. И оно привилось как черенок на живом дереве. В словаре 1963 г. слово *искренний* передается: *siiras, avameelne*. Вместо *otsaesine* ('конец' 'передняя + часть чего-нибудь') Аавик

предложил для понятия 'лоб' искусственное слово laup, которое хорошо закрепилось в литературном языке, несмотря на то что одновременно был введен неологизм суффиксального происхождения — otsmik. 'Кролик' по-эстонски назывался в буквальном переводе 'домашний заяц' (kodujähes), некоторые употребляли заимствование из русского языка — truss. Аавик создал совершенно новое слово küülik, и оно было принято народом.

В своей книге «1000 новых корней должно быть нашим идеалом» этот словотворец говорил, что если принято 20 слов, почему нельзя принять 200 слов, почему в таком случае и не трижды 200 слов? Принцип ведь один и тот же. Считая, что развитие национальных языков нельзя оставлять во власти стихийности и случайностей, Аавик призывал к творческому вмешательству в языковую эволюцию.

Обо всем этом недавно рассказал на страницах журнала «Вопросы языкознания» (1965, № 4) К. И. Бахман в противовес утверждению В. А. Будагова («Введение в науку о языке». М., 1958), будто выдуманных слов в действительности почти совсем не существует и что «попытки искусственно создать такие слова за пределами индоевропейских языков, например в эстонском, не могли не окончиться полной неудачей».

К. И. Бахман показал, что факты свидетельствуют об известной удаче сторонников искусственного культивирования эстонского языка, что «опыт искусственного выдумывания новых корней в эстонском языке» оправдал себя на практике и в настоящее время в среде эстонских лингвистов признается пригодным в числе других способов словообразования. Доказано практикой, что «искусственные слова» могут с успехом вытеснять даже слова основного словарного фонда. Конечно, для этого нужны благоприятные условия: потребность в новых словах и поддержка новых удачных словообразований общественностью, литературой, печатью ³⁸⁰.

Всемирная языковая эволюция, проявляющаяся в этнических языках, была в прошлом и остается в настоящем в основном стихийной, неуправляемой, хотя общество в необходимых случаях в той или иной ограниченной мере оказывает на нее целенаправленное влияние. Общечеловеческий язык, который возникнет в языкотворческих процессах революционного характера, будет также эволюционировать, но его эволюция, несомненно, будет протекать как процесс управляемый, контролируемый, плановый.

Возражения против идеи сознательно созданного всеобщего языка как против искусственного, которые все еще нередко приходится слышать и читать, вызваны либо неосведомленностью в этой области знаний, либо недоразумением — неправильным пониманием терминов *искусственный язык* и *естественный язык*, а чаще всего тем и другим. Так называемые живые языки представляются некоторым как бы даром природы, но даже и те, кто прекрасно понимает, что язык—явление общественное, употребляют термин *естественные языки* (*природные, натуральные* *).

1. ИСКУССТВЕННОЕ И ЕСТЕСТВЕННОЕ В ЯЗЫКЕ

Придет время, когда всеобщий язык, созданный лингвистами мира на основе критической переработки языкового опыта человечества, из возможности превратится в действительность. И тогда потомки, преодолевающие «международную немоту», с ироническими улыбками будут вспоминать те возражения, которые делались против идеи создания общечеловеческого языка.

Может быть, будет извлечена на свет (среди прочих высказываний скептиков XX в.) заметка под названием «Искусственные языки», напечатанная в Большой Советской Энциклопедии, где утверждается: «Идея искусственного языка, общего для всего человечества, сама по себе утопична и неосуществима... Искусственные языки являются только несовершенными суррогатами живых языков; их проекты носят космополитический характер и потому порочны в принципе...»³¹³. Это писалось в начале 50-х годов. Но и в середине 60-х годов тот же скепсис свойствен некоторым ученым.

* Например, Э. К. Дрезен писал: «Наряду и параллельно с природными языками может и будет существовать язык вспомогательный международный» («Международный язык», 1926/27, № 7/8). А в сборнике статей Московского университета «Теоретические проблемы прикладной лингвистики» (1965) эггические языки называются «натуральными» (стр. 17 и др.).

Автор книги «Принципы моделирования языка» П. Н. Денисов высказал свое неверие в возможность претворения в жизнь идеи всеобщего языка следующим образом: «Что же касается возможности декретировать [?!] переход человечества на единый язык [сразу — на единый?!], созданный хотя бы по типу языка эсперанто, то такая возможность является утопией... Крайняя консервативность языка, невозможность скачков и резких потрясений, неразрывная связь языка с мышлением и обществом и многие другие чисто лингвистические обстоятельства не позволяют провести такого рода реформу, не дезорганизуя общества»³⁸⁴.

Автор книги «Звуки и знаки» А. М. Кондратов полагает, что все существующие родные языки никогда не смогут быть заменены «никаким искусственно придуманным «всеобщим» языком». Он все же допускает идею вспомогательного языка: «Речь может идти только о языке-посреднике... которым пользуются лишь при разговоре с иностранцами — и только»³⁸⁵.

Подобные высказывания исходят, по-видимому, из того факта, что ни один из индивидуальных проектов всеобщего, или всемирного международного, языка живым языком не стал. Но то, что оказалось невозможным в одних исторических условиях для идеалистов-одиночек и оторванных от пролетариата, от народных масс групп таких же идеалистов, то может оказаться вполне возможным в других исторических условиях для научных коллективов и народных масс, овладевающих научной теорией языкотворчества, — при поддержке революционных партий и правительств.

Можно и нужно возражать против несовершенных суррогатов живых языков, но зачем же распространять это возражение на саму идею сознательно созданного языка для всеобщего употребления? Мысль о декретировании перехода человечества на единый язык, отказе народов от своих традиционных языков, конечно, утопична, но ведь этого же никто не предлагает! Речь идет о создании, распространении и употреблении международного, интернационального языка наряду с народными, национальными, причем не какого-нибудь суррогата языка, а языка более совершенного, чем лучшие из языков эволюционного происхождения. Никакой дезорганизации общественной жизни он не вызовет и вызвать не может, наоборот — вызовет ее лучшую организацию в масштабе мировом, всемирном, что становится все более настоящей исторической необходимостью. Не соответствует действительности утверждение, будто к концу 20-х годов нашего века вопрос об искусственном международном языке «начинает сходиться с повестки дня»³⁸⁶.

Что же такое «естественный язык» и «искусственный язык», что такое «естественное» и «искусственное» в языках настоящего и в языке будущего? Чтобы уяснить это, необходимо вначале рассмотреть, что такое «естественное» и «искусственное» в жизни и деятельности человека, человеческого общества.

«С точки зрения материалиста, между этими понятиями нет противоположности, как нет и строгой грани. Ведь все, что делается „искусственно“, делается из материала, имеющегося в природе, на основании тех же законов математики, физики, химии и других наук, которым подчинена вся живая и неживая природа», — заметил выступивший в дискуссии «Литературной газеты» по кибернетике академик С. Л. Соболев ³⁸⁷.

В одной из своих статей проф. Б. М. Кедров этот вопрос рассматривал так: «Понятие „естественное“, „натуральное“ связано с природой, с „естеством“, с „натурой“, а понятие „искусственное“ с человеком, с его искусством, мастерством... Само становление человека неразрывно связано с его трудовой деятельностью, с возникновением общественного производства, а это значит, что человек начинает свою историю именно с искусственного... „Искусственное“ в нашей практике в отличие от „естественного“ означает достижение более высокой степени научного, технического и общественного развития...» ³⁸⁸.

В ходе исторического развития человек научился делать много такого, что прежде давала ему — не без труда с его стороны — природа. Искусственное волокно, искусственный шелк, искусственная шерсть, искусственный мех, искусственный каучук и многое другое, — как правило, более доброкачественно, более красиво и более прочно, чем естественное. Синтетические материалы — пластмассы — играют все большую роль в производстве и в быту, т. е. во всей деятельности и жизни человека.

Во всех науках происходят революционные изменения, в биологии в частности. На стыке с кибернетикой возникла бионика: мало того, что кибернетики создают все более совершенные машинные подобия человеческого мозга, некоторые ученые уже не считают принципиально невозможным искусственное создание живой клетки, и бионики всерьез дискутируют вопрос о возможности создания искусственным путем живого мыслящего существа.

Если мы зададимся вопросом, может ли общество вмешаться в языковую эволюцию или это недопустимо, то мы должны будем прежде всего вспомнить, что в истории действуют разум и воля человека, и если человеческие разум и воля вносят глубокие изменения в царство мертвой и живой природы, то это тем более возможно и даже исторически необходимо во всех областях общественной деятельности, общественной жизни. Такое вмешательство в общественную эволюцию имеет место в революционном преобразовании мира на основах социализма и коммунизма.

* * *

Академический словарь современного русского литературного языка вскрывает в слове *естественный* четыре значения, из которых в данном случае нас интересует третье: существующий

от природы, прирожденный (противопоставляется искусственному). Слово *искусственный*, согласно этому словарю, имеет два совершенно различных значения: 1) сделанный рукой человека; противоположное — естественный; 2) надуманный, ненастоящий. Во втором значении слово *искусственный* — синоним таких имен прилагательных, как *фальшивый*, *неверный*, *ложный*, *ошибочный*.

Но, с другой стороны, мы с восхищением говорим и пишем, слушаем и читаем о таких искусственных сооружениях, как судоходные и оросительные каналы и водохранилища — последние с гордостью за советского человека величаем морями. Человек создал море! Искусственное море. Это звучит действительно гордо. И еще более гордо звучало слово *искусственный* в сочетании со словами *спутник Земли*, *спутник Солнца*. В этом смысле определение *искусственный* близко выражению *созданный человеческим гением*. Искусственные реки или искусственные озера (моря!) и особенно искусственные небесные тела — это действительно нечто гениальное.

Вот сколько несходных и порой противоположных значений вкладываем мы в слова *искусственный*, *искусственность*! Когда поклонники естественности возражают против создания языка для безграничного употребления (наряду с языками употребления ограниченного), они обычно вкладывают в слово *искусственный* отрицательное значение — 'ненастоящий', 'фальшивый', 'надуманный'. Вместе с тем отвергается определение *искусственный* и в положительном его значении: слово-то одно, и легче всего, не вникая в его противоречивость, отвергать его смысл целиком.

Ошибочное понимание и употребление слова может привести к ошибочным концепциям или теориям, а ошибочные концепции и теории порождают ошибочные действия, ошибочную практику. Происходит это отчасти из-за несовершенств наших так называемых естественных языков. Неточное, двусмысленное определение *искусственный* по отношению к сознательно созданному языку для общения всех разноязычных и поныне имеет отрицательное влияние на идею такого языка и возможности ее реализации. Но в конце концов люди, несомненно, все же создадут нужный им язык — нужный на всех широтах земного шара.

Как же можно себе представить превращение такого языка-проекта в живой, т. е. в жизни употребляемый, язык?

Представьте, что перед вами учебник незнакомого вам языка: его полная грамматика, двуязычные словари (другой язык этих словарей — ваш родной), книги, журналы, газеты на языке, который вы собрались изучить. В изучении его вам помогут в учебном заведении, если вы учитесь, или в учебной группе, «кружке», по месту работы. Разве вы не сможете таким образом овладеть незнакомым языком?

Ведь освоенные вами языки — привычный или привычные с детства, освоенный или освоенные в дальнейшем — живут в вашем сознании в своем современном состоянии, синхронном, и на пользование ими никак не влияет их история, их диахрония, происхождение употребляемых вами слов. Кто и когда выдумал слова, которые вы слышите и читаете, произносите и пишете, вам практически безразлично. Например, вы пользуетесь словом *никель* для обозначения определенного металла, даже не зная о том, что так называли его шведские рудокопы в честь сказочного подземного карлика. Происхождение слов, языков ничего не определяет в вашей «речевой деятельности».

Представьте себе далее, что вы изучили некий совершенно новый язык и практикуетесь на нем устно и письменно, имеете возможность воспользоваться своими знаниями при встречах со всеми, кто не говорит на вашем родном языке, при переписке с ними, при обмене печатными изданиями. Вы будете пользоваться новым языком как средством общения, наряду с родным языком, независимо от того, возник ли этот новый язык в течение столетий и тысячелетий в стихийно-эволюционных процессах или в течение десятилетий в процессах сознательного творчества коллективов ученых и народных масс всего мира. Лишь бы язык, которым вы овладели с целью преодолеть свою немоту и неграмотность в международном общении, имел качества живых, всем привычных языков, но не все их качества, а только положительные, отрицательных не имел бы.

Условно всеобщий язык мы можем называть *вторым* языком всех народов, имея в виду, что каждый народ говорит на своем исконном языке. Но ведь очень и очень многие люди владеют двумя и более языками. Для таких всеобщий язык будет (особенно на первых порах) третьим, четвертым языком. Второй язык всех народов мира для каждого отдельного человека значит «еще один язык». Мозг человека, его память, его речевые способности таковы, что можно свободно говорить, читать, писать на двух и более языках.

Это общеизвестное явление, которое можно назвать *я в л е н и е м*, или *ф е н о м е н о м*, *я з ы к о в о й с о в м е с т и м о с т и*, и обуславливает возможность «еще одного языка» для всех, происхождение которого несколько не будет отзываться на его функциях (при наличии соответствующих качеств).

Обладай человек способностью говорить только на одном языке, создание общечеловеческого языка было бы невозможно. Тогда единственной надеждой на возникновение его была бы надежда на изменения в самих существующих языках — такие изменения, которые вели бы их все более и более к единству. Если же таких изменений в языках не происходит, если большее или меньшее лексическое взаимообогащение (скрещение) языков отнюдь не ведет к единой лексике, и тем более не способны эволюционно пе-

решаться и слиться воедино их грамматические и фонемические системы, их структуры, то человечество было бы обречено на вечную языковую раздробленность, разобщенность. Следует с этих позиций глубже изучать лингвопсихику — языковое сознание и подсознание — и соответственно разрабатывать лингвопсихологию, чтобы еще убедительнее доказать возможность превращения сознательно созданного всеобщего языка — проекта его — в живой язык, т. е. язык, живущий в памяти людей и используемый ими в жизни.

Способность человека к многоязычью — этот феномен языковой совместимости — и абсолютный примат синхронии языка (для сознания пользующихся им), обуславливающий отсутствие влияния происхождения языка на его функционирование, открывают перед всеми народами и народностями Земли тот путь, на котором может и должна быть решена проблема их языковой общности. Это даст реальную возможность совершеннейшему проекту языка нового человечества и его новой цивилизации превратиться на всех материках и островах земного шара в живой, контролируемо развивающийся язык. И можно не сомневаться, что он будет не только живым, но и самым живучим из языков.

2. ЧЕТЫРЕ СТЕПЕНИ ИСКУССТВЕННОСТИ ЯЗЫКА

Когда-то языки представлялись некоторым ученым своего рода организмами. В XIX в. это шло от Августа Шлейхера, который рассматривал язык как явление не общественной, а естественной истории, как своеобразный природный организм или, во всяком случае, как подобие его, подчиняющееся в своем развитии и функционировании тем же закономерностям, что все явления природы, все ее «создания».

Но натуралистическая концепция языка и в свое время встречала возражения. Основоположник психологического направления в лингвистике, немецкий ученый Г. Штейнталь (Steinthal, 1823—1899) возражал ей так: «Нас спросят: уж не хотели мы назвать язык *организмом*? Но что нам, спрошу я, до слова, которое никогда не имело ясного смысла на своей родной почве и которому в течение долгого времени угрожает постепенная потеря всякого значения?... Слово *органический* может иметь для нас только переносное значение, так как язык принадлежит по своей сути разуму и является духовным продуктом»^{389а}.

Что касается термина *искусственные языки*, то и среди самих лингвистов нет единства в понимании его. Вспомним, прежде всего слова Н. Я. Марра о том, что «натуральных языков не суще-

ствуется в мире, все языки искусственные, все созданы человеком»^{334г}. Согласно этому воззрению, совпадающему с определением искусственного в деятельности человека, данным Б. М. Кедровым, все звучащие на Земле языки и наречия — искусственны. Таково одно, самое широкое, значение термина *искусственные языки*. Другое, менее широкое, значение вкладывали в него многие ученые. Поль Лафарг (Lafargue, 1842—1911), один из первых выдающихся марксистов, находил язык французской аристократии — в противоположность языку простонародья — искусственным³⁹⁰. Академик А. А. Шахматов считал искусственной всякую нормализацию в языке. Проф. И. А. Бодуэн де Куртене утверждал: «Почти всегда литературный язык образуется искусственно»³⁹¹. Того же мнения был и проф. Л. А. Булаховский: «Нет неискусственных литературных языков...»³⁵⁸.

Самым распространенным употреблением термина *искусственные языки* является его соотнесение с проектами международного языка, которые противопоставляются национальным и вообще этническим языкам как языкам естественным. Здесь — нагромождение неточностей: во-первых, исторические языки называются *естественными* от слова *естество*, т. е. природа; во-вторых, не делается различия между бесписьменными языками и литературными; в-третьих, *проекты* международного языка называются *международными языками* (дистанция между языком международным и его проектом или проектами — огромного размера); в-четвертых, не делается различия между языками-проектами апостериорными и априорными. При такой многозначности термина *искусственные языки*, такой его смысловой неопределенности сказать о языке всемирного социализма и коммунизма «искусственный» — значит ничего о нем не сказать.

На самом же деле, как указывал Гуго Шухардт, в языкотворчестве нет принципиальной разницы между процессами, называемыми естественными, и процессами, называемыми искусственными, как нет ее и в результатах этих процессов — в самих языках: «Искусственные языки более или менее естественны, естественные языки более или менее искусственны». Разницу между теми и другими Шухардт усматривал в том, что сама лексико-грамматическая ткань может быть либо грубее и проще, либо тоньше и сложнее^{229б}. К этому можно добавить, что в упрощенных проектах международного языка она, конечно, грубее и проще, а в языке коммунизма, вероятно, будет тоньше и сложнее по сравнению с языками национальными, квазиестественными.

Э. Сепир на II Международном конгрессе лингвистов так возражал против термина *искусственные языки*: «Термин *искусственные* не имеет ни психологического, ни исторического оправдания в отношении таких сконструированных языков, которые используются практически. Они искусственны не в более глубоком смысле, чем тот, что придается технике оперного певца как ис-

кусственной по сравнению с бессознательной техникой народного певца»^{237в}.

Некоторые западные интерлингвисты считают целесообразным вообще отказаться от путающего термина, избегают его, предпочитая определение *сконструированный* — *constructed*. О. Есперсен в брошюре «Естество и искусство в языке» («Nature and Art in Language», 1933) предложил пользоваться терминами *национальные языки* и *сконструированные языки*³⁹². Но, во-первых, не все этнические языки — национальные, во-вторых, сконструированные языки бывают разной степени искусственности и, в-третьих, нет резкого разграничения (какое есть в этих двух терминах) между всеми этими разновидностями языков, представляющими собой как бы ступени языкового развития.

Надо либо в самом деле отказаться от этого неточного термина, либо уточнить его. Уточнением в данном случае может быть установление различных степеней искусственности языка. Если воспользоваться вошедшими во многие языки корнями *ling* и *art* (из латинского), то вместо выражения *языковая искусственность* краткости ради можно употреблять аббревиат LA.

Можно установить четыре степени LA:

1) языки первой степени искусственности (LA-1) — языки бесписьменные или речевая стихия бесписьменных говоров национального языка, исторические языки и наречия до или вне их нормализации, до или вне литературных норм;

2) языки второй степени искусственности (LA-2) — языки нормализованные — национальные литературные;

3) языки третьей степени искусственности (LA-3) — проекты международного, интернационального языка, пока не нашедшие применения на практике или нашедшие его экспериментально, созданные на основе языкового опыта человечества, на материале исторических языков (апостериорные языки);

4) языки четвертой степени искусственности (LA-4) — проекты международного языка, созданные в отрыве языкового опыта человечества на основе философской классификации понятий и буквенной символики (априорные языки).

Языки кибернетические, математические языки-коды, а в простейшем виде — всякие коды (машинные языки-посредники могут быть языками LA-4 и даже LA-3) можно было бы назвать языками пятой степени искусственности (LA-5), но слово *язык* здесь употребляется уже в ином, чем обычное, значении. Такой язык разговорным, устным стать не может даже экспериментально.

Языки первой и второй степеней искусственности создавались постепенно родами, племенами, народностями, народами на протяжении всей общественной истории. Это — живые или уже отмершие языки. Что же касается языков третьей и четвертой степеней искусственности, то создавались они в короткие сроки одним человеком или группой людей на материале исторических языков или в отрыве от него — как проекты международного языка, в большинстве случаев это мертворожденные языки, лишь немногие из них выполняли (Воляпюк) или выполняют свои функции (Эсперанто и в гораздо меньшей степени некоторые другие). Лишь языки LA-1 можно было бы условно называть естественными (вернее было бы — квазиестественными), употребляя этот термин-элемент индосказательно, как синоним прилагательных *исторические, эволюционные*, в смысле 'стихийно сложившиеся'.

В этом смысле полустественными-полуискусственными являются языки LA-2 и LA-3. Первые из них можно было бы условно называть полустественными (квазиполустественными): анархия и хаос ненормализованной народной речи, стихийность языкотворческой практики этнических групп начали в них преодолеваться сознательно, а в некоторой мере, в некоторых случаях и в организованном порядке. В таком случае языки LA-3 с такой же условностью можно было бы называть полуискусственными: их лексика сложилась исторически, эволюционно, искусственны лишь отбор лексических элементов (корней) и грамматическая система их. Стопроцентно искусственными являются лишь языки LA-4: в них нет ничего от языковой эволюции, от языковой действительности. Языки LA-5 — математические языки-коды — сверхискусственны.

В ходе исторического развития человечества, с повышением роли общественного сознания в общественном бытии язык становится все более и более искусственным.

Упомянувшийся здесь ранее французский лингвист М. Брель считал, что естественным языком «в тесном смысле» можно считать лишь инстинктивные крики. Он же обращал при этом внимание на недостатки языков, которые упорно называют естественными: «Одна только привычка скрывает от нас эти недостатки»^{230в}.

Тем, кто возражает против искусственного общечеловеческого языка как против утопии, Максим Горький напоминал, что утопии все чаще «превращаются в рабочие гипотезы науки. Ныне [в 20-е годы] к делу осуществления утопии присоединяется много тысяч и миллионов людей и ныне единый международный язык необходим человечеству более, чем когда-либо раньше... Говорят: „язык не развивается искусственно“... Я глубоко убежден, что организованная воля масс вполне способна превратить „искусственное“ в естественное...»³⁹³

В другом месте Горький писал: «Мне кажется, что мы, люди, вправе сказать: все то, что нами называется „культурой“, вся та

„вторая природа“, которая создается нашей наукой, техникой, искусством, словом все то, что отводит нас от животных, — все это „искусственно“... Для человека, — насколько он животное, — естественно лакать или пить горстью, ходить голым, рычать, но вовсе не естественно выдумывать Прометея, Фауста, Дон-Кихота. Мы все живем в домах, городах, среди вещей, сделанных силою нашего разума и воображения, нашей волей для того, чтобы жизнь была легче и приятнее нам. Если в людях возникает создание необходимости говорить всем на одном языке — это тоже будет сделано. Все на земле создается напряжением нашей воли, нашего воображения, нашего разума. Человеку пора внушить себе: я все могу. Не нужно бояться никаких дерзновений и безумств в области труда и творчества...»³⁹⁴.

3. ЯЗЫКИ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ СТЕПЕНЕЙ ИСКУССТВЕННОСТИ — ДОНАЦИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ

Термин *донациональные языки* в лингвистике не принят, но приняты термины *племенные языки*, *языки народностей*. От существительного *племя* образуется употребительное прилагательное, от существительного *народность* прилагательного нет, поэтому употребляется такой ряд лингвистически несистематичных терминов: *племенной язык*, *язык народности*, *национальный язык*. Языки племен и народностей по большей части бесписьменны, и даже имеющие письменность не нормализованы и не имеют или почти не имеют печатной литературы. Поскольку они предшествуют образованию языков национальных, которые нормализованы, их можно было бы называть донациональными.

Чем меньше в языке искусственности, тем сильнее в нем изменяемая стихия устной речи, не связанной какими-либо литературными нормами, письменностью.

О том, как в диких и полудиких коллективах свободно и беспрепятственно бьется источник языкотворчества, можно составить себе некоторое представление хотя бы по свідетельству Г. В. Бейтса (Bates), автора книги «Натуралист на Амазонке» («The Naturalist on the Amazons»), по рассказу, который приво-дил в своих лекциях о языке Макс Мюллер (1863): «...Когда индейцы, мужчины и женщины, сходятся, чтобы поговорить, они, по-видимому, находят большое удовольствие в выражении новых способов произношения, в коверканье слов. Я заметил это во время моих долгих путешествий. Когда подобные изменения обнаружатся в такой семье или общине, которой несколько лет кряду случится провести вне своего племени, местная порча языка становится неизбежной, и община по прошествии известных лет разъединения становится непонятной другим общинам, принадлежащим к одному и тому же племени и живущим на берегу одной реки, как это случилось с коллиносами на реке Джуруа. Эта склонность к выдумыванию новых слов и новых способов произношения вместе с малочисленностью населения и привычкой жить врозь, врассыпную — вот, мне кажется, причины такого громадного разнообразия языков в Южной Америке»^{184в}.

Много подобных фактов можно отыскать и в любой части света, в частности в многоплеменном арабском мире, где для выражения каждого из множества понятий было создано много десятков, а то и сотен слов. Часть их — относительные синонимы, передают оттенки значения, но большинство дублирует друг друга, передает одно и то же понятие. Так, для понятия 'змяя' в арабском многоплеменном мире возникло около 200 слов, для понятия 'лев' — около 500, для понятия 'верблюд', по одним данным — свыше 1000, по другим — 5744³⁹⁵. Сохранился рассказ о том, как филолог Х в. Хамза аль Исфахани, насчитав 400 слов для понятия 'беда', воскликнул: «Имена бед сами по себе — беда!» Другой древнеарабский филолог — аль Фирузабади, использовав труды Ибн-Сина и индийского мусульманина Сагани, а также южноарабскую лексику, составил словарь, по объему небывалый и неповторимый: содержал не менее 60 томов, а возможно, и все 100. Этот колоссальный словарь не сохранился, но на его основе Фирузабади составил другой, тоже достаточно обширный, который символически назвал «Камус», что значит «Океан», как с тех пор арабы и стали называть словари.

Языки расслоенных на классы буржуазных наций не были и не могли быть во всем едиными в пределах каждой буржуазной нации, что в отношении английского языка XIX в. отмечал Энгельс. Феодалная раздробленность народов обуславливала и раздробленность их языков на территориальные диалекты и говоры. Когда, например, Германия была разобщена более чем на 30 частей, мог ли быть германский — немецкий — язык единым? «Во времена Гёте каждый немец говорил на диалекте», — свидетельствовал мемуарист Вильгельм Бодэ^{397а}. Так было и повсюду до эпохи феодализма, так было в эпоху феодализма, так оставалось, лишь мало-помалу изживаясь, при капитализме, пережитки этого наследуются народами, строящими социализм.

Сохранились свидетельства, как на Руси чуть ли не в каждой губернии, каждой области был свой говор, остатки которых сохранились до наших дней.

Вот что, например, засвидетельствовал проф. Д. К. Зеленин об одном из дореволюционных русских говоров — о вятском: «Строго устойчивыми являются собственно одни термины-названия различных орудий и других предметов домашнего обихода. Во всем прочем каждый, можно сказать, говорит по-своему, пользуясь своими словами и выражениями, даже более: в каждом данном случае употребляются часто иные слова-синонимы по сравнению с точно таким же следующим случаем... Для выражений понятий 'ударить', 'бить', 'есть', 'говорить', 'врать' и множество других существует по несколько десятков синонимических слов...»³⁹⁸.

Помимо территориальных говоров, были еще и говоры сословные, классовые. Популярный в свое время (в первой половине XIX в.) писатель А. А. Бестужев-Марлинский писал в очерке «Новый русский язык»: «Всякое звание имеет у нас свое наречие... Никто сразу не поймет другого». «У нас нет языка разговорного общего», — свидетельствовал современник Бестужева Н. Надеждин и перечислял «разговоры» (говоры): мужиков, купцов, помещиков, светского столичного общества и т. д.: «Надо переплавить все эти разнородные элементы и вылить из них один чистый, образованный, изящный разговор, которого не стыдились бы книги...»³⁹⁹ — заключал он.

Языки ненормализованные во всей изменчивой пестроте их диалектов и говоров и языки нормализованные (первые — бесписьменные, вторые — письменные, литературные) — таковы две

ступени, две стадии в языковом развитии общества. Переход ко второй стадии характеризуется повышением сознательности языкотворчества и внесением упорядоченности, искусственности в народную языковую стихию.

Что даже бесписьменные языки непросвещенных народов, народностей, племен не являются языками естественными, природными, что они надприродны и, следовательно, в какой-то мере искусственны — это давным давно понял еще Франсуа Раблэ (1494—1553), писавший, что наши языки вовсе не имеют природного характера, что они создаются искусственно народами по своему вкусу и разумению.

Младограмматики, представители влиятельного направления в исторической лингвистике конца XIX и начала XX в., отличали «естественный народный говор» от «искусственного письменного языка». Проф. А. С. Будилович в конце минувшего века усматривал в переходе языка от просторечия к литературной форме переход от бессознательного творчества масс к сознательному творчеству личностей: «Просторечия представляются продуктом бессознательного творчества народных масс; в языках же литературных с большей или меньшей силой отражается влияние личности и сознательного выбора». Литературные языки, по его словам, «выросли на почве говоров и представляют собой культурную переработку просторечий»⁴⁰⁰. Сходным образом высказался Максим Горький: «Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем так сказать „сырой язык“ и обработанный мастерами»⁴⁰¹.

Случаи сознательной выработки письменного, литературного языка, его нормализации имели место в истории еще задолго до образования литературных языков современных наций. Наиболее ярким таким случаем в глубокой древности является выработка санскрита, что и значит «выработанный». Замечательный индийский ученый — брамин Панини, живший в V в. до нашего летоисчисления, составил стройную, тщательно разработанную грамматику древнеиндийского языка на основе диалекта области Брахматвары, политического, экономического и культурного центра древней Индии. Этот нормированный язык сыграл большую роль в устранении диалектной пестроты языка, на котором были написаны Веды — священные книги древних индийцев. Благодаря трудам Панини и других грамматиков той далекой эпохи, санскрит долго жил как литературный язык. Да и в наши дни на санскрите выходит литература.

Европейские лингвисты, не говоря уже об индийских, очень высокого мнения о санскрите и творчестве древнеиндийских филологов. Яков Гримм, например, восхищался «совершенством и поразительной правильностью санскрита»⁴⁰². И. А. Бодуэн де Куртенэ писал, что «комментарии индийских грамматиков к Ведам не имеют ничего себе равного», что появившиеся затем грамма-

тические сочинения, посвященные санскриту, «остаются до сих пор недостижимым идеалом и по основательности, и по всестороннему принятию в соображение всех оттенков произношения и формальной стороны языка»⁴⁰³. Подобным образом отзывались о санскрите и многие другие ученые. Эти высокие качества одного из древнейших литературных языков мира в значительной степени являются элементами как раз его искусственности, выработанной в процессе сознательного творчества. Творчеству ученых во многом обязаны своей разработанной структурой языки античной древности — греческий (древнегреческий) и латинский, которые, как известно, оказали огромное и плодотворное влияние на языки европейской культуры последующих эпох.

Сознательное творчество шло на пользу всякому языку, без него невозможно было бы формирование национальных литературных языков. М. М. Гухман, подытоживая академический сборник статей по вопросам формирования и развития национальных языков, писала о том, что «общенациональная норма, воплощенная в литературном языке, всегда является результатом не стихийного процесса языкового развития, а до известной степени искусственного отбора и вмешательства в этот стихийный процесс»⁴⁰⁴.

Все это хорошо прослеживается, в частности, и на формировании русского литературного языка.

В эпоху петровских реформ упрощение строя литературного языка, его упорядочение ускорялись и направлялись правительственными инструкциями. В 1735 г. Василий Тредиаковский выступил в «санктпетербургской императорской Академии наук с речью, в которой призывал своих слушателей совершенствовать язык Российский, в доказательство возможности чего ссылаясь на соответствующий опыт западноевропейских академий. Многие сделал для упорядочения грамматической системы нашего языка, упорядочения и обогащения его словаря гениальный Михайло Ломоносов, автор первой русской научной грамматики; от него — целый ряд наших привычных слов, таких, как *движение*, *явление*, *опыт*, *частица* и прочие, а также заимствованных научных терминов.

Образованные русские люди второй половины XVIII в. понимали, что их язык, как сказано в «Опытах трудов Вольного Российского собрания» (1776), «требуется многих исправлений... много слов ему не достает; но всего больше нужно оный установить... Чтобы поправить наш язык, надлежит утвердить грамматические правила, кои не утверждены... и исключить из него все то, что ему не свойственно; чтобы распространить оный, должно изобрести многие слова или занять их из чужеземных языков...»

Отвечая назревшей исторической потребности, Н. М. Карамзин вместо несвойственных русскому языку тяжелых латинских конструкций ввел, по выражению одного своего современника, «легкую ясную новоевропейскую фразу» и создал на материале живого народного языка множество новых слов, прочно вошедших в употребление, таких, как *промышленность*, *общественность*, *будущность*, *влюбленность*, *усовершенствовать*, *достижимый*, *человечный* и др. В статье «Отчего в России мало авторских талантов» Карамзин призывал и других литераторов выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов, давать старым некоторый новый смысл. Его призыву следовали многие. А. С. Шишков и его единомышленники возражали против заимствований, которые во множестве проникали тогда из французского языка в русский, против иноземных новшеств, таких, как *револю-*

ция, республика, объект, цена и подобные, против таких кальк (буквального перевода иностранных, в данном случае французских, слов), как *трогательно, расселено, переворот* и т. д. Н. Н. Греч возмущался введением в обиход таких образованных на русской же основе слов, как *вдохловить, вдохновитель*, причисляя их к «юродивым печальным прихоти, безвкусицы и невежества, которые насильственно вторгаются в наш язык, ниспровергают его устои, оскорбляют слух и здравый смысл». По поводу этого Л. А. Булаховский заметил: «В аргументации Греча основное слабое место большинства пурристических высказываний — представление о возобладавшем в языке как об „органическом“, „естественном“, а о новом, прокладывающем себе дорогу в соответствии с новыми потребностями мысли — как об „искусственном“ и потому неживом и недоговоренном»⁴⁰⁵.

Формировалась и русская грамматика. Греч, например, предписывал вместо окончаний *-ию* в словах с основой на шипящий звук всегда писать *-ью*. Это привилось, но В. В. Виноградов считает, что это было сделано, «повидимому, искусственно». А сколько тогда вносилось в русский язык такого «искусственного»? То было время, когда определенные грамматические формы «объявлялись пелитературными», «поричались», «осуждались», «категорически запрещались», «устранялись», другие же формы «выводились из проторечья» и «строго прикрепились» к уже установившимся, приемы литературного языка были «регламентированы», «грамматика преобразована».

То было время А. С. Пушкина, кто больше всех сделал для русского литературного языка, сделал так много, что язык, на котором написаны пушкинские произведения — язык русского народа, — называют языком Пушкина.

У каждого народа были свои Ломоносовы и Карамзины, свои Пушкины. Известна роль Мартина Лютера в деле формирования немецкого национального языка: язык лютеровской Библии стал общеобязательным литературным для всех раздиалектных областей Германии. Тот язык, на котором написан «Фауст», является общенародным языком немцев XX в., а современникам Гёте он казался чем-то в высшей степени революционным и новаторским; в хороших старых изданиях его сочинений встречается сноска чуть ли не на каждой странице (особенно в «Фаусте»), указывающая на новизну того или иного употребленного великим поэтом слова, получившего с тех пор права гражданства^{397б}. Большую роль в формировании лексического состава литературного французского языка играли многие французские писатели. Профессор Сорбонны Жорж Вандриес в своей известной книге «Язык» отмечает, в частности, заслуги в этом Паскаля, Лирощфуко, Бюссюэта, Монтескье и Вольтера^{406а}.

Говоря о роли языковедов и особенно писателей в формировании национальных литературных языков, нельзя, однако, забывать о языке народных масс, о том, по словам Лафарга, «великом источнике», из которого писатели всех эпох черпают слова, выражения и обороты.

Между двумя стадиями в развитии языка — бесписьменной и письменнo-литературной, между двумя разновидностями языка — ненормализованной и нормализованной — проходит довольно заметный рубеж.

Г. Пауль, как и некоторые другие известные лингвисты, указывал на необходимость видеть различие между естественным и искусственным развитием языка, так как последнее происходит, конечно, путем сознательно регулирующего вмешательства.

В условиях социализма и вообще в новое время переход языка из бесписьменного и ненормализованного в письменный и нормализованный происходит с большой долей не только сознательности, но и организованности, с большим участием науки, теории. Выражение «языковое строительство» получило в СССР широкое

распространение. Конференции по вопросам развития и нормализации новых национальных литературных языков стали явлением довольно обычным.

Вопросам языкового строительства в СССР у нас посвящено немало научных работ. К каким же выводам пришли их авторы? Проф. Г. Д. Сапжеев пишет, что младописьменные языки социалистических наций отличаются от языков старописьменных тем, что их диалектная основа устанавливается не стихийно, как это происходило в эпохи античности, средневековья и капитализма, а «строго научно»⁴⁰⁷. Н. А. Баскаков обращает внимание на то, что развитие, совершенствование и обогащение языков народов СССР в эпоху развития и становления социалистических наций отличается от тех же процессов образования литературных языков до Великой Октябрьской социалистической революции «организованной плановой разработкой вопросов», которая «строится на научной основе»⁴⁰⁸. К такому же выводу приходят и другие авторы сходных по теме работ: сознательность, организованность, плановость, научность языкотворчества, т. е. его искусственность, характерны для формирования литературных языков в условиях социализма.

В редакционном предисловии к сборнику статей «Развитие современного русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и М. В. Панова говорится об активизации «процесса разрешения теоретически и практически чрезвычайно важного вопроса о возможностях сознательного вмешательства в современное развитие языка»⁴⁰⁹. Эту же идею высказал Константин Федин: «Важно то, что в наше время мы *сознательно* (организованно и на научной основе, т. е. на основании изученного *опыта*) участвуем, вернее, *хотим* или *хотели бы* участвовать в конструировании речи *, в ее развитии»⁴¹⁰.

Можно предположить с достаточным основанием, что создание всеобщего языка, его функционирование и дальнейшее развитие под контролем созданного в будущем всемирного интерлингвистического центра — международной академии всеобщего языка и ее филиалов — окажет положительное влияние на функционирование и развитие национальных языков.

4. ЯЗЫКИ ТРЕТЬЕЙ И ЧЕТВЕРТОЙ СТЕПЕНЕЙ ИСКУССТВЕННОСТИ — АПОСТЕРИОРНЫЕ И АПРИОРНЫЕ

Вторая степень языковой искусственности возникла на основе первой степени. Это — языки, нормализованные на материале языков ненормализованных, национальные языки, выросшие из донациональных. Также и языки третьей степени искусственно-

* Здесь слово *речь* употреблено в значении 'язык'.

сти, апостериорные проекты всеобщего языка, возникли на основе языков второй степени искусственности, из их материала.

Встречаются среди великого множества звучащих на Земле языков редчайшие экземпляры, представляющие собой виды переходные от второй к третьей степени искусственности. Самый яркий такой пример можно найти в Норвегии. Здесь чуть ли не в каждом селении, в каждой долине, на берегу каждого фьорда, был свой говор, а то и наречие. Объединял норвежцев государственный язык — датско-норвежский, в основном датский, так называемый риксмол, или теперь букмол, что значит 'книжный'. Но во второй половине XIX в. в противовес этому чужеземному языку, ставшему языком горожан и вместе с тем языком литературы, поэт и филолог из крестьян Ивар Осен создал из элементов нескольких крестьянских говоров новый язык — ландсмол, т. е. 'сельский'. Противники ландсмолы отвергали его как искусственный, однако он распространился по стране, стал таким же живым и литературным, как букмол, стал именоваться — нюнорск (новонорвежский), на нем ведется и преподавание в значительной части норвежских школ. Так у одного народа образовалось два национальных языка. А недавно появился и третий, созданный на основе букмолы и нюнорска, — самнорск, которому, по замыслу его создателей и сторонников, надлежит стать единым национальным языком норвежского народа.

Один из его ревностных поборников — поэт Аудун Биркеланд — в беседе с посетившим его советским писателем Геннадием Фишем выразил уверенность в том, что это детище норвежских лингвистов, искусственно созданное, станет живым. Впрочем, поправился Биркеланд, почему «искусственно созданное», когда в самнорске «сознательно слиты стихи двух живых, признанных народом языков? Наплевать, что раньше никогда так не кодифицировался, не шел сверху, а выросал снизу живой язык, — сказал поэт, слагавший стихи на самнорске. — Так ведь раньше и считали его явлением иррациональным. А потом, почему всегда надо равняться на то, что было раньше?.. Мы впервые в мире сознательно взялись управлять развитием языка!»⁴¹¹.

Лингвисты обратили внимание на то, что неправильные формы в системах склонений и спряжений более древнего происхождения, чем правильные: в своем развитии исторический язык движется от хаотичности к плановости. Национальные языки, схваченные литературными нормами на полпути от одного к другому, сочетая в себе раннюю хаотичность (как бы естественность) и позднюю плановость (искусственность), очень замедляют это развитие, апостериорные языки, искусственность которых на степень выше, гораздо более упорядочены. Не вполне логичны натуралистические языки-проекты третьей степени искусственности. Начало натуралистической школы в интерлингвистике положил Эдгар де Валь своим Окциденталем. Де Валь нашел, что Эсперанто, Идо

и им подобные проекты слишком регулярны и логичны, т. е. слишком искусственны. В своем проекте он допустил уступки нерегулярности национальных языков — и в орфографии, и в словообразовании, и в словоизменении.

Во французском учебнике Окцидентала²⁸³ приведено в переводе де Валя известное стихотворение Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht»:

Un pine sta solitari
In nord sur calv altur.
It sominia. Circum it glasie,
De nive alb covritur.
It reva pri un palme
Lontan in Orient,
Quel morn e solitari
Sta trist sur rocc ardent.

Как видно из этого восьмистишия, имена существительные в Окцидентале не оформляются определенным окончанием: считается, что тем самым они сохраняют «свой естественный вид»*. Глаголы в инфинитиве оканчиваются на *-r*: *star* — стоять. Чтобы образовать настоящее время, достаточно отбросить конечное *-r*: *sta* — стоит.

Американский Интерлингва спроектирован в этом же духе. Таков и Мондиаль шведского филолога Хелге Хеймера (1943) и некоторые другие лингвистические проекты.

А вот небольшой прозаический отрывок на одном из языков, который вполне может сойти за романский:

...To esez via dezirego, yuna heredanti di civilezeso, efektigita da l'integro mondo; to esez via es-forco; to esez via tasko. Laboroz fervoroze por l'universala raso!

...Пусть это будет вашей мечтой, юные наследники цивилизации, собравшиеся со всего света; пусть будет это вашими усилиями; пусть будет это вашей задачей. Работайте страстно для всеобщего мира!

Это — отрывок из произведения Апатоля Франса «Студенческий дом в Париже», написанного в 1910 г. О смысле многих слов легко догадаться даже не знающему ни одного из романских языков; во всяком случае понятны такие слова, как *yuna*, *civilizeso*, *universala raso*... Можно ли сказать, что эти слова искусственны?

* Если в Окцидентале все имена существительные, и собственные и нарицательные, не имеют определенного окончания, то в Эсперанто и Идо, как уже говорилось, все они оформляются окончанием *-o* (в единственном числе). Возможен и такой вариант: все нарицательные имена существительные оканчиваются на *o* (в единственном числе), а имена собственные общего окончания не имеют.

Ведь они общи для многих западноевропейских «естественных» языков. Вся их искусственность сводится к тому, что категории частей речи имеют по одному определенному окончанию.

Грамматика Идо логически упорядочена. В этом и выражается вся искусственность логических систем апостериорных языков-проектов. Их лексический материал мало чем отличается от того, из которого состоят языки второй и первой степеней искусственности, этнические, так называемые естественные. Так что рассматривать те и другие как противоположности, усматривать между ними какую-то непроходимую пропасть нет никакого основания.

Общечеловеческий язык закономерно будет языком третьей степени искусственности, основанным на языковом опыте человечества. Представления о том, что языком всемирного коммунистического общества станет один из эволюционно сложившихся языков (национальных, т. е. языков второй степени искусственности), с этой точки зрения, также антиисторичны.

Значительная часть населения Земли, которая еще не умеет ни читать, ни писать, говорит на языке или диалекте, не имеющем литературных норм, или этими нормами не пользуется, стоит еще на первой ступени языкового развития. Общества, которые в своей языковой практике руководствуются литературными — национальными — нормами, стоят на второй ступени языкового развития, они не только говорят на своем языке, но и читают и пишут на нем. Относительно небольшая часть людей (однако насчитывающая уже сотни тысяч человек) приобщилась к тому или иному языку третьей степени искусственности — международному в проекте. После того как проблема всеобщего языка будет решена на прочной научной основе и народы мира получат общий язык нового типа, человеческое общество постепенно поднимется на третью — действительно высокую — ступень языкового развития. Поднимется ли когда-нибудь человечество и на четвертую ступень в своем языковом развитии — сейчас судить трудно, но теоретически это вполне допустимо.

Априорные проекты всеобщего языка, основанные на классификации всех понятий и буквенной символике корней, создаются и в XX столетии. В качестве примера рассмотрим проект Ро, опубликованный Эдуардом П. Фостером (США) в 1906 г. в восьмистраничной брошюре. В дальнейшем последовало несколько переизданий ее, а в 1920 г. вышел Ро-английский словарь. Минувло полвека, а Ро остается лишь забавой кучки фантазеров, мечтающих (или мечтавших?) разрастись в «подлинно международное общество», включающее членов во всем мире.

Как и в других априорных проектах, здесь каждая буква — символ. И весь язык — как стройно вычерченная во всех мельчайших деталях схема. **Eba** — быть, **neba** — не быть, **ab el** — я есмь, **ad el** — он есть, **taf** — день, **tafab** — воскресенье, **tafac** — понедельник, **ba** — вещь, **bab** — элемент, **babgad** — водород,

beb — газ, bebaf — пар, bib — небо, bicam — погода, bical — климат, cibo — равный, cibno — неравный, cid — много, cidno — мало, eb selab — надеяться, eb kesav — гулять... Фраза «Если вы с нами в надежде сделать Ро всемирным международным языком, напишите нам» выглядит на Ро так: «Uf ac el ir abz in at selab ebi Ro at ixgasamo ate bubar rufec id abz»⁴¹².

Не исключена возможность, что будущие создатели всеобщего языка найдут в практически безуспешных проектах, подобных Ро, и что-нибудь ценное.

Для интерлингвистов представляет интерес принцип медиализации (усреднения), по которому построен проект И. Вейсбарта Медиаль (1922). Принцип этот состоит в образовании слова интернационального языка из двух и более слов национальных языков. Например, из немецкого слова Freude и французского joie (жуа), означающих 'радость', Вейсбарт сконструировал слово joide (жойде). По этому принципу созданы и некоторые другие интерлингвистические проекты, в частности Логлен (Loglan), опубликованный в 1960 г. в США Дж. Брауном (Broun). Из восьми исходных для Логлена языков медиализированы все его знаменательные (лексически однозначные) слова, например groda — большой, blana — синий и т. д. Медиализированная лексика характеризует тип языка как переходный от третьей к четвертой степени искусственности; ближе он к типу LA-3.

5. ВОЗМОЖЕН ЛИ НАУЧНЫЙ СИНТЕЗ ЯЗЫКОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Известно, что языки в своем эволюционном развитии не только разветвляются, но и скрещиваются, смешиваются, что в очень многих языках встречаются во множестве общие по происхождению слова, а также словообразовательные морфемы, сходные грамматические категории. В языках и много различного, но и много общего. Вопрос об интернациональной лексике неоднократно поднимался на страницах лингвистических журналов и сборников.

Интернационалистами в лингвистике называются слова, представляющие собой фонемические и морфологические варианты слов первоисточника, распространившиеся в неродственные языки и имеющие в них одинаковые или сходные значения. Как уже говорилось здесь, такие слова лучше бы назвать *интеронимами*. Но в скольких же неродственных языках должно встретиться слово общего происхождения, чтобы считаться интернациональным? Не менее чем в трех, утверждают некоторые лингвисты. Но это мнение далеко не общее среди них. О других мнениях на этот счет упомянул в своей статье на эту тему М. М. Маковский: одни считают, что такое слово должно встречаться «во всех куль-

турных языках», другие — «в ряде языков», третьи — «в двух-трех языках, не обязательно мировых», четвертые — «не менее чем в двух мировых»⁴¹³.

Так что интернациональное слово — понятие в лингвистике чрезмерно широкое, несколько неопределенное. Это — во-первых. Во-вторых, как греческий и особенно латинский языки породили большое число таких интеронимов в европейских языках, так и арабский язык дал начало общим словам в языках иранских, тюркских, отчасти африканских народов. Есть свои языки-источники и в Азии. М. М. Маковский предлагает такого рода слова называть *регионализмами*, поскольку всемирных слов-интернационализмов (интеронимов) нет.

Но значит ли это, что лексическая основа общечеловеческого языка не может быть общечеловечна, всемирна? Значит ли это, что невозможен научный, но вместе с тем, так сказать, органический (в смысле 'однородный', 'целостный') синтез в принципе всех языков? Значит ли это, что язык коммунизма не сможет «органически» вобрать в себя лексические заимствования из всех (практически — из целесообразного максимума) языков?

Чтобы найти правильный ответ на этот вопрос, следует обратиться к национальным языкам. Называются эти языки национальными, но состав большинства интернационален, образовался в большей или меньшей мере из иноязычных заимствований. Органически ли восприняли их национальные языки? Оказывается, не очень. По мнению, например, Ф. Роваи, в английском языке собраны детали со всего света, но они не составляют гармоничного целого. В русском языке много заимствованных слов живут «иностранцами» — их иностранное, иноязычное происхождение сразу чувствуется. Иноязычные по происхождению, т. е. заимствованные, слова, можно было бы называть *инонимами*. В русском, как и в каждом, языке есть инонимы староассимилированные, заимствованность которых не ощущается, и новоассимилированные, заимствованность которых явна, и есть инонимы неассимилированные: не подчинившиеся русскому грамматическому строю несклоняемые имена существительные.

В русском языке всем существительным полагается склоняться — изменять падежные флексии, а иностранные слова, оканчивающиеся на *о* и другие гласные, не склоняясь, своей неизменностью как бы выпирают из общего строя. *В городе есть театр, кино* — непонятно, одно кино или не одно, да и само слово *кино* многозначимо и как-то неформально в значении 'кино-театр'. Русские говорят: *поехать поездом, трамваем, метро* — *м* в конце *метро* поставить нельзя; слово это не склоняется, но людям, не очень стесненным нормами грамматики, аналогия подсказывает говорить закономерно, хотя грамматически и нецелесообразно: *поехали метро*. *Покрывать одеждой* — правильно, а *покрывать пальто* — неграмотно. надо: *покрыть пальто*, но здесь *пальто* — как прямое дополнение, аналогично *покрыть одеждой* (чем-нибудь). *Вешалка, разбухшая от пальто*. От одного? Нет, от многих. *Вешалка, разбухшая от пальто* было бы понятно, но так не написать, не ска-

зять по правилам нельзя. Значит, русский язык далеко не все заимствования усвоил органически! И не только русский язык.

Очевидно, иноязычные заимствования должны подчиняться фонемическому и грамматическому строю языка, в который они вошли. Тогда получается «органический синтез». И тогда язык может впитывать в себя слова из каких угодно языков — они не будут восприниматься как инородные тела в родном языке. Везде в русский язык вошло превеликое множество слов из самых различных, совсем ему не родственных языков, вошло и, так сказать, обрусело. *Хлеб, изба, кадка, бутылка, буква, кошка, капуста, морковь, слива, редька, репа, пушка* и сотни подобных слов — не русские по происхождению!

Собака — русское слово по происхождению? Нет, персидское: *spara* (русское — пес). *Топор* — исконно русское слово? Нет, тоже из персидского языка: *tabor*. И много — десятки — еще других персидских, иранских слов вошло в бытовую лексику русского языка. *Товар* — исконно русское? Нет. Это слово пришло из тюркских языков и означало сперва 'скот', 'стадо', 'обоз', откуда *товарищ* — 'сообщник'. *Чулук*? Также тюркское заимствование. И десятки других повседневно употребляемых нами слов вошло в наш язык из турецкого и татарского языков. *Магалил*? Это — слово из арабского языка (пришло через Западную Европу). *Кондитерская* и еще множество других арабских слов мы произносим, не подозревая об их происхождении. *Галстук* и немало других — из немецкого (*Halsuch* — шейный платок). *Сельдь* и ряд других таких же употребительных слов остался от варяг. От финнов пришло *северюга* и некоторые другие. *Мыло* — из финского языка, *пельмени* — из языка коми, *толель* — из саамского. Масса каждодневно употребляемых нами слов унаследовано русским языком из церковнославянского, начиная со слова *здравствуй (те)*. Слово *критика* и множество других пришло на Русь из Греции. *Картина* и другие — из Польши. *Рета* — через польский язык из чешского. *Брюки* и большинство слов по мере их заимствования — из голландского. *Вигон* и другие — из английского. Мному слов передал русскому языку французский. Латынь дала ему (как и многим другим языкам) едва ли не большинство научных терминов. *Блок* и другие французские и музыкальные термины — из итальянского. *Гитара* и некоторые другие — из испанского. Несколько слов, в их числе *кундура*, — из румынского. Несколько слов, например *колбаса*, — из еврейского. *Чай* — из китайского. *Кимono* — ясно и без пояснения, что из японского...

Если национальные языки состоят больше или меньше чем наполовину из заимствований, то почему не может состоять целиком из заимствований всемирный интернациональный язык?! Если национальные языки отнюдь не все инстинктивно восприняли органически, то в общечеловеческий язык разноязычные элементы войдут органически потому, что все без исключения будут подчинены его фонемическому и грамматическому строю, его орфографии. Например, если в нем не будет носовых звуков, то французские слова потеряют в нем эти звуки (как потеряли они их и в русском языке).

Все это и создает однородность языка, которую называют его *органичностью* (хотя язык — не организм, а сложная система социально осмысленных условных знаков). По сравнению с одно-

родностью и целостностью всеобщего языка все эволюционно, исторически сложившиеся языки покажутся недостаточно однородными, недостаточно целостными, т. е. недостаточно органическими. Впрочем, разве всеобщий язык не будет также исторически сложившимся языком? Разве исторически означает только *zeitlich* (временной)? Разве *historisch* — не та же история?

Но какему же принципу отбирать керни слов для словаря общечеловеческого языка? По численности народа, который говорит на том или другом языке? Думается, что одни демографическо-количественные факторы не могут быть положены в основу принципа отбора. Наиболее разумным и справедливым представляется принцип учета всех этимологических оснований. Таких оснований семь.

Другим основанием для отбора элементов лексики может быть распространенность того или иного языка вне своей исконной территории, своего народа-создателя. Третье основание — распространенность слов, исконных для данного языка, в других языках, дальнородственных и неродственных. Четвертое — достоинство самого языка в оценке сравнительно-критического метода лингвистического анализа, который интерлингвистике предстоит разработать вместе с проблемой прогресса в языке. При разработке этого метода как составной части лингвистического аспекта проблемы всеобщего языка эти лингвистические основания могут быть довольно точно и объективно определены. Менее точно определимы остальные три основания, однако и они должны приниматься во внимание как социологические: вклад народа или народов, говорящего или говорящих на данном языке, в развитие всемирной цивилизации, всемирной прогрессивной культуры; его вклад во всемирную революцию — в освобождение и объединение трудового человечества; этнические и региональные доводы. Этнические и региональные доводы в отборе лексических элементов для всеобщего языка заключаются в том, что для обозначения всего того, что специфически свойственно данному району мира (его природе — климату, флоре и фауне, общественной истории, культуре, быту и обычаям его населения), слова должны заимствоваться из языков этого района.

Западные интерлингвисты не без основания считают этимологию (происхождение, источники, отбор) лексики всемирного международного языка наиболее трудным вопросом интерлингвистики. У них выдвигались и практически применялись при создании языков-проекттов апостериорного типа лишь два этимологических принципа: окцидентализм (главные языки западноевропейской культуры) и окцидентализм с минимумом ориентализма (к главным языкам Европы добавляются три главных языка Азии — ки-

тайский, японский и хинди, как, например, в Логлене; в некоторых случаях — и арабский). В лучшем случае мы имеем здесь принцип целесообразного минимума языков. Ему можно и должно противопоставить принцип целесообразного максимума языков: привлечь в качестве сырья для общечеловеческого языка как можно больше языков всего земного шара (в пределах практически возможного).

Самые различные языки будут «авать» или «подсказывать» (как прототипы) всеобщему языку не только свои лексические, но и грамматические элементы, грамматические категории и выражающие морфемы.

Иногда говорят: языки типа Эсперанто и Идо легки по крайней мере для европейцев и американцев (американцев — в смысле жителей Америки, а не только жителей США), тогда как язык, представляющий собой синтез максимума языков человечества, будет труден для всех. Да, нельзя сказать, что на стороне идеи синтеза языков человечества одни только плюсы. Вряд ли может быть такое решение проблемы всеобщего языка, которое состояло бы из одних плюсов и не имело бы никаких минусов. Оптимальный вариант решения должен содержать максимум плюсов и минимум минусов.

Известная трудность овладения всеобщим языком, представляющим собой синтез языков человечества, безусловно, возникнет. Но только на первых порах — только для одного поколения человечества или, скажем точнее, для тех поколений, которые будут свидетелями завершения создания всеобщего языка и его первоначального распространения. Именно им предстоит преодолеть в овладении всеобщим языком то, что можно было бы назвать барьером трудности. Этого барьера трудности, в который включится и новый алфавит, бояться не следует, помня, что всеобщий язык будет создаваться не для одного и не для двух-трех, а для всех — по крайней мере для очень и очень многих — грядущих поколений.

Когда одновременно живущие поколения овладеют всеобщим языком и он станет им привычным, всем последующим поколениям он будет даваться легко. При своей логически правильной структуре он и для первого поколения будет легче, чем любой национальный язык, изучаемый как иностранный. Английский, французский или немецкий языки для русского человека или русский язык для говорящих по-английски, по-французски или по-немецки гораздо труднее, чем будущий всеобщий язык для всех них и всех остальных людей. Не следует гнаться только за легкостью всеобщего языка для части населения Земли, но также не следует заранее преувеличивать его трудность для первых его потребителей и носителей. Все-таки этот грядущий всеобщий язык, согласно концепции, которой придерживается автор и которая, конечно, может и, вероятно, будет кем-нибудь оспаривать-

ся, будет языком не минимальных вспомогательных функций (таким он будет сравнительно недолго), а основным языком нового человечества с тенденцией к максимальному расширению функций.

Гипотеза максимального расширения функций всеобщего языка заставляет сделать вывод, что этот язык должен быть с самого начала своего существования готовым к выполнению все больших и больших функций. Стремление к возможно большему совершенству всеобщего языка и достижение такого совершенства в окончательном проекте всеобщего языка, разумеется, не исключает его дальнейшего контролируемого развития.

Еще один вопрос может вызывать сомнения: а не распадется ли живой язык нашей планеты в условиях двуязычия на диалекты? Думается, что нет. Диалекты — пережитки феодальной раздробленности общества. А всемирное общество идет к единству. Единство всемирного языка будут в новых исторических условиях поддерживать: запись и передача на расстояния человеческого голоса с помощью радио, телевидения, кино, грампластинок и магнитофонных лент, школа, печать и литература, личные контакты жителей всех стран, повышающийся образовательный и культурный уровень населения земного шара.

В предшествовавших главах рассмотрены четыре теории всеобщего языка: теория вспомогательного языка, теория двух всеобщих языков, вспомогательного и единого, теория выделения всеобщего языка из национальных и теория всемирного слияния языков. У каждой из них — свои варианты. Первая имеет два главных варианта: теория априорного языка и теория апостериорного языка. Основной вариант теории последовательно двух всеобщих языков — превращение Эсперанто во вспомогательный язык и отсрочка решения проблемы единого языка до всемирной победы социализма. Основной вариант третьей теории — превращение английского языка во всеобщий. Главные варианты четвертой теории — всемирное слияние всех этнических языков, искусственно ускоренное, и всемирное стихийное слияние всех национальных языков, то и другое — в условиях всемирного социализма. Некоторые из вариантов этих четырех теорий имеют и свои подварианты.

Излагаемая в настоящем трактате пятая теория всеобщего языка не представляет собой полного отрицания предшествующих теорий: она берет от них то, что есть в них положительного. От теории навсегда вспомогательного языка и теории последовательно двух всеобщих языков теория научного синтеза языков человечества берет признание возможности и необходимости сознательного, целенаправленного создания языка международного общения; от теории выделения всеобщего языка из национальных — признание значения живого всеобщего языка во всех его функциях, начиная от функции повседневного общения — бытовой — и кончая функцией формы художественной литературы — функцией поэтической; от теории всемирного слияния языков — признание необходимости того, чтобы всеобщий язык включил в себя элементы по возможности всех национальных и даже всех этнических языков. Эти идеи получают впервые в пятой теории всеобщего языка сочетание и развитие.

Вместе с тем излагаемая в настоящей работе теория содержит в себе и существенные черты, принципиально отличающие ее от

каждой из предшествовавших интерлингвистических теорий. Первое из ее собственных положений состоит в том, что вспомогательный международный и единый общечеловеческий—это не два разных языка, не две различные проблемы, а один язык в разные периоды истории, одна проблема. Как уже говорилось, главное назначение такого всеобщего языка до полной победы коммунизма во всем мире — быть основным языком трудового человечества. В течение переходного, безусловно длительного, периода всемирной истории быть лишь вспомогательным языком для него будет уже слишком мало, а быть единым — еще слишком много. Закономерно поставить вопрос о таком языке нового человечества, который выполнял бы функции большие, чем вспомогательный, и меньшие, чем единый, но начал бы свое существование как вспомогательный, заключаая в себе потенциальную возможность (при дальнейшем контролируемом развитии) перерасти в конце концов в единый.

Теория основного языка нового человечества является последовательным продолжением поисков ответов на вопросы, когда и как возникнет всеобщий язык, каким он может и должен быть и каково его назначение в той исторической перспективе, которая открывается с позиций марксизма-ленинизма. Одна из особенностей этой теории заключается в ее многоаспектности — многоаспектном рассмотрении проблемы всеобщего языка. В первой главе, преимущественно в третьем ее разделе, она была рассмотрена в аспекте технико-экономическом, в последующих — в историко-критическом. В настоящей, заключительной, главе она рассматривается в остальных аспектах: социально-политическом, методологическом, философском, социологическом, культурно-историческом и логико-лингвистическом.

1. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ, СПОСОБНЫЕ ПРЕТВОРИТЬ В ЖИЗНЬ ИДЕЮ ВСЕОБЩЕГО ЯЗЫКА

Идущая из глубины веков идея рационального языка для международного, интернационального общения получила новую и впервые реальную основу лишь после того, как возник пролетарский интернационализм, нашедший идейно-теоретическое и организационно-практическое воплощение в Международном товариществе рабочих — в Первом Интернационале. Переписка, обмен сведениями между трудящимися одних и тех же профессий, но разных наций уже тогда стали насущной потребностью.

На Лондонской конференции Международного товарищества рабочих 20 сентября 1871 г. Карл Маркс говорил, что интернациональному объединению профсоюзов (тред-юнионов) препятствует различие языков ⁴¹⁵.

Чем более распространялись из Западной Европы социалистические идеи и порожденное ими социалистическое движение, тем ощутимее становились трудности и неудобства многоязычья всемирного общества. Марксу и Энгельсу приходилось очень много времени и труда посвящать изучению языков, и жизнь ставила перед ними все новые языковые требования. В письме Энгельса от 9 июня 1893 г. в редакцию болгарского сборника «Социал-демократ» есть такие знаменательные строки: «Требования, предъявляемые интернационализмом, растут с каждым днем. До 1848 г. можно было удовлетвориться тем, что в известной мере знаешь главные языки Западной и Центральной Европы, теперь же дело дошло до того, что мне на старости лет приходится еще изучать даже румынский и болгарский языки, чтобы следить за продвижением социализма на восток и юго-восток...»⁴¹⁶.

Занятые разработкой вопросов, более насущных для рабочего класса, основоположники марксизма не имели возможности заняться проблемой общего языка пролетариев всех стран, всех трудящихся.

В одном из писем Энгельс писал, что у Маркса и у него самого «не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное... остальным [кроме экономики] моментам, участвующим во взаимодействии»⁴¹⁷.

Вопрос о всеобщем языке был затронут на II конгрессе Первого Интернационала, происходившем в Лозанне с 2 по 6 сентября 1867 г. На одном из заседаний была принята резолюция в защиту идеи всеобщего языка: «Конгресс считает, что всеобщий язык и реформа орфографии были бы всеобщим благом и весьма содействовали бы единению народов и братству наций»⁴¹⁸.

На конгрессе обсуждался вопрос о необходимости упрощения французской, английской и других национальных орфографий; в прениях был затронут и вопрос о всеобщем языке. Один из ораторов — журналист Чарльз Лонгэ (Longuet) — заявил, что он не верит в будущее фонографии (фонетической орфографии) «по той же причине, по какой не верит в создание всеобщего языка». По этому замечанию можно судить о том, что под всеобщим языком имелся в виду какой-то совершенно новый язык, сознательно созданный, а не один из существующих в качестве всеобщего. Путая особенности и закономерности возникновения языков отдельных народов в прошлом с особенностями и закономерностями возникновения всемирного международного языка, наряду с народными, в будущем, Лонгэ заявил, что языки-де создаются сами собой, мало-помалу, постепенно.

Как возражение против таких распространенных эволюционистских, эмпирических взглядов на возникновение всеобщего языка, ставивших под угрозу саму идею такого языка, председательствующий — проф. Жюль Гийом (Guillaum) — вынес на голосование резолюцию в защиту идеи всеобщего языка заодно с

утверждением необходимости орфографической реформы в языках национальных: то и другое было бы актами сознательного вмешательства в область языковых отношений, актами разума. Во французском оригинале (на русском языке материалы конгресса не опубликованы) эта резолюция сформулирована так: «Le Congrès est d'avis qu'une langue universelle et une reforme de l'orthographe serait bienfait général et contribuerait puissamment a l'unité des peuples et a la fraternité des nations»⁴¹⁹.

Впоследствии Джемс Гийом вспоминал: «Конгресс высказал также пожелание о необходимости введения единого всеобщего языка, который способствовал бы сближению и объединению народов»⁴¹⁹.

В XX столетии потребность в общем языке всех народов возросла во много раз.

Коммунист Анри Барбюс, страстный поборник идеи всемирного международного языка, писал, что осуществление этой великой идеи «абсолютно необходимо для организации мира согласно разуму и справедливости». Не без основания он считал, что общность языка явилась бы одной из положительных основ пролетарского интернационализма. С глубокой убежденностью он утверждал: «Прежде всего нужно, чтобы люди, если они хотят освободиться от вековых цепей и от всех предрассудков, еще худших, чем цепи, которые до сих пор держали их стадо в повиновении, — нужно, чтобы они понимали друг друга. А для того чтобы понимать друг друга, нужно говорить на одном языке»^{421a}.

Против принципа искусственного международного языка написано немало всяких возражений, — их Барбюс решительно отвергал: «Все возражения, написанные против принципа вспомогательного языка, не имеют никакой цены. Они исходят либо от людей с узким кругозором, которых смущает эта великая идея и которые ничего не смыслят в прогрессе, либо от шовинистов — людей еще более ограниченной породы, которые не допускают, чтобы весь мир не принял их собственного языка...»^{421b}.

Максим Горький писал в 1923 г: «Необходимость единого языка для интернационального пролетариата обуславливается единством классовых желаний и целей пролетариата... Можно ли стричать, что язык, единый для всех, даст мощный толчок прогрессу культурного развития? Нельзя. Значит следует признать необходимым создание и развитие такого языка»³⁹³.

В 1928 г. великий пролетарский писатель повторно выразил ту же мысль: «Стремление создать язык, единый для всех людей, — одно из тех дерзких до безумия стремлений, которые всегда служили, ныне служат и всегда будут служить делу организации мира по воле человека и для безграничного развития способностей человека. Неоспоримо, что, говоря одним языком, трудовое человечество значительно скорее поняло бы единство своих интересов...»³⁸⁴.

Идею создания общего языка трудового человечества очень хорошо изложил в то время и Илья Эренбург: «...Нет сомнения, вскоре строительство всемирного языка станет задачей не отдельных чудаков, а всего человечества... Интернациональные рабочие организации начинают понимать назревшую необходимость. Возможно, Эсперанто не устоит, будет сметено чем-либо более совершенным. Для меня ясно одно: человечество приближается к тому возрасту, когда вместо лепета предков оно создаст себе новый, единый язык»⁴²³.

Известный советский историк и государственный деятель Н. М. Керженцев (1881—1940) писал в январе 1919 г. в «Известиях ВЦИК» (№ 8): «Первая в мире Социалистическая Республика имеет все основания для того, чтобы поставить на очередь дня вопрос о международном языке и приступить практически к его разрешению: она не только может, но и должна во имя идеалов, исповедуемых ею и движущих ее, взять на себя инициативу в практическом разрешении вопроса о международном языке, обратившись к другим народам с призывом последовать в этом вопросе за нею».

Но ни в первые годы социалистической революции, ни в последующий ее период для этого еще не созрели ни объективные, ни субъективные предпосылки, рано было говорить о практическом решении проблемы языковой общности трудового человечества.

Для возникновения всеобщего языка недостаточно объективной необходимости его, нужно еще такое осознание этой необходимости, которое вызовет к жизни практическую силу, достаточную для осуществления идеи такого языка.

Буржуазные интерлингвисты считают, что даровать человечеству общий язык может и один человек — тот или иной автор упрощенного проекта вспомогательного языка, даже интерлингвист-любитель — священник, студент-медик, врач, инженер и т. д.

Это обрекает попытки решить проблему международного языка в условиях капитализма на неудачу, что, однако, не может дискредитировать саму идею создания такого языка.

Марксизм-ленинизм, как известно, не отрицает индивидуального творчества и вообще роли выдающихся личностей в истории, в развитии культуры, но признает, что не отдельные выдающиеся личности, а народ — подлинный творец истории и подлинный языкотворец. Как бы ни была велика роль отдельных писателей, поэтов и ученых-языковедов в нормировании литературных языков, народ — не только носитель своего языка, но и на протяжении своей истории его создатель.

Можно с уверенностью предположить, что в создании общечеловеческого языка творчество отдельных личностей будет сочетаться с творчеством больших научных коллективов в разных частях мира и народных масс.

Само собой разумеется, что никто никогда не начнет организовывать многоколлективно-массовое создание всеобщего языка без предварительной теоретической разработки проблемы, без планового развития науки об этом языке. Только передовая наука, верная теория могут дать полную уверенность, что это дело на правильном пути и успех ему обеспечен, что для каждой детали языка освобождающейся от капитализма планеты будет найдено наилучшее решение. Создание научной теории всеобщего языка — первый этап многоэтапного решения этой проблемы.

Проблема всеобщего языка — нового и лучшего языка нового и лучшего мира — может и должна быть решена, на основах научности, массовости и организованности. Это — одна из важнейших проблем революционного переустройства всего земного мира.

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЯЗЫКЕ КАК ИСТОЧНИК ЕГО РАЗВИТИЯ

Из того общеизвестного факта, что язык — совершенно особое общественное явление и развивается иначе, чем развивается общество, некоторые лингвисты делают такой вывод: «к нему неприменимы общемарксистские законы развития общества»⁴²⁸.

«Общемарксистские», или просто марксистские, законы развития общества это, как известно, законы диалектического и исторического материализма, законы материалистической диалектики. Этим законам подчиняются все явления природы и общества, все естественноисторическое и общественно-историческое развитие. Язык как общественное явление при всей своей специфичности не может быть исключением из общего правила. Почему же кое-кто из наших лингвистов говорит о языке как исключении? Очевидно, это вызвано тем, что диалектика языка — языкового развития общества — еще недостаточно раскрыта: в нашей литературе можно встретить лишь отдельные, попутно сделанные замечания о том или ином противоречии в языке как движущей силы его развития.

Относящаяся к началу 50-х годов статья К. Айвазяна «О специфике проявлений законов диалектики в развитии языка» не содержит того, что обещает название. В ней воспроизводятся известные положения о том, что языки с течением времени изменяются, развиваются, например, русский язык со времени Пушкина «развился, произошло серьезное пополнение словарного состава... выпало большое количество устаревших слов...» и т. д. На основании таких констатаций автор, не вдаваясь в анализ движущих сил развития русского, как и любого, языка, сделал заключение: «Таким образом, закон диалектики о движении и развитии находит себе место и в развитии языка»⁴²⁹. Да, но каким же именно образом? Это-то и осталось не раскрытым.

«Диалектика развития языка проявляется, — по мнению проф. В. Н. Ярцевой, — в том, что при своем непрерывном изменении он сохраняет все время свою устойчивость и в каждый данный момент предстает как система с закономерной соотносительностью своих частей»⁴³¹. Но это относится ко всем вещам, ко всем явлениям.

Мысль эту высказывали еще, бессознательно подходя в этом вопросе к диалектике, и Вильгельм Гумбольдт («...Язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент переходящее...»^{348б}), и Фердинанд де Соссюр («В каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию ...»^{335в}).

Ф. де Соссюр писал также: «В речи — источник всех изменений; каждое из них первоначально, прежде чем войти в общее употребление, начинает применяться некоторым количеством индивидов»³³⁵.

А. С. Чикобава так пересказал и прокомментировал это высказывание Соссюра: «Поскольку это общее средство общения, которое является достоянием и созданием коллектива, используется тысячами индивидуумов, оно не может воспроизводиться у различных индивидуумов с полной идентичностью: возникновение отклонений в этих условиях неизбежно; но из этих отклонений, возникающих постоянно, незначительная часть может получить распространение, проникнуть в язык. Общественный характер языка и индивидуальный характер его использования — таково одно из противоречий, которым обуславливается развитие языка»⁴³².

Б. П. Ардентов в курсе лекций по введению в языкознание (Кишинев, 1960/61) отмечал «противоречие между мышлением и грамматической структурой и лексическим составом языка и противоречие между врожденным стереотипом управления работой отдельных органов речевого аппарата как физиологических органов... и стереотипов управления их как органов речи при артикуляции звуков»⁴³³.

Из всех указанных в этих выдержках противоречий наиболее существенным представляется противоречие между мышлением, с одной стороны, и грамматической структурой и лексическим составом языка — с другой. Некоторые из рассматриваемых противоречий слишком общи, не выражают специфики языка, другие выражены недостаточно отчетливо и, может быть, поэтому представляются спорными.

Как известно, Ф. Энгельс в статье «Диалектика» назвал главными следующие три закона диалектики: переход количества в качество и обратно, взаимное проникновение противоположностей¹ и отрицание отрицания. В законе взаимного проникновения противоположностей, или единства и борьбы противоположностей, в раздвоении единого на противоположности В. И. Ленин видел суть диалектики, ее ядро^{434а}. В ленинском наброске

«К вопросу о диалектике» указывается, что только диалектическая концепция движения и развития дает ключ к самодвижению всего сущего, скачкам и перерыву постепенности, превращению в противоположность, уничтожению старого и возникновению нового^{434б}.

В чем же состоит диалектика языка — его противоречивая природа, какие противоположности заключены в нем и движут его развитием? Чтобы разобраться в этом, надо прежде всего выявить специфику языка. Лингвисты различных направлений называют главной функцией языка функцию коммуникативную; социологи определяют язык как важнейшее средство, или орудие, человеческого общения.

Но здесь следует иметь в виду, что слово *язык*, как и множество других слов, выражает два понятия — абстрактное и конкретное. Те, кто употребляют слово *язык* в научных работах, это отчетливо ощущают. В частности, академик Н. Я. Марр нередко пользовался термином *язык* в его различных лингвистических значениях в одном и том же контексте, например: «Язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому языку»³⁴¹. Подобное читаем у Б. М. Кедрова (в статье «О путях перехода от старого качества к новому»): «Развитие языка привело в свое время к созданию национальных языков; в дальнейшем оно приведет к единому международному языку будущего...»⁴³⁵. Ясно, что в приведенных предложениях в первом употреблении *язык* означает язык вообще, т. е. языки, множество языков, тысячи их, а во втором — имеется в виду определенный, конкретный язык. Ясно также, что Ж. Вандриес в своей книге «Язык» имел в виду обобщенное понятие, когда писал: «Существует только один человеческий язык на всех широтах, единый по своему существу»^{406б}. Академик Г. Ф. Александров в одной из статей охарактеризовал язык следующим образом: «Как орудие борьбы и налаживания совместной деятельности людей в области политики язык служит могучим средством объединения мыслей и действий всех борцов за мир, демократию и социализм»⁴³⁶.

Если бы мы употребляли термин *язык* только в таком широчайшем значении, мы не могли бы ставить вопроса о всеобщем языке. Зачем он нужен, если уже теперь существует «только один человеческий язык на всех широтах» и он «служит могучим средством объединения всех борцов за мир, демократию и социализм»? Но если встретятся единомышленники, говорящие на разных языках, не имеющие ни общего языка, ни переводчиков, то окажется, что «язык вообще» их вовсе не объединяет, это абстракция, а конкретно существуют разные языки, и они не общаются разноязычных, а разобщаются.

Вскрыв в термине *язык* два лингвистических значения и имея в виду значение конкретное, можно утверждать, что язык в своей главной функции представляет со-

бой единство противоположностей: средство общения — средство разобщения.

Когда мы слышим речь на непонятном языке или раскрываем на непонятном языке книгу, особенно, если непонятен в ней алфавит, мы не можем сказать, что воспринявшаяся нами зрением или слухом язык представляет и для нас средство общения.

Язык не служил средством общения между командой одного норвежского судна и французским врачом, который был вызван на это судно к заболевшему матросу, но не мог оказать ему медицинской помощи, поскольку не понимал ни слова на норвежском, а из норвежских моряков никто не пошел по-французски; больной матрос умер, а потом оказалось, что пужное для его спасения лекарство имелось на корабле (драматический случай, описанный в интерлингвистической литературе). Язык не был средством общения и между теми русскими летчиками и летчицкой французской эскадрильи «Нормандия — Норман» (из одноименного кинофильма), которые участвовали в воздушном бою с гитлеровцами: русские летчики по радио сообщали французскому товарищу, что его сади атакуют немцы, но тот никак на эти сообщения не реагировал. «Он же не понимает по-русски!» — воскликнул, спохватившись, радировавший пилот.

Говорящие на разных языках ими разобщены, и жизнь ежедневно дает подтверждение этому.

Еще Г. Шухардт обратил внимание на то, что ограниченно распространенный язык не всегда представляет собой средство общения, что язык (конкретный язык) и языки — не одно и то же. Свои наблюдения в этой области он вложил в такой афоризм: «Was die Sprache gewolt haben, die Sprachen zerstört» («Что хотел язык, то разрушили языки») ⁴³⁷. Н. Я. Марр, отмечая, что дагестанцы, говорящие на 39 языках, «не могут общаться», сделал такой вывод: «Этот вопрос о языке, из орудия культурного общения становящемся орудием культурного разобщения, является животрепещущей актуальностью не только для Дагестана» ²¹. Не случайно и Шухардт и Марр были убежденными поборниками идеи общепонятного языка.

Среди нескольких тысяч живых языков немало таких, на которых говорят лишь немногие сотни и даже десятки людей. В «Имперском географическом справочнике по Индии» за 1911 г. упоминались языки, на которых говорило всего несколько человек: тайронг — 12 человек, кабуи — 4, нора — 2, андро — 1 человек. Когда носителем вымирающего языка остается в живых один человек, функция общения этого языка сводится к нулю.

Всякий живой язык можно рассматривать с двух точек зрения, в двух планах: во-первых, в плане его движения в пространстве, его распространения, широты выполняемых им функций; во-вторых, в плане его движения во времени, его развития, его качеств. Элементы качества и количества нельзя отрывать друг от друга, они представляют собой диалектическое единство, равно как форма и содержание.

Другое основное противоречие в языках — это противоречие между старой формой языка и его новым содержанием. «Ни в одной области не может про-

исходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»⁴³⁸, — указывал Маркс. Специфика языка, его функционирования, его жизни такова, что существующие языки не могут в более или менее короткий срок «очистить место» для более высокой формы языка: они будут жить еще очень долго, уживаясь с языком всеобщим, и лишь в отдаленном будущем могут постепенно уступить ему место, если он будет действительно и общепризнанно гораздо более совершенным, чем языки, основы которых были заложены в далеком прошлом.

Излагая элементы диалектики, Ленин писал: «Борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания»⁴³⁴. Он рассматривал борьбу содержания с формой и формы с содержанием как одно из проявлений действия закона единства и борьбы противоположностей. По его словам, «всякий перелом в развитии неизбежно ведет к несоответствию старой формы с новым содержанием»⁴³⁹. Новая форма влияет на усовершенствование содержания, сама будучи обусловлена развившимся содержанием. Форма может способствовать развитию содержания, но может и задерживать это развитие.

Содержание языка есть то, что он выражает, форма языка — то, как он это выражает.

Несоответствие между содержанием и формой многих слов заметили еще ученые классической древности, учившие об аномалиях в языке. Древние философы считали аномалией такие факты языка, как, например, слово жепского рода *черепах*, означающее и самку и самца. Прошли тысячелетия. Но мы, как и древние, говорим *черепах* о самке и самце, говорим *белка* или *белки*, не различая в большинстве наименований животных и птиц их пола, хотя иногда это нужно или желательно. И еще много, очень много всяких и более существенных недостатков и пережитков отягчают существующие языки, возникшие в основном в течение тех 700—800 тысячелетий эры первобытно-общинного строя, когда человечество вообще не знало цивилизации; не обрабатывался металл, не было письменности...

Вспомним, что о несовершенстве языков, мало-помалу создававшихся в ходе эволюции, писали в своих трактатах о человеческом разуме Джон Локк и Готфрид Вильгельм Лейбниц, как и ряд других мыслителей на протяжении ряда последних столетий, особенно те, кто обращались к проблеме рационального, философского языка для всеобщего употребления, прежде всего — для ученых, для науки.

Личный секретарь Иоганна Вольфганга Гёте Иоганн Петер Эккерман записал в своем дневнике: «Мы беседовали... о несовершенстве и недостаточности нашего языка, вследствие чего возникают ошибки и ложные взгляды, с которыми не так-то легко потом бороться. „Дело здесь очень просто, — сказал Гёте. — Все языки возникли в связи с насущными человеческими потребностями, человеческими занятиями и наиболее обычными человеческими ощущениями и взглядами. Поэтому, когда высоко одаренный человек проникает в глубь таинственной сущности и деятельности природы, то унаследованный им язык оказывается недостаточным для того, чтобы выразить такие прозрения, далекие от обычных человеческих дел... Он, конечно, везде наталкивается на отсутствие нужных ему изобразительных средств и поневоле принимает свой предмет или даже совершенно искажает и уродует его»⁴⁴⁰.

Вильгельм Остwald охарактеризовал языки современной цивилизации следующим образом: «Стоит только исследовать особенности какого-нибудь

языка при помощи элементарных правил логики, чтобы убедиться в том, что характер языка — не что иное, как остаток первобытного несовершенного мышления»⁴⁴.

Академик В. В. Виноградов в фундаментальном исследовании «Русский язык» (за которое ему была присуждена Государственная премия) в таких выражениях определил отсталость, пережиточность формы языка (в отношении всех частей речи): «палеонтологические пережитки давно минувших эпох и языковых идеологий», «грамматические мертвые группы слов», «лингвистическая пыль» глагольных и иных форм, «археологические пережитки и «пережиточные пласты», категории, которые «являются чистой фикцией», и формы «грамматические обесмысленными» функциями, «ненормальная раздробленность и множественность форм изменения слов», «грамматическая омертвелость» отдельных частей языка, «непоследовательность словоизменения, противоречия между «старой техникой языка» и «новыми формами общественной семантики», правила грамматики, которые противоречат логическому значению слов и «естественному инстинкту говорящих», и т. д.^{240в}

Джон Бернал написал даже с явным преувеличением: «Большинство наших языков развилось на ранней ступени каменного века и с тех пор лишь слегка видоизменилось... В силу того, что речь появилась так рано, она остается наиболее примитивной частью комплекса наших средств социального общения. Насколько она действительно примитивна, мы начинаем понимать только теперь...»⁴⁵.

Форма каждого языка эволюционно как бы «стремилась» — по мере своих возможностей — наилучшим образом выражать прогрессирующее содержание, быть в соответствии с ним и с законами мышления. Постепенное и частичное преодоление несоответствия между ними было источником развития языков, в частности и в особенности роста их лексического состава. Но в конце концов старая форма исторических языков, лишь незначительно обновившаяся на протяжении последних эпох, равно как и в нашу бурную эпоху, и их содержание, во многом расширившееся, обновившееся, пришли в такое противоречие (еще далеко не всеми замечаемое), которое должно быть преодолено радикальным, революционным путем, путем скачка-революции. Однако это вовсе не значит, что такой скачок возможен в существующих языках. Он возможен в языке в самом широком значении этого слова — в языковом развитии общества, в которое войдет и практическое решение проблемы всеобщего языка.

Среди лингвистов, как и среди философов и социологов, давно утвердилось мнение, что революция в национальных языках невозможна. Например, Фердинанд де Соссюр, констатируя, что «фактически всякое новое общество знает и всегда знало язык только как продукт, который унаследован от предшествовавших поколений и должен быть принят таким, как он есть», указывал на «невозможность в нем революции. Из всех общественных установлений язык представляет наименьшее поле для инициативы» (хотя и бывает, что язык того или иного народа в какие-нибудь несколько лет испытывает значительные превращения)^{336д}.

Правы ли ученые, рассуждающие так, как де Соссюр? Да, конечно. Но они неправы, если сводят языковое развитие общест-

ва к существующим языкам и, отрицая возможность революции в них, отрицают вместе с тем возможность революционного решения проблемы общечеловеческого языка.

Если оперировать термином *язык*, но совершенно не делать различия между абстрактным и конкретным значениями его, исключать из языкового развития человечества реализацию идеи всеобщего языка, то как применить к языку тезис о скачкообразном переходе от одного качественного состояния в другое?

Такого рода попытки были предприняты в Советском Союзе в начале 50-х годов. Некоторые ученые (Г. Д. Санжеев) писали тогда о «скачке в форме постепенного перехода от старого качества к новому»⁴⁴² в течение сотен лет, в развитии русского языка, например, в течение четырех столетий, начиная с XII в., или даже в течение целого тысячелетия, начиная с XI в.⁴⁴³ (М. М. Розенталь). Более того, скачок понимался и как весь многотысячелетний период языковой эволюции: «Если сравнить современное состояние языков с их первоначальным словарным составом, то можно убедиться, что каждый из языков... совершил большой скачок от первоначального состояния к современному»⁴⁴⁴ (Б. М. Кедров). Тогда была выдвинута эволюционистская формула: «Постепенность в развитии языка есть форма скачка»⁴⁴⁵.

Если иметь в виду существующие языки, то скачками в их развитии можно называть переход от бесписьменного их состояния к литературному — от первой степени искусственности ко второй такой степени, от языков народностей к языкам наций. Но ни один из этих скачков, даже совершаемых в короткий срок в условиях социализма, не был революцией в языке.

Идея общечеловеческого языка не означает безусловного «нет» языкам отдельных наций и народностей, племен, равно как и языкам с дополнительной функцией ограниченного международного употребления. Эта идея означает «нет» их территориальной ограниченности и «да» их неразрывной связи с жизнью и историей народных масс, с развитием культуры, «нет» их недостаткам и пережиткам и «да» их достоинствам: метким, точным словам и выражениям, наиболее совершенным способам словообразования и словоизменения, в отдельных случаях — благозвучности.

Отрицание общечеловеческим языком той ступени развития, на которой находятся языки современного цивилизованного общества, не будет отрицанием нигилистическим и скептическим. Оно неизбежно будет содержать и положительный момент: творческое использование всего ценного, что содержится в языках докоммунистической эры и проектах международного языка, созданных энтузиастами этой идеи в условиях капитализма. Новая ступень языкового развития человечества будет продолжением того, что ею отрицается.

Языковая эволюция в коммунистическом обществе будет продолжаться не только на более высоком уровне — она будет э в о-

лющей и управляемой, контролируемой. Торжество планового начала в языке нового мира будет торжеством разума, торжеством науки. Языковой революцией явится сознательное, целенаправленное претворение в жизнь идеи общего языка нового человечества. Эта революция не уничтожит существующие языки и происходит наряду с их эволюцией.

В существующих языках накопилось много новых элементов, преимущественно лексических, но они в них рассеяны, не создавая нового качества. Если же эти элементы, как и наиболее совершенные лексические и грамматические элементы изрядной давности, использовать как прототипы при создании всеобщего языка, если все лучшее из языков народов мира и проектов международного языка сконцентрировать в одном новом языке, соответственно все преобразовать в нем, быть может, пополнив его структуру и лексический состав элементами новыми и целесообразными, то получится скачкообразный переход от старого качественного состояния к новому.

По словам Маркса, всякое развитие подобно ряду ступеней, «связанных друг с другом таким образом, что одна является отрицанием другой»⁴⁴⁷. «Не голое отрицание, — писал Ленин, — не зрящее отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...»⁴⁴⁸.

3. ЯЗЫК В СОСТАВЕ ФОРМЫ ЕДИНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО

Культура будущего человечества, преодолеющего свою извечную раздробленность и разобщенность, будет единой не только по содержанию, но и по форме, с одним общим языком⁴⁴⁹. В принципе это, кажется, не вызывает возражений.

Однако здесь еще далеко не все ясно. Неясен, в частности, вопрос, что же такое форма культуры. В нашей социологической литературе форма культуры (имеется в виду культура духовная) зачастую приравливается к языку. Широким признанием пользуется формулировка: «Национальный язык есть форма национальной культуры»³⁵⁴⁹. Иногда это утверждение принимается неохотно. Например, в статье Н. Гаджиева «Культуры социалистических наций, их настоящее и будущее» утверждается, что отличительным признаком национальной формы социалистических культур, единых по содержанию, является и, «видимо, долгое время останется национальный язык»⁴⁵⁰. Но сводится ли форма культуры — духовной культуры — к языку?

А. Е. Мординов в монографии «О социалистическом содержании и национальной форме советской культуры» пишет, что форма

культуры — «это прежде всего и главным образом национальный язык». А что же «не прежде всего» и «не главным образом» входит в понятие формы духовной культуры? А. Е. Мординов отвечает на это так: «Элементом национальной формы культуры является также отражение в культуре народа его национального быта, территории и географической среды, в которой он оформился, живет и развивается, его психического склада или национального характера»⁴⁵¹. Это недостаточно ясно. Разве быт народа, географическая среда, в которой он живет, его психический склад, характер не отражаются в содержании культуры, в частности в произведениях художественной литературы?

Вопрос о том, что же, помимо языка, входит в понятие формы культуры, не так давно правомерно задал на страницах «Литературной газеты» Н. Джусойты. Он недоумевал: язык, конечно, входит в понятие формы культуры, «но что же делать с музыкой, живописью, скульптурой, архитектурой? Ведь эти же искусства имеют дело с иным — неязыковым — материалом!»⁴⁵² Однако поднятый в газете литераторов вопрос так и не прояснился тогда.

Насколько он еще дискуссионен, показывает недавнее выступление в печати В. А. Аврорина. Он выступил не только против сведения формы культуры к языку, но и против включения понятия языка в понятие формы культуры. Отмечая в статье «Язык и культура»⁴⁵³, что формула «язык есть форма культуры» (или «национальный язык есть форма национальной культуры») продолжает сохраняться в советских общественных науках, он решительно возражает против такого понимания формы культуры.

«Язык — не форма, а средство выражения и передачи мыслей, — утверждает В. А. Аврорин. — Равным образом он не является и формой культуры, а служит одним из средств, с помощью которых может быть выражено содержание культуры». Но если понятие языка не входит в понятие формы культуры, что же в таком случае представляет собой форма культуры? В. А. Аврорин в качестве «национальных форм» культуры называет «формы взаимоотношений между членами семьи, свадебные и другие семейные обычаи, меры поощрения и осуждения, разные жанры литературы и других видов искусства и т. д.» Исключив язык из формы культуры, он сводит ее к бытовым явлениям и жанрам!

Противопоставление «формы выражения» и «средства выражения» одного и того же содержания спорно. Термин *форма* многозначим. В слове *форма* некоторые философы насчитывают до полутора десятка значений. Одно из них в термине-словосочетании *форма культуры* более или менее совпадает со значением термина *средство выражения*. Если язык лишь одно из средств выражения содержания культуры, то есть, следовательно, и какие-то другие такие средства, какие именно — В. А. Аврорин не поясняет.

В доказательство своего положения он выдвигает такой аргумент: «Язык, так же как и культура, имеет и свою форму и свое содержание. Но содержанием языка являются вовсе не те идеи и мысли, которые с его помощью получают возможность материального воплощения и обмена между людьми, а совокупность заключенных в элементах языка лексических и грамматических значений». Это, бесспорно, так. Только это вовсе не подтверждает выдвинутое в статье «Язык и культура» положение.

Слова имеют содержание сами по себе, безотносительно к содержанию культуры или отдельным ее проявлениям, словесно выраженным. Но они могут выражать и определенные «политические, философские, научные взгляды и идеи, художественные вкусы, нормы морали...»⁴⁵³, как определяет Аврорин содержание культуры. Слова выражают все, что составляет содержание любой культуры, как революционной, пролетарской, так и реакционной, буржуазной. Слова в толковом словаре и словарях терминологических представляют собой форму языка, а толкования их, определения выражаемых ими понятий — содержание языка. Когда же слова используются как средство для написания, например, трактата или романа, лекции или стихотворения, они в той или иной совокупности, в том или ином подборе, порядке становятся формой культуры — культуры, выражаемой словесно. Но содержание культуры выражается не только словесно.

Возможно понимание формы культуры как той внешней стороны культуры, которая доносит до нас ее содержание, воздействуя на сознание через органы зрения и слуха.

Само понятие термина *культура* как сокращенной формы термина *духовная культура* понимается и толкуется по-разному, то более, то менее широко. Нередко из него исключают понятие науки, утверждают, что наука интернациональна, общечеловечна, а культура — национальна и всегда такой останется (так полагал, например, известный американский ученый Р. Опенгеймер). В более широком значении этот термин охватывает, помимо литературы и искусства, и науку. В этом значении термин *культура* и употребляется здесь. И под культурой мы будем иметь в виду не только духовную культуру, выражаемую средствами языка или музыки, но в какой-то мере и культуру материальную: ведь в некоторых видах искусства, как скульптура или архитектура, она участвует испокон веков.

Явления культуры (в основном литературу, включая научную, и искусство) можно подразделить по характеру их восприятия на зрительные, слуховые и зрительно-слуховые. Они воспринимаются либо прямо, непосредственно, либо косвенно, опосредствованно. Средства прямого воздействия — звуки, движения, краски, линии, формы; средство косвенного воздействия — язык, слова. Не вид написанных или напечатанных слов и не их звучание само

по себе производят на нас впечатление, а то, что они выражают (хотя графическая и звуковая формы слов свое значение все же имеют). Прямое воздействие оказывает музыка и танцы, живопись, скульптура, архитектура, орнамент и проч. Косвенное воздействие оказывают все виды литературы. Некоторые явления культуры — пение, театр, кино — сочетают элементы прямого и косвенного воздействия, т. е. входят и в область искусства и в область художественной литературы.

Таким образом, форму культуры составляют неязыковые и языковые элементы. Языковую часть можно было бы определить как открыто-закрытую (для восприятия): она либо открыта для понимающих язык, либо закрыта для тех, кто языка не понимает. Соотношения языковых и неязыковых элементов в различных явлениях культуры различны.

Национальные языки ограничивают возможности познания национальных культур иноязычными людьми. Неязыковые же элементы форм культуры — звуки музыки, движения в танце, краски костюмов, картин, узоров, линии орнаментов, скульптур, зданий — общедоступны для восприятия, и потому нет исторической необходимости в том, чтобы в условиях всемирного социализма, перерастающего в коммунизм, все эти элементы — при условии сохранения ими общечеловеческого содержания — отмирали, стирались, уступали место единообразию.

Когда мы говорим о единой и по содержанию и по форме культуре коммунистического будущего, мы должны иметь в виду две стороны этой формы — языковую и неязыковую. Общечеловеческая культура коммунизма будет единой не только по содержанию, но и по языку. Неязыковые же национальные, этнические элементы, надо полагать, останутся, поскольку они не мешают, не препятствуют восприятию и пониманию явлений культуры. Более того: именно они обеспечат многообразие в единстве. Они сохраняют исторически сложившееся своеобразие искусства и отчасти быта народов, местный колорит. Нельзя мыслить культуру коммунизма как такую, в которой нивелирующая тенденция распространится на все и полностью растворит историческое и географически-климатическое своеобразие условий жизни, быта и культуры народов.

4. ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК — СРЕДСТВО ДАЛЬНЕЙШЕГО СБЛИЖЕНИЯ И КОНЕЧНОГО СЛИЯНИЯ НАЦИЙ

В. И. Ленин рассматривал нации как общественно-историческую, а следовательно, преходящую, не вечную, категорию: «Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»⁴⁵⁴. Национальный язык — один из существенных признаков нации наряду с национальной общностью

территории, национальной общностью экономической жизни и национальной общностью психического склада, проявляющегося в общности культуры.

Марксизм-ленинизм противопоставляет буржуазному национализму, как и всякому национализму, пролетарский интернационализм. «Марксизм, — утверждал Ленин, — непримирим с национализмом, будь он самый «справедливый», «чистельский», тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма — интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве...»^{325в}.

Проблеме слияния наций «в высшем единстве» Ленин придавал исключительное значение, называл этот процесс развития будущего общества одной из целей социализма: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»⁴⁵⁵.

На смену национальным территориям должна прийти всемирная общность территории, на смену национальным экономикам — единое всемирное хозяйство, на смену национальным культурам и языкам — общечеловеческая культура и общечеловеческий язык.

Всеобщий язык, несомненно, помог бы международному рабочему и национально-освободительному движению в объединении сил прогрессивного человечества, а в дальнейшем — в новых исторических условиях — постепенному стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, делал бы связи между национальностями теснее и теснее, вел бы к единству всех этнических общностей Земли.

В условиях социализма буржуазные нации преобразуются в нации социалистические и, разумеется, слиться могут только социалистические нации при перерастании социализма в коммунизм во всемирном масштабе. Пусть эта проблема на сегодня не имеет практического значения, — ее теоретическое значение велико, особенно в связи с постановкой проблемы общечеловеческого языка не только в близкой, но и в далекой исторической перспективе.

* * *

Далекую перспективу слияния наций в высшем единстве коммунизма издавна отвергали идеологи буржуазии и разного рода реформисты и ревизионисты, как Отто Бауэр и Эдуард Бернштейн. Они предпочитали бессрочную консервацию национальных — а следовательно, и языковых — различий в условиях полной победы социализма на Земле.

Бауэр утверждал, что социализм приведет к упрочению наций, а поскольку не может быть «нации как культурной общности без

общности языка», упрочатся и национальные языки ^{456а}. Однако это не только не снимает, а, наоборот, ставит еще настоятельнее задачу создания всемирного интернационального языка. Но проблемы общего языка всех наций мира, предваряющей проблему их слияния, Бауэр не видел и видеть не желал. Определяя нации как совокупности людей, «связанные общностью характера на почве общности судьбы», он считал, что «естественное стремление» людей группироваться по нациям не только не сохранился в условиях всемирного социализма, но и упрочится. «Все нации, объединенные для коллективного господства над природой, все человечество, группирующееся в национальные общества, призванные к самостоятельному развитию своей культуры, — вот социалистический принцип национальности» ^{456б}, — писал Бауэр.

Идея общечеловеческого языка и общечеловеческой культуры, как и идея слияния всех наций в общечеловеческом единстве, были совершенно чужды и Бернштейну, они и по сей день чужды реформизму и ревизионизму.

Социологическая концепция увековечения национальной раздробленности человечества и лингвистическая концепция увековечения его языковой раздробленности дополняют одна другую.

Второй концепции придерживался А. А. Потебня, видный лингвист России и Украины (1835—1891). Он считал, что «нет ни одной грамматической и лексической категории, обязательной для всех языков»; национальные языки представляют-де собой «глубоко различные системы приемов мышления», «системы познания» и даже... различные пути «создания эстетических и нравственных идеалов». (А. А. Потебня предвосхищал тем самым абсолютизацию семантических различий в языках в концепции Сепира — Уорфа.)

Закрепляемую языками национальную обособленность в человеческом обществе Потебня почитал за благо. «Мы можем ожидать от предполагаемой в будущем замены различия языков одним общечеловеческим лишь понижения уровня мысли» ⁴⁵⁸, — рассуждал он. Очевидно, он полагал, что общечеловеческий язык будет менее совершенным орудием мысли, чем языки национальные.

Не только во второй половине XIX в., но и в первой и даже во второй половине XX в. такой скептицизм в отношении научного языкознания — довольно распространенное явление.

Скептицизм этот был свойствен известному академику С. Ф. Ольденбургу (1863—1934). В середине 20-х годов он писал в московской газете, выходившей на пемепком языке: «Для человечества было бы величайшим несчастьем, если бы вся масса языков, ныне существующих, исчезла и заменилась одним языком... К счастью для человечества, это невозможно. Наряду со стремлением к объединению существует как поправка к нему сила разъединения, способствующая сохранению индивидуальных черт народа и отдельного человека» ⁴⁵⁹.

Подобные опасения не имеют никаких оснований. Разве люди, говорящие на одном языке, не имеют своих индивидуальных черт? Разве не имеют своих этнических черт народы, у которых общий язык? Общим языком пользуются антагонистические классы. Общим языком пользуются нации, одна часть которых живет еще при капитализме, а другая — в условиях социализма. Общий язык ничего не инвелирует. Не будет ничего инвелировать и язык всеобщий, который воспримет все положительные качества, все богатство языков национальных.

Интересно отметить, что идея единого общечеловеческого языка и слияния наций в отдаленном будущем была не чужда писателю И. А. Гончарову. И не только ему, но и — по его свидетельству — некоторым из его соотечественников-современников. В письме к С. А. Толстой от 11 ноября 1870 г. он писал: «У нас некоторые заглядывают очень далеко вперед... говорят, что... национальность есть задержка, что впереди где-то стоит идеал слияния народностей... языков... Я знаю людей старых с[о] смелым умом и бойким взглядом, — они думают, что так совершенно должно быть... Я... конечно, буду рад через 10 тысяч лет говорить одним языком со всеми и если буду писать, то иметь читателями весь земной шар... Думаю, все народы должны прийти к этому общему идеалу человеческого конечного здания через национальность, т. е. каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал...»⁴⁶⁰.

Один из вождей германской социал-демократии Август Бебель (1840—1913), о котором с большой похвалой отзывался Энгельс и о котором Ленин писал: «Сам рабочий, он сумел пробить себе дорогу к твердым социалистическим убеждениям, сумел стать образцом рабочего вождя...»⁴⁶¹, — в своем сочинении «Будущее общество» коснулся проблемы общечеловеческого языка как идеи прогрессивной.

Ныне же если в социологических работах и ставится проблема слияния наций, то, как правило, авторы их отождествляют слияние наций и их культур со слиянием языков, а нередко ограничиваются общими фразами, совершенно не касаясь проблемы общечеловеческого языка.

Так, А. Е. Кайханиди в монографии «Ленинская теория программа по национальному вопросу» утверждает, будто социализм подготавливает «уничтожение национальных различий и слияние наций и национальных языков...»⁴⁶³. В брошюре А. А. Архангельского «Племя, народность, нация» можно прочитать, что «на базе беспрепятственного экономического и культурного обмена между народами произойдет тесное сближение наций, взаимообогащение и слияние их культур и языков...»⁴⁶⁴ То же можно встретить и в ряде других работ⁴⁶⁵⁻⁴⁶⁶.

Слияние наций и их культур и слияние национальных языков — совсем не одно и то же; первый процесс вовсе не предполагает второй. Слияния национальных языков вовсе не требуется для того, чтобы все нации мира слились в едином безнациональном обществе и все их культуры — в единую общечеловеческую культуру...

Не только нации, но даже мелкие этнические общности, надо полагать, никогда не откажутся от своих традиционных, привычных языков, если общий для всех них язык не явится новой и более высокой ступенью языкового развития всемирного общества. Само собой разумеется, что постепенный переход ко всем объединяющему языку может происходить лишь на основе полной добровольности, без всякого нажима сверху, в условиях свободы и равноправия всех этнических общностей — как крупных наций, так и мелких племен.

В 1934 г. проф. Я. Лоя высказал мысль, близкую той идее, которая развивается в настоящей книге. В одной из статей он писал: «С исчезновением национальных языков... исчезнет последний признак нации и вместе с тем и сами нации... Тогда из вспомогательного международного язык превратится — вернее, перерастет — в единый всеобщий язык».

Я. Лоя указывал, что некоторые рассматривают будущее существование единого для всего мира языка как регресс. «Неправильно смотреть на национальный язык, — утверждал он, — как на лучший и даже единственно возможный вид языка. Марксистски, т. е. научно мыслящие, люди обязаны каждое явление действительности рассматривать диалектически, в возникновении и исчезновении... Единый всеобщий язык явится истинным благодеянием для человечества»⁴¹⁷.

Гипотеза максимального расширения функций всеобщего языка, которую независимо от Я. Лоя тогда же высказывал автор этих строк, недавно встретила признание со стороны интерлингвиста В. П. Григорьева: «Представим себе, что искусственный вспомогательный международный язык получил всеобщее признание как средство международного общения. В таком случае окажется достаточно высокой вероятностью того, что со временем, в мировом коммунистическом обществе, именно такому языку, сознательно обогащенному за счет различных национальных языков, эти последние постепенно передадут остальные свои функции»⁴⁶⁸.

Если значение всеобщего языка будет все более и более возрастать, если он станет одним из двух родных языков всех членов единого всемирного бесклассового общества, если он будет гораздо более богатым, гибким и благозвучным, чем языки, возникшие в прошлом на путях эволюции, то нетрудно себе представить, что наши потомки в повседневном общении, дома, в семье, на работе все больше и больше будут говорить на всеобщем языке. Ведь такой язык не будет ни для кого чужим, иностранным — будет родным и близким для всех, достоянием всего человечества, где всеобщий мир и всеобщая дружба навсегда станут действительностью.

Разумеется, сейчас нельзя с полной уверенностью утверждать, что поначалу вспомогательный, побочный, а затем — и это главное — основной язык нового человечества непременно перерастет в единый общечеловеческий. На этот счет можно лишь строить более или менее вероятные гипотезы. Более вероятным представляется перерастание основного языка будущего человечества, завершившего социалистическую революцию, в единый, но — и это необходимо всегда иметь в виду, всегда подчеркивать — лишь при условии, что он будет обладать всеми необходимыми для этого

качествами и потенциальной возможностью дополнительно приобрести те или иные качества, те или иные черты и детали в процессе контролируемого развития. Более вероятной такая перспектива представляется на основе учета исторического языкового опыта. Но мы не можем исключать возможность создания в более отдаленном будущем какого-то нового языка для роли единого общечеловеческого, быть может, языка четвертой степени искусственности. Это — дело наших потомков, нам дискутировать об этом преждевременно.

Перед нами стоит задача создания по возможности более совершенного языка, способного наилучшим образом выполнять все функции общения разноязычных народов во всех областях знания, деятельности, творчества, в повседневной жизни — всюду, где используются живые языки.

Дальнейшая судьба национальных языков — да и донациональных тоже — на весьма длительный исторический период сомнений не вызывает: они продолжают свое существование, свое развитие. Их функционирование, развитие и создание на их материале всеобщего языка не только не будут мешать друг другу, но, наоборот, одно будет содействовать другому, одно будет другое оплодотворять. Это — процессы не взаимоисключающие, а взаимообуславливающие. Создание и внедрение в жизнь языка, представляющего собой научный синтез языков человечества, наряду с существующими языками, безусловно, окажет самое благотворное влияние на них.

Во всем мире немало писателей и читателей, влюбленных в язык своего народа, гордящихся языкотворческими способностями своих предков. Враждебное отношение таких людей к идее создания всеобщего языка было бы печальным недоразумением и непониманием закономерностей общественного, в частности культурного и языкового развития, равнодушием к новым потребностям прогрессивного человечества, бесперспективным взглядом в будущее.

* * *

Да, сегодня еще многих смущает перспектива потери в отдаленном будущем языковой подлинности творений великих художников слова прошлого и настоящего. Что же будет со стихами Пушкина и Гёте, с романами Гюго и Золя, с трагедиями Шекспира и т. д.? Но странно: никого при этом не смущает, что Пушкин для огромного большинства читателей поэзии доступен лишь в переводах, как и Гёте, Гюго, Золя, Шекспир, как все творцы национальных литератур. Никого не смущает, что большинство национальных литератур доступно в подлинниках лишь ничтожному проценту всех в мире читателей художественных произведений, зачастую — лишь долям одного процента их.

Никого не смущает и то, что латынь, на которой созданы бес смертные шедевры поэзии и прозы, — уже давно мертвый язык, не имеющий народа-носителя, хотя еще и изучаемый многими. А древнегреческий с его «Илиадой» и «Одиссеей»? А санскрит с его «Ведами»? (В 1951 г. он был родным лишь для 555 индийцев, как показала проведенная тогда перепись населения Индии). А древний китайский? А классический арабский? А древний персидский?..

В ходе языкового развития человечества неизбежны такого рода потери и в будущем. Прекратятся они только тогда, когда человечество, преодолев свою извечную языковую раздробленность, от языковой общности перейдет к языковому единству. Тогда все подобные потери возместятся огромным и общим для всех приобретением — единой всемирной литературой, всем доступной в подлинниках и воспроизводящей без искажений современную потомкам языковую действительность: литературные персонажи будут говорить на том же языке, на каком прототипы их говорят в жизни.

И, наконец, еще одно соображение: единый общечеловеческий язык, вероятно, всегда будет единым (единственным) лишь относительно, т. е. всегда наряду с ним будут изучаться и в какой-то мере использоваться языки докоммунистической эры, языки предков, живые для нас. Многие любители поэзии и беллетристики всегда, вероятно, будут читать в подлинниках великих художников слова прошлого, как многие ныне читают в подлиннике Овидия и Горация.

Не исключена также возможность, что будут появляться и новые проекты языков ограниченного употребления — для любителей лингвистических экспериментов.

Всегда будет необходимой общность языка всего населения планеты, а абсолютное единство — в смысле 'единственность' — языка такой необходимостью, надо полагать, никогда не станет: ведь люди способны к двуязычию, многоязычию, и эта способность вряд ли будет когда-либо утеряна.

2. ЛИНГВИСТИКА ВЫСШИХ УРОВНЕЙ — КРИТИЧЕСКАЯ И ТВОРЧЕСКАЯ

Перефразируя известное изречение Маркса о философах, можно сказать, что лингвисты до сих пор лишь описывали и объясняли различным образом языковую действительность мира, — задача состоит теперь в том, чтобы ее изменить. Это, однако, не означает изменения существующих языков, ни тем более отказа от них, этого богатейшего языкового наследия предшествовавших поколений. Это означает лишь создание совершеннейшего из языков на основе критической переработки языкового опыта че-

ловчества, его повсеместное распространение и использование наряду с издавна существующими языками.

Марксизм ставит вопросы, писал Ленин, «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»⁴⁷⁰. В применении к лингвистике это требует научного предвидения языка будущего и практической деятельности, направленной на претворение этого предвидения в жизнь.

Лингвистика не может оставаться наукой только двух временных измерений — познающей прошлое языков (чем занимается лингвистика историческая) и их настоящее (чем занимается лингвистика описательная, структурализм в частности): она должна думать и о языке будущего.

После длительного перерыва советские лингвисты в своих выступлениях в печати снова начинают обращаться к проблеме всемирного международного языка.

В 1956 г. О. С. Ахманова и Е. А. Бокарев призвали работников лингвистической науки к изучению теоретических вопросов, возникающих при рассмотрении проблемы искусственного международного языка и представляющих значительный интерес для их науки⁴⁷¹.

В сборнике статей к 70-летию академика В. В. Виноградова В. П. Григорьев утверждает, что, поскольку можно считать доказанным возможность создания искусственным путем вспомогательного международного языка, советская лингвистика «не может оставаться в стороне от исследования путей создания искусственных международных языков с полным объемом функций. Такие языки должны, наконец, стать полноправным объектом лингвистического изучения»²⁴⁰.

В другой статье — «О некоторых вопросах интерлингвистики», недавно опубликованной журналом «Вопросы языкознания», В. П. Григорьев указывает, что интерлингвистика соприкасается со многими проблемами и вопросами, которыми занимаются лингвисты различных направлений, — такими, как исследование процессов взаимодействия национальных языков в современную эпоху, изучение языковых контактов и двуязычия (билингвизма), создание языка-посредника машинного перевода⁴⁷².

На совещании по типологии восточных языков, проведенном в Москве Институтом Азии (1963), говорилось (В. В. Ивановым и Ю. К. Лекомцевым), что «без данных типологии невозможно будет построение международных языков» (кстати: почему не одного международного языка?) и что «опыт изучения таких явлений будет необходим при выработке единого языка человечества»⁴⁷³.

Директор Института языкознания член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин писал не далее, как в 1966 г., в «Вопросах языкознания»: «Растущее общение народов СССР с народами

других социалистических стран, усиливающиеся связи с несоциалистическими государствами, вообще интенсификация международных отношений во всем мире... все более остро ставят вопросы, подлежащие ведению интерлингвистики...»⁴⁷⁴.

Оценивая накопленные всей предшествовавшей описательной лингвистикой (и диахронической и синхронической) бесчисленные языковые факты — слова, словоформы, словосочетания, она должна оперировать точными понятиями в определении качеств конкретных языков — установить, что такое богатство, гибкость и благозвучие языка.

Научных определений этих понятий еще нет. Наука о языке, несмотря на обилие своих направлений и школ, теорий, до сих пор не дала верных критериев для определения степени совершенства того или иного языка, отдельных частей и деталей национальных и донациональных языков, а также проектов языка интернационального. До сих пор нет точного определения точности в языке — основного качества языка как средства выражения и общения.

Прежде чем приступить к «строительству» всеобщего языка, необходимо разработать во всех деталях его план, его схему — определить его лексическое содержание в понятиях, грамматическую структуру в категориях, а также фонемический строй и соответствующий ему алфавит. Первые две задачи особенно сложны. И здесь поначалу необходимо определить общие научные принципы построения лексики и грамматики всеобщего языка.

Используя и развивая достижения домарксистской теоретической интерлингвистики, следует вспомнить упоминавшиеся ранее принципы рационального языка, выдвинутые В. Оствальдом и Л. Кутюра: принципы однозначности и обратимости, принципы необходимости и достаточности. Принцип обратимости является частным случаем принципа однозначности, поэтому о нем в дальнейшем можно и не упоминать как о само собой разумеющемся. Принцип достаточности также можно рассматривать как дополнение к принципу необходимости: что в языке излишне, то, следовательно, и не необходимо, а что недостаточно — в том, неполнота необходимости.

Эти принципы были выдвинуты теоретиками Идо главным образом как принципы рациональной грамматики, ее морфологии, но они в равной мере относятся и к построению рациональной лексики. Их развивал в своих работах и Ренэ де Соссюр, брат Фердинанда де Соссюра, автор ряда проектов вспомогательного языка типа Эсперанто и Идо и теоретических работ — «Логические принципы словообразования» («Principes logiques de la formation des mots», Женева, 1911) и «Логическая структура слов в естественных языках, рассматриваемая с точки зрения ее применения в языках искусственных» («Structure logique des mots dans les langues naturelles, considérée au point de vu de son appli-

cation aux langues artificielles», Берн, 1919). Р. де Соссюр развивал те же идеи рациональности вспомогательного языка, что и В. Оствальд и Л. Кутюра.

Под влиянием ли интерлингвистов или независимо от них, но требование однозначности как основное условие для идеального языка неоднократно высказывалось на страницах официальной лингвистики, вплоть до структуралистов (например, у С. Дотта в его правилах регулярности: «Каждое слово должно иметь только одно значение, что является редко достижимым идеалом»⁷⁹г).

В терминологии больше теоретическая, а в интерлингвистике и практически этот принцип, как уже говорилось, сочетается с параллельно обратным принципом одновыраженности (если позволительно такое словообразование). Оба принципа формулируются так: одно выражение — одно значение, одно значение — одно выражение. В применении к упрощенному вспомогательному языку принцип одновыраженности понимается без всяких ограничений, без учета необходимости стилистической синонимии. В рациональном языке так, вероятно, и должно быть. Но в языке рационально-эмоциональном принцип одновыраженности нуждается в поправке на разностильность языка: не должно быть двух и более слов для одного понятия в лексике нейтрального стиля. При наличии же лексики повышенного — торжественного — стиля и лексики пониженного — просторечного — стиля одно понятие может иметь два выражения и более в зависимости от экспрессивной «окраски» его, от отношения к конкретному предмету говорящего или пишущего. Одно понятие должно иметь одно выражение в одном стилистическом пласте лексики. Есть множество понятий общеупотребительной лексики, которые присущи только одному нейтральному стилю; относятся к нему и все научные понятия, все понятия, выражаемые терминологией. Но есть немало и таких понятий, которые варьируются эмоционально, и это должно найти свое отражение в языке будущего. Следовательно, принцип одновыраженности в применении к построению рационально-эмоционального языка должен определяться как принцип стилистической одновыраженности.

Иным становится и принцип необходимости в языке грядущего человечества: то, что необходимо в языке художественной литературы, поэзии, не является необходимостью в языке международных конференций, деловой переписки и научной литературы. В навсегда вспомогательном упрощенном языке нет необходимости одному народнохозяйственному понятию давать два термина-дублета, а в терминологии основного языка всемирного социалистического общества это может стать необходимым: один термин будет элементом общеупотребительной лексики, другой (кодотермин) — элементом кодотерминологии в системе механизированного и автоматизированного управления всемирным хозяйством.

Во вспомогательном языке нет необходимости одному понятию широкого употребления давать два-три слова, там достаточно одно-го без стилистических нюансов.

Вопрос о критерии определения точности в языке — один из первых вопросов, которые встанут перед лингвистами, когда они обратятся к разработке проблемы всеобщего языка. Сравнительно-критическое изучение типологии существующих языков — другой такой вопрос. Какие преимущества и недостатки имеют аморфный, агглютинативный и флективный типы языков и различные их сочетания? В чем заключаются преимущества и недостатки аналитических и синтетических форм в языке? Может ли и должен ли общечеловеческий язык быть языком смешанного типа? Вероятно, да, поскольку национальные языки сочетают в себе черты разных типов. Какие типологические черты и особенности должен включить в свою структуру и в каком именно сочетании наиболее совершенный язык? Здесь — огромное поле для научных исследований, теоретических выводов и практического экспериментаторства.

Каков же должен быть фонемический строй общечеловеческого языка? Для ответа на этот вопрос необходимо возникновение новой фонологии — критической. Не констатация фонемического строя того или иного языка, тех или иных языков, а критическая и сравнительно-критическая оценка их, выработка точных критериев определения степени благозвучности языков. Нередко говорят, что, например, итальянский или французский языки — красивы по звучанию. А в чем именно заключается их благозвучие? И можно ли создать язык более благозвучный, чем эти языки и любой другой эволюционного происхождения? В разработке критической фонологии и ее требований, без сомнения, могут помочь и новейшие — машинные — методы фонетических исследований, звукозапись и ее расшифровка. Законы языкового благозвучия могут и должны быть найдены и сформулированы.

Наряду с решением всех этих новых задач, встающих перед лингвистикой социализма, необходима и разработка усовершенствованного алфавита для усовершенствованного языка: существующие алфавиты, изобретенные в далеком прошлом, далеки от совершенства.

Вряд ли следует для всеобщего языка брать один из алфавитов, созданных в древности и используемых для национальных языков, латинского алфавита не исключая. В частности, последний алфавит, самый распространенный, не передаст всех фонем тех языков, которые он обслуживает. Для выражения некоторых фонем в нем используются, как известно, две, три, даже четыре буквы или буквы с надстрочными знаками. Одни и те же буквы произносятся по-разному, между начертаниями прописных и строчных букв имеются ненужные расхождения, буква *O* совпадает с начертанием нуля, а *I* (большое «и») — с единицей, различие между гласными и согласными ничем не выражено (а может быть выражено, например, округлыми очертаниями гласных и прямоугольными — согласных), нет никакой закономерности в

последовательности букв. Латинский алфавит, быть может, и более совершенный, чем другие, неоднократно подвергался критике ученых (в их числе и К. Э. Циолковского⁴⁰), мечтавших о всеобщем языке и всеобщем алфавите.

Проблема всеобщего языка неотделима от проблемы совершенствования языка, которая обычно называется проблемой прогресса в языке. В чем состоит прогресс в языке? На этот вопрос еще нет научно обоснованного и общепризнанного ответа.

Среди языков, малых по распространенности (по числу говорящих) и значению, неизвестных в цивилизованном мире, есть примитивные, но есть и поразительно развитые — и лексически и, что особенно удивительно, грамматически. Поразительно богатство форм в языках американских туземцев. «Множество глагольных форм в циппевайском языке до невероятности велико», — утверждал русский лингвист конца XIX в. проф. В. Шерцль, ссылаясь на источники: Скулкрафт («Indian Tribes», V, 299—388) приводит на 88 страницах более 8 тыс. употребительных форм глагола *vob* (видеть). Богатство форм в алгонских языках таково, что, по словам того же исследователя, «проспрягать один только глагол требовало бы несколько месяцев прилежного занятия и составило бы целый том». По данным другого исследователя (Гурлбута), глагольная система одного из алгонских языков настолько разветвлена, усложнена, что одни только прошедшие времена имеют более 5 тыс. форм^{233б}.

Это граничит с баснословностью. Однако исследования языков американских индейцев, проводившиеся в первой половине XX в., подтверждают их исключительную формальную развитость, до которой далеко нашим языкам. Можно сослаться на авторитетное свидетельство Э. Сепира, также занимавшегося этими исследованиями: многие бесписьменные племенные языки «обладают богатством форм и изобилием изобразительных средств, намного превосходящими формальные возможности современной цивилизации. Индейский язык такелама типологически походит на древнегреческий, а структура эскимосского предложения напоминает латинскую». Сепир нашел, что некоторые языки коренных жителей Америки более философичны, чем наши, например, они различают доподлинно настоящее время от общего времени. Лингвистам «ничего не стоило поддаться убеждению, — продолжал американский ученый, — что привычные им языки представляют собой наивысшее достижение в развитии человеческой речи и что все прочие языковые типы не более как ступени по пути восхождения к этому избранному флективному типу»^{298б}.

А совершеннее ли самые развитые современные языки языков древних культур и цивилизаций? Лингвистическая наука и на этот вопрос отвечает отрицательно. У самых авторитетных лингвистов есть немало высказываний об относительном совершенстве не только языков античной европейской древности (древнегреческого и латинского), но и других древних языков, особенно санскрита. Можно было бы привести много фактов в доказательство того, что языковая эволюция в высшей степени неравномерна и ненадежна...

Проблему прогресса в языке следует рассматривать в связи с проблемой законов развития языка.

Лингвисты многократно делали попытки открыть и познать, осмыслить, а иногда и сформулировать и назвать законы движения в языковой действительности мира, законы развития языка.

Так называемые младограмматики — представители влиятельного течения в исторической лингвистике (А. Лескин, К. Бругман, Г. Остгоф, Г. Пауль, Б. Дельбрук и др). — сводили законы развития языка к таким законам фонетики, которые представляют собой закономерные чередования и изменения звуков речи конкретных языков. Дельбрук писал, что фонетический закон «только констатирует однородность определенной группы известных исторических явлений»⁴⁷⁵; тем самым учный отступал от самого понятия закона как обобщения определенных закономерностей развития. В статье «О фонетических законах» Г. Шухардт заявил категорически: «Фонетические законы и социальный характер языка несовместимы друг с другом»⁴⁷⁶.

Между тем фонетические законы младограмматики распространяли и на морфологические явления, делая это, правда, больше в принципе, чем на конкретном материале своих работ. Г. Остгоф и К. Бругман находили, что, поскольку ассоциация форм, т. е. новообразование языковых форм по аналогии, играет очень важную роль в жизни так называемых новых языков, следует признать значение этого способа обогащения языка для древних и древнейших периодов и применять этот принцип объяснения так, как он применяется для объяснения языковых явлений позднейших периодов⁴⁷⁷. Сходную мысль выразил А. Мейе: «То, что справедливо по отношению к фонетике, справедливо также и по отношению к морфологии...»^{478a}.

В. А. Звегинцев критикует такое определение морфологического закона: оно не содержит указания на закономерную связь явлений, обусловленных структурным характером языка. Один из разделов третьей главы («Развитие языка») его содержательных «Очерков по общему языкознанию» называется: «Лингвистические законы»^{375b}. Здесь вскрывается различие между пониманием закономерностей языковых явлений у младограмматиков и глоссематиков — представителей одного из трех основных направлений структурализма: если лингвистические законы младограмматиков формулировались для отдельных языков и тем самым учитывали особенности конкретных языков, то глоссематики стремятся установить формулы соотношения между элементами языковых структур, пригодные для всех языков и всех этапов их развития.

Интересны рассуждения на эту тему Ф. де Соссюра. Синхронический закон, по его мнению, только констатирует некое состояние; он закон постольку же, поскольку законом может быть названо утверждение, что, например, в данном фруктовом саду деревья посажены косыми рядами. Такой закон — грамматическое правило, норма, это (особенно в фонетике) «формулы регулярного соответствия», по выражению А. Мейе^{478b}. Но ведь проблема заключается не в этом, а в законах развития языка, что является областью диахронической лингвистики. Соссюр рассуждает далее: «Диахронические факты обладают императивностью по отношению к языку, но не имеют характера общности». Вывод: ни синхронические, ни диахронические факты языка не управляются законами в смысле императивности (обязательности) и общности (всеобщности). Швейцарский лингвист считал, что говорить о лингвистическом законе «равносильно желанию схватить призрак»^{335e}.

К проблеме внутренних законов развития языка советские лингвисты обратились после лингвистической дискуссии 1950 г. В журналах и сборниках появился ряд статей, в которых эта проблема трактовалась или затрагивалась. И сразу же вокруг нее «сгрудилось много противоречивых суждений, много разногласия и путаницы», как тогда отмечал академик В. В. Виноградов⁴⁷⁹. Потребовалась специальная дискуссия, чтобы в этой проблеме попытаться разобраться.

Некоторые участники дискуссии, организованной Институтом языкознания Академии наук СССР в Москве и Ленинграде в январе — феврале 1952 г.⁴⁸⁰, высказались против попыток найти общие внутренние законы развития языка, полагая, что эти законы не могут представлять собой универсальные формулы, применимые к разнотипным языкам и даже к каждому языку в отдельности во все периоды его развития. Занявшиеся этой проблемой ученые сосредоточили внимание на поисках частных законов развития конкретных языков, поскольку именно они обеспечивают национальное своеобразие, национальную специфику и характерность языков. Некоторые (как, например, М. М. Гухман, В. А. Аврорин) говорили о внутренних законах развития родственных языков. Другие же резонно указывали на то, что должны же быть и какие-то общие или всеобщие законы развития, действующие во всех языках. Так, О. П. Суник (Москва) совершенно справедливо утверждал, что законы всех языков едины, но материальное воплощение, реализация этих законов в различных языках различны. Того же мнения был и Ю. С. Сорокин (Ленинград): общие законы развития языка есть лишь высшая ступень познания закономерностей развития языка, в каждой группе родственных языков они находят свое частное и особое применение.

В своем докладе на московской дискуссии В. В. Виноградов предложил такое понимание общих внутренних законов развития языка: «Таковы, например, общий закон перехода языка от одного качества к другому путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры, и, соответственно, путем постепенного отмирания старого качества; закон устойчивости „основы“ языка, сохранения качества языка; закон постепенного совершенствования языка и т. д.» Несколько далее называется еще «закон различий в темпах изменений общего словарного состава языка и структурной основы языка»⁴⁸¹.

Легко заметить, что все перечисленные особенности развития языков, названные законами, имеют одну и ту же сущность, одинаковое содержание. Можно было бы сказать, что все это — один и тот же закон, по-разному названный, если бы эти особенности развития языка не были проявлением их общих внутренних законов, ускользающих от всякого, кто не задается целью использовать их в интересах человечества — в преобразовании языковой действительности.

В своих тезисах «О внутренних законах развития языка» Б. А. Серебренников, М. М. Гухман, В. А. Звегинцев и П. С. Кузнецов указывали, что в ходе лингвистической дискуссии (1952 г.) сделаны следующие выводы: «внутренние законы развития конкретного языка — это законы его динамики, его количественных и качественных изменений, его перехода от одного качества к другому» (Виноградов); проявляясь в частных изменениях языка,

они «определяют его совершенствование в национально-индивидуальном своеобразии»; «можно говорить о внутренних законах развития фонетики, морфологии и т. д.»; действие их «исторически ограничено»; «внутренний закон возникает, действует в течение более или менее продолжительного срока и затем утрачивает свое действие»; однако все же основной общий закон развития языка заключается «в постепенном накоплении элементов нового качества и постепенном отмирании старого качества»⁴⁸².

При этом указывалось, что ряд вопросов, относящихся к области внутренних законов развития языка, не получил в ходе дискуссии надлежащего разрешения, по некоторым же вопросам были высказаны различные и противоречащие друг другу соображения.

Ни наименований, ни формулировок внутренних законов развития языка в ходе дискуссии не было дано. Подытоживавшие дискуссию тезисы говорили лишь о том, что должны представлять собой эти законы, каков приблизительно их характер и каково в общих чертах их проявление, но и во всем этом было много неубедительного.

Самым спорным оказалось возведение в основной общий закон развития языка принципа постепенности, иначе говоря — признание эволюции единственно возможной формой языкового развития общества во все периоды истории. Но ведь постепенность, будучи, бесспорно, характернейшей особенностью возникновения и развития языков докоммунистической эры, в решении проблемы второго языка всех народов не может полностью сохранять свою силу и в эпоху революционного преобразования мира. Закон развития это, образно говоря, своего рода пружина, двигающая развитием, а медлительнейшая постепенность это темп действия пружины-закона, а не закон, не сама закономерность. Г. В. Плеханов писал, излагая основные вопросы марксизма: «...Диалектика существенно отличается от вульгарной „теории эволюции“, которая целиком построена на том принципе, что *ни природа, ни история не делают скачков и что все изменения совершаются в мире лишь постепенно*. Еще Гегель показал, что понятие таким образом учение о развитии смешно и несостоятельно»⁴⁸³.

Прошло более десятилетия после проведения дискуссии 1952 г. Возведение постепенности развития конкретных языков в общий основной закон развития «языка вообще» до сих пор осталось в советской лингвистической науке.

Показательно следующее признание Б. П. Ардентова (в университетском курсе лекций 1960/61 учебного года): «Внутренние законы развития языка, к сожалению, еще мало изучены и не сформулированы. Пожалуй, единственным таким законом является закон постепенного, эволюционного развития языка»⁴³³⁶. Здесь следует провести различие между языковым развитием отдельных народов и всего человечества: последнее не может быть

сведено к первому, ибо есть еще проблема общего языка всех народов и ее практическое решение тоже входит в понятие языкового развития как части развития общественного.

Подводя итог попыткам советских лингвистов найти и осмыслить общие внутренние законы развития языка, В. А. Звегинцев признал, что понятие лингвистического закона не получило достаточно четкого определения в советской науке о языке.

Однако следует в качестве положительных моментов отметить высказывания на эту тему В. М. Жирмунского и Б. А. Серебренникова. Первый сделал это в статье «Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии», где две указанные в заголовке проблемы взаимосвязаны. Действительно, «основное направление аналогических новообразований определяется принципом однозначной связи грамматической формы и содержания, согласно которому одинаковые грамматические признаки выражают одинаковые значения, а одинаковые значения выражаются одинаковыми признаками. На самом деле в любом языке наличествуют многочисленные противоречия между грамматическими формами и значениями»⁴⁸⁴. Итак: закономерность, которая в так называемых естественных языках постоянно нарушается, — подмечено верно!

Б. А. Серебренников еще в начале 50-х годов в докладе «К выяснению сущности внутренних законов развития языка» назвал тенденцию к типизации способов изменения слов «одной из самых мощных и постоянно действующих тенденций в языке, ... в любом человеческом языке во все эпохи», а сам лингвистический закон — «тенденцией, прокладывающей себе путь через противоречия». Тенденция к типизации, как указывал Б. А. Серебренников, проявляется во всех сферах языка: в фонетике — в фонетических законах, в морфологии — в выдержанных типах изменения слов, в синтаксисе — в выдержанных конструкциях, в лексике — в закономерно повторяющихся аффиксах словообразования. Все это обуславливается ролью языка как средства общения⁴⁸⁵.

Итак, в советской лингвистике наметилось не одно, а два различных понимания общих внутренних законов развития языка. Одно исходит из эволюционного характера развития этнических языков, другое — из соотношения их содержания и формы.

Второе представляется перспективным: в этом направлении и следовало бы продолжить поиски общих законов развития языка.

Общие законы развития языка, если они будут правильно познаны и сформулированы, будут распространять свое действие как на языки эволюционного происхождения и развития, так и на революционное решение проблемы общечеловеческого языка.

Когда народы мира будут знать, каким может и должен быть их общий язык, они смогут под руководством ученых его создать, а создав — сделать живым.

Всеобщий язык на сегодня лишь идея — идея, выдвинутая всем ходом общественной истории. А ведь никакие — даже самые реалистические — идеи сами по себе осуществляться не могут. По словам Маркса и Энгельса, «для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу»⁴⁸⁶.

В научном решении проблемы общего языка всех народов заинтересованы народные массы всех стран, рабочий класс, трудовое крестьянство, прогрессивная интеллигенция, учащаяся и трудящаяся молодежь.

Самое трудное — сделать первый шаг по новому пути к новой цели. Таким шагом на пути создания всеобщего языка могла бы быть организация в Институте философии и Институте языковедения Академии наук СССР групп или секторов по изучению и разработке философских, социологических и лингвистических проблем всеобщего языка, в Институте стандартизации Совета экономической взаимопомощи социалистических стран — группы или сектора международных проблем терминологии. Эти группы или секторы могли бы работать по согласованному плану, регулярно собираться на совместные совещания и публиковать результаты своих научных исследований в общих сборниках.

Следующим мероприятием могло бы быть учреждение (на основе указанных групп и секторов) Института международных лингвосоциологических исследований. Программу работ составили бы следующие задачи: изучение всех созданных ранее интерлингвистических проектов и практического применения некоторых из них, изучение работ по созданию языка-посредника автоматического перевода и новых методов лингвистических исследований — с целью использования тех и других в интерлингвистике, выработка общих взглядов по основным вопросам всемирного международного языка на основе все более детальной и глубокой разработки всех аспектов проблемы, подготовка кадров интерлингвистов и организация международной дискуссии по ней на страницах специального месячного журнала на главных языках мира. Важны будут и социологические исследования потребностей народов в общем языке, этнические ней-

тральном, и реальных возможностей для решения проблемы такого языка в обозримом будущем.

В решении проблемы языка будущего нельзя забегать вперед — это верно, но равным образом нельзя и отставать от жизни. Для осуществления идеи всеобщего языка сегодня надо делать то, что возможно сегодня, завтра то, что возможно завтра, начиная с малого, видеть перспективы — и ближайшие и дальнейшие.

Известно, что против любой новой идеи, против любого начинания можно выдвинуть те или иные возражения. И они всегда выдвигаются скептиками. Скептики и здесь будут мешать: одни станут упорно игнорировать идею общего языка всех народов; другие уверять, что это еще несвоевременно, надо подождать; третьи — что это вообще невозможно — создание живого языка наряду с языками, чья жизнь исчисляется многими столетиями, тысячелетиями. Но осмелится ли кто-нибудь утверждать, что всем понятный и всех общающий язык вообще не нужен ни сегодня, ни завтра, ни в дальнейшем?

Можно оспаривать что угодно в предлагаемой трактовке проблемы всеобщего языка, но вряд ли оспоримо, что пришло время для теоретической разработки всех ее аспектов.

**ПЕРЕЧЕНЬ ЦИТИРОВАННОЙ
И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

1. «Bibliografio de internacia lingvo». Historia sistema katalogo de filologia, lingvistika kaj poliglota literaturo pri universala alfabeta, filozofia gramatiko, signaro, gestlingvo, pazigrafio, internacia helpa lingvo kaj logistiko. Ellaboris kaj komentis P. E. Stojan. Geneve, 1929, UEA, p. a : 32, b : 40, v : 63, r, d : 146, e : 15, 194.
2. «La Espero», Svenska Esperanto-Tidningen. Stocholm, 1965, Marto; Aprilo.
3. М. Д. К а м м а р и. Актуальные проблемы исторического материализма. — «Методологические проблемы науки». Материалы заседания Президиума Академии наук СССР. М., Изд-во АН СССР, 1964, стр. 300.
4. М. Д. К а м м а р и. О закономерностях развития наций в условиях социализма и перехода к коммунизму. — Сб. «От социализма к коммунизму». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 397.
5. «Научный коммунизм». Материалы к лекциям. М., Политиздат, 1965, стр. 293.
6. «О коммунизме». М., Госполитиздат, 1963, стр. 365.
7. Б. Г а ф у р о в. Успехи национальной политики КПСС и некоторые вопросы интернационального воспитания. — «Коммунист», 1958, № 11.
8. Ю. Д е ш е р и е в, М. К а м м а р и, М. М е л и к я н. Развитие и взаимоотношение языков народов СССР. — «Коммунист», 1965, № 13.
9. В. А. А в р о р и н. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР. — «Вопросы языкознания», 1960, № 4.
10. П. К а п ы р и н. Что такое нация. М., Госполитиздат, 1961, стр. 63.
11. Г. В. П у г а ч. Почему люди говорят на разных языках. — «Наука и жизнь», 1960, № 3.
12. Leon B o l l a c k. Versla Langue International. Extrait de la «Revue» (ancien «Revue des Revues»), 1902, Janvier, p. 6.
13. «International Auxiliary Language Association» (IALA). General report. USA, 1945, p. 11.
14. Otto J e s p e r s e n. An International Language. London, 2-d pub. <б. г.>, p. 2 a : 15, b : 49.
15. Andre M a r t i n e t. La linguistique et les langues artificielles. — Repr. from «World», vol. 2, № 1, October 1946.
16. См. об этом подробнее: М. П. Б а с к и н. Кризис буржуазного сознания. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 37.
17. «Les langues du monde». Paris, 1924; 1928.
18. Цит. по: А. А. Ш а х м а т о в. Очерк современного русского литературного языка. М., Учпедгиз, 1951, стр. 19.
19. «Народы СССР». Краткий справочник. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
20. «XXII съезд КПСС и задачи изучения закономерностей развития современных национальных языков Советского Союза». — «Вопросы языкознания», 1957, № 1.
21. Н. Я. М а р р. Яфетическая теория. Избранные работы, т. 3. М.—Л., Соцэкгиз, 1934, стр. 13.
22. «Вторая Гаванская Декларация». — «Правда», 6 февраля 1962 г.

- 23—24. А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. Грамматика современного китайского языка. М., 1930; И. И. Конрад. О китайском языке. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3; А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. 1. М., Учпедгиз, 1953, стр. 121.
25. А. Тер-Григорян. Иероглифы и буквы. — «Комс. правда», 16 мая 1962 г.; Г. П. Сердюченко. Реформа китайской письменности. — Сб. «Вопросы культурной революции в КНР». М., 1950.
26. У. Э. Б. Дубуа. Африка. Очерк по истории африканского континента и его обитателей. Пер. с англ. М., ИЛ, 1961, стр. 14, 345.
27. С. Рајагораличаги. Language problem in India. Calcutta, 1958.
28. Жан Сюрэ-Каналь. Африка Западная и Центральная. География — цивилизация — история. Перев. с франц. М., Изд-во вост. лит-ры, 1951, стр. 59.
29. «Численность и расселение народов мира». Под ред. С. И. Трука. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 150 и др.
30. Д. А. Олдерогге. Современное состояние и проблемы изучения языков Африки. — «Вопросы языкознания», 1961, № 4.
31. М. Горький. Полное собрание сочинений в 30 томах, т. 27. М., ГИХЛ, стр. 303.
32. «Курьер ЮНЕСКО», март 1958; октябрь 1961.
33. «2-й конгресс Коммунистического Интернационала», стенографич. отчет. Пг., 1921, стр. 3—4, 69, 96, 177, 425, 428.
34. Сен Катаяма. Письмо Долинской группе эсперантистов. — «Сов. эсперантист», бюллетень ЦК СЭСС, 1925, № 7 (23), стр. 4.
35. М. И. Калинин. Речь на торжественном банкете по случаю 200-летия Российской Академии наук. — «Известия ЦИК», 8 сентября 1925 г.
36. М. И. Калинин. В Средней Азии. 1. В Узбекистане. — «Известия ЦИК», 7 марта 1925 г.
37. Федор Гладков. Осада реки. Рассказ. Цит по: «Международный язык» [журнал СЭСР]. М., 1925, № 34, стр. 116.
38. «Сов. эсперантист», 1925, № 7 (23), стр. 6.
39. «Сов. эсперантист», 1925, № 5 (21), стр. 5.
40. К. Э. Циолковский. Общечеловеческая азбука, правописание и язык. Калуга, изд. автора, 1927, стр. 1.
41. «Ленинградская правда», 7 августа 1926 г.
42. Д. Л. Арманд, Н. Н. Баранский, С. В. Обручев. Проблема международного языка для научных контактов и научных работ по географии. — «Известия Всес. географич. о-ва», 1961, т. 93, вып. 4.
43. «Esperanto, the world Interlanguage». New revised edition. Compiled by George Alan Connor, Doris Jappan Connor, William Solzbacher, Dr. I. B. Se-Tsen Kao. New York — London, 1959, p. 14.
44. «Теория непрерывных автоматических систем». Труды II конгресса Международной федерации по автоматическому управлению 2 авг. — 4 сент. 1963 г., т. 1. Базель. М., 1963, стр. 18.
45. Дж. Бернал. Мир без войны. Перев. с англ. М., ИЛ, 1960, стр. 447—448.
46. Фидель Кастро. Выступление по кубинскому радио и телевидению (4 июня 1963 г.). — «Правда», 7 июня 1963 г.
47. С. Нариньяни. Кукарача. М., изд-во «Сов. писатель», 1958, стр. 153.
48. Балвант Гарги. Содружество великих культур. — «Лит. газета», 27 января 1955 г.
49. В. Дружнин. Без языка. — «Лит. газета», 20 июня 1961 г.
50. М. Бородулина. Жажда знать языки. — «Правда», 26 октября 1966 г.
51. Пресс-конференция Джона Бойтина Пристли. — «Правда», 17 ноября 1962 г.
52. Морис Марешаль. Незабываемый прием. — «Лит. газета», 6 августа 1957 г.

53. «Babel», publiée par la Federation International de Traducteurs (FID) avec de concours de l'UNESCO, 1962, vol. VIII, № 3.
54. См. Д. Е г и н. Советские молнии и будущее космической связи. — «Авиация и космонавтика», 1966, № 1.
55. Д. Г р п ш а н и. Пути дальнейшего развития научно-технического сотрудничества. — «Коммунист», 1962, № 14.
56. Л. И. Б р е ж н е в. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС ХХIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1966, стр. 27.
57. Вадим К о ж е в н и к о в. Бастيون свободной Африки. — «Известия», 10 мая 1965 г.
58. Георгий К у б л и ц к и й. «Руси» из Асьюта. — «Лит. газета», 2 сентября 1965 г.
59. И. Ю. К р а ч к о в с к и й. Избранные сочинения, т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 27—28.
60. В. Г а л к и н. Саям алейкум, русский доктор! — «Комс. правда», 12 июня 1963 г.
61. «100 тысяч специалистов». — «За рубежом», 1966, № 13, стр. 11.
62. «Associations Internationales.— International Associations». Monthly Review, Bruxelles, 1960, № 12, p. 732; Ivo L a p e n n a. The Language Problem in International Relations. I-st International Conference on the language problem in science and learning (Copenhagen). London, 1962, UEA, p. a : 5, б : 6.
63. Pierre B u r n e y. Les langues internationales. Paris, Press Universitaires de France, 1962, p. a : 5, б : 6, др.
64. Цитата любезно предоставлена проф. Л. Д. Армадом.
65. Из выступлений академика Н. Н. Семенова на Международном симпозиуме по высшему образованию. Москва, 1962, сентябрь. Личная запись.
66. «Международный язык и наука». Сб. статей Л. Кутюра, О. Есперсена, Л. Лоренца, В. Оствальда, Л. Пфлаудера. Перев. с Идо. Одесса, 1910, стр. а : 1, б : 11.
67. Roland K e n t. The Scientist and International Language.— «Proceeding of the American Philosophical Society», vol. 18. Philadelphia, 1924, p. 1.
68. A. M e i l l e t. Les langues dans l'Europe nouvelle. Paris, 1928, p. a : 242, б : 276.
69. Л. Г. К р а в е ц. Выступление на терминологическом совещании ВНИИКИ техинформации, классификации и кодирования Комитета стандартов в апреле 1965 г.
70. «Вопросы советской науки», научная информация Всесоюзного института научной и технической информации АН СССР. Записка, составленная группой сотрудников ВИНТИ под руководством проф. А. И. Михайлова. М., 1962.
71. А. М и х а й л о в. Прогресс и информация.— «Сов. Россия», 12 мая 1965 г.
72. Цит по: Дмитрий Ж у к о в. Переводчик, историк, поэт? Слово о тебе, машина! М., изд-во «Сов. Россия», 1965, стр. 15—16.
73. Р. К о л л и с о н. Перевод — средство сближения народов.— «Курьер ЮНЕСКО», 1958, апрель.
74. Леонардо О л ь ш к п. История научной литературы на новых языках (в трех томах), т. I. Литература техники и прикладных наук от Средних веков до эпохи Возрождения. Перев. с нем. М.— Л., Гостехтеориздат, 1933, стр. 289.
75. См.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 26, ч. 1, стр. XIX.
76. См.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 25, ч. 1, стр. V.
77. Ф. Э н г е л ь с. Диалектика природы. М., Госполитиздат, 1955, стр. а : V, б : 38.
78. Л. И. Ж и р к о в. Границы применимости машинного перевода. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.

79. «Машинный перевод». Сборник. Перев. с англ. Под ред. и с предисл. П. С. Кузнецова М., ИЛ, 1957, стр. а : 276, б : 280 — 281, в : 11 г : 228.
80. М. Т а у б е. Вычислительные машины и здравый смысл. Перев. с англ. Предис. академика А. И. Берга. М., изд-во «Прогресс», 1964, стр. 41 и др.
81. У. А. У а л д х е к, Д. С т е р п. Система поиска информации Реек-авоо, основанная на оптическом совпадении предметных карт. — В кн. «Перфорационные карты и их применение в науке и технике». М., Машгиз, 1963.
82. Д. Ю. П а н о в. Автоматический перевод. М., 1958, стр. 16.
83. «Методологические проблемы науки». Материалы заседания Президиума Академии наук СССР. М., Изд-во АН СССР, 1964, стр. 252.
84. С. А б р а х а м. О принципиально возможных перспективах машинного перевода. — «Вопросы языкознания», 1965, № 2.
85. В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. а : 164, б : 168.
86. Paulo S a. Sepcyfication, standards and terminology. U. A. R. Stardization Bulletin, Issued by E. O. S., 1963, vol. 2, № 2.
87. «Методика и практика стандартизации». Методическое пособие под ред. В. В. Ткаченко. М., Изд-во Комитета стандартов, 1965, стр. 231.
88. Н. Ф е д о р е в к о. Важнейшая экономическая задача. — «Правда», 17 января 1965 г.
89. «Вопросы разработки механизированной информационно-поисковой системы для центрального справочно-информационного фонда по химии и химической промышленности». Методическое пособие, вып. 1. Госкомитет по хим. промышленности при Госплане СССР. М., 1964, стр. 11.
90. «Совещание по номенклатуре неорганических соединений». — «Известия АН СССР. Отд. хим. наук», 1963, № 4, стр. а : 776, б : 779.
91. Цит. по: В. Н. К о с т р о в. История теории и практики построения и упорядочения русской технической терминологии. М., 1956, стр. 19—20.
92. Р. А. С а п о ж н и к о в. О необходимости единой терминологии в теории переноса излучения. Письмо в редакцию. — «Светотехника», 1962, № 12.
93. См.: Научно-техническая терминология. Библиографич. указатель. 1960—1965. ВНИИКИ Комитета стандартов. М., Изд-во стандартов, 1967.
94. Л. Ч е р к а ш и н. Экономика, план и кибернетика. — «Известия», 18 ноября 1965 г.
95. Терминология заготовительно-штамповочных работ. Руководящие материалы. М., НИИ технологии и организации производства, 1961.
96. Синтез комплексных соединений металлов платиновой группы. Справочник. М., Изд-во АН СССР, 1964, стр. 146 и др.
97. Терминология теории и характеристик авиационных газотурбинных двигателей и турбомашин для комбинированных силовых установок. Сб. рекомендуемых терминов КТТ АН СССР, вып. 24, 1959, стр. 19.
98. Номенклатура Центрального Статистического Управления СССР. М., 1964.
99. Семязычный словарь по телевидению, радиолокации и антеннам. М., Изд-во словарей, 1960.
100. А. А. К о х т е в. Основы стандартизации и нормализации. М., изд-во «Высшая школа», 1965, стр. 123.
101. Д. И. А н д р е е в и др. Словарь сокращений русского языка. М., Изд-во словарей, 1963.
102. С. Р у д е н к о. СФОПВРЯ (Сотый Фельетон о Порче Великого Русского Языка). — «Известия», 7 июня 1964 г. См. также: «Правда», 23 ноября 1963 г.
103. Д. С. Л о т т е. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. Сб. статей и докладов. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 18 и др.

104. П. В. Ю л и м а н о в. Грамматика иностранных слов. — «Словарь иностранных слов». М., 1939, стр. 673.
105. Т. Л. К а н д е л а к и. Связь между содержанием понятий и морфемной структурой технических терминов. — «Научные доклады высшей школы». М., 1964, № 3.
106. И. Б о д у э н д е К у р т с е н. Вспомогательный международный язык. Избранные труды по общему языкознанию, т. 2. М., Изд-во АН СССР, стр. а : 155, б : 151.
107. В. Е. С о л о в ь е в. О дефектах терминологии в отношении массы и веса. — «Научные записки Днепропетровского гос. ун-та», 1963, т. 61. Сб. работ. физ.-мат. и физ.-техн. факультетов (Физика), вып. 7, стр. 58—62.
108. Ричи К а л д е р. Сделать знание и опыт достоянием всех людей. — Сб. «Человечество и наука». М., 1964, стр. 79.
109. Е. В ю с т е р. Международная стандартизация языка в технике. Перев. с нем. Л.— М., Стандартиз, 1935, стр. 50.
110. Э. Д р е з е н. Интернационализация научно-технической терминологии. История, современное положение и перспективы. М.— Л., Стандартиз, 1936, стр. а : 3, б : 86, 92.
111. Ф. Д ж о р ж. Мозг как кибернетическая машина. Перев. с англ. Под ред. и с предисл. проф. П. К. Анохина. М., ИЛ, 1963, стр. 89.
112. В. А. У с п е н с к и й. Логико-математические проблемы создания машинного языка для информационной машины. — «Сообщения лаборатории электромоделирования», вып. 1. М., Ин-т научной информации АН СССР, 1960, стр. 9.
113. К. А. Л е в к о в с к а я. О некоторых особенностях терминологии на материале немецкого языка. — В кн. «Вопросы германских языков». М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 386.
114. С. М. Б у р д и н. О терминологической лексике. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки». М., 1958, № 4.
115. Х. К а с а р е с. Введение в современную лексикографию. Перев. с исп. М., 1958, стр. 298.
116. «Международный электротехнический словарь». Под ред. проф. М. А. Шателена. Предис. академика А. В. Винтера. М.— Л., ОНТИ, 1936.
117. В. Д. М а ц к е в и ч. Состояние русской терминологии по сварочной технике. — «Автоматическая сварка», 1964, № 1.
118. И. М. С о л о в ь е в а. Нормализация научно-технической терминологии. — Сб. «Особенности языка научной литературы. Романо-германская филология». М., изд-во «Наука», 1965, стр. 125—126.
119. А. С е м к о. Стандартизация и техническая терминология. Перев. с рум. из журн. «Standardisaca», Бухарест, 1964, № 8, стр. 399—404.
120. «Таков советский пилотрон». — «Известия», 26 марта 1963 г.
121. Ликамиль Д ж а б р. Лингвистический Вавилон. — «За рубежом» № 47, 17—23 ноября 1967 г.
122. R. R a y. Scientific Terminology in Indian languages. (Abstrakts). «Babel», vol. 1, Septembre 1955, № 1.
123. Dr. Shridhar D a t t a t r a y a L i m a y e. Scientific Translation in India. Some Basic Aspects. — «Babel», vol. 1, Septembre 1955, № 1.
124. С. К. O g d e n, J. A. R i c h a r d s. The meaning of meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. 4-th ed. rev. London, 1936.
125. «Вопросы терминологии». Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 7.
126. О. С. А х м а н о в а, Г. Б. М и к а э л я н. Современные синтаксические теории. М., Изд-во Московского ун-та, 1963, стр. 114.
127. К. Х а н с е н. Пути и цели структурализма. — «Вопросы языкознания», 1959, № 4.

128. А. Ш а ф ф. Введение в семантику. Перев. с польск. с предисл. В. Звегинцева. М., ИЛ, 1963, стр. 23, 176.
129. Ж. М а р у з о. Словарь лингвистических терминов. Перев. с франц. с предисл. В. Звегинцева. М., ИЛ, 1960, стр. 6, 11.
130. Эрик Х эм п. Словарь американской лингвистической терминологии. Перев. с англ. и дополнения В. В. Иванова. Под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. М., изд-во «Прогресс», 1964, стр. 5—6.
131. Цит. по: Andre L a l a n d. Vocabulaire technique et critique de la philosophie. 5-eme ed. Paris, 1947, p. XI.
132. Д. Л о к к. Избранные философские произведения в двух томах, т. 1. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 473.
133. Т. А. Дегтярева. Пути развития современной лингвистики. В трех книгах. Книга третья. Структурализм и принципы марксистского языкознания. М., изд-во «Мысль», 1964, стр. 49—52.
134. Р. И. А в а н е с о в, В. Н. С и д о р о в. Очерки грамматики русского литературного языка, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 45, 52.
135. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Избранные произведения, т. 1, стр. 12.
136. Константин Ф е д и н. Собрание сочинений в девяти томах, т. 9. М., Гослитиздат, 1962, стр. 570.
137. А. Г. Г о р н ф е л ь д. Муки слова. СПб., 1906, стр. 33 и др.
- 137А. М. Г о р ь к и й. Собрание сочинений в 30 томах, т. 24, стр. 216.
138. Е. Э т к и н д. Дайте мне точку опоры... — «Лит. газета», 26 июля 1962 г.
139. Л. Н. Т о л с т о й. Полное собрание сочинений, т. 3. М.—Л., ГИХЛ, 1939, стр. 216.
140. Агния Б а р т о. Встречи у книжных стендов. — «Правда», 15 ноября 1962 г.
141. Расул Г а м з а т о в. Солнце на Кубе. — «Лит. газета», 26 июля 1962 г.
142. М. А р р э. Памятники литератур Востока и Запада. — «Курьер ЮНЕСКО», июнь 1957.
143. Ганс Ш е р ф и г. Поэзия борьбы и мысли. — «Лит. газета», 15 января 1959 г.
144. О. О р е с т о в. За укрепление советско-индийских культурных связей. — «Правда», 21 октября 1954 г.
145. Всеволод К о ч е т о в. По двум тысячелетиям. — «Москва», 1961, № 5, стр. 76.
146. Альберт Б е л я е в. Молодой американец задает вопросы. — «Лит. газета», 16 июня 1962 г.
147. Е. Д о л м а т о в с к и й. В стране двухсот языков и наречий. — «Лит. газета», 3 августа 1965 г.
148. См.: «Младописьменные языки народов СССР». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 30.
149. Георгий Г у л я а. Говоря откровенно о делах литературных. — «Лит. газета», 21 мая 1964 г.
150. Назым Х и к м е т. Предисловие к книге «Избранное». М., ИЛ, стр. 4.
151. «Русские писатели о переводе. XVIII—XX века». М., изд-во «Сов. писатель», 1960, стр. 124 и др.
152. А. С. П у ш к и н. Полное собрание сочинений, т. 12. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 144.
153. Н. А. Д о б р о л ю б о в. Полное собрание сочинений в шести томах, дополнение к 1—4 томам. М., ГИХЛ, 1941, стр. 463.
154. Н. А. Н е к р а с о в. Полное собрание сочинений, т. 9. М., ГИХЛ, 1950, стр. 443.
155. В. Г. К о р о л е н к о. Дневник, т. 1. Полтава, Госиздат Украины, 1925, стр. 182.
156. Цит. по: В. Б р ю с о в. Избранные сочинения в двух томах, т. 2. М., ГИХЛ, 1955, стр. 186.
157. Цит. по: «Babel», vol. III, № 2, 1957, p. 7.
158. А. В. Ф е д о р о в. Введение в теорию перевода. М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953, стр. а : 106, 108, б : 26.

159. Цит. по: William Auld. The international languages as a medium for literary translation. London, UEA, 1959, p. 9.
160. Андрю Вюрмсер. Европейская культура и культура национальная. — «Сов. культура», 18 декабря 1954 г.
161. М. Шагинян. Лирика Гёте в юбилейном издании. — «Лит. газета», 1933, № 49.
162. «Хрестоматия по истории литературы народов СССР». Учебник для вузов. М., Учпедгиз, 1948, стр. 12, 14 и др.
163. См. об этом подробнее: Э. Сवादост. Райнис по-русски. — Сб. «Мастерство перевода. 1963». М., изд-во «Сов. писатель», 1964.
164. Д. Дальнов. 3 = 1. — «Лит. газета», 9 января 1964 г.
165. Сурен Гайсарян. Сколько шагов от подлинника до перевода. — «Лит. газета», 5 февраля 1952 г.
166. В. Г. Короленко. Избранные письма в трех томах, т. 3. М., ГИХЛ, 1936, стр. 72.
167. В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 308.
168. Н. М. Карамзин. «Достопочтенная жизнь девицы Кларисы Горло» соч. Ричардсона. — «Русские писатели о переводе. XVIII—XX века». М., изд-во «Сов. писатель», 1960, стр. 74.
169. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 429.
170. Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. 11. М.—Л., Госиздат, 1929, стр. 362.
171. В. Г. Короленко. Избранные письма в трех томах, т. 3, стр. 147—148.
172. И. М. Царик. Лев Толстой — некоторые особенности перевода на немецкий язык. — «Уч. записки Кишиневского ун-та», 1961, т. 46, стр. 60—62.
173. Айвен Моррис. Современная японская литература. — «Курьер ЮНЕСКО», май 1962.
174. А. С. Чикобава. К вопросу об историзме в языке. — Сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании». М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 19.
175. О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикографии. М., 1957, стр. 33.
176. О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии. — «Вопросы языкознания», 1956, № 3, стр. 10.
177. И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., изд-во «Вышая школа», 1965, стр. 70.
178. Корней Чуковский. Вина или беда? — «Лит. газета», 10 августа 1963 г.; см. также «Лит. газету» за 20 июля, 3 августа, 12 сентября и 29 октября 1963 г.
179. Корней Чуковский. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М., изд-во «Искусство», 1964.
180. «Известия», 10 июня 1963 г.
181. И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. К обоснованию лингвистической теории перевода. — «Вопросы языкознания», 1962, № 1, стр. 53.
182. Цит. по кн.: «Новое в лингвистике», вып. 1. М., ИЛ, 1960, стр. 117.
183. Цит. по: В. Звегинцев. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира — Уорфа. — Сб. «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 120, 175 и др.
184. Макс Мюллер. Наука о языке. Новый ряд чтений в Великобританском Королевском Институте в 1863 г. Перев. с англ., вып. 2. Воронеж, изд. «Филолог. записок», 1870, стр. а : 393, б : 60—61, в : 40—41.
185. «Volariyk, всемирный язык». Систематическое изложение оснований всемирного языка с прибавлением лексикона в 3000 слов, составленное по 5-му нем. изд. И. М. Шлейера. М., 1886.

186. Евгений Б и к. Всемирный язык (Volarük). Исторический очерк. Реферат, читанный в Учебном отделе Общества русских технических знаний 15 февраля 1886 года. М., 1896.
187. Евгений Б и к. Отзывы печати о международном языке Volarük и его успехи. Реферат, читанный в Московской городской думе 18 октября 1887 года. М., 1888.
188. Д-р Эсперанто [Л. Заменгоф]. Международный язык. Предисловие и полный учебник. Por gusoĵ. Варшава, 1887.
189. Н. П. Евстифеев. К вопросу о международном языке. Доклад, прочитанный в собрании Троицко-Кяхтинского отд. имп. Русского географич. об-ва 30 декабря 1902 года. СПб., 1903.
190. Н. А. Несмеянов. Международный язык и мотивированная грамматика Вива. М., изд. автора, 1913.
191. В. И. Венгров. Омо — язык человека. Курс всемирного языка. Свердловск, изд. автора, 1926.
192. Э. К. Дрезен. В поисках всеобщего языка. М.—Л., изд-во «Земля и фабрика», 1926.
193. Цит. по: Э. Дрезен. Проблема международного языка на текущем этапе его развития. М., Изд-во ЦК СЭСР, 1932, стр. 8.
194. «Международный язык». Известия ЦК Союза эсперантистов Советских стран [... республик]. Комплекты журнала за 1925—1936 гг.
195. L. Couturat. Pour la langue auxiliaire neutre. Paris, 1909.
196. L. Couturat, L. Leau. Histoire de la langue universelle. Paris, 1903, p. a : 199, б. : 121—126, в: Sec. III.
197. Ido [Луи де Бюфрон]. Les vrais principes de la langue auxiliaire. Paris, 1908.
198. L. Couturat. La reforme justifiée. (Le reformo justilita). Paris, 1909, p. 270.
199. Gustav Gautherot. La question de la langue auxiliaire internationale, Paris, 1910. p. a : 27, б : 91, в : 57.
200. W. Rozenberger. Manuel of the principal Universal Language Reform-Neutral. Zürich — Leipzig, 1912.
201. «International Auxiliary Language Association» (IALA). General report. USA, 1945.
202. «On the Choice of Common Language», edited by H. Jacob. London, 1946, p. a : 83 и др., б : 126.
203. Н. Ясoб. A Planned Auxiliary Language. London, 1949, p. 10—11.
204. Ivo Larenna. La internacia lingvo. (Faktoj pri Esperanto). UEA, Londono, 1954.
205. «Interlingva, l'œuvre collective des linguists». General report. USA, 1955.
206. Mario Pei. One Language for the World. New York, 1958, p. a : 201 и др., б : 214, в : 180, г : 110, д : 217—220, е : 225—226, ж : 198, з : 229—230. †
207. M. Monnerot-Dumaine. Precis d'Interlinguistique general et special. Paris, 1960, p. 28, 30.
208. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 49, стр. 329.
209. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 67.
210. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. а : 142, б : 140.
- 211—212. Descartes. Oeuvres, I. Correspondence: Avril 1622 — Fevrier, 1638. Paris, 1897, p. 76—82.
213. V. T. Miškovska. La Panglottie de J. A. Komensky. Zulasni otisk. — «Philologica Pragensia». Rocnik II (XI), cislo 4, Praha.
214. Цит. по: «Heroldo de Esperanto». Duonmonata internacia organo de la Esperanto-Movado, N 9 (1233), 1 junio 1956.
215. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 416.
216. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 70.
217. «Opuscles et fragments inédits de Leibniz». Extraits des manuscrits de la Bibliothèque royal de Hanovre par L. Cuturat. Paris, 1908.

218. Лейбниц. Новые опыты о человеческом разуме. Перев. с франц. М., Соцэкгиз, 1936, стр. 243.
219. Œuvres de Mr. de M a u r e r t u i s. Nouvelle edition corrigee et augmentee, t. I. Lions, MDCCCLVI, p. 465—468.
220. Август Бебелъ. Будущее общество. Перев. с нем. Серия «Библиотека научного социализма». М., Госполитиздат, 1959, стр. 141.
221. Кондорсе. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Перев. с франц. Изд. 2. М., 1936.
222. Ch. R e p o u v i e r. De la question de la langue universele au XIX-e siècle. — «La revue philosophique et religieuse». Paris, août 1855, p. 56—85.
223. В. Шерцль. Всемирный язык и жестикуляция. Две публичные лекции, читанные в марте 1886 года в Новороссийском университете. М., 1887, стр. 22.
- 223А. Д. И. Менделеев. Труды по метрологии. М.—Л., Стандартгиз, 1936, стр. 11.
- 223Б. Р. Минцлов. О попытках к установлению искусственного всемирного языка. — «Русские ведомости», 30 марта 1886 г.
224. Л. Н. Толстой. О международном языке. М., книгоизд-во «Звезда», 1894.
225. Герберт Уэллс. Грядущее. Техника и наука в будущем человечестве. Современная утопия. Переработка для русск. изд. В. Готвальда. М., 1909, стр. 62.
226. Герберт Уэллс. Спасение цивилизации. Перев. с англ. Пг., изд-во «Мысль», 1923, стр. 25.
227. Л. Л. Заменгоф. Сущность и будущее международного языка. Доклад [анонимного автора], прочитанный Л. Г. де Бофроном на конгрессе Французской Ассоциации поощрения наук. Париж, 1900. Перев. с Эсперанто.—Сб. «На пути к братству народов». Казань, 1907, стр. 26, 69—70. [Тот же доклад был издан А. П. Кишлаковым и С. Р. Цыганком с введением и примечаниями д-ра Б. А. Перрота в Иркутске в 1914 г. в качестве доклада Л. де Бофона.]
228. Hugo S c h u c h a r d t. Die Weltsprache und die Weltsprachen. Strassburg, 1894, S. 23.
229. Hugo S c h u c h a r d t - B r e v i e r. Bericht über die auf Schaffung einer künstlichen internationalen Hilfssprache gerichtete Bewegung. 1904—«Ein Vademecum der allgemeine Sprachwissenschaft». 2 Auflage. Halle (Saala), 1928, S. a: 374—384, б: 380.
230. Цит. по: В. В. Лесевич. Международный язык культурных сношений. — «Русская мысль», 1903, № 2, стр. а: 289, б: 291, в: 284.
231. «Delegation pour l'adoption d'une langue auxiliaire international. Conclusions du rapport sur l'état présent de la question de la langue international». Présenté au Comité par L. Couturat et L. Leau, secrétaire du Comité. Paris, 1907.
232. Вил. Оствальд. Международный язык. Два доклада. Перев. с нем. М., книгоизд-во «Эсперанто», 1908, стр. 7.
233. L. C o u t u r a t. Etude sur la dérivation en Esperanto. 2-me ed. Paris, 1910.
234. L. C o u t u r a t. D'une application de la logique au problem de la langue internationale. — «Revue de Metaphysique et de Morale». Paris, novembre 1908.
235. М. Сергиевский. Вступительная статья в кн.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Перев. с франц. М.—Л., Соцэкгиз, 1938, стр. 5.
236. Edward S a p i r. Culter, Language and Personnality», selected essays. California, 1958, p. a: 43, б: 46, в: 61, г: 52—59., д: 55,
237. «Actes du deuxième congrès international des linguists». Paris, 1933, p. a: 101, б: 75, в: 87.
238. Ivy K e l l e r m a n R e e d. Esperanto and Interlingua compared. USA, 1957.

239. Alexander G o d e. The Case for Interlingua. Repr. from: «The Scientific Monthly», August 1954, № 2, p. a : 10, б : 11.
240. В. П. Г р и г о р ь е в. Об интернациональной языковой форме.— «Проблемы современной филологии». Сб. к 70-летию академика В. В. Виноградова. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 97.
241. Цит. по: Э. Д р е з е н. Заменгоф как философ и моралист. — «Международный язык», 1929, № 1, стр. а : 12, б : 17, в : 14, г : 19.
242. Э. Д р е з е н. Заменгоф — инициатор и теоретик движения за международный язык.— «Международный язык», 1929, № 3.
243. Г. Д. Буржуазное эсперантское движение за 15 лет. — «Международный язык», 1932, № 9/10.
244. Люсьен Р е в о. Международный язык — орудие борьбы за единство рабочего класса. — Сб. «На путях к международному языку», стр. 64.
245. Лео Б е л ь м о н т. Первый конгресс эсперантистов. — Сб. «На путях к братству народов», стр. 87—89.
246. Р. Ц ы в и н с к и й, Г. С и к о р а. Манифест Союза социалистов-эсперантистов. Выборг, 1917, стр. 87—89.
247. «Бюллетень ЦК Союза эсперантистов Советских стран (СЭСС)». 1923, № 2 (февраль), стр. 10—11.
248. Б. Э й д е л ь м а н. Интернационализм и международный язык. К вопросу об эсперантском «безнационализме». — «Международный язык», 1929, № 3.
249. Б. Э й д е л ь м а н. К вопросу об эсперантском sennaciismo. Письмо в редакцию.— «Международный язык», 1929, № 6.
250. «Record of the UNESCO General Conference», Eight Session. Resolutions. Montevideo, 1954, p. 36.
251. «Международный язык», 1929, № 3, стр. 142.
252. Э. Д р е з е н. Язык — орудие связи.— Сб. «На путях к международному языку», стр. 15.
253. «Бюллетень ЦК СЭСС», 1923, № 3 (9), стр. 14.
254. Э. Д р е з е н. Учение Ленина в практике движения за международный язык. — «Международный язык», 1933, № 1, стр. 20—22.
255. Э. Д р е з е н. Основы языкознания, теории и истории международного языка. Пособие для кружковцев. М., изд. ЦК СЭСР, 1929, стр. 111, 24.
256. Э. Д р е з е н. Пути оформления и распространения международного языка. — «Известия ЦК СЭСР» [ежемесячный журнал], 1928, № 1/2.
257. «Международный язык», 1932, № 4, стр. 99—102.
258. Э. Д р е з е н. Очерки теории Эсперанто. М. — Лейпциг, 1931, стр. 30.
259. Анри Б а р б ю с. Письмо от 7 сентября 1928 года Нижегородской губконференции СЭСР.— «Международный язык», 1928, № 3/4, стр. 305.
260. В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., 1947, стр. а : 167, б : 428, в : 68, г : 7, 125, 137, 145, 155, 161, 166, 313, 317, 393, 401, 486.
261. Шарль Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Перев. с франц. М., ИЛ, 1935, стр. а : 394, б : 399.
262. И. В. С е р г е е в. Основы Эсперанто. М., Изд-во междунар. отношений, 1961, стр. 54.
263. L. L. Z a m e n g o f. Fundamenta krestomatio de la lingvo Esperanto. 6-ed eldono. Paris, 1903, стр.
264. «Международный язык», 1928, № 9/10, стр. 260.
265. Е. Ф. С п и р и д о в и ч. Эсперанто и печать.— Сб. «На путях к международному языку». М., 1926, стр. 54.
266. А. П. А н д р е е в. Эсперанто — воплощение принципов и элементов будущего единого языка. — «Международный язык», 1934, № 8/9.
267. С. Б у л и ч. Всемирный, или международный, язык.— «Брокгауз и Эфрон», т. 13. СПб., 1892, стр. 393.
268. [Л. Л. З а м е н г о ф]. Прибавление ко Второй книге международного языка. Варшава, 1889.

269. «La Esperantisto», Nurenbergo. 1894, № 1—6.
270. «La Esperantisto», 1894, № 11.
271. L. L. Z a m e n h o f. Antaaparolo de: «Fundamento de Esperanto Gramatiko, ekzercaro, universala vortaro». Vorsovio, julio 1905, p. V — VI, VII.
272. Д. Зеленин. Международный язык науки и культурных сношений. М., 1901 (брошюра).
273. Цит. по: «Bibliografio de internacia lingvo...», p. 459.
274. А. И од ко. В единении — сила. — «Сов. эсперантист», 1925, № 7 (23).
275. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 532.
276. Л. З а м е н г о ф. Международный язык «Эсперанто». Полный учебник. Варшава, 1895, стр. 1—2.
277. R. S t e w a r t J a q u e. One Language. Santa Barbara (USA), 1944.
278. Felice R o v a i. Message to the linguist's Congress USA, 1947 (Lithographed).
279. Fuishiki O k a m o t o. Universal auxiliary language BABM. Tokio, By the author himself, 1962.
280. Н. В. Н е с к р а с о в. Всемирная литература и всемирный язык. — Сб. «На путях к международному языку», стр. 45.
281. «Discussiones», 1910, № 4.
282. Albert-Léon G u é r a r d. A short history of the international language movement. London, 1922.
283. R. B e r g e r. L'Occidental en cinq leçons. Paris, 1934.
284. Otto J e s p e r s e n. International-deutsches' Wörterbuch. Stuttgart, 1908, S. VI.
285. M. Ad. N i c o l a s. La langue international... Extrait du volume des Comtes rendus de l'Assotiation Français pour l'Avancement des Sciences. Paris, 1908, p. 1216.
286. 2-me congrès international pour le latin vivant. Lyon — Villeurbanne du 8 au 10 Septembre 1959, p. a : 84, б : 5.
287. Жозуэ де К а с т р о. География голода. Сокр. перев. с англ. Редакция и вступит. статья Э. А. Араб-оглы. М., 1954, стр. 32.
288. Цит. по: Н. П. Е в с т и ф е е в. К вопросу о международном языке, стр. 9.
289. См.: «Esperanto, the world Interlanguage», p. 17.
290. А. Д о з а. История французского языка. Перев. с франц. М., ИЛ, 1956, стр. 457.
291. C. K. O g d e n. Debabilization. With a Survey of Contemporary Opinion of the Problem of a Universal Language. London, 1931, p. a : 13, б : 9.
292. «International English». Journal of the International English language Association, January 1956, № 1, p. 4.
293. Николас Гилльеи. Янки в Латипской Америке. — «Лит. газета», 26 февраля 1952 г.
294. Bernard S h a w. Problem of Common Language. — «Atlantic», Octobre 1950.
295. «British Esperantists», London, 1933, № 340.
296. O. J e s p e r s e n. Language, its Nature, Development and Origin. London, 1922, p. 324.
297. O. J e s p e r s e n. Efficiency in Linguistic Change. Kopenhagen, 1941, p. 30.
298. Эдуард Сепир. Язык. Введение в изучение речи. Перев. с англ. М.—Л., Соцэкгиз, 1934, стр. 96.
299. Цит. по: Ю. Р о м а н о в. Великий, но не всеобщий. — «Октябрь», 1964, № 8, стр. 184.
300. F.G. M i l l e s (Bickley). The decay of English. — «Babel», vol. 2, Mars 1956, № 1.
301. К. К а у т с к и й. Национальность нашего времени. Перев. с нем. СПб., 1905, стр. 42.

302. К. Каутский. Nationalität und Internationalität. Stuttgart, 1908. Ergänzunghefte zur «Neuen Zeit», 1907, N 1, S. 15.
303. К. Каутский. Национализм и интернационализм. Перев. с нем. Пр., изд-во «Жизнь и знание», 1918, стр. а : 37, б : 41, в : 50, г : 56.
304. А. Шлейхер. Теория Дарвина в применении к науке о языке. — «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков». М., Учпедгиз, 1956, стр. а : 98 и др., б : 100.
305. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 391.
306. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 179.
307. А. Богданов, И. Степанов. Курс политической экономии, т. 2, вып. 4. М., Госиздат, 1919, стр. 198—199.
308. А. Богданов. Всеобщая организация труда (тектология), ч. 1—2. СПб., 1913, стр. 14.
309. А. Богданов. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. Изд. 2. М., 1918, стр. 231.
310. А. Богданов. О пролетарской культуре. Сб. статей 1904—1918 гг. М.—П., 1919, стр. а : 328, б : 329—330, в : 330—331, г : 332.
311. А. Богданов. Конспекты общих лекций для студийцев пролеткульта, вып. 2. Экономика и культурное развитие. Ростов-на-Дону, Госиздат, 1920.
312. Цит. по: «Международный язык», 1928, № 9—10, стр. 266.
313. Д. Заславский. Великий язык нашей эпохи. — «Лит. газета», 1 января 1949 г.
314. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III. М., Госполитиздат, 1962, стр. 314.
315. И. К. Белодед, А. С. Мельничук. Вопросы развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму. — «Вопросы языкознания», 1959, № 5.
316. К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. Диссертация. Ин-т философии АН СССР. М., 1963, стр. 514—515.
317. К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. Автореферат. М., 1963, стр. 19.
318. В. В. Виноградов, Б. А. Серебряников, В. В. Решетов, Ю. Д. Дешериев, П. Н. Скорян. Основные итоги разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР. — «Всесоюзная конференция, посвященная закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». Тезисы докладов. Алма-Ата, Изд-во АН Казахской ССР, 1962, стр. 9.
319. Артур Кларк. Четыре страницы о будущем. Перев. с англ. — «Известия», 18 мая 1955 г.
320. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 295.
321. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 43.
322. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 110.
323. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 53, стр. 190.
324. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 150.
325. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. а : 118, б : 144, в : 131.
326. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., Госполитиздат, 1957, стр. 56—57.
327. «Москва, 1921 год». — «Известия», 27 сентября 1964 г.
328. Г. Башкиров. Не фантастика, не мистика, не гипноз. — «Лит. газета», 18 февраля 1964 г.; И. Пушкина, В. Зухарь. Гипнозедия — это серьезно. — «Лит. газета», 27 февраля 1965 г.
329. Н. Я. Марр. Язык и мышление. Избранные работы, т. 3. М.—Л., Соцэкгиз, стр. а : 111—112, б : 121.
330. А. А. Холодович. Марксистская лингвистика и ее «левые» критики. — «Звезда», 193., № 12, стр. а : 183, б : 186.
331. В. А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни

- и деятельности. Изд. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. а : 407, б : 446, в : 360.
332. В. И. А б а е в. Еще раз о языке как идеологии и как технике.— Сб. «Язык и мышление», т. VI—VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 6.
333. В. И. А б а е в. Н. Я. М а р р (1864—1934). К 25-летию со дня смерти.— «Вопросы языкознания», 1960, № 11.
334. Н. Я. М а р р. Общий курс учения о языке. Избранные работы, т. 2, стр. а : 115, б : 26, в : 26—27, г : 25.
335. Фердинанд де С о с с ю р. Курс общей лингвистики. Перев. с франц. М., Соцэкгиз, 1933, стр. а : 34, 82 л др., б : 33, в : 85, г : 102, д : 83, д : 77—99.
336. Н. Я. М а р р. Предисловие в сб. «Языковедение и материализм». Избранные работы, т. 2, стр. 245.
337. Н. Я. М а р р. К происхождению языка. Избранные работы, т. 1. Л., Изд-во ГАИМК, 1933, стр. а : 218, б, в, г : 220.
338. Н. Я. М а р р. Язык и современность. Л., Соцэкгиз, 1932, стр. 210.
339. Н. Я. М а р р. К вопросу о едином языке. Избранные работы, т. 2, стр. а, д : 394, б : 397, в, г : 398.
340. Н. Я. М а р р. Об яфетической теории. Избранные работы, т. 3, стр. 34.
341. Н. Я. М а р р. Язык. Избранные работы, т. 2, стр. 135.
342. Н. Я. М а р р. К реформе письменности и грамматики. Избранные работы, т. 2, стр. 376.
343. Н. Я. М а р р. Абхазский аналитический алфавит. Избранные работы, т. 2, стр. 328.
344. Н. Я. М а р р. Письмо и язык. Избранные работы, т. 2, стр. 391.
345. Н. Я. М а р р. Автобиография. Избранные работы, т. 1, стр. а : 12, б : 13.
346. Н. Я. М а р р. Книжные легенды. Избранные работы, т. 5. стр. 14.
347. И. И. Ц у к е р м а н. Крупнейший советский языковед Н. Я. Марр. К 85-летию со дня рождения. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 6 и др.
348. В. Г у м б о л д т. О различном строении языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. — «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков». М., Учпедгиз, стр. а : 69, б : 73.
349. Г. П а у л ь. Принципы истории языка. Перев. с нем. М., 1960, стр. 50.
350. Н. Я. М а р р. Основные достижения яфетической теории. Избранные работы, т. 1, стр. а : 213—214, б : 216, в : 214, г : 216.
351. И. С т а л и н. Сочинения, т. 11. М., Госполитиздат, 1949, стр. а : 348—349, б : 343, в : 349.
352. И. С т а л и н. Вопросы ленинизма, изд. 10. М. Госполитиздат, 1938, стр. 431.
353. Н. Я. М а р р. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. Избранные работы, т. 1, стр. 274.
354. И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, 1951, стр.: а : 54, б : 53—54, в : 21.
355. А. С. Ч и к о б а в а. Новый путь советского языкознания. — «Большевик», 1951, № 12.
356. А. С. Ч и к о б а в а. Введение в языкознание. М., Учпедгиз, 1953, стр. а : 11, б : 114.
357. Ари. Ч и к о б а в а. О некоторых вопросах советского языкознания. — «Правда», 9 мая 1950 г.
358. Л. Б у л а х о в с к и й. На путях материалистического языковедения. — «Правда», 13 июня 1950 г.
359. Т. С. Ш а р а д з е н и д з е. Процесс дифференциации и интеграции языков в свете учения И. В. Сталина. — «Вопросы языкознания», 1952, № 1.
360. Т. С. Ш а р а д з е н и д з е. Тезисы доклада... (Тезис 6-й). — «Открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам

- языкознания. 28—30 июня 1951 года». Тезисы докладов. М., Изд-во АН СССР, 1951.
361. И. И. Мещанинов. Новое учение о языке. Киев, изд-во «Радянська школа», 1949, стр. 45.
362. Х. Гадоев. Торжество ленинской национальной политики КПСС. Душанбе, Таджикгосиздат, 1962, стр. 159, 160, 161, 163.
363. Э. Б. Агаян. Введение в языкознание. Изд-во Ереванского ун-та, 1959, стр. 350.
364. [Коллектив авторов]. Основы научного коммунизма. М., Политиздат, 1966, стр. 447—448.
365. В. В. Акулевко. Существует ли интернациональная лексика? — «Вопросы языкознания», 1961, № 3.
366. Р. Раск. Исследования в области древнесеверного языка или происхождение исландского языка. Перев. с нем. — «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», стр. 37.
367. В. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. П. Сидоров. Проблема образования и развития языковых семей. — «Вопросы языкознания», 1952, № 1.
368. В. С. Расторгуева. Об устойчивости морфологической системы языка. — Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., Изд-во АН СССР, 1952.
369. Ю. Д. Дешериев. О взаимодействии древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков. — Сб. «Вопросы теории и истории языка...», стр. 465, 472, 475.
370. Б. А. Серебренников. Об устойчивости морфологической системы языка. — Сб. «Вопросы теории и истории языка...», стр. 205, 207.
371. В. В. Виноградов. Великий русский язык. М., Гослитиздат, 1945, стр. 158—161.
372. Б. А. Серебренников. Проблема субстрата. — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания». М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 337.
373. М. Ф. Лепешко. Теоретические позиции основоположника японской научной грамматики Ямада Ёсио. — «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1958, стр. 204—207.
374. В. В. Виноградов. О трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания. — Сб. стенограмм публичных лекций. М., изд-во «Правда», 1951, стр. 37.
375. В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. Изд-во Московского ун-та, 1962, стр. а : 186, б : 152—162.
376. А. А. Рогов. Фотосъемка под водой. М., Изд-во АН СССР, 1964.
377. М. Я. Немировский. Способы обозначения пола в языках мира. — Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра». М. — Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 224.
378. А. А. Дементьев. О женских соответствиях к мужским наименованиям действующих лиц. — «Русский язык в школе», 1954, № 6, стр. 11.
379. А. В. Миртов. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны. — «Вопросы языкознания», 1954, № 1.
379. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 427.
380. К. И. Бахман. К проблеме соотношения стихийных и целенаправленных процессов в развитии языка. — «Вопросы языкознания», 1965, № 3, стр. 45.
381. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 62. М., ГИХЛ, 1953, стр. 438.
382. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 9. СПб., 1906, стр. 138—139.
383. «Искусственные языки». — Большая Советская Энциклопедия, т. 18.
384. П. Н. Денисов. Принципы моделирования языка (на материале

- вспомогательных языков для автоматического поиска и моделирования). Под ред. и со вступит. статьей проф. О. С. Ахмановой. Изд-во Московского ун-та, 1965, стр. 10.
385. А. М. Кондратов. Звуки и знаки. М., изд-во «Знание», 1966, стр. 130—131.
 386. А. А. Реформатский. Введение в языковедение. Учебное пособие для педагогич. вузов. М., Учпедгиз, 1955, стр. 391.
 387. С. Л. Соболев. Да, это вполне серьезно! — «Лит. газета», 2 июня 1962 г.
 388. Б. М. Кедров. Естественное и искусственное в познании и деятельности человека. — «Вопросы философии», 1959, № 11, стр. 18.
 389. Г. Штейнвальд. Грамматика, логика и психология. Перев. с нем. — «Хрестоматия по истории языковедения XIX—XX веков», стр. а : 110, б : 109.
 390. Поль Лафарг. Язык и революция. Французский язык до и после революции. Перев. с франц. М.—Л., Изд-во «Academia», 1930, стр. 30.
 391. И. Б[одуэн] де Куртене. Язык и языки. «Брокгауз и Эфрон», т. 16, 1904, стр. 542.
 392. О. Jespersen. Nature and Art in Language. — «Linguistica», 1933.
 393. См.: Н. Ляйтвиненко. Эсперанто. Со вступительной заметкой М. Горького. Чебоксары, 1923.
 394. Максим Горький. Об искусственности языка (письмо белорусским эсперантистам). — «Известия ЦК СЭСР», 1928, № 3/4.
 395. См. «Хрестоматия по истории языковедения XIX—XX веков», стр. 16.
 396. Edvard Saari. La problemo di internaciona lingvo helpanta. Traduko da A. Z. Ramstedt [на Идо]. Stockholm, 1927.
 397. Цит. по: М. Шагинян. Гёте. М., Изд-во АН СССР, 1950, стр. а : 23, б : 12.
 398. Цит. по: В. В. Виноградов. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. — Сб. «Вопросы языковедения в свете трудов И. В. Сталина». Изд-во Московского ун-та, 1952, стр. 163.
 399. Цит. по: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. Изд. 3. М., Учпедгиз, 1938.
 400. А. С. Будилович. Образование литературных языков и их значение в истории. Оттиск «Ученых записок Юрьевского ун-та», 1893, № 2, стр. 3.
 401. М. Горький. Собрание сочинений, т. 24, стр. 491.
 402. Яков Гримм. О происхождении языка. Перев. с нем. — «Хрестоматия по истории языковедения XIX—XX веков», стр. 55.
 403. И. Бодуэн де Куртене. Языковедение. — «Брокгауз и Эфрон», т. 16, 1904.
 404. «Вопросы формирования и развития национальных языков», т. X. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 301.
 405. Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, т. 1. Киев, изд-во «Радянська школа», 1941.
 406. Ж. Вандриес. Язык. Перев. с франц. М., Соцэкгиз, 1937, стр. 217.
 407. Г. Д. Санжеев. Образование и развитие национальных языков. — Сб. «Вопросы языковедения в свете трудов И. В. Сталина», стр. 355.
 408. Н. А. Баскаков. Развитие языков и письменности народов СССР. — «Вопросы языковедения», 1952, № 3, стр. 37.
 409. Сб. «Развитие современного русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1963.
 410. К. Федиен. Собрание сочинений в девяти томах, т. 9, стр. 667.
 411. Геннадий Фитс. Норвегия рядом. М., изд-во «Сов. писатель», 1963, стр. 158—172.
 412. Edvard P. Fosterv. Roup English key to the world language. The Ro Language Society, Waverly, West Virginia, USA, 1921.
 413. М. М. Маковский. К проблеме так называемой «интернациональной» лексики. — «Вопросы языковедения», 1960, № 1.

414. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения т. 3, стр. а : 427, б : 424.
415. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 644.
416. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., Госполитиздат, 1953, стр. 461.
417. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2, стр. 469.
418. «Procès-verbaux du congrès de l'Association International des Travailleurs reuni a Lausanne der 2 ou 8 septembre 1867». Chaux-de-Fonds, 1867, p. 52.
419. Джемс Гильон. Интернационал. Воспоминания и материалы. 1864—1878. Перев. с франц. Пг.— М., книгоизд-во «Голос жизни», 1922, стр. 70.
420. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». Под ред. Бела Куна. М., Партиздат, 1933, стр. 15, 16.
421. Анри Барбюс. Письма о международном языке. М., Эсперанто-изд-во «La nova eroko», 1924, стр. а : 8, б : 2.
422. Цит. по: «Международный язык», 1928, № 9/10, стр. 305.
423. И. Эренбург. А все-таки она вертится.— Цит. по: «Международный язык», 1919, № 8.
424. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 422.
425. К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М., Политиздат, 1966, стр. а : 86, б : 6.
426. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2, стр. 485.
427. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2, стр. 342—343.
428. А. А. Реформатский. Выступление на дискуссии по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого Совета Ленинградского отделения Ин-та языкознания АН СССР. — «Лексикографический сборник», вып. 4. М., 1960, стр. 90.
429. К. Айвазян. О специфике проявления законов диалектики в развитии языка. — «Известия АН Армянской ССР», 1952, № 12.
430. Л. В. Щербачев. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», стр. 257.
431. В. Н. Ярцева. Развитие системы языка. — Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», стр. 97.
432. А. С. Чикобава. Проблема языка как предмета языкознания — на материале зарубежного языкознания. М., Учпедгиз, 1959, стр. 118.
433. Б. П. Ардентов. Введение в языкознание. Курс лекций, прочитанных в Кишиневском ун-те в 1960/61 уч. году. Кишинев, 1961, стр. а : 77, б : 78.
434. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. а : 316, б : 317, в : 203, г : 207.
435. Б. М. Кедров. О путях перехода от старого качества к новому. — Сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма...», вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 110.
436. Г. Ф. Александров. Их объединяет борьба за мир. — «Известия», 13 августа 1950 г.
437. H. Schuchardt. Aus Anlass des Volapüks. Berlin, 1888, S. 31.
438. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 297.
439. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 84.
440. Иоганн Петер Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.— Л., изд-во «Academia», 1934, стр. 334—335.
441. Цит. по: В. И. Венгров. Омо — язык человека, стр. 25.
442. Г. Д. Санжеев. О специфике качественных изменений в языке. — «Вопросы языкознания», 1951, № 4.
443. «Вопросы языкознания» 1952, № 2, стр. 24.
444. Б. Кедров. О формах скачка в развитии природы и общества. — «Большевик», 1951, № 15, стр. 14, 9.
445. «Вопросы философии», 1951, № 5, стр. 199 и др.

446. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 205.
447. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 296.
448. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1951, стр. 321.
449. И. Сталин. Сочинения, т. 12, стр. 369.
450. Н. Гаджиев. Культуры социалистических наций, их настоящее и будущее. — «Коммунист», 1962, № 1, стр. 66—67.
451. А. Е. Мординов. О социалистическом содержании и национальной форме культуры. М., Госполитиздат, 1959, стр. 216, 218.
452. Н. Джусойты. Авторитетна только истина. — «Лит. газета», 16 января 1965 г.
453. В. А. Аврорин. Язык и культура. — Сб. «Теоретические проблемы советского языкознания». М., Изд-во АН СССР, 1964, стр. 114—119.
454. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 75.
455. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 256.
456. Отто Бауэр. Национальный вопрос и социал-демократия, ч. 1. Нация. Перев. с нем. СПб., 1919. стр. а : 148, б : 193.
457. Э. Бернштейн. Очерки из истории и теории социализма. Перев. с нем. СПб., 1902.
458. А. А. Потемня. Полное собрание сочинений, т. 1. Изд. 5. Киев, Госиздат Украины, 1926, стр. 180 и др.
459. «Der Neue Weg», [М.], 1926, № 5/6.
460. «Русские писатели о языке (XVIII—XX века)». М., изд-во «Сов. писатель», 1954, стр. 329, 330.
461. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 369.
462. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 22.
463. А. Е. Кайханиди. Ленинская теория и программа по национальному вопросу. Минск, Госиздат БССР, 1962, стр. 18, 19 и др.
464. А. А. Архангельский. Племя, народность, нация. М., изд-во «Московский рабочий», 1961.
465. В. Алексеев. Род, племя, народность, нация. М., Госполитиздат, 1962, стр. 50, 51.
466. «От средневековья к вершинам прогресса». М., изд-во «Наука», 1965, стр. 259.
467. Я. Лоя. [Все]общий язык. — «Международный язык», 1934, № 5.
468. В. П. Григорьев. Культура языка и языковая политика. — «Вопросы культуры речи», вып. 4. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 13—14, 19, 21.
469. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. а : 5, б : 4.
470. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 75.
471. О. С. Ахманова, Е. А. Бокарев. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема. — «Вопросы языкознания», 1956, № 6.
472. В. П. Григорьев. О некоторых вопросах интерлингвистики. — «Вопросы языкознания», 1966, № 1.
473. «Проблемы структурной типологии и восточные языки». Материалы совещания. М., изд-во «Наука», 1963, стр. 31, 32.
474. Ф. П. Филин. К проблеме социальной обусловленности языка. — «Вопросы языкознания», 1966, № 4, стр. 36.
475. Б. Дельбрюк. Введение в изучение индоевропейских языков. Перев. с нем. — «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», стр. 183.
476. Г. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию. Перев. с нем. М., ИЛ, 1950, стр. 53.
477. Г. Оттофф, К. Бругман. Предисловие к кн. «Морфологические исследования в области индоевропейских языков». Перев. с нем. — «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», стр. 154.
478. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Перев. с франц. М. — Л., Соцгиз, 1938, стр. а : 205 и др., б : 64.

479. «Сессия отделений общественных наук АН СССР...». Сборник материалов». М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 47.
480. В. Д. Л е в и н. Дискуссия о внутренних законах развития языка.— «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 243; М. М. О р л о в. Дискуссия о внутренних законах развития языка... Там же.
481. В. В. В и н о г р а д о в. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания. — «Вопросы языкознания», 1952, стр. 15, 31, 32.
482. Б. А. С е р е б р е н н и к о в, М. М. Г у х м а н, В. А. З в е г и н ц е в, П. С. К у з н е ц о в. Теоретические вопросы языкознания. — «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», т. 18, вып. 3. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 213.
483. Г. В. П л е х а н о в. Избранные философские произведения, т. III. М., Госполитиздат, 1957, стр. 148.
484. В. М. Ж и р м у н с к и й. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии. — «Труды Ин-та языкознания», т. 4. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 75.
485. Б. А. С е р е б р е н н и к о в. К выяснению сущности внутренних законов развития языка. — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР». М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 6—8, 18.
486. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 2, стр. 132.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакторов	3
Предисловие	6
Глава первая	
ЖИЗНЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	13
Глава вторая	
ЧЕТЫРЕХВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ПОПЫТОК СОЗДАНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА	76
Глава третья	
ЭСПЕРАНТО И ТЕОРИЯ ДВУХ ВСЕОБЩИХ ЯЗЫКОВ, ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО И ЕДИНОГО	123
Глава четвертая	
ТЕОРИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО ЯЗЫКА ИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ	155
Глава пятая	
ТЕОРИЯ ВСЕМИРНОГО СЛИЯНИЯ ЯЗЫКОВ	180
Глава шестая	
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ ПРОТИВ ИСКУССТВЕННОГО ВСЕОБЩЕГО ЯЗЫКА	212
Глава седьмая	
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА	236
Заключение	267
Перечень цитированной и использованной литературы	269

Эрмър Павлович Сवादост-Истомин
КАК ВОЗНИКНЕТ ВСЕОБЩИЙ ЯЗЫК?

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР

Редактор *Н. И. Кондаков*

Художник *Б. Шаповалов*

Технические редакторы *В. Прилепская* и *С. Г. Тихомирова*

Сдано в набор 17/II 1967 г. Подписано к печати 6/XII 1967 г.

Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 20,1.

Тираж 11500 экз. Т-13029. Тип. зак. 2357

Цена 1 р. 72 к.

Издательство «Наука» Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
15	21 сн.	«эксперантоиды»	«эсперантоиды»
83	11 сн.	предано	придано
101	9 сн.	А. И.	И. А.
103	20 св.	Шлейхера	Шлейера
118	12 св.	мире	мере
163	20 св.	wont	wapt
234	11 св.	морфемы	их морфемы

Э. П. Свэдест